

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
URAL HISTORICAL JOURNAL

№ 1 (74), 2022

Ural Historical Journal № 1 (74), 2022

Ekaterinburg

12+

Published from 1994 r.

ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceskij vestnik)

EAN-13: 9771728971668

Registered with the Federal Service for Supervision of Compliance with Mass Media Law and Cultural Heritage Protection

(ПИ № ФС77-26548, 2006, 10 November)

Russian Press Catalogue index — 72574

Academic publication of papers by the Russian and foreign historians, archaeologists and ethnologists. The publication covers research on the topical issues of the Russian history in the civilizational and geopolitical dynamics, theories and methods of historical and anthropological studies

Founder

Federal state budgetary institution of science

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Editor

Igor V. Poberezhnikov

Editorial board

Irek R. Atnagulov, Eugeniy T. Artemov (deputy editor), Igor L. Zherebtsov, Konstantin I. Zubkov, Vladimir A. Iljinykh, Gennady E. Kornilov, Ludmila N. Koryakova, Vadim S. Mosin, Eugeniy G. Neklyudov, Olga S. Porshneva, Dmitry A. Redin, Igor V. Silantev, Tatiana A. Snigireva, Elena K. Sozina, Andrei V. Speransky, Natalia V. Surzhikova, Dmitriy V. Timofeev, Natalia M. Chairkina, Alexander F. Shorin, Galina A. Yankovskaya

Secretary

Natalia A. Babenkova

Editorial council

Veniamin V. Alekseev (Russia), Leonid I. Borodkin (Russia), Andrei V. Golovnev (Russia), Zhang Guangxiang (China), Nikolai N. Kradin (Russia), Rudiger Krause (Germany), Vyacheslav I. Molodin (Russia), Hiroshi Okuda (Japan), Lorina P. Repina (Russia), Gyula Szvák (Hungary), Charles Stepanoff (France), Valery A. Tishkov (Russia)

Publisher and editorial office address

620108, Ekaterinburg, S. Kovalevskoy str., 16

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

uralhist.uran.ru

UI_vestnik@mail.ru

Уральский исторический вестник № 1 (74), 2022

Екатеринбург

12+

Выходит с 1994 г.

ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceskij vestnik)

EAN-13: 9771728971668

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-26548 от 10 ноября 2006 г.)

Индекс по Каталогу российской прессы — 72574

Научное издание трудов российских и зарубежных историков, археологов и этнологов. Представляет актуальные проблемы истории России в цивилизационной и геополитической динамике, теории и методы исторического познания

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Главный редактор

д.и.н. И. В. Побережников

Редакционная коллегия

д.и.н. И. Р. Атнагулов, д.и.н. Е. Т. Артёмов (зам. гл. ред.), д.и.н. И. Л. Жеребцов, к.и.н. К. И. Зубков, д.и.н. В. А. Ильиных, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Л. Н. Корякова, д.и.н. В. С. Мосин, д.и.н. Е. Г. Неклюдов, д.и.н. О. С. Поршнева, д.и.н. Д. А. Редин, д.филол.н. И. В. Силантьев, д.филол.н. Т. А. Снигирева, д.филол.н. Е. К. Созина, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. Н. В. Суржикова, д.и.н. Д. В. Тимофеев, д.и.н. Н. М. Чаиркина, д.и.н. А. Ф. Шорин, д.и.н. Г. А. Янковская

Ответственный секретарь

Н. А. Бабенкова

Редакционный совет

акад. РАН В. В. Алексеев, чл.-корр. РАН Л. И. Бородкин, чл.-корр. РАН А. В. Головнёв, проф. Чжан Гуансян (Китай), чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, проф. Р. Краузе (Германия), акад. РАН В. И. Молодин, проф. Х. Окуда (Япония), чл.-корр. РАН Л. П. Репина, проф. Д. Свак (Венгрия), проф. Ш. Степановф (Франция), акад. РАН В. А. Тишков

Адрес издателя и редакции

620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

uralhist.uran.ru

UI_vestnik@mail.ru

CONTENTS

INCOME INEQUALITY OF RUSSIA'S POPULATION IN THE 20TH CENTURY

<i>D. V. Didenko</i> . Secular trends of income inequality in Russia: a comparative analysis of the statistical dynamics	6
<i>A. K. Kirillov, M. D. Sorokin</i> . Inequality in an early 20 th century Siberian city according to the data of population registration for the apartment tax calculation (Barnaul, 1910)	16
<i>L. I. Borodkin</i> . Wage differentiation of industrial workers at the end of the NEP: between “equalization” and labor incentives	27
<i>I. M. Garskova</i> . Dynamics of wages inequality in Soviet industry in the NEP years: a comparative analysis	38
<i>V. N. Vladimirov, N. V. Nezhentseva, A. S. Shchetinina</i> . Wage differentiation among workers in the Siberian krai during the NEP period (1925–1929)	51
<i>E. G. Vodichev</i> . Economic inequality and Soviet egalitarianism: the ideas and ideals from Stalin to Khrushchev	63
<i>M. A. Klinova</i> . The policy of remuneration of the RSFSR’s urban dwellers in 1946–1953: a mobilization tool and material inequality factor	72

ACTORS AND LANDSCAPES IN COLONIZATION PROCESSES

<i>I. L. Mankova</i> . The Tobolsk Bishop’s house as the actor of the colonization of Siberia in the 17 th century	82
<i>V. A. Slugina</i> . Practices of obligating the peoples of Siberia by the oath of allegiance in the 17 th century	92
<i>N. V. Kabakova, S. N. Korusenko</i> . Colonization practices concerning land dispute resolution at the turn of the 17 th –18 th centuries (based on the Tara area of the Irtysh region data)	101
<i>S. V. Turov</i> . Floods in Western Siberia in the context of natural and economic relationship (18 th – early 20 th century)	109
<i>A. T. Zhanisov, S. Z. Razdykov</i> . The Kazakhs in the zone of the Irtysh frontier: transformation of economic activities of Kazakhs-cattle breeders in the modern times	116
<i>V. N. Razgon</i> . Adaptation of the Stolypin reforms settlers in the Altai okrug (on the materials of the 1917 All-Russian agricultural census)	125
<i>O. Yu. Nikonova, A. A. Timofeev</i> . Railway and migration in the county city of Chelyabinsk in the late 19 th – early 20 th century	137

CULTURAL CODES IN HISTORY

<i>O. K. Ermakova</i> . Contracts with foreigners in the first quarter of the 19 th century Russia: development of contractual relations and evolution of legal consciousness	147
<i>O. N. Yakhno</i> . A scientific approach to nutrition in the Russian gastronomic culture at the turn of the 19 th –20 th centuries	155
<i>A. S. Ivanov, V. V. Rashevsky</i> . The North in the “big” and “grand” narratives of geological exploration	164
<i>E. A. Kochetkova</i> . Notions of Siberia’s industrial forests among specialists in the USSR, late 1940s–1991	173

PAGES OF RUSSIA'S POLITICAL HISTORY

<i>V. M. Rynkov</i> . Legal regulators of commercial and industrial activity in the East of Russia (summer 1918 – autumn 1922)	181
<i>S. V. Vorobyev</i> . The 1928–1929 Nadezhdinsk case: confrontation between the Tagil district party committee and the Ural regional committee of the VKP(b)	190

СОДЕРЖАНИЕ

НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XX ВЕКЕ

<i>Д. В. Диденко.</i> Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики	6
<i>А. К. Кириллов, М. Д. Сорокин.</i> Неравенство в сибирском городе начала XX в. по данным учета населения в целях обложения квартирным налогом (Барнаул, 1910 г.)	16
<i>Л. И. Бородкин.</i> Дифференциация заработной платы промышленных рабочих на закате нэпа: между «уравниловкой» и стимулированием труда	27
<i>И. М. Гарскова.</i> Динамика неравенства в оплате труда в отраслях советской промышленности в годы нэпа: сравнительный анализ	38
<i>В. Н. Владимиров, Н. В. Неженцева, А. С. Щетинина.</i> Дифференциация заработной платы рабочих Сибирского края в период нэпа (1925–1929)	51
<i>Е. Г. Водичев.</i> Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева	63
<i>М. А. Клинова.</i> Политика оплаты труда горожан РСФСР в 1946–1953 гг.: мобилизационный инструмент и фактор материального неравенства	72

АКТОРЫ И ЛАНДШАФТЫ В ПРОЦЕССАХ КОЛОНИЗАЦИИ

<i>И. Л. Манькова.</i> Тобольский архиерейский дом как актер колонизации Сибири в XVII в.	82
<i>В. А. Слугина.</i> Практики установления присяжных обязательств народов Сибири в XVII в.	92
<i>Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко.</i> Колонизационные практики разрешения споров о земле на рубеже XVII–XVIII вв. (на примере Тарского Прииртышья)	101
<i>С. В. Туров.</i> Наводнения в Западной Сибири в контексте природно-хозяйственных взаимосвязей (XVIII — начало XX в.)	109
<i>А. Т. Жанисов, С. З. Раздыков.</i> Казахи в зоне иртышского фронта: трансформация хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов в новое время	116
<i>В. Н. Разгон.</i> Адаптация «стольпинских» переселенцев на Алтае (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)	125
<i>О. Ю. Никонова, А. А. Тимофеев.</i> Железная дорога и миграция в уездном городе Челябинске в конце XIX — начале XX в.	137

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ИСТОРИИ

<i>О. К. Ермакова.</i> Контракты с иностранцами в России первой четверти XIX в.: развитие договорных отношений и эволюция правосознания	147
<i>О. Н. Яхно.</i> Научный подход к организации питания в русской гастрономической культуре рубежа XIX–XX вв.	155
<i>А. С. Иванов, В. В. Рашевский.</i> Север в «больших» и «великих» нарративах геологического освоения	164
<i>Е. А. Кочеткова.</i> Представления о промышленных лесах Сибири среди специалистов СССР в конце 1940-х — 1991 гг.	173

СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>В. М. Рышков.</i> Правовые регуляторы торгово-промышленной деятельности на востоке России (лето 1918 — осень 1922 г.)	181
<i>С. В. Воробьев.</i> Надеждинское дело 1928–1929 гг.: конфронтация между Тагильским окружкомом партии и Уральским обкомом ВКП(б)	190

Д. В. Диденко

ВЕКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15

УДК 94(470):338.001.36

ББК 63.3(2)6+65.03(2)6

В статье систематизируются и оцениваются созданные за последние 25 лет длинные ряды данных о неравенстве доходов в России/СССР. Обсуждаются источниковедческие и методологические проблемы, которые возникают в процессе конструирования таких рядов и их интерпретации. Оценки тенденций динамики неравенства доходов, содержащиеся в рассматриваемых работах, сопоставляются с результатами исследований в литературе по теме. В частности, подвергаются критике завышенные оценки индикаторов неравенства доходов и богатства в дореволюционной и постсоветской России в исследовании Т. Пикетти и его учеников Ф. Новокмета и Г. Зюкмана. Ставятся под сомнение их заниженные оценки неравенства доходов в советский период. Одновременно подтверждается их оценка сопоставимости уровней неравенства в начале XX в. и в начале XXI в., которые соответствуют институциональной среде рыночной экономики на стадии ранней индустриальной модернизации. Обосновываются дополнения последними значениями длинных рядов данных и пересмотр отдельных оценок, сделанных в работах Д. В. Диденко и соавторов. В одном случае речь идет о расчетах дифференциала заработной платы «работники интеллектуального труда / рабочие в промышленности» в пересчете на 1 год образования в организованных формах. Этот показатель рассматривается как прокси-индикатор неравенства доходов, основанный на теории человеческого капитала и имеющий сравнительно надежные статистические свидетельства за период с 1913 по 2019 гг. В другом случае предлагается ряд неравенства по заработным платам за период 1968–2019 гг. со смыканием скорректированных оценок из исследовательской литературы по позднему СССР и данных Росстата. Первые корректируются в сторону повышения, учитывая эффекты немонетарных привилегий элиты. Намечается ряд перспективных направлений в создании длинных рядов данных по теме.

Ключевые слова: длинные ряды исторических данных, экономическая история России, человеческий капитал, институты, индекс Джини, дифференциал оплаты труда

Вопрос экономического неравенства в нашей стране всегда вызывал общественный и научный интерес. Об этом свидетельствуют, в частности, издание необычно высокими для научного труда тиражами и перевод на несколько десятков языков (в том числе русский) книги «Капитал в XXI веке»,¹ публикация работы известного французского экономиста Т. Пикетти и его учеников Ф. Новокмета и Г. Зюкма-

на² (далее — команда Пикетти) о вековом тренде неравенства доходов в России, а также их широкое междисциплинарное обсуждение.

В этой статье мы систематизируем информацию о длинных рядах данных, характеризующих динамику неравенства доходов в России/СССР, и дополняем последними значениями ряды, сконструированные в работах Д. В. Диденко и соавторов.³ В одном случае речь идет о расчетах дифференциала заработной платы «работники интеллектуального

¹ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015.

Диденко Дмитрий Валерьевич — д.э.н., к.и.н., в.н.с., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-908)

Автор выражает благодарность Л. И. Бородкину и другим участникам семинара в Центре экономической истории Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова за полезные идеи при обсуждении материалов к статье, а также анонимным рецензентам за конструктивные предложения

² Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016 // Journal of Economic Inequality. 2018. Vol. 16, iss. 2. P. 189–223. Т. Пикетти, в свою очередь, является учеником известного исследователя проблем экономического неравенства Э. Аткинсона, уделявшего внимание и отечественной проблематике (Atkinson A. B., Micklewright J. Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income. Cambridge, 1992).

³ Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4, iss. 2. P. 127, 131. Supplementary Data. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122> (дата обращения: 15.09.2021); Диденко Д. В. Интеллектуальноемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015. С. 174–176.

труда / рабочие в промышленности» в пересчете на 1 год образования, полученного в организованных формах. Он рассматривается как прокси-индикатор неравенства доходов, имеющих сравнительно надежные статистические свидетельства за период продолжительностью более века и основанный на теории человеческого капитала. Эта теория объясняет дифференциацию трудовых доходов различиями в производительности работников, которые вытекают из различий в их квалификациях и навыках, полученных в результате образования и опыта работы.⁴ В другом случае предлагается ряд неравенства по заработным платам со смыканием данных Росстата и оценок из исследовательской литературы в отношении периода позднего СССР с корректировкой этих оценок в сторону повышения. Таблицы с соответствующими значениями показателей неравенства и их источниками приведены в наборе данных в формате MS Excel.⁵

В середине 1990-х гг. в распоряжении экономических историков имелись ряды по неравенству доходов только за послевоенный советский период. В статье А. Бергсона были представлены децильные коэффициенты по заработным платам, сопоставимые за период 1946–1981 гг., децильные коэффициенты и индексы Джини по совокупным доходам за отдельные годы внутри периода 1960–1970-х гг.⁶ В монографии Э. Аткинсона и Дж. Миклрайта были представлены индексы Джини по заработным платам за период 1968–1989 гг., децильные коэффициенты по заработным платам за период 1956–1989 гг., сопоставимые децильные распределения и индексы Джини по совокупным доходам за период 1981–1989 гг.⁷ Их оценки основывались как на официальных данных ЦСУ СССР, опубликованных в конце 1980-х гг. в сборниках «Народное хозяйство СССР» (с 1968 г. по заработным платам и с начала 1980-х гг. по совокупным доходам), так и на расчетах в советской исследовательской литературе, основанных на неопубликованных данных того же ЦСУ и ЦУНХУ Госплана СССР.

⁴ См.: Там же. С. 96–98.

⁵ Диденко Д. Ряды данных о вековых тенденциях неравенства доходов в России. URL: https://www.researchgate.net/publication/357936039_Time_series_on_secular_trends_of_income_inequality_in_Russia_in_Russian_Rady_dannyh_o_vekovyh_tendenciah_neravenstva_dohodov_v_Rossii (дата обращения: 15.09.2021).

⁶ См.: Bergson A. Income Inequality under Soviet Socialism // Journal of Economic Literature. 1984. Vol. 22, № 3. P. 1052–1099.

⁷ См.: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

За прошедшие 25 лет тематические исследования и создание информационных ресурсов заметно продвинулись. Самыми ранними по времени стали работы авторов, аффилированных с Всемирным банком.

В межстрановом наборе данных К. Дайнингера и Л. Сквайра,⁸ в котором отражен преимущественно период после Второй мировой войны (по Японии с 1890 г.), Россия не была представлена, а по бывшему СССР сведения приводились лишь с 1980 по 1995 гг.⁹

В наборе Ф. Бургиньона и К. Моррисона¹⁰ распределение доходов по децильным группам, выполненное за отдельные годы, экстраполировалось на длительные хронологические периоды. Это давало лишь очень приближенное представление о долгосрочных тенденциях неравенства в России/СССР. В отношении советского периода Ф. Бургиньон и К. Моррисон использовали сделанные ранее оценки последнего автора,¹¹ которые, в отличие от других работ по данной тематике, учитывали эффект неравного доступа к благам со стороны привилегированных групп населения (см. ниже).

Одновременно Всемирный банк провел серию крупных обследований, которые позволили сформировать альтернативные оценки неравенства доходов в постсоветской России (с 1988 г.). Единый ряд сопоставимых оценок в его базе данных покрывает период с 1993 по 2018 гг.¹² Эта работа во многом велась под научным руководством Б. Милановича, создавшего тематический информационный ресурс с объединением внутристрановых исторических данных из наиболее признанных их наборов, в котором Россия представлена за период 1988–2009 гг.¹³

Отмеченные выше слабые стороны были во многом нивелированы в длинных рядах по

⁸ См.: Deininger K., Squire L. A New Data Set Measuring Income Inequality // The World Bank Economic Review. Vol. 10, № 3. P. 565–591. URL: <https://microdata.worldbank.org/index.php/catalog/1790> (дата обращения: 15.09.2021).

⁹ Преимущественно из: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

¹⁰ См.: Bourguignon F., Morisson C. Inequality among world citizens: 1820–1992 // American Economic Review. 2002. Vol. 92, № 4. P. 727–744. URL: <https://web.archive.org/web/20120217010359/http://www.delta.ens.fr/XIX/> (дата обращения: 15.09.2021).

¹¹ См.: Morisson C. Income distribution in East European and Western countries // Journal of Comparative Economics. 1984. Vol. 8, iss. 2. P. 121–138.

¹² См.: World Bank. 2021. Russian Federation. URL: <https://api.worldbank.org/v2/en/country/RUS?downloadformat=excel> (дата обращения: 15.09.2021).

¹³ См.: All the Ginis Dataset. Jun 4, 2019 // World Bank Group. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0041738> (дата обращения: 15.09.2021).

России, созданных за последние 10 лет. Тем не менее точечные значения за отдаленные периоды, как правило, не были получены методами прямого наблюдения.

В Базе данных о всемирном неравенстве доходов (WIID),¹⁴ созданной в 2000 г. и представляющей собой собрание имеющихся в научной литературе расчетов и оценок (но с экспертной оценкой их достоверности), сведения по СССР были доведены вплоть до 1968 г. по зарплатам¹⁵ и до 1980 г. по совокупным доходам.¹⁶ В новой версии этой базы была предпринята попытка сконструировать для отдельных стран длинные ряды сопоставимых показателей: индекс Джини (наиболее часто используемый), индекс энтропии Тейла (в конце 1980-х гг. продемонстрировал слабую предсказательную способность для России, показав дивергенцию с индексом Джини),¹⁷ индекс Аткинсона (учитывает толерантность общества к неравенству); децильный коэффициент (учитывает только 2 среза распределения, близких к минимуму и максимуму); коэффициент фондов (из которого выпадает 80 % распределения, остаются только нижний и верхний, самые проблематичные для достоверного учета); коэффициент вариации (применяется в качестве первого приближения).¹⁸ Однако России за каждый год периода 1950–1987 гг. были присвоены значения за 1988 г. (29,97 по индексу Джини).¹⁹

В наборе данных, сконструированном коллективом под руководством Дж. К. Гэлбрейт-младшего (Университет Техаса), ряды неравенства доходов в России покрывают период

1963–2015 гг.²⁰ За 1980-е гг. они основаны на заимствованиях из литературы,²¹ за период 1963–1980 гг. получены ретрополяцией.

Работа команды Пикетти — первая в литературе по теме, сфокусированная на России за вековой период, но в контексте международных сопоставлений.²² В приложенном наборе данных сконструированы длинные ряды основных показателей неравенства индивидуальных доходов за период с 1905 по 2015 гг., а также за 1995–2015 гг. — неравенства частного богатства, которое выступает результатом накопленного неравенства в доходах и является частью национального богатства. Для этого были введены в научный оборот сводные данные ФНС России по налоговым декларациям за период 2008–2015 гг. Однако примененная командой Пикетти методология вызывает у нас сомнения и критические замечания.

Так, в составе национального богатства не учитывается человеческий капитал. Действительно, принятая ООН Система национальных счетов не включает его в состав национального богатства, но прямо допускает возможность отражения человеческого капитала с переклассификацией счетов использования ВВП (на которых отражаются, в частности, расходы на образование, науку и здравоохранение) с потребления на накопление.²³ С применением соответствующих подходов попытки оценить динамику стоимости накопленного объема человеческого капитала предпринимались Б. ван Леувенем на материале Японии, Индии, Индонезии 1890–2000 гг.,²⁴ А. Коккинем — по данным Финляндии 1870–2000 гг.²⁵ Таким образом, интеграция концепта «человеческий капитал» в СНС и его включение в состав национального богатства апробируются в историко-экономической литературе.

¹⁴ См.: UNU-WIDER. World Income Inequality Database (WIID). Version 31 May 2021. URL: <https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁵ Заимствованы из: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

¹⁶ Заимствованы из: Alexeev M. V., Gaddy C. G. Income Distribution in the U.S.S.R. in the 1980s // Review of Income and Wealth. 1993. Vol. 39, iss. 1. P. 23–36.

¹⁷ Следует из данных: The University of Texas Inequality Project Global Inequality Data Sets 1963–2008: Updates, Revisions and Quality Checks / Galbraith J. K. [et al.] // Inequality and Growth: Patterns and Policy. New York, 2016. Vol. 2: Regions and Regularities. P. 98–130; URL: http://www.utip.lbj.utexas.edu/data/UtipUnidoEhiiV2017_v.1.xlsx (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁸ Показатели и методы измерения неравенства доходов освещены в специализированной литературе (см., напр.: Салмина А. А. Сравнительный анализ показателей неравенства — их особенности и применение // Общество и экономика. 2019. № 7. С. 35–58). Различия в видах доходов, в отношении которых рассчитываются показатели, см.: Капелюшников Р. И. Экономическое неравенство — вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.

¹⁹ United Nations University UNU-WIDER. URL: https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/WIID/wiidglobal_o.xlsx (дата обращения: 15.09.2021).

²⁰ См.: The University of Texas... P. 25.

²¹ См.: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit.

²² По другим странам широко представлены на сайте Базы данных о неравенстве в мире: World Inequality Database. URL: <http://wid.world> (дата обращения: 15.09.2021).

²³ См.: СНС-2008. Система национальных счетов 2008. Нью-Йорк, 2012. С. 9, 10, 609–611, 703, 704. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russian.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

²⁴ См.: van Leeuwen B. Human Capital and Economic Growth in India, Indonesia, and Japan: A quantitative analysis, 1890–2000. Utrecht, 2007. P. 294–296. URL: <http://www.basvanleeuwen.net/bestanden/proefschrift/proefschriftbvl.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

²⁵ См.: Kokkinen A. On Finland's Economic Growth and Convergence with Sweden and the EU15 in the 20th Century. Helsinki, 2012. P. 134–140. URL: <https://www.stat.fi/tup/julkaisut/tiedostot/978-952-244-334-2.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

Основной недостаток сконструированного командой Пикетти векового ряда неравенства доходов заключается в его методологической неоднородности: значительные повышающие корректировки применяются для исходных данных дореволюционного и постсоветского периодов, но практически отсутствуют для советского.

Использованные командой Пикетти в качестве основного источника данные Министерства финансов Российской империи о доходах состоятельной части населения оцениваются Г. И. Ханиным (вслед за А. Л. Вайнштейном и П. Грегори) как занижавшие размеры крупных доходов.²⁶ С учетом того что общий показатель неравенства доходов всего населения за 1905 г. (55,0 % по индексу Джини) у команды Пикетти получился примерно соответствующим уровню постсоветской России в 2009–2010 гг., ею применялись сильные повышающие корректировки данных источника.

При том что в 1913 г. уровень доплаты за образование в российской промышленности был достаточно высоким (см. ниже), неравенство доходов в сельскохозяйственном секторе (где было занято около 75 % рабочей силы)²⁷ в условиях преобладания общинных институтов, скорее всего, было слабым.²⁸

В этой связи более достоверными за дореволюционный период представляются оценки коллектива Я. Л. ван Зандена. В частности, значение за 1910 г. (40,5 % по индексу Джини)²⁹ поддерживается результатами исследования П. Линдберга и С. Нафцигера (36,2 % по индексу Джини в Европейской России),³⁰ основанного на общестрановых источниках о доходах домохозяйств, в котором дореволюционный уровень неравенства доходов позиционирован между советским и постсоветским, но ближе к последнему.

В то же время в отношении 1928–1929 гг. оценка команды Пикетти (29,6 % по индексу Джини) представляется ближе к реальности,

чем Я. Л. ван Зандена и соавторов (43,5 %). Последняя превышает значение за 1910 г., что противоречит другим свидетельствам как на макро- (см. ниже), так и на микроуровне.³¹

В качестве основного источника по советскому периоду командой Пикетти использовались обследования семейных бюджетов рабочих, служащих и колхозников. Ранее в литературе давались заключения об их низкой информационной ценности. Они аргументировались тем, что соответствующие выборки не обладают репрезентативностью, смещены в сторону групп с повышенными доходами; применение отраслевого принципа вместо территориального усиливает искажения; качество сбора и обработки первичных данных низкое; методы группировки обработанных данных нерелевантны для последующих расчетов.³² В силу политической чувствительности вопроса о степени неоднородности советского общества вызывает доверие сделанный в литературе³³ вывод, что данные этих источников склонны занижать фактический уровень неравенства. При этом, по нашему мнению, они могут более или менее достоверно характеризовать преобладавшие тенденции его изменения за период 10–20 лет, но обладают меньшей точностью и информативностью, чем официальные данные о распределении зарплат.

Значения показателей неравенства в советский период подлежат корректировке в сторону повышения³⁴ и по другим причинам. Они заключаются в необходимости учета неравного доступа к благам (элита могла приобретать потребительские товары и услуги по ценам зачастую в разы ниже их рыночной стоимости), а также скрытых доходов. Вероятнее всего, в период позднего СССР при наблюдаемом снижении неравенства по зарплатам имело место увеличение доли доходов элиты. На это указывают приводимые в литературе свидетельства о расширении теневой экономики³⁵

²⁶ См.: Ханин Г. И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1, № 2 (4). С. 64–72.

²⁷ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX вв.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 21.

²⁸ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2018. Т. 1. С. 405.

²⁹ См.: The Changing Shape of Global Inequality 1820–2000; Exploring a New Dataset / van Zanden J. L. [et al.] // Review of Income and Wealth. 2014. Vol. 60, iss. 2. Data Appendix.

³⁰ См.: Lindert P. H., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // The Journal of Economic History. 2014. Vol. 74, № 3. P. 787, 790, 791.

³¹ См.: Бородкин Л. И. Динамика уровня жизни городского населения в годы нэпа: новые оценки // Российские экономические реформы в региональном измерении. Новосибирск, 2021. С. 343, 344.

³² См.: Shenfield S. A Note on Data Quality in the Soviet Family Budget Survey // Soviet Studies. 1983. Vol. 35, № 4. P. 561–568.

³³ См.: Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit. P. 118, 119, 131.

³⁴ Даже при том, что у команды Пикетти индекс Джини по совокупным доходам в СССР справедливо получается несколько выше, чем в исследованиях: Alexeev M. V., Gaddy C. G. Op. cit. P. 29; Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit. Statistical appendix. Table UE1, UI1.

³⁵ См.: Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 210–212; Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 343–355, 392, 489–491; Alexeev M. V., Gaddy C. G. Op. cit. P. 32, 33.

и о повышении децильного коэффициента по зарплатам с конца 1960-х гг.³⁶

Команда Пикетти признала наличие данной методической проблемы,³⁷ но не искала способов ее решения, в то время как ранее они предлагались в литературе. Так, К. Моррисон оценивал эффекты немонетарных привилегий элиты в 1973 г. в 3,9 процентных пункта (п. п.) по индексу Джини (27,0 % по данным источников и 30,9 % с корректировкой).³⁸

В отношении постсоветского периода команда Пикетти придерживается наиболее высоких оценок уровня экономического неравенства, во многом в силу склонности к завышающим корректировкам исходных данных.³⁹ В научной литературе неоднократно высказывались критические суждения в отношении занижения совокупного внутривнутристранового неравенства доходов в официальных данных Росстата и в результатах социологических опросов (в первую очередь РМЭЗ НИУ ВШЭ).⁴⁰ В качестве контраргумента отметим, что репрезентативные обследования призваны фиксировать процессы, происходящие именно в массовом сегменте, где трудовые доходы являются преобладающими. Кроме того, данные Росстата по заработным платам оцениваются как наиболее представительные по выборке и достаточно точные (ВНДН — более, ОЗПП — менее).⁴¹

Общим недостатком указанных длинных рядов является неполнота ссылок на выходные данные используемых источников. Корректировка их исходных данных следует из необходимости критического подхода к любым свидетельствам источников. Однако отсутствие соответствующей информации в электронных наборах не позволяет последующим исследователям детально проверить корректность применения заявленных методических процедур для получения результатов расчетов и затрудняет путь к альтернативным оценкам.

Набор данных Д. В. Диденко и соавторов, посвященный различным аспектам истории

человеческого капитала в СССР/России,⁴² придерживается следующей структуры: исходные данные источников; рассчитанные на их основе результаты без применения каких-либо допущений; модельные расчеты, выполненные с теми или иными допущениями. Такая структура позволяет использовать иные предположения и получить альтернативные оценки на основе свидетельств тех же источников.

Наш подход к исследованию динамики дифференциации зарплат в СССР и России основан на теории человеческого капитала, отдающей предпочтение анализу структуры трудовых доходов в разрезе доплат за квалификацию работников. Со стороны источниковой базы уровень зарплат занятых в промышленности рабочих и служащих (в том числе инженерно-технических работников — ИТР)⁴³ получил сравнительно достоверное отражение в опубликованных данных отечественной статистики за период с 1913 г. по настоящее время. Их соотношение (относительная разница, далее — дифференциал) рассматривается нами как косвенный индикатор частной эффективности человеческого капитала. На рис. 1 приводится различие дифференциалов: простого и в пересчете на 1 год разницы в институционализированном образовании. Возвращение второго дифференциала к уровню начала XX в. под воздействием рыночных сигналов сопровождалось более слабой реакцией первого в силу значительного сокращения разницы в образовательном уровне.

Первые исходные данные о зарплатах за 1913–1918 гг. были собраны в ходе переписи 1918 г.⁴⁴ Впоследствии они регулярно публиковались в официальных статистических

⁴² Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. Supplementary Data.

⁴³ Это достаточно укрупненные категории; причем категория «ИТР» включала не только технических специалистов, но и технический обслуживающий персонал, не только с высшим и средним образованием, но и специалистов-практиков без специального образования; узкая категория «служащие» включала как руководителей, так и делопроизводственный, учетный, снабженческий и прочий персонал средней квалификации, обслуживающий хозяйственные и управленческие процессы. По численности ИТР составляли 33 % широкой категории «служащие» в 1928 г., 62 % в 1950 г., 82 % в 1986 г. (по данным официальных статистических изданий «Труд в СССР» 1980-х гг.).

⁴⁴ См.: Труды ЦСУ СССР. М., 1924. Т. 18. С. 189–191. В выборку вошли предприятия, которые работали в течение всего периода 1913–1918 гг. и располагались на территории, контролируемой большевистским правительством к концу лета 1918 г. Корректирующие коэффициенты на основе расчетов независимых экономистов и квази-официальных данных 1924 г. (Диденко Д. В. Интеллектуальная экономика... С. 210) привели к некоторому сужению дифференциала за 1913–1916 гг.

³⁶ См.: Римашевская Н. М., Римашевский А. А. Равенство или справедливость? М., 1991. С. 54–57.

³⁷ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. Op. cit. P. 214.

³⁸ Morrisson C. Op. cit. P. 133.

³⁹ Критику см.: Капелюшников Р. И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 67–106.

⁴⁰ См.: Крупнейшее национальное обследование домохозяйств по репрезентативной выборке, проводимое практически ежегодно с 1994 г. URL: <http://www.hse.ru/flms>; <http://www.cpc.unc.edu/projects/flms/> (дата обращения: 15.09.2021).

⁴¹ См.: Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 44–47.

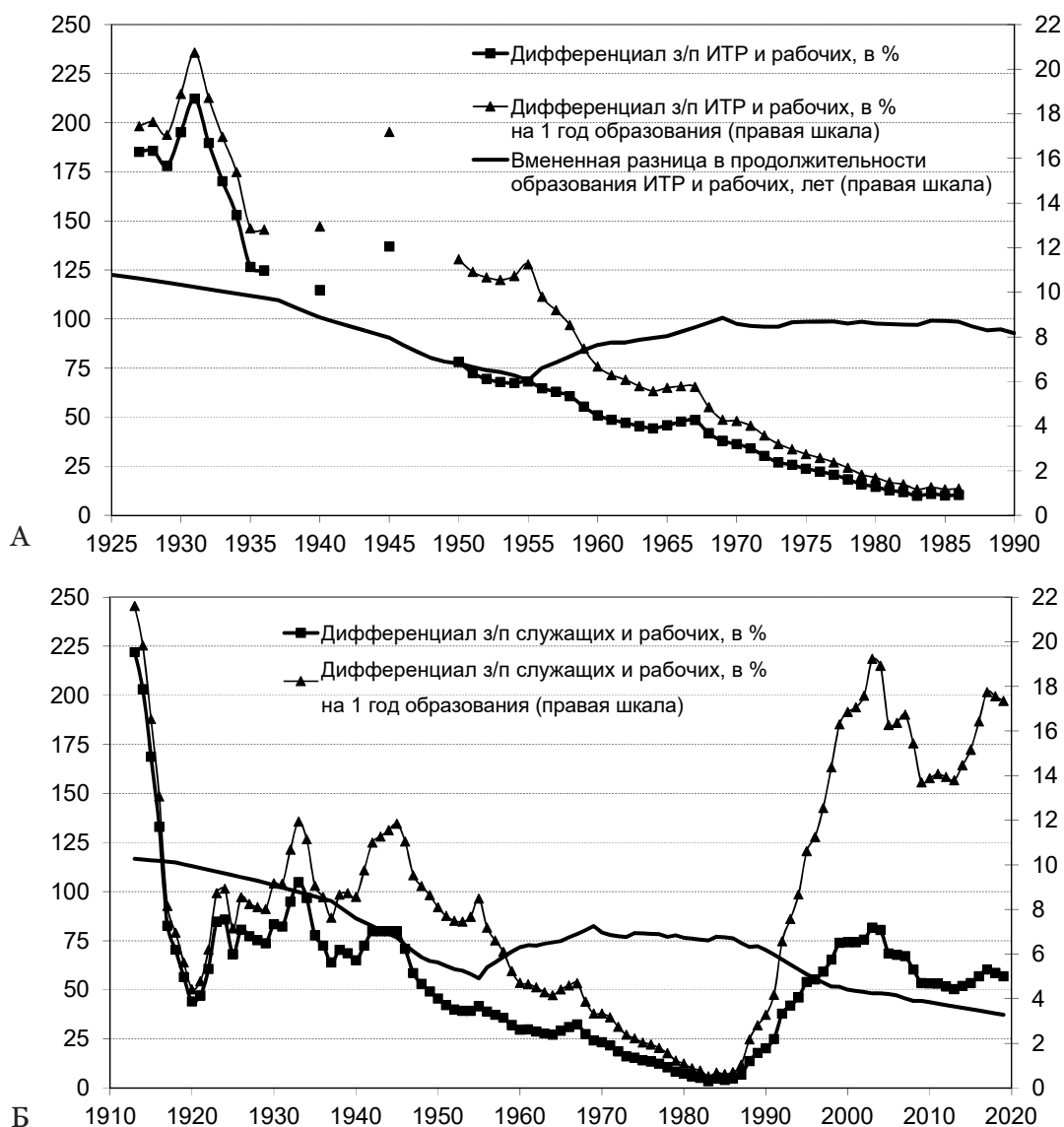

Рис. 1. Дифференциал оплаты труда в промышленности России/СССР

А. Дифференциал зарплаты ИТР и рабочих. Б. Дифференциал зарплаты служащих (ИТР и других) и рабочих. Рассчитано по: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 15.09.2021); Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. Supplementary Data.

сборниках до 2004 г.⁴⁵ С 2005 г. Росстат собирает данные о численности и заработной плате работников по категориям персонала (руководители, специалисты, другие служащие, рабочие) в рамках единовременного обследования, проводимого в октябре с двухлетней периодичностью.

Поскольку советские статистические сборники публиковали довольно скудные методологические комментарии, мы не можем установить в деталях, насколько менялось со временем содержание категорий «рабочие», «служащие» и ИТР. Кроме того, выборки ЦСУ, Госкомстата и Росстата охватывали только

крупные и (в послевоенный период) средние предприятия, хотя подходы к их определению со временем менялись. На преемственность методологии позднесоветского периода и постсоветского (до 2004 г.) указывал Госкомстат РФ, смыкая данные с 1980 г. в единые ряды.⁴⁶ Но категория «ИТР» в них уже не встречается. Также в методологических комментариях Росстата не до конца прояснено, насколько категории «служащие» в СССР и РФ до 2004 г. соответствует объединение категорий «руководители», «специалисты», «другие служащие» с 2005 г.⁴⁷ Смещение отраслевой

⁴⁵ См.: Там же. С. 209–212; Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. P. 127.

⁴⁶ См.: Труд и занятость в России. М., 2001. С. 359. Последний источник с такими рядами до 2004 г. включительно: Труд и занятость в России. М., 2006. С. 461.

⁴⁷ См.: Труд и занятость в России. М., 2007. С. 404.

выборки предприятий обусловило переход статистики РФ с ОКОНХ на ОКВЭД.⁴⁸ Результирующее сокращение простого дифференциала с 80,5 % в 2004 г. до 68,5 % в 2005 г. при снижении индекса Джини с 46,7 % до 45,6 % в значительной степени может быть связано с эффектами изменения выборки и содержания категорий. Впрочем, дальнейшее падение данного дифференциала до 50,4 % и индекса Джини до 41,0 % свидетельствует в пользу того, что разницы, вытекающие из возможных различий в методологии, являются слабыми на фоне сильных изменений значений самого показателя. То же относится к изучаемому периоду в целом.

При сопоставлении результатов, полученных нами и авторами обсуждаемых работ, в первую очередь важно, что периоды восходящих и нисходящих тенденций, как правило, соответствуют друг другу, а моменты поворотных точек близки по времени (рис. 2). Такая консенсусность является аргументом в пользу их относительной достоверности.

В отношении долгосрочных тенденций дифференциации оплаты труда собранные нами исторические свидетельства показывают, что советский период характеризуется относительно низкими доплатами за квалификацию, хотя в период ускоренной индустриализации (1930-е гг.) отмечалось их коррекционное повышение в соответствии с политической линией высшего советского руководства (см. рис. 2). Динамика относительного дифференциала зарплат рабочих и служащих в промышленности показывает, что в периоды преобладания рыночных отношений в экономике (в 1913 г. и в 1990–2000-е гг.) он находился в диапазоне 10–20 % за 1 год образования. Это выше по сравнению с периодом централизованного управления экономикой (0,5–12 %), в том числе во время ускоренной индустриализации (7,5–12 %).

Следует отметить, что данный дифференциал сильно различался по отраслям, что подтверждается свидетельствами на макро- и микроуровнях.⁴⁹

⁴⁸ В отличие от ОКОНХ (Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства), ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности) не выделяет промышленность.

⁴⁹ См.: Труд в СССР. М., 1988. С. 189–195; Borodkin L. Wages and Wage Policy in the USSR (1950s–1980s): Macro- and Micro-analysis // The XVIII World Economic History Congress. Boston; Cambridge (MA), July 26–August 3, 2018. URL: <http://wehc2018.org/wages-and-waves-of-globalisation-since-19301950-convergence-inequalities-strategies/> (дата обращения: 15.09.2021).

Наш ряд индекса Джини по зарплатам за 1968–1991 гг., в основе которого лежат указанные оценки в литературе, имеет наиболее высокие значения среди имеющихся вследствие корректировки на эффекты немонетарных привилегий элиты в 3,9 п. п. по индексу Джини.⁵⁰ Для 1992–2009 гг. предпочтение отдается оценкам исследователей ЮНИСЕФ,⁵¹ до 2005 г. несколько превышавшим значения Росстата. Для 2010–2019 гг. используются данные Росстата (с интерполяциями), в отличие от 1990-х и начала 2000-х гг. значительно превышавшие расчетные значения на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ.⁵²

Представленные на рис. 2 ряды показывают тенденцию к сокращению неравенства доходов с начала 2000-х гг. Эту тенденцию не переломило коррекционное повышение дифференциала оплаты труда: последний максимальный уровень в 2017 г. не превысил пик 2003 г. Причем едва ли не впервые в научной литературе командой Пикетти установлено, что та же тенденция к сокращению неравенства наблюдается в сфере накопленного частного богатства с кризисного 2008 г.⁵³ При этом отмечается некоторая дивергенция большинства рядов с нашим рядом дифференциала оплаты труда, который показывает, что в 2009–2019 гг. служащие несколько улучшили свое положение относительно рабочих.

Таким образом, рассмотренные работы можно оценить как крупные этапы в реконструкции исторических данных об экономическом неравенстве в России, охватывающие период более 100 лет. Не лишены источниковедческих и методологических недостатков, они задают исследователям отправную точку для дальнейшей поисковой работы и ревизии сделанных оценок. Перспективным направлением также представляется движение наборов данных в сторону большего отражения исходных данных источников и научно-справочного аппарата.

Приводимые свидетельства показывают циклический характер вековой динамики экономического неравенства. Этот характер становится еще более выраженным, если данную проблематику рассматривать с позиций теории человеческого капитала. Лежащая в основе дифференциации заработных плат частная отдача от человеческого капитала склонна иметь повышенные значения в рыночной экономике

⁵⁰ Morriison C. Op. cit. P. 133.

⁵¹ См.: TransMONEE Database.

⁵² См.: Капелюк С. Д. Указ. соч. С. 21.

⁵³ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. Op. cit. P. 217.

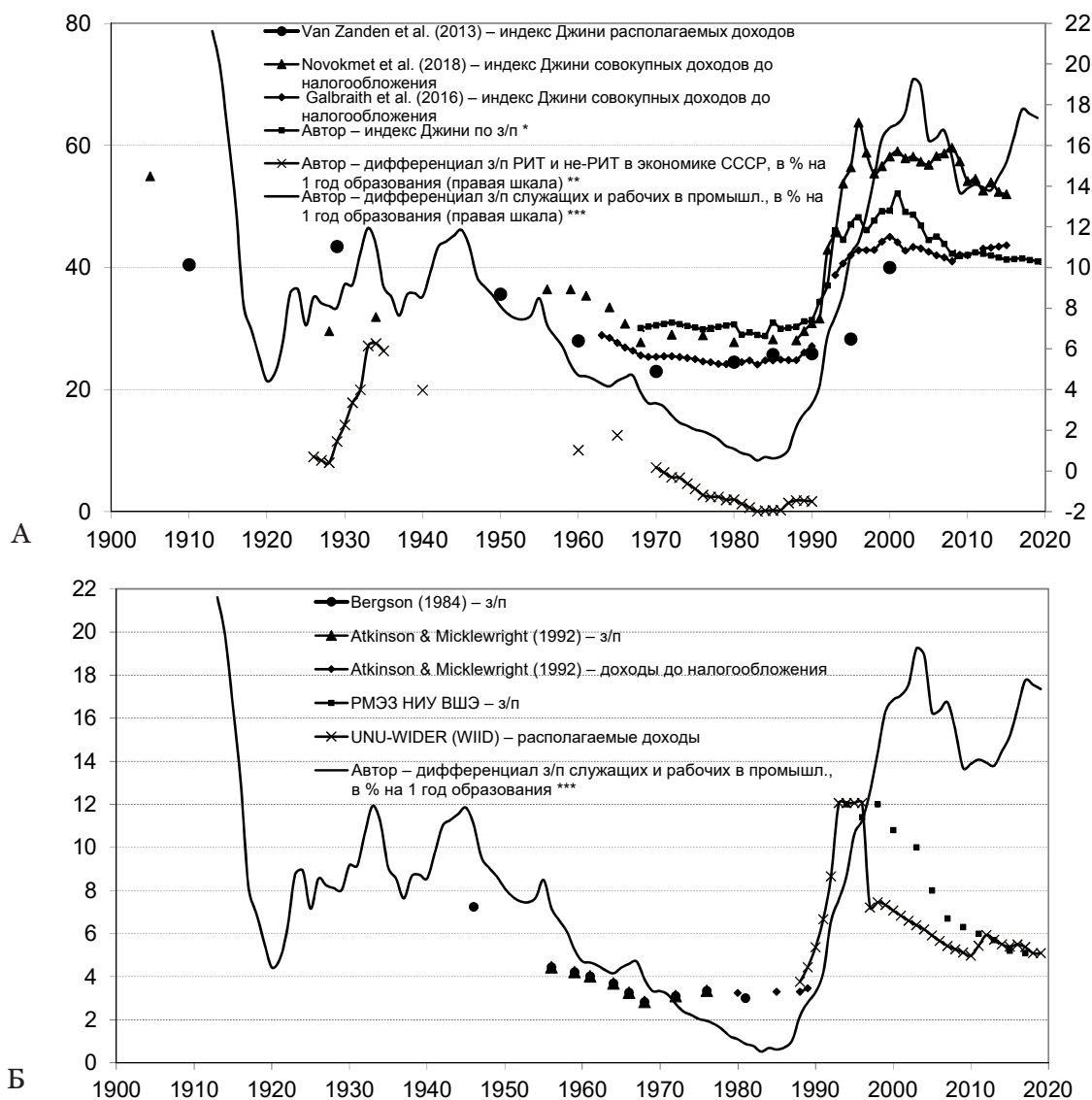

Рис. 2. Сравнение оценок динамики неравенства доходов в России/СССР по различным индикаторам.

А. Оценки по индексу Джини и дифференциалу оплаты труда. Б. Оценки по децильному коэффициенту (P_{90}/P_{10})⁵⁴

Примечания: 1. РИТ – работники отраслей интеллектуального производства, а также инженерно-технический персонал и служащие в промышленности, не-РИТ – работники других отраслей экономики и рабочие в промышленности;

2. РМЭЗ НИУ ВШЭ – рассчитано по: Капелюк С. Д. Неравенство в заработной плате: значителен ли вклад дискриминации? // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2019. № 1 (27). С. 21.

Рассчитано автором по: * Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 174–176; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 15.09.2021); TransMONEE Database. 2011. URL: http://transmonee.org/wp-content/uploads/2016/05/Tables_TransMonee_2011.xls (дата обращения: 15.09.2021); Atkinson A. B., Micklewright J. Op. cit. Statistical appendix. Table UE1;

** Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 297, 298; Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/1929 г. М., 1929. С. 452–455;

*** Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 15.09.2021); Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. Op. cit. Supplementary Data.

по сравнению с централизованно управляемой. Неравенство имеет тенденцию возрастать в периоды системных трансформаций (1930-е, 1990-е гг.), когда усиливаются дисбалансы спроса и предложения квалификаций и навыков, а также не до конца сформированы институты, сдерживающие уровень неравенства. С переходом социально-экономических систем к эволюционному развитию неравенство доходов имеет тенденцию ослабевать.

В этих условиях у государства имеется больше институционального потенциала не только для постановки задач борьбы с бедностью и снижения социального напряжения, но и для эффективного проведения соответствующих регулятивных мер, прежде всего в сфере перераспределения доходов.

⁵⁴ Соотношение минимальной оплаты 10 % наиболее обеспеченных работников к максимальной оплате 10 % наименее обеспеченных.

Dmitry V. Didenko

Doctor of Economical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

**SECULAR TRENDS OF INCOME INEQUALITY IN RUSSIA:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STATISTICAL DYNAMICS**

The article classifies and appraises the long time series on income inequality in Russia/USSR developed over the past 25 years. It discusses various issues of the source studies and methodological problems that arise in the process of constructing such series and their interpretation. Trends in dynamics of income inequality identified in the works under review, are compared with other findings from topical research literature. In particular, the author argues as overestimations the values of indicators of income and wealth inequality in pre-revolutionary and post-Soviet Russia proposed in the study by T. Piketty and his disciples F. Novokmet and G. Zucman. Their values of income inequality during the Soviet period are questioned as underestimated. At the same time, our evidence supports their findings as regards comparability of inequality level in recent times and at the beginning of the 20th century, that is adequate for institutional environment of a market economy at the stage of early industrial modernization. The paper argues extensions of the long time series by recent values and revision of selected estimates from the works by D. Didenko and his coauthors. In one case, what is at issue is the series of “white- vs blue-collar workers in industry” wage differential per 1 year of education in organized forms. The indicator is considered as a proxy for income inequality based on human capital theory and supported by relatively reliable statistical evidence for the period from 1913 to 2019. In another case, the author proposes wage inequality series for the period 1968–2019 by linking the corrected estimates from research literature on the late USSR and the data from Rosstat. The former group is revised upwards thus capturing the effects of non-monetary privileged benefits of the elite. Some promising lines in future developments of long time series on the topic are indicated.

Keywords: long historical data series, Russia’s economic history, human capital, institutions, Gini index, wage differential

REFERENCES

- Alexeev M. V., Gaddy C. G. Income Distribution in the U.S.S.R. in the 1980s. *Review of Income and Wealth*, 1993, vol. 39, iss. 1, pp. 23–36. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1993.tb00435.x (in English).
- Atkinson A. B., Micklewright J. *Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. (in English).
- Bergson A. Income Inequality under Soviet Socialism. *Journal of Economic Literature*, 1984, vol. 22, no. 3, pp. 1052–1099. (in English).
- Bokarev Yu. P. *SSSR i stanovlenie postindustrialnogo obshchestva na Zapade. 1970–1980-e gody* [The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West, 1970–1980s]. Moscow: Nauka Publ., 2007. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [Dynamics of urban population living standards in the years of the NEP: new estimates]. *Rossiyskiye ekonomicheskiye reformy v regional’nom izmerenii* [The Regional Dimension of the Russian Economic Reforms]. Novosibirsk: Parallel’ Publ., 2021, pp. 337–347. (in Russ.).
- Borodkin L. Wages and Wage Policy in the USSR (1950s–1980s): Macro- and Microanalysis. *The XVIII World Economic History Congress*. Boston; Cambridge (MA), July 26–August 3, 2018. Available at: <http://wehc2018.org/wages-and-waves-of-globalisation-since-19301950-convergence-inequalities-strategies/> (accessed: 15.09.2021). (in English).
- Bourguignon F., Morrisson C. Inequality among world citizens: 1820–1992. *American Economic Review*, 2002, vol. 92, no. 4, pp. 727–744. (in English).
- Deininger K., Squire L. A New Data Set Measuring Income Inequality. *The World Bank Economic Review*, 1996, vol. 10, no. 3, pp. 565–591. (in English).
- Didenko D. V. *Intellektualoyemkaya ekonomika: chelovecheskiy kapital v rossiyskom i mirovom sotsial’no-ekonomicheskom razvitii* [Knowledge-intensive economy: human capital in Russian and global socio-economic development]. Saint Petersburg: Aletheyya Publ., 2015. (in Russ.).
- Didenko D., Földvári P., van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset. *Journal of Eurasian Studies*, 2013, vol. 4, iss. 2, pp. 123–

135. DOI: 10.1016/j.euras.2013.03.002. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122>. (in English).
- Galbraith J. K., Halbach B., Malinowska A., Shams A., Zhang W. The University of Texas Inequality Project Global Inequality Data Sets 1963–2008: Updates, Revisions and Quality Checks. *Inequality and Growth: Patterns and Policy*. New York: Palgrave Macmillan, 2016, vol. 2, pp. 98–130. Database: http://www.utip.lbj.utexas.edu/data/UtipUnidoEhiiV2017_v.1.xlsx (accessed: 15.09.2021) (in English).
- Gregory P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX — nachalo XX vv.): Novyye podschety i otsenki* [Economic growth of Russian Empire (end of 19th — beginning of 20th centuries): New estimates and calculations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. (in Russ.).
- Kapeliushnikov R. I. [Is economic inequality a universal evil?]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2019, no. 4, pp. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-91-106. (in Russ.).
- Kapeliushnikov R. I. [Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2020, no. 4, pp. 67–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-4-67-106 (in Russ.).
- Kapeliushnikov R. I. [Returns to education in Russia: nowhere below?]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2021, no. 8, pp. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68. (in Russ.).
- Kapelyuk S. D. [Wage inequality: how large is the contribution of the discrimination?]. *Vestnik Sibirskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii* [Bulletin of the Siberian University of consumer cooperation], 2019, no. 1 (27), pp. 12–31. (in Russ.).
- Khanin G. I. [What was social differentiation in pre-revolutionary Russia?]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2010, vol. 1, no. 2 (4), pp. 64–72. (in Russ.).
- Khanin G. I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveysheye vremya* [Economic history of Russia in modern times]. Novosibirsk: NGTU Publ., 2008, vol. 1. (in Russ.).
- Kokkinen A. *On Finland's Economic Growth and Convergence with Sweden and the EU15 in the 20th century*. Helsinki: Statistics Finland, 2012. (in English).
- Lindert P. H., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution. *The Journal of Economic History*, 2014, vol. 74, no. 3, pp. 767–798. DOI: 10.1017/S002205071400059X (in English).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2018, vol. 1. (in Russ.).
- Morrisson C. Income distribution in East European and Western countries. *Journal of Comparative Economics*, 1984, vol. 8, iss. 2, pp. 121–138. DOI: 10.1016/0147-5967(84)90002-7 (in English).
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. *Journal of Economic Inequality*, 2018, vol. 16, iss. 2, pp. 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0. (in English).
- Piketty T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2015. (in Russ.).
- Rimashevskaya N. M., Rimashevskiy A. A. *Ravenstvo ili spravedlivost'?* [Equality or Equity?]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1991. (in Russ.).
- Salmina A. A. [Comparative analysis of inequality indicators: characteristics and applications]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2019, no. 7, pp. 35–58. DOI: 10.31857/So20736760005832-4 (in Russ.).
- Shenfield S. A Note on Data Quality in the Soviet Family Budget Survey. *Soviet Studies*, 1983, vol. 35, no. 4, pp. 561–568. (in English).
- van Leeuwen B. *Human Capital and Economic Growth in India, Indonesia, and Japan: A quantitative analysis, 1890–2000*. PhD Thesis. Utrecht University: Box Press Publishers, 2007. Available at: <http://www.basvanleeuwen.net/bestanden/proefschrift/proefschriftbvl.pdf> (accessed: 15.09.2021). (in English).
- van Zanden J. L., Baten J., Földvari P., van Leeuwen B. The Changing Shape of Global Inequality 1820–2000; Exploring a New Dataset. *Review of Income and Wealth*, 2014, vol. 60, iss. 2, pp. 279–297. DOI: 10.1111/roiw.12014. (in English).

Для цитирования: Диденко Д. В. Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15.

For citation: Didenko D. V. Secular trends of income inequality in Russia: a comparative analysis of the statistical dynamics // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15.

А. К. Кириллов, М. Д. Сорокин
**НЕРАВЕНСТВО В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ НАЧАЛА XX В.
 ПО ДАННЫМ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ
 ОБЛОЖЕНИЯ КВАРТИРНЫМ НАЛОГОМ (БАРНАУЛ, 1910 г.)***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-16-26 УДК 94(571.15)“1910”:338 ББК 63.3(253.3)533+65.03(253.3)53

Проблема неравенства населения в дореволюционной России впервые изучается на материале «Заявлений домовладельцев по квартирному налогу». Источник содержит первичные данные для г. Барнаула за 1910 г. о стоимости аренды жилья домовладельцев и квартиросъемщиков, при том не только о зажиточных горожанах (обложенных налогом), но и о бедных (от налога освобожденных). Децильный коэффициент неравенства, рассчитанный по этим данным, составил 8,6. В силу особенностей источника представляется вероятным, что показатель неравенства доходов барнаульского населения был еще выше. Сопоставление децильных коэффициентов, а также абсолютных размеров стоимости аренды жилья для разных групп барнаульского населения позволило сделать заключение о взаимосвязи неравенства с двумя важными для городской жизни признаками. Во-первых, децильный коэффициент неравенства в среде приезжих оказался гораздо меньшим, чем среди приписанных к Барнаулу. Во-вторых, группы домовладельцев и квартиросъемщиков, напротив, оказались схожи по децильному коэффициенту неравенства, но существенно различны по средней цене аренды жилья. Проведенное исследование дает новые статистические данные для обсуждения проблемы неравенства в России начала XX в., вводит в оборот прежде не использованные характеристики городского общества той эпохи и открывает возможность для сопоставления разных городов на основе вновь введенных в научный оборот источников.

Ключевые слова: пореформенная Россия, экономическая история, история налогов, история русского города, податная инспекция

Тема неравенства в дореволюционной России — одна из важнейших для отечественных историков на протяжении целой эпохи. Сам по себе факт разрыва между богатыми и бедными в это время сомнению не подлежит. Но попытка измерить его более или менее точно, притом выстроить более сложную шкалу, чем двухступенчатое «верхи и низы», наталкивается на недостаток источников статистических данных. Особенно трудно найти сведения о денежных доходах населения. Есть десятки публикаций о размере оплаты труда рабочих в разных отраслях,¹ но они выделяют рабочих

крупных предприятий из других слоев населения. Остается насущной задача поиска данных для других слоев городского населения.

Сведения о доходах логично искать в данных податного надзора, с 1885 г. существовавшего в форме податной инспекции.² В последние шесть десятилетий правления династии Романовых в налоговую систему России серией реформ последовательно внедрялось подоходное начало.³ Важная веха на этом пути — введение в 1893 г. квартирного налога.⁴ Название его обманчиво. Речь идет не только о жилых помещениях в многоквартирных домах (таких домов было слишком мало в начале XX в.). Слово «квартира» используется здесь в старом смысле — любое жилое помещение, используемое для проживания, будь то особняк или комната на чердаке.

Квартирный налог накладывался не только на квартирантов, то есть людей, снимающих

¹ Обзор литературы и источников по этой теме см.: Бородин Л. И., Валетов Т. Я. Измерение и моделирование динамики неравенства в оплате труда промышленных рабочих в России в начале XX в. // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997. С. 8–32.

*Кириллов Алексей Константинович — к.и.н., с.н.с., Институт истории СО РАН; доцент, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
 E-mail: alkir.nsk@gmail.com*

*Сорокин Матвей Дмитриевич — студент, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
 E-mail: m.sorokin1@g.nsu.ru*

* Исследование проводится при поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (рук. Л. И. Бородин)

² См.: Кравцова Е. С. Опыт организации налогового дела в России в конце XIX — начале XX столетий. Курск, 2010; Петров Ю. И. История становления податной инспекции в западных губерниях России в конце XIX столетия. М., 2015.

³ Подробнее см.: Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2017.

⁴ См.: Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацкило М. К. История налогов в России. IX — начало XX века. М., 2006.

(арендующих) помещение у владельцев. Домовладельцы, живущие в собственном доме, подлежали обложению квартирным налогом на равных с арендаторами. Последний пункт особенно важен для понимания смысла квартирному налогу. Почему человек, в качестве владельца дома уже уплативший налог с городской недвижимости, должен платить еще один налог, связанный с этим же домом? Потому, — отвечало Министерство финансов, — что квартирный налог является личным, а не реальным; это не налог с недвижимости, а налог с дохода, признаком наличия которого служит проживание в «квартире» определенной стоимости. «Опыт свидетельствует, — объяснял министр финансов, представляя в Госсовет уже разработанный законопроект о квартирном налоге, — что расход по содержанию квартиры более чем какой-либо другой зависит от общей совокупности средств, коими располагает лицо. <...> Для каждой имущественной категории лиц отношение между общей совокупностью доходов и квартирным расходом отличается известным постоянством <...> Очевидно, что... стоимость жилых помещений, являясь непосредственным объектом обложения, будет в то же время и показателем общей состоятельности лица <...> Следовательно, квартирный налог будет не налогом на потребление, но налогом подоходным, в основание которого положен лишь известный внешний признак дохода».⁵

Я. Коцонис, оценивая смысл реформы 1893 г., отмечает, что поступление денег в бюджет страны не было главной целью Минфина: «На самом деле квартирный налог не был финансовой мерой. <...> Это был способ оценить доходы городских зажиточных слоев».⁶

Для российских реформаторов квартирный налог стал уступкой обстоятельствам. Он появился после того, как была в 1892 г. провалена консерваторами очередная попытка ввести подоходный налог под его настоящим именем. По сути своей, неоднократно разъяснявшейся С. Ю. Витте и его помощниками, квартирный налог был именно подоходным налогом, в котором использовался единственный признак величины дохода: стоимость аренды занимаемого жилья (настоящая — действительно

платимая арендатором, или условная — если человек живет в собственном доме). Не случайно после появления в 1916 г. полноценного подоходного налога в счет платежей по нему предписывалось учитывать платежи по налогу квартирному.

Передовая черта квартирному налогу, не присущая другим российским налогам того времени, — прогрессия, заложенная в шкалу ставок (от 1,5 % облагаемой базы у жильцов дешевых «квартир» до 10 % у жильцов дорогих). Доказывая необходимость прогрессии, авторы закона объясняли, что это позволит выравнивать общеизвестную неравномерность: чем меньше доход человека, тем большую его часть он тратит на жилье. «Большая дороговизна малых и плохих помещений сравнительно с большими и хорошими» казалась реформаторам совершенно очевидной; тем не менее они сослались так же на опыт западноевропейских исследований. Отмеченный в европейских городах разброс составил от 1/3 дохода, поглощаемой квартирным расходом у самых бедных, до 1/50 у самых богатых. Данные, собранные податными инспекторами городов Европейской России специально для введения закона, показали разброс более умеренный. Для нижней группы (стоимость аренды жилья — до 100 руб. в год) доля дохода, которая тратилась на плату за жилье, оценивалась в промежутке от 13 до 21,6 %; для верхней группы (у разных категорий городов она ограничивалась разной стоимостью аренды жилья) — от 3 до 8,3%.⁷ Таким образом, несомненно, что данные о стоимости аренды жилья нельзя приравнивать к данным о доходах человека. Тем не менее сама по себе прямая зависимость между стоимостью аренды жилья и доходом жильца не вызывала сомнений у финансистов конца XIX в.

Вот почему степень неравенства среди жителей одного из крупных сибирских городов начала XX в. мы попробуем оценить с помощью данных о налогооблагаемой базе квартирному налогу. Эти данные, прямо зависящие от уровня доходов горожан, служат одним из возможных измерителей такого сложного явления, как общественное неравенство в до-революционной России. Не ограничиваясь подсчетом коэффициентов, мы попробуем извлечь из нашего источника все дополнительные данные, характеризующие различия между группами изучаемого общества.

⁵ Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. М., 2002. Т. 2: Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. М., 2003. С. 182.

⁶ Kotsonis Ya. States of Obligation. Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto; Buffalo; London, 2014. P. 118.

⁷ См.: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 209, 210.

* * *

Статистика по квартирному налогу дошла до нас и в виде публикаций Минфина, и в архивных сводках, в фондах казенных палат и податных инспекторов. Ее главный изъян с точки зрения изучения неравенства — то, что она охватывает лишь зажиточную часть общества. Обложение именно зажиточных было существенной частью замысла квартирного налога. Оно достигалось установлением необлагаемого минимума. Те, у кого годовая стоимость аренды жилья составляла менее определенной цифры,⁸ от налога освобождались. Наличие необлагаемого минимума лишает нас возможности по данным о плательщиках квартирного налога изучить весь спектр российских горожан.

Архивные поиски позволили найти уникальный вид источника, преодолевающий это ограничение. Речь идет о «Заявлениях домовладельцев по квартирному налогу». В эти двухлистовые типографские бланки домовладельцы вписывали (и передавали податному инспектору) сведения не только о богатых жильцах, но обо всех своих квартиросъемщиках (и о себе самих тоже). Те, чья облагаемая база была достаточной для начисления налога, затем попадали в реестр плательщиков квартирного налога; более бедные в этих реестрах не учитывались. Они ведь, хотя и платили арендную плату хозяину дома, но не платили налог — естественно, что инспектор просто не вносил сведения о них в реестр налогоплательщиков. Сведения о стоимости аренды жилья бедными квартиросъемщиками сохранились только в «Заявлениях» домовладельцев.

Документы эти, как и другие массовые источники по истории дореволюционной России, сохранились лишь фрагментарно. Полная годовая подборка их для целого города — большая редкость. Несколько таких раритетов относятся к одному из крупнейших городов Западной Сибири — Барнаулу. Он вырос в XVIII в. за счет металлургических заводов Демидовых. Во второй половине XIX в. металлургия пришла в упадок, но город оставался административным центром Алтайского округа Кабинета Его Императорского Величества, крупным узлом русско-азиатской торговли, местом жительства влиятельных сибирских купцов, важным опор-

ным пунктом продвижения русских на Алтай в ходе Великого сибирского переселения.

Коллекция заявлений за 1910 г. сохранилась в одном из крупнейших сибирских архивов (Государственный архив Алтайского края) в фонде податного инспектора 1-го участка Барнаульского уезда (этот участок включал весь город Барнаул; ко 2-му участку относилась сельская местность уезда).⁹ Коллекция составлена по алфавитному принципу, на фамилию владельца, от А до Я, без пропусков. Домовладельцы не очень ревностно относились к заполнению ненужных им документов: часть «заявлений» не содержит в положенном месте подписи плательщика; такие документы заполнены не чернилами, а простым карандашом, с сокращениями слов, одним и тем же торопливым почерком, принадлежавшим, очевидно, инспектору либо его помощнику. Но большинство заявлений — документы, составленные самими плательщиками в меру их собственного понимания задачи. Это заставляет иной раз ломать голову над тем, что имел в виду домовладелец. Сведение данных из «Заявлений» в единую базу — работа не только трудоемкая, но и сложная. Тем не менее источник позволяет получить ряд единообразных показателей.

Прежде всего нас будет интересовать стоимость аренды жилья (напомним, что речь идет не только о действительной стоимости, но и об условной — для тех, кто живет в собственном доме). Достоверность этого показателя определяется двумя соображениями. Надежность цифр, заявленных домовладельцами о размере платы их жильцов, определяется взаимной противоположностью интересов хозяев и квартиросъемщиков. Если бы владелец дома занизил сумму платежа своего квартиранта, это могло бы увеличить его собственную облагаемую базу (вычисляемую по остаточному принципу от общей цены здания, примерно известной податному присутствию).

Цифры, которые домовладельцы сообщали о своей собственной «квартире», явно лишены этого преимущества — но зато именно они особенно часто ставились под сомнение податным присутствием на основе собственных данных инспектора и выборных членов присутствия. Всего в нашей базе данных насчитывается 89 случаев, когда присутствие своей властью увеличивало заявленный раз-

⁸ До 60 руб. в городах 5-го класса, таких как Бийск или Мариинск; до 300 руб. в Санкт-Петербурге и Москве, признанных городами 1-го класса.

⁹ ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1906–1911.

мер облагаемой базы по той или иной квартире (это почти каждый пятый жилец — 17,9 % от общего числа записей в базе). Из них львиная доля — это записи, которые касаются хозяев жилья. Случаев, когда присутствие сочло плату домохозяев заниженной, насчитывается 76 — и это почти половина (45,8 %) от общего числа домохозяев, живших в собственных «квартирах». Таким образом, присутствие имело достаточно определенные представления о цене жилья в городе и не стеснялось исправлять данные плательщиков, так что мы можем не опасаться существенного занижения данных.

Несмотря на то что мы имеем дело со сплошной, полностью сохранившейся коллекцией заявлений плательщиков по целому городу, отдельной оговорки заслуживает вопрос о представительности нашей коллекции. Дело в том, что число жителей Барнаула в 1910 г. составляло более 40 тыс. чел.; число домов — более 4 200.¹⁰ Число заявлений в нашей коллекции — 229. В них даны сведения о 496 «квартирах» и их жильцах. Даже если учесть, что за жильцом, как правило, стоит семья, то получается, что наша база охватывает не более 10 % барнаульцев, если принять среднюю численность семьи за 8 чел., и не более 5 %, если считать, что в семье 4 чел. Возникает вопрос, в какой степени эти 5–10 % типичны для барнаульского населения в целом?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, почему подборка включает лишь часть населения. Очевидно, это связано с нижним порогом обложения. Чиновники Минфина отнесли Барнаул к 4-му разряду городов, налог здесь взимался с «квартир» ценою не менее 120 руб. в год. Для жильцов, занимавших свои собственные дома, арендная цена жилья принималась за 5 % от цены дома. Значит, внимание податного инспектора должны были привлекать дома, стоившие 2 400 руб. и выше. Если дом заведомо относился к более дешевым, то ни владельцу не было смысла заполнять заявление, ни инспектору не было резона владельца к этому подталкивать. Зато заполнить заявление было важно для тех владельцев дорогих домов, которые сами в них не жили или занимали лишь часть помещений. Это позволяло им снизить размер податного платежа или даже вовсе от него избавиться.

Эти соображения подтверждаются перечнем улиц, представленных в нашей подборке. Хорошо представлено большинство улиц старого центра (Гоголя, Пушкина, Большая и Малая Тобольские, Большая и Малая Олонские, Подгорная), фрагментарно — улицы более удаленные (Павловская, Сузунская, Бердская), совсем не представлены окраины города.

Следовательно, люди, не попавшие в нашу базу данных, относятся к беднейшей части горожан, и наши цифры имеют перекося в сторону зажиточной части населения. Общее число жильцов в базе данных — 496. Из них к числу плательщиков налога принадлежит 356 чел. (71,6 %). Это те, кого можно назвать «зжиточные жильцы». Более четверти (28,4 %) осталось ниже предела, который можно назвать чертой налоговой бедности (стоимость аренды жилья — менее 120 руб. в год). Это — «бедные жильцы». С учетом перекося базы данных в пользу зажиточных понятно, что действительная доля «бедных жильцов» в Барнауле была гораздо выше, чем 28 %.

Поскольку реформаторы ставили задачей введение налога для богатых, 120-рублевая черта отсечения неплательщиков задает ценный для нас ориентир. Тем не менее понятия «бедные» и «богатые» остаются абстрактными. Все города России делились всего на 5 разрядов; для городов одного разряда уровень налоговой бедности задавался одинаковый, хотя на деле, конечно, уровень жизни колебался от города к городу.¹¹ Но даже если бы для каждого города порог отсечения устанавливался индивидуально, эта цифра все равно не помогала бы нам понять, кто остался ниже установленной планки — те, кому не хватает на хлеб, или те, кому не хватает на собственный экипаж с кучером.

Понять это нам помогают данные о роде занятий барнаульцев, представленных в нашей базе данных. Как правило, в «Заявлениях» домовладельцев указывалась только сословная принадлежность, не очень помогающая уяснить материальное положение человека. Но в некоторых случаях есть более точные указания. Наименьшее значение годовой стоимости аренды жилья, которое встречается в нашей базе данных, составляет 24 руб. (род деятельности не указан); стоимость аренды «квартиры» чернорабочего составила 36 руб. в год; извозчик платил 60 руб.; вдова топографа —

¹⁰ См.: Адрес-календарь г. Барнаула на 1910 г. Барнаул, 1909. С. 9, 10.

¹¹ Впрочем, на фоне подходящего образа 1916 г. (который для всей страны установил единый порог обложения) даже разбивка на 5 разрядов выглядит гибким решением.

82 руб.; канцелярский служащий — 84 руб.; лаборант при Главном управлении Алтайского округа — 112,5 руб.

Таким образом, группа оставшихся ниже черты податной бедности объединяет в себе очень разные категории населения: и неквалифицированных либо низкоквалифицированных рабочих (нижняя половина группы), и младших служащих (верхняя половина). Разрыв внутри группы значителен: наименьшая плата отличается от наивысшей в 4,5 раза. Все это дает основания полагать, что относительно немногочисленные в нашей подборке представители низшей группы дают довольно полное представление о составе барнаульских низов.

Продолжая изучение профессионального облика барнаульцев, обратим внимание на тех, кто стоит в самом низу «зажиточной» (по версии податного надзора) части барнаульского общества. Число жильцов, кому вменили 120 руб. арендной цены, — 63 чел. Это самая многочисленная из групп плательщиков. Из занятий здесь имеем: пивовар, парикмахер, коллежский регистратор (хотя это и не должность, а чин, но все-таки отражающий и род деятельности, и положение в иерархии), торговый служащий, акушерка. Таким образом, речь идет о квалифицированных работниках физического труда и низших служащих.

На уровне 180 руб. впервые появляется скупщик хлеба, 225 руб. — торговец по свидетельству 2-го разряда. И то, и другое — признаки не слишком мелкой торговли (ниже 2-го разряда — еще несколько категорий торговцев), но и не слишком крупной (не выходящей за рамки губернии). Здесь же, на уровне 180 руб., появляется портниха (квалифицированный работник физического труда).

На уровне 240 руб. появляются инженер-химик (на частном производстве), провизор (аптеки — это передовая, высокодоходная отрасль городской жизни начала XX в.) и «начальник зверинца» (очевидно, предприниматель); 250 руб. — начальник почтово-телеграфной конторы, 264 руб. — жена купца 1-й гильдии, 288 руб. — присяжный поверенный, 300 руб. — вновь несколько: пехотный штабс-капитан, почетный гражданин и землемер. Таким образом, 20–25 руб. в месяц за жилье платили высококвалифицированные служащие и средней руки предприниматели. Это уже те, чьи жены могли не работать, а дети обязательно ходили в гимназию, — средний класс начала XX в.

На 432 руб. годовой арендной цены впервые встречается «барнаульский купец». Купец в начале XX в. — больше, чем торговец: это еще и человек, в дополнение к документам на право торговли купивший сословное купеческое свидетельство — значит, придающий значение не только доходу, но и престижу, солидности внешних признаков. В дальнейшем до конца списка, помимо купцов (их больше всего, некоторые уточняют: «купец 1-й гильдии»), нам встречаются также: штурман и его помощник, присяжный поверенный, нотариус, присяжный стряпчий, зубной врач, фельдшер, протоиерей, «датские подданные» (крупные торговцы), чиновники в чине от коллежского советника до статского советника. Это сливки барнаульского общества.

Получив представление о том, какому уровню жизни соответствует та или иная стоимость аренды жилья, перейдем к измерению неравенства в изучаемой совокупности. Один из известных показателей неравенства в рамках определенной группы — это децильный коэффициент: чем он выше, тем сильнее неравенство. Б. Н. Миронов пытался оценить его на основе разнообразных общероссийских данных и пришел к выводу о том, что этот показатель «в России начала XX в. составлял примерно 6,3 и мог варьировать в границах 4,2–10,7», что меньше, чем в странах Запада.¹²

Посчитаем этот же показатель на основе «Заявлений» барнаульских домовладельцев. Как уже говорилось, они содержат данные о стоимости аренды жилья. Поскольку связь этого показателя с доходом человека очевидна, будем рассматривать ее как косвенный показатель неравенства в доходах. Таким образом, из данных, собранных податной инспекцией, мы используем не данные о налогах, а данные о налогооблагаемой базе.

Децильный анализ в нашем случае показывает, во сколько раз стоимость аренды жилья наименее состоятельного жильца из высшего дециля (10 % общей суммы арендных цен) выше стоимости аренды жилья самого зажиточного жильца из низшего дециля. Для всех 496 жильцов, учтенных в нашей базе данных, децильный коэффициент составил 8,3 (500:60).

Тот, кто попытается вписать этот показатель в контекст других стран и эпох (и в кон-

¹² Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 605.

текст других оценок той же эпохи), должен учитывать, что они основаны не на данных о доходах людей (которые обычно выступают основой для подсчета децильных коэффициентов), а на данных о стоимости аренды их жилья. Выше уже говорилось, что у бедных аренда жилья забирает большую часть дохода, чем у богатых. Поэтому если пытаться привести один показатель (стоимость аренды жилья) к другому (доход), надо арендную стоимость у богатых умножить на больший коэффициент, чем арендную стоимость у бедных. Кроме того, надо учитывать, что сам вид использованных источников исключает из рассмотрения основную часть бедных жителей города. Из-за этого децильный коэффициент, рассчитанный для всех жителей города с опорой на данные о доходах (отсутствующие у нас), был бы выше, чем полученная нами цифра.

Теперь сравним общий для всей базы данных показатель с отдельными группами барнаульского населения, которые позволяет выделить наш источник. Такой подход недавно был использован в обстоятельной статье К. Д. Веринчук, которая использует децильный коэффициент, чтобы показать значительную (и меняющуюся) дифференциацию по разным признакам даже в такой, казалось бы, однородной группе, как промышленные рабочие.¹³

Начнем со сведений о сословной принадлежности. Само по себе сословие для нас не играет особой роли: ясно, что крестьянин, живущий в городе, уже не крестьянин; для нас это лишь показатель того, что этот человек, скорее всего, не является коренным горожанином. Но сословная привязка во многих случаях дополнялась географической: «мещанин г. Томска», «крестьянин Черниговской губернии» и т. п. Это позволяет нам условно разделить жильцов по происхождению на местных (барнаульские мещане + купцы и почетные граждане) и неместных (все прочие мещане, чья привязка нам известна, и крестьяне всех губерний). Децильный коэффициент для местных (124 чел.) составил 11,1 (600:54), для неместных (154 чел.) — 6,6 (396:60).

Разница настолько велика, что не может быть списана на случайности и требует объяснения. Сам по себе разброс цифр объясняется легко: именно люди с барнаульской припи-

ской дают крайние для всей изученной совокупности цифры (и 24 руб., и 1 920 руб.), но число таких людей существенно меньше, чем общая численность жильцов Барнаула. Встает вопрос, какие общественные явления за этим стоят. Здесь следует искать объяснений социологического свойства. Трудности оказывают двойное воздействие на людей: они ограничивают, но они же и мобилизуют. Иногородним трудно достичь таких же высот, как местным, поэтому высшие цифры — у местных. Но иногородние и не могут себе позволить обходиться таким минимумом, как местные, к тому же они приехали искать лучшей жизни, они достаточно энергичны для того, чтобы уехать за сотни или тысячи верст, они могут и хотят добиться несколько большего, чем прожиточный минимум. Такая гипотеза вполне может объяснить установленное выше неравенство.

Еще один показатель, по которому мы можем разделить барнаульцев на разные группы, — это владение недвижимостью и пользование ею. Сравним группы хозяев (живут в своем собственном доме, единолично или вместе с арендаторами) и квартиросъемщиков (живут в арендованном жилье).

Число хозяев составляет 156 (из общего числа 496 жильцов — 31,5 %). Оставшиеся 340 человек — это квартиросъемщики. Из них отбросим тех, чья цена жилья определена условно (например, близкие родственники домовладельцев), оставим только жильцов с действительным платежом.¹⁴ Таких оказывается 329 из 496 (66,2 %).

Децильный коэффициент для квартиросъемщиков составил 7,5, для домохозяев — 7,25. Разница не существенна; может показаться, что разделение групп хозяев и плательщиков ничего не дало нам для понимания проблемы неравенства. Однако вспомним: децильный коэффициент для хозяев и квартиросъемщиков вместе взятых составлял 8,3, и это заметно отличается от показателя каждой из групп по отдельности. Чтобы выяснить причину этого, сравним показатели в рублях, полученные при вычислении децильного коэффициента в трех рассмотренных случаях: для всей совокупности это 500:60, для квартиросъемщиков — 450:60, для хозяев — 696:96. Теперь ясно, что одна из этих групп (квартиросъемщики) за-

¹³ См.: Веринчук К. Д. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих России в годы Первой мировой войны // Экономическая история: ежегод. 2014/15. М., 2016. С. 251–290.

¹⁴ Те, кто на самом деле платит арендную плату (либо, что гораздо реже, живет бесплатно при учреждении, занимая квартиру, стоимость аренды которой соответствует заработной плате жильца).

нимает нижнюю часть общего диапазона, а другая (хозяева) — верхнюю. И хотя уровень неравенства внутри каждой из этих групп одинаков, группы между собой отнюдь не одинаковы по уровню зажиточности. Цифры, несомненно, доказывают наличие положительной корреляции между уровнем жизни и владением собственным жильем. Другими словами, обладание собственным домом можно считать одной из черт обобщенного портрета состоятельного барнаульца.

В то же время хозяева — категория, требующая большей осторожности в изучении. Может быть ситуация, когда доходы человека снизились, а дом остался. Чтобы более правильно представить себе портрет домохозяина, надо учесть и косвенные признаки его зажиточности. Один из них — сдача в аренду части занимаемого дома.

Часть хозяев живет в одном доме с квартиросъемщиками, не являющимися близкими родственниками (дети/братья) или сонаследниками. Очевидно, что такое неудобство можно терпеть только ради дохода. Назовем их условно «бедными хозяевами». Другая часть живет в одиночестве, ничего при этом не сдавая в аренду, — это «богатые хозяева». Наконец, есть и такие, кто весь дом сдает в аренду, — это «рантье-предприниматели».

Вся наша база данных включает 207 домовладений и 191 домовладельца (из них два владельца имеют по четыре дома каждый, 10 владельцев — по два дома). Оба владельца четырех зданий один из своих домов используют как собственное жилье, ни с кем его не деля (кроме, разумеется, членов семьи, которые в «Заявлениях» не указываются). Все 10 имеющих по два дома применительно к одному из домов выступают как рантье (сдают, сами не проживая), а во втором живут сами, и это логично. Но удивительно то, что половина из этих, казалось бы, небедных людей живет «на подселении», причем только один лучшую квартиру забирает себе (и еще один делит дом на равных с жильцами), а трое лучшие квартиры отдают жильцам.

Из оставшихся 179 человек, имеющих по одному дому: «богатых хозяев» — 29 (16,2%), «бедных хозяев» — 102 (57,0%), «рантье-предпринимателей» — 48 (26,8%). Что касается «рантье», то здесь из 48 владельцев восемь — наследники, еще в одном случае два владельца, что тоже, вероятно, означает наследников. Ясно, что речь идет не о специально постро-

енных домах, а о тех, которые случайно оказались пустующими. Надо думать, что это же относится и к большинству остальных домов этой группы или даже ко всем.

Из 29 «богатых хозяев» один оказался ниже податной планки (с суммой в 96 руб.), 14 укладываются в интервал от 120 до 288 руб. (стандарт квалифицированных рабочих), еще пять — от 392 до 500 руб. (начинающие купцы), последние девять — от 600 до 1 920 руб. (сливки общества).

Из 102 «бедных хозяев» в интервал от 36 до 108 руб. (ниже податной планки) укладываются 23 чел. (из них 20 отдают лучшие комнаты арендаторам), в интервал от 120 до 288 руб. (стандарт квалифицированных рабочих) — 43 чел. (в т. ч. 26 сдают лучшие комнаты), от 300 до 500 руб. (стандарт начинающего купца) — 25 чел. (в т. ч. 11 сдают лучшие комнаты), от 600 до 720 руб. (сливки общества) — 11 чел. (из них 2 сдают лучшие комнаты). То, что более трети сдающих жилье относится к группе обладателей жилья арендной ценой 300 руб. в год и выше, показывает условность понятия «бедные хозяева».

Таким образом, верно, что богатые предпочитали жить без соседей (обладатели самого дорогого жилья жили без квартирантов). Но отказ от сдачи жилья внаем не всегда признак богатства; больше половины таких хозяев не дотягивало даже до относительно скромного 300-рублевого порога. Это может быть и показателем отсутствия свободных комнат, и показателем пристрастия к свободному от соседей образу жизни (при отсутствии острой потребности в деньгах).

С другой стороны, сдача жилья внаем распространена и у богатой части общества. То, что лучшие комнаты при этом оставляются себе, заставляет усомниться в том, что мы имеем дело с материальной нуждой. Сдача жилья в таком случае, конечно, не является основным источником существования, хотя, вероятно, и выступает полезной прибавкой к иным доходам. Это соображение работает в пользу представления о собственном жилье как о системообразующей части жизни, а не просто показателе определенного дохода.

Портрет барнаульского общества, создаваемый децильными коэффициентами, можно на основе наших данных дополнить еще одной характеристикой. Она имеет отношение к сознанию людей — и тем не менее наши сухие

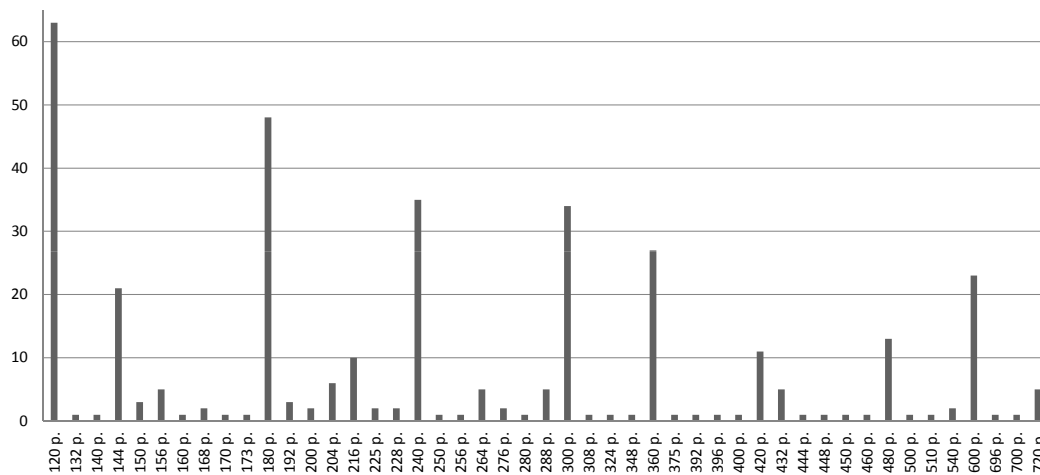

Рис. 1. Распределение жильцов по размерам годовой стоимости аренды жилья

цифры позволяют ее увидеть и измерить. Речь идет об отношении людей разных уровней зажиточности к деньгам: какая сумма для них значительна, какая — нет.

Прежде всего, построим диаграмму (рис. 1), отображающую распределение зажиточной части наших жильцов (только плательщики налога) по размерам стоимости аренды жилья. (В целях сокращения диаграммы в ней не учтены данные более 720 руб.; они встречаются по одному разу, кроме цифр в 900 и 1 200 руб., которые встречаются дважды).

Первая неожиданная закономерность, которая видна из этих данных, — то, что некруглые платежи часто оказываются более многочисленными, чем круглые (например, 140 руб. в год — один платеж, 150 руб. — три платежа, но 144 руб. — 21 платеж). Это объясняется тем, что большинство рассмотренных платежей, очевидно, исчислялось не на годовой, а на месячной основе.

Пересчитаем все платежи в ежемесячные цифры и уберем из таблицы те, которые не

дают цифры в целых рублях. Получим следующую диаграмму (рис. 2).

Несмотря на то что мы убрали все «случайные» показатели (не подпадающие под логику ежемесячных платежей), скачки показателей вверх и вниз по-прежнему разительно нарушают логику распределения любого дефицитного ресурса — «чем больше, тем меньше». Математическая логика подобных рядов часто увязывается с законом Ципфа (который давно уже применяется не только в лингвистике); ей соответствует график гиперболы.

В поисках объяснения этого противоречия обратим внимание на то, что подъемы особенно значительны на цифрах, кратных пяти. Значит, можно предложить простое объяснение: цифры ежемесячных платежей, как правило, подгоняются под числа, кратные пяти. По существу, это продолжение той же логики, которая положена в основу рис. 2, но если изначально казалось очевидным, что люди стремятся округлить ежемесячную сумму платежа до целых рублей, то теперь выяснен более широкий шаг округления.

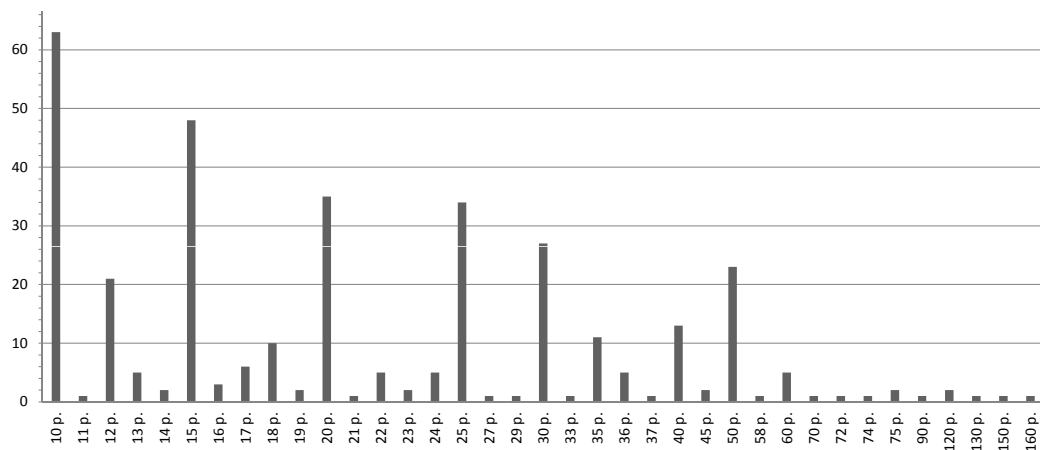

Рис. 2. Распределение жильцов по размерам месячной стоимости аренды жилья

Это объяснение подтверждается тем, что промежуточные показатели по-разному распределяются на разных участках графика. При низких значениях промежуточные показатели с интервалом 2–3 руб. тоже значительны, в отличие от сдвигов на 1 руб. от чисел, кратных пяти (сравним платежи в 10, 11 и 12 руб., платежи в 15, 18 и 19 руб.). Плательщикам 10 руб. в месяц несущественным кажется рубль (10 % платежа), но 2–3 руб. уже существенны. При платеже в 20 руб. ежемесячно уже и три руб. существенной роли не играют, шаг определения цены стремится к пяти руб. Начиная с цифры в 40–50 руб. в месяц, и пять руб. тоже теряют значение: нет ни одного платежа в 55 руб. и последний статистически значимый подъем гистограммы видим на 60 руб., то есть шаг определения ежемесячной цены возрастает до «червонца».

Но и на этом рано останавливаться в изучении нашего ряда данных. Еще одно удивительное явление обнаружится, если отбросить промежуточные значения и оставить только те, которые важны с учетом шага изменения арендной цены, выявленного в предыдущем абзаце (рис. 3).

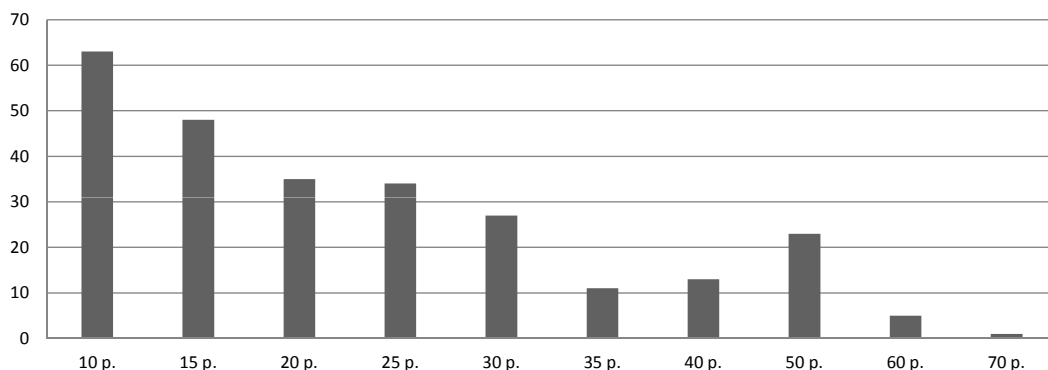

Рис. 3. Распределение жильцов, стоимость аренды жилья которых соответствует шагу изменения месячной стоимости аренды жилья

Основная часть столбцов гистограммы демонстрирует, наконец, нормальное распределение по закону Ципфа.¹⁵ Но на отрезке 35–50 руб. вновь происходит повышение (снова сменяемое спадом в последней статистически значимой точке). Логика гиперболы наруша-

¹⁵ Значение столбца «25 руб. в месяц» немного завышено за счет того, что сюда попали в том числе те, кто стремился к круглой годовой цифре в 300 руб.; даже если таких было не больше, чем плативших круглые суммы в 200 и 400 руб. годовых (1–2 чел.), то за их вычетом все-таки плативших 25 руб. в месяц получается 32–33 чел., и это меньше, чем число 20-рублевых жильцов (35 чел.). То есть общая логика «чем больше, тем меньше» выдерживается, хотя кривизна воображаемой кривой в этом месте явно меняется.

ется там, где начинаются показатели, характерные для верхнего слоя («сливки общества»).

Можно предположить, что нарушения в верхней части ряда — следствие неверного определения цены «квартиры». Дело в том, что именно в верхней части нашего диапазона понижен коэффициент настоящих платежей: «квартиры» за 480 руб. и дороже — это 70 случаев, из которых только 32 (менее 50 %) — настоящие платежи, все прочее — условные цифры для плательщиков, живущих в собственном доме. Притом лишь в 42 случаях из 70 принята цифра, заявленная плательщиками,¹⁶ все прочие присутствием были повышены. Отсюда и возникает предположение, что нарушение логики распределения данных может объясняться субъективизмом податного присутствия.

Это можно проверить, исключив все случаи условных арендных цен. На следующей диаграмме (рис. 4) оставлены только случаи действительных платежей.

На уровне 50 руб. в месяц все равно виден подъем. Более явно виден и подъем на уровне 25 руб. в месяц. Теперь нарушение логики гиперболы двумя «лишними пиками» на уровне 300 и 600 руб. годовой арендной цены жилья

становится несомненным. Это может иметь два объяснения — либо в неравномерности возрастания доходов, либо в неравномерности возрастания арендной цены жилья. В любом случае эта неравномерность должна отражать определенные представления о стандартах жизни (в т. ч. заработка) у той или иной общественной группы. Два «лишних пика» на нашей диаграмме можно считать указателем на денежное выражение жизненных стандартов разных групп барнаульского общества начала

¹⁶ Сюда включены и случаи «понижения», связанные с отделением жилого помещения от конторы.

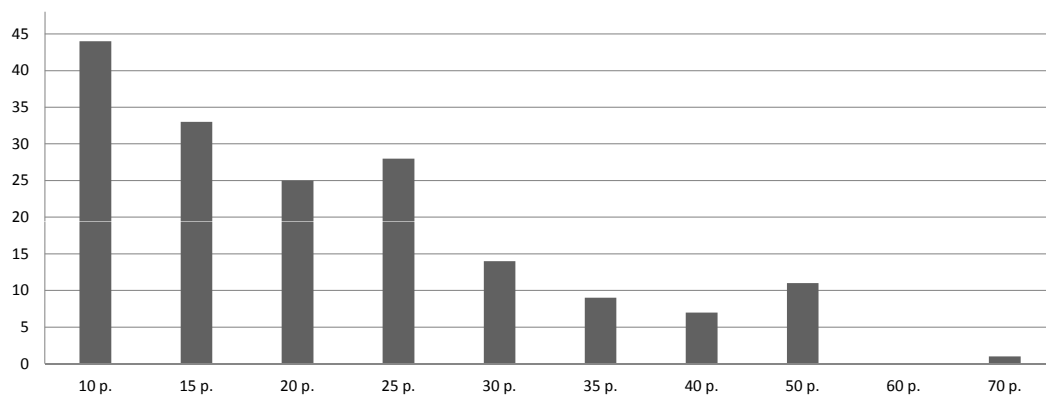

Рис. 4. Распределение жильцов с учетом только действительных арендных платежей

XX в. Те, кто не стремился сэкономить рубль, равнялись на жилье ценой 300 руб. в год; те, кто легко расставался с пятирублевкой, стремились иметь 600-рублевые апартаменты.

Данные податного учета квартиросъемщиков позволяют сделать ряд определенных утверждений об уровне неравенства доходов жителей Барнаула в 1910 г., создающих основу для ряда оценок и гипотез.

Децильный коэффициент, выведенный для всей изученной совокупности жителей города на основе данных о стоимости аренды их жилья, составил 8,6. При попытке соотнести эту цифру с децильными коэффициентами, рассчитанными на основе данных о заработках, надо учитывать необходимость поправочного коэффициента, увеличивающего разрыв между богатыми и бедными.

Неравенство среди жильцов, приписанных к барнаульскому мещанскому обществу и барнаульскому купечеству (децильный коэффициент 11,1), существенно превосходило неравенство между теми, кого есть веские основания считать приезжими (децильный коэффициент 6,6). Приписанные к Барнаулу составляли и группу самых богатых, и группу самых бедных горожан из числа представленных в нашей базе данных. Можно предположить, что это обусловлено закономерностями социологического свойства: приезжим было труднее пробиться на самый

верх, но в то же время их энергичность помогла им не оказываться в самом низу общества.

Расслоение среди квартиросъемщиков (децильный коэффициент 7,5) не отличается существенно от расслоения среди домохозяев (децильный коэффициент 7,25); однако эти две группы существенно разнятся по общей зажиточности (показатели в рублях и для верхнего, и для нижнего децилей у домохозяев выше в 1,5–1,6 раза). Владение собственным жильем, несомненно, было связано у барнаульцев 1910 г. с большей зажиточностью.

Наконец, анализ распределения барнаульцев по ежемесячному размеру стоимости аренды жилья (с учетом сведений об их занятиях) позволяет реконструировать представления более обеспеченной части барнаульцев (достаточно зажиточных для того, чтобы их включили в число плательщиков налога) о том, какие деньги существенны с точки зрения аренды жилья, а какие — нет. Диапазон таков: рубль в месяц — «не деньги» при определении ежемесячной арендной платы для мелких торговцев и квалифицированных рабочих, три рубля — для высококвалифицированных служащих и средней руки предпринимателей, пять рублей — для купцов, высших чиновников, дефицитных специалистов Барнаула в 1910 г.

В целом с учетом указанных выше допущений это дает ориентир для оценки неравенства в доходах городского населения сибирского города начала XX в.

Alexey K. Kirillov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Matvey D. Sorokin

Student, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: m.sorokin1@g.nsu.ru

INEQUALITY IN AN EARLY 20TH CENTURY SIBERIAN CITY
ACCORDING TO THE DATA OF POPULATION REGISTRATION
FOR THE APARTMENT TAX CALCULATION (BARNAUL, 1910)

The problem of inequality of the late imperial Russia population is studied for the first time on the materials of “Statements of homeowners for the apartment tax”. The source contains primary data for the city of Barnaul for 1910 on the cost of rent for homeowners and tenants, both for wealthy citizens (subject for taxation) and the poor (exempt from the tax). The decile coefficient of inequality was 8.6. Taking into account the specific features of the source, one should think that the indicator of income inequality of the Barnaul population was even higher. Comparison of decile coefficients, as well as the absolute size of the house rental cost, for different groups of the Barnaul population made it possible to conclude that inequality is interconnected with two important features of the urban life. First, the decile coefficient of inequality among immigrants turned out to be much lower than among those assigned to the city. Second, the groups of homeowners and tenants, by contrast, were similar in terms of the decile coefficient of inequality, but significantly different in terms of the average house rental cost. The study provides new statistical data for discussing the problem of inequality in the early 20th century Russia, introduces into circulation previously unused characteristics of the urban society of that period and opens up the possibility of comparing different cities on the basis of sources newly introduced into scientific circulation.

Keywords: *late imperial Russia, economic history, tax history, urban studies, tax inspection*

REFERENCES

- Borodkin L. I., Valetov T. Ya. [Measuring and modeling the dynamics of wage inequality of industrial workers in Russia at the beginning of the 20th century]. *Kompyuter i ekonomicheskaya istoriya* [Computer and economic history]. Barnaul: AltGU Publ., 1997, pp. 8–32. (in Russ.).
- Kirillov A. K. *Ot podushnoy podati k podokhodnomu nalogu: podatnyye reformy kapitalisticheskoy Rossii i ikh voploshcheniye v Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [From a poll tax to an income tax: tax reforms in capitalist Russia and their implementation in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. Novosibirsk: Parallel’ Publ., 2017. (in Russ.).
- Kotsonis Ya. *States of Obligation. Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2014. (in English).
- Kravtsova E. S. *Opyt organizatsii nalogovogo dela v Rossii v kontse XIX — nachale XX stoletiy* [Experience in organizing tax affairs in Russia in the late 19th — early 20th centuries]. Kursk: KGMU Publ., 2010. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII — nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolution in Imperial Russia: 18th — early 20th century]. Moscow: Ves’ mir Publ., 2012. (in Russ.).
- Petrov Yu. I. *Istoriya stanovleniya podatnoy inspektsii v zapadnykh guberniyakh Rossii v kontse XIX stoletiya* [The history of the formation of the tax inspection in the Western provinces of Russia at the end of the 19th century]. Moscow: Lenand Publ., 2015. (in Russ.).
- Verinchuk K. D. [Differentiation of the wages of industrial workers in Russia during the First World War]. *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik. 2014/15* [Economic History. Yearbook. 2014/15]. Moscow: IRI RAN Publ., 2016, pp. 251–290. (in Russ.).
- Zakharov V. N., Petrov Yu. A., Shatsillo M. K. *Istoriya nalogov v Rossii. IX — nachalo XX veka* [History of taxes in Russia. 9th — early 20th century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).

Для цитирования: Кириллов А. К., Сорокин М. Д. Неравенство в сибирском городе начала XX в. по данным учета населения в целях обложения квартирным налогом (Барнаул, 1910 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 16–26. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-16-26.

For citation: Kirillov A. K., Sorokin M. D. Inequality in an early 20th century Siberian city according to the data of population registration for the apartment tax calculation (Barnaul, 1910) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 16–26. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-16-26.

Л. И. Бородкин
**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ НА ЗАКАТЕ НЭПА:
МЕЖДУ «УРАВНИЛОВКОЙ» И СТИМУЛИРОВАНИЕМ ТРУДА***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-27-37

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)614-2

Задача регулирования зарплаты промышленных рабочих в годы нэпа была одной из приоритетных в советской социальной политике. Оплата труда на госпредприятиях регулировалась государством, которое должно было, с одной стороны, реализовывать новые принципы социальной политики (курс на выравнивание зарплат), а с другой — обеспечивать эффективность производства. Основными инструментами регулирования оплаты труда были тарифная сетка и условия коллективных договоров. Статья дает характеристику проводившейся государством политики в области оплаты труда промышленных рабочих в годы нэпа и практики ее реализации, а также реакции рабочих на происходившие процессы регулирования дифференциации их зарплаты в среде и квалифицированных, и неквалифицированных рабочих. Показано, что последовательного выравнивания (нивелирования) зарплат рабочих достигнуть не удалось. Отношение рабочих к проводившейся политике в этой области анализируется на основе рассекреченных материалов многотомной публикации документов — информационных обзоров и сводок ОГПУ. Выявлены различные формы протеста и недовольства рабочих на почве регулирования зарплаты, которые проявлялись в различных группах рабочих, в различных регионах страны, на предприятиях различных отраслей и имели разные причины. Наиболее характерными были конфликтные ситуации, порожденные курсом на выравнивание зарплат, что означало снижение трудовой мотивации для квалифицированных рабочих, вызывало их недовольство.

Ключевые слова: *дифференциация оплаты труда, новая экономическая политика, промышленные рабочие, профсоюзы, регулирование оплаты труда, стимулирование труда, измерение неравенства, информационный отдел ОГПУ*

Дифференциация заработной платы является важным фактором неравенства доходов населения в ходе формирования смешанной экономики, какой была советская экономика периода нэпа. В промышленности зарплата была основным (часто единственным) источником дохода рабочих и служащих уже с начала 1924 г., когда в СССР была осуществлена денежная реформа, в результате которой страна перешла на твердую денежную валюту. С этого времени производится регулярный учет и публикация данных о номинальной заработной плате, что позволяет получать количественные оценки степени дифференциации.

К 1926 г. в большинстве отраслей народного хозяйства был достигнут довоенный уровень

производства; это относится и к основным показателям уровня жизни рабочих большинства отраслей промышленности. Благодаря этому стало возможным проводить сравнительные исследования дифференциации оплаты промышленного труда в поздней имперской России и в Советской России периода нэпа. Такие исследования начались уже в годы нэпа и продолжились в последующие десятилетия, заметное продвижение в этой области изучения социально-экономической истории раннесоветской России получено в последние два-три десятилетия.¹ Однако количественная оценка процессов дифференциации зарплаты рабочих в 1920-х гг., анализ восприятия ими этих процессов требуют привлечения новых источников и методов их анализа.

Цель данной работы — дать характеристику проводившейся государством политики регулирования оплаты труда промышленных рабочих в годы нэпа, выявить, в какой мере эта политика реализовывалась на практике,

*Бородкин Леонид Иосифович — чл.-корр. РАН, профессор, заведующий кафедрой, Московский государственный университет (г. Москва)
E-mail: borodkin@hist.msu.ru*

* Исследование проводится при поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущественного неравенства населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (рук. Л. И. Бородкин)

¹ См., напр., обстоятельную монографию: Ильяхов А. А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

и показать, какой была реакция рабочих на происходившие процессы регулирования дифференциации их зарплаты в среде как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих.

Курс на выравнивание заработной платы

Оплата труда на госпредприятиях в годы нэпа регулировалась государством, которое должно было, с одной стороны, реализовывать новые принципы социальной политики, а с другой — обеспечивать эффективность производства (при активном участии профсоюзных, а также хозяйственных и партийных органов). Основными инструментами регулирования размеров нормированной оплаты труда были тарифная сетка, методы исчисления тарифной ставки, а также размеры самих ставок. Эти инструменты использовались в основном в ходе заключения коллективных договоров, которые были в годы нэпа основной формой регулирования условий труда и заработной платы.

Рассмотрим кратко те решения профсоюзных, партийных и хозяйственных органов, которые определяли регулирование зарплаты рабочих и ее дифференциацию.

В совместном циркуляре ВЦСПС и ВСНХ от 23 марта 1923 г. был затронут вопрос о выравнивании зарплаты в промышленности: «Неравномерность роста зарплаты в тяжелой и легкой индустрии диктует необходимость, как общее правило, приостановить рост зарплаты в легкой индустрии... Одновременно с этим следует принять все возможные меры к выравниванию зарплаты путем поднятия ее в отстающих группах предприятий и в первую очередь на транспорте и в тяжелой индустрии».²

В резолюции по состоянию промышленности, принятой на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., отмечалось, что общая политика в области зарплаты должна была быть направлена на выравнивание средней зарплаты во всех отраслях промышленности, с необходимыми поправками на среднюю квалификацию с тем, чтобы труд рабочих одной или равнозначной квалификации оплачивался приблизительно одинаково в разных отраслях промышленности.³

Уже в сентябре 1923 г. IV пленум ВЦСПС принял единую для всех союзов тарифную сетку, в которой разница в размере ставок для

рабочих доходила до 3,5 раз. Однако в декабре 1926 г. VII всесоюзный съезд профсоюзов отказался от единой сетки и принял решение о переходе к тарифным сеткам по отдельным отраслям промышленности: «В целях создания поразрядной сетки, достаточно гибкой, приспособленной к каждой отдельной отрасли промышленности, отражающей все ее особенности и способной служить регулятором заработков в предприятии, съезд считает целесообразным пересмотр на основе опыта в области квалификации труда существующей тарифной (поразрядной) сетки в следующем направлении: каждый ЦК союза в пределах крайних соотношений, устанавливаемых ВЦСПС, прорабатывает в применении к отдельному производству свои особые сетки, предусматривающие количество разрядов и соотношение между ними».⁴

Таким образом, согласно резолюции VII съезда профсоюзов, при проведении тарифной реформы ориентация была на децентрализацию и устранение излишней жесткости в вопросах регулирования заработков, на создание максимального соответствия форм и систем оплаты труда с характерными особенностями и условиями работ на каждом производстве, а также на устранение разрывов в заработках рабочих путем подтягивания низкооплачиваемых рабочих.⁵

Учитывая эти соотношения в оплате труда рабочих различной квалификации, резолюция по тарифно-экономической работе III пленума ВЦСПС⁶ обращала внимание всех профессиональных союзов «на необходимость недопущения раздвижения соотношений в фактической зарплате между отдельными категориями труда, нарушающего установленные сеткой ВЦСПС нормы (1:4) при 10 разрядной сетке рабочего тарифа. Для устранения разрыва в зарплате между поденщиками и сдельщиками, квалифицированными и неквалифицированными рабочими, пленум предлагает всем союзам при перезаключении договоров обратить сугубое внимание на урегулирование этого вопроса внутри предприятия, путем повышения

² Рашин А. Г. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР 1922/23–1926/27 гг. М., 1927. С. 13.

³ См.: КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 422.

⁴ Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Профсоюзы в период построения социализма в СССР. 1917–1937. М., 1963. Т. 2. С. 410.

⁵ См.: Брагинский М. О., Беспалов Д. С., Бородин В. А. Очерки по заработной плате текстильщиков. М., 1930. С. 79. Отметим, что ведущий автор этой информативной книги, М. О. Брагинский в 1920-е гг. занимал должность помощника директора Директората текстильной промышленности Цутпрома.

⁶ См.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 81.

реальной зарплаты низших разрядов и путем установления определенных премиальных и т. д. для поденных и подсобных рабочих».⁷

Далее, в резолюции тарифно-экономического совещания ВЦСПС (август 1927 г.) отмечалось, что «далеко еще не изжит ненормальный разрыв в заработках сдельщиков и повременщиков», а в области «регулирования заработной платы на предприятии, выравнивания заработков между отдельными группами рабочих профсоюзами сделаны первые незначительные шаги, и эта задача остается основной в течение ряда кампаний перезаключения коллективных договоров ближайших лет».⁸ В этой резолюции предлагалось, в частности, увеличить номинал ставок 1-го (самого низшего) разряда.⁹ Характеризуя реализацию этих профсоюзных установок, А. Г. Рашин обратил внимание, что при проведении в 1926/27 г. очередной кампании по коллективным договорам впервые особенно резко делался акцент на необходимость «смягчить разрыв» в оплате труда различных групп рабочих, направить фонды, предназначенные для повышения зарплаты, преимущественно на подтягивание заработков низкооплачиваемых категорий рабочих.¹⁰

На основе этого курса включались соответствующие пункты в коллективные договоры. Так, отраслевой профсоюзный журнал «Металлист» в 1920-х гг. публикует материалы о курсе на выравнивание зарплат путем повышения оплаты труда «низкоразрядников». В материале об электростанции «Красный луч» (Ярославль) отмечается: «При перезаключении колдоговора ставка первого разряда увеличена с 14 р. 50 коп. до 17 руб.» (17 декабря 1925 г., № 38). Материал о делах на заводе «Красный пролетарий» (Москва) содержит эмоциональную оценку положения рабочих невысокой квалификации: «Оплата подсобных рабочих у нас ниже оплаты сдельных производственных рабочих на 20–40 %. <...> Нужно уничтожить ту разницу в оплате труда, которая ставит подсобного рабочего ниже производственного, которая убивает рвение к работе» (15 июля 1925 г., № 21).

Рассмотрение процессов регулирования дифференциации зарплаты рабочих требует понимания определенного противоречия между

курсом на выравнивание зарплат и ориентацией на повышение производительности труда, для чего необходимо развитие методов стимулирования, выражающееся прежде всего в *материальном* поощрении квалифицированных рабочих с достаточно высокой производительностью труда. Тарифные ставки, определявшие зарплату по разрядам рабочих, должны были определять уровень дифференциации, но на практике она нередко превышала эти «нормативные» уровни. Дело в том, что стройную систему тарифных ставок нарушали *приработки* рабочих, возможности сдельной формы оплаты труда и другие факторы.

Об этом писали на закате нэпа М. О. Брагинский и его соавторы, отмечая, что величина зарплаты не является результатом только непосредственного тарифного регулирования. Так, примерно две трети всех рабочих текстильной промышленности работали сдельно, и, следовательно, при условии неизменности норм выработки и сдельных расценок их заработок находился в зависимости от производительности труда.¹¹ При этом регулирование заработной платы, как отмечали авторы, не может происходить путем механического увеличения заработков одних за счет снижения их у других групп рабочих, так как это противоречило бы одному из основных принципов политики советской власти в рабочем вопросе — «недопущению массовых снижений заработной платы». Это означает, что регулирование заработков, как правило, могло происходить только путем поднятия их у одних при сохранении прежнего уровня у других, на что каждый раз нужны были дополнительные средства для увеличения общего фонда заработной платы. Эту систему принято называть системой «механических надбавок».¹² Реализация этой системы проводилась, как правило, нивелировочными комиссиями предприятий.

Новая тарифная реформа, внедренная 1 января 1928 г., должна была учесть характерные особенности и условия работ по каждому производству, но основной ее целью было усиление роли тарифных ставок в системе формирования структуры заработков рабочих, степени их дифференциации. При увеличении тарифных ставок у сдельщиков часть приработков автоматически включалась в ставки, и таким образом при сохранении заработков

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же. С. 81.

¹¹ См.: Брагинский М. О., Беспалов Д. С., Бородин В. А. Указ. соч. С. 38.

¹² Там же.

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ ПРИРАБОТКОВ В ЗАРПЛАТЕ РАБОЧИХ-ТЕКСТИЛЬЩИКОВ
ПОСЛЕ ТАРИФНОЙ РЕФОРМЫ

Производство	Средний процент приработков сдельщиков	
	Декабрь 1927 г.	Март 1928 г.
Хлопчато-бумажное	45,3	23,6
Шерстяное	37,6	21,7
Льно-пеньковое	39,0	26,2
В среднем по текстильной промышленности	43,0	23,9

Источник: Брагинский М. О., Беспалов Д. С., Бородин В. А. Указ. соч. С. 85.

уменьшался разрыв между сдельщиками и повременщиками. В связи с этим и соотношения в заработках рабочих стали «более правильными» (по Брагинскому) и более соответствующими квалификации и характеру выполняемых работ. Как отмечают Брагинский и соавторы, особенно это заметно у повременщиков, у которых раньше наличие всякого рода неоднородных доплат и нагрузок значительно нарушало соотношения, устанавливаемые по тарифному справочнику. С проведением тарифной реформы размер этих доплат заметно уменьшился. По данным ВЦСПС, роль тарифных ставок при проведении реформы 1928 г. изменилась в сторону усиления их значения: так, для текстильной промышленности доля тарифных ставок в общем заработке рабочих увеличилась в ходе реформы от 79 % в декабре 1927 г. до 91,1 % в марте 1928 г.¹³ За счет этого повысилась степень тарифного регулирования дифференциации оплаты труда.

Одновременно с усилением значения тарифных ставок происходило и сближение фактических заработков повременщиков и сдельщиков. Проведенное в ходе реализации тарифной реформы обследование ВЦСПС выявило размеры приработков сдельщиков в трех текстильных производствах до и после тарифной реформы (табл. 1).

В этой связи отметим характерное высказывание Брагинского и соавторов о том, что «всякого рода премиальные системы и сложные виды сдельщины являлись наименее приемлемыми, так как они значительно усложняют и без того трудную задачу общего регулирования заработков рабочих». Другими словами, с помощью тарифной реформы решалась задача обеспечения «систематического планового регулирования заработков всех групп рабочих».¹⁴ Как будет показано ниже, этот курс

на выравнивание зарплат, поддержание заданного уровня дифференциации вызывал недовольство в среде более квалифицированных рабочих.

Насколько существенной была разница в зарплате и степени ее дифференциации для рабочих различных отраслей на ранней стадии формирования механизмов регулирования, если элиминировать влияние регионального фактора? Об этом можно судить, обратившись, например, к данным по трем отраслям в Москве в 1924 г.

Из таблицы 2 следует, что средняя зарплата печатников и текстильщиков различалась в 1,63 раза, при этом наши подсчеты степени дифференциации показывают, что она была максимальной у металлистов (индекс Джини равен 0,29, децильный коэффициент — 4,0), а минимальной — у печатников (соответствующие значения — 0,22 и 2,8). Различия в уровне дифференциации зарплаты рабочих в этих трех отраслях были весьма заметными.

А. Г. Рашин отмечал в 1926 г., что к 1926/27 г. оплата промышленного труда превысила довоенный уровень и можно было предположить, что «целый ряд факторов будет способствовать уменьшению дифференциации в оплате труда рабочих разной квалификации».¹⁵ Однако в 1927 г. он констатирует, что наметился разрыв в соотношениях заработков высококвалифицированных рабочих и рабочих неквалифицированного труда, более значительный, чем предусматривалось тарифной сеткой.¹⁶

Так, по результатам обследования зарплаты за 1924–1926 г., проведенного Центральным бюро статистики труда, в полиграфическом производстве (с наиболее высокой зарплатой) месячный заработок машинных наборщиков (высококвалифицированных рабочих)

¹³ См.: Там же. С. 81, 85.

¹⁴ Там же. С. 97.

¹⁵ Рашин А. Г. Указ. соч. С. 82.

¹⁶ См.: Там же. С. 64.

Таблица 2

УРОВЕНЬ ЗАРПЛАТЫ И ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ У РАБОЧИХ МОСКВЫ В 1924 Г. (ПО СОЮЗАМ)*

Союзы рабочих	В среднем в мес, руб.	Из общего числа рабочих получали, %													Индекс Джини	Децильный к-т
		До 10 руб.	10–20 руб.	20–30 руб.	30–40 руб.	40–50 руб.	50–60 руб.	60–70 руб.	70–80 руб.	80–90 руб.	90–100 руб.	100–125 руб.	125–150 руб.	свыше 150 руб.		
Печатники	70,5	00,5	1,3	3,5	6,7	12,7	13,0	14,5	16,0	12,5	7,8	8,0	1,9	1,6	0,22	2,8
Металлисты	63,0	0,9	3	7,6	18,2	13,8	11,6	9,2	8,6	7,1	6,0	8,7	3,4	1,9	0,29	4,0
Текстильщики	43,3	1,3	5,2	20,5	24,1	22,4	10,9	5,8	3,5	2,5	1,2	1,7	0,7	0,2	0,25	3,2

* Сост. автором по данным издания: Труд в Московской губернии в 1923–1925 гг.: сб. стат. материалов. М., 1926. С. 177. Подсчеты показателей дифференциации проведены автором.

превышал этот показатель для чернорабочих в 2,41 раза в 1924 г., в 2,56 раза в 1925 г. и в 2,57 раза в 1926 г. В то же время на предприятиях хлопчатобумажного производства (с невысокой средней по отрасли зарплатой) зарплата раклистов (высококвалифицированных рабочих) превышала зарплату чернорабочих в 2,16 раза в 1924 г., в 2,36 раза в 1925 г. и в 2,71 раза в 1926 г.¹⁷ Эти показатели дифференциации заметно уступают аналогичным дореволюционным показателям.¹⁸

Приведенные данные, а также статистический анализ многих других данных о дифференциации зарплаты рабочих в годы нэпа, проведенный в рамках нашего исследовательского проекта, не дают нам оснований для вывода о том, что во второй половине 1920-х гг. выявляется заметная тенденция к выравниванию зарплат на всех уровнях (отраслевом, региональном, профессиональном и т. д.).

Недовольство и протесты рабочих в связи с принятием решений об изменениях в оплате их труда

Какой была реакция рабочих на проводившуюся политику выравнивания оплаты их труда, возникавшие при этом перекосы? Ценная информация по этому вопросу содержится в рассекреченных архивных материалах многолетнего издания документов — информационных обзоров и сводок ОГПУ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении

в стране (1922–1934 гг.)¹⁹ Ежемесячная аналитика («Обзор политического состояния СССР»), составленная на основании данных Информационного отдела ОГПУ,²⁰ содержит регулярный раздел о настроениях рабочих, трудовых конфликтах, протестных выступлениях, забастовках на предприятиях различных отраслей и в различных регионах страны. Значительная часть этих информационных материалов характеризует проблемы регулирования оплаты труда промышленных рабочих в годы нэпа, обострившиеся в условиях растущей дороговизны.

Обратимся к информационным материалам сборника документов («Обзоры политического состояния СССР») за 1925–1929 гг.

Рассмотрим сначала отражение в информационных материалах ОГПУ мотивов недовольства квалифицированных рабочих. Здесь выявляются три ключевых проявления этого недовольства: протесты по поводу решений нивелировочных комиссий о выравнивании их зарплаты; требования сохранения (или повышения) приработка и расценок в ходе перезаключения коллективных договоров; уход с предприятий квалифицированных рабочих по причине низкого заработка.

Часто недовольство квалифицированных рабочих проявлялось в ходе перезаключения коллективных договоров. Так, в обзорах за первую половину 1925 г. отмечалась напряженная атмосфера, которая возникла в этой связи на

¹⁷ См.: Там же. С. 72, 74.

¹⁸ См.: Бородкин Л. И. Динамика уровня жизни городского населения в годы нэпа: новые оценки // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 344.

¹⁹ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. документов: в 10 т. М., 2001–2017.

²⁰ Электронная версия этих томов представлена, например, здесь: Исторические материалы. URL: <https://istmat.info/node/22548>

предприятиях Московской губернии.²¹ Снижение зарплаты квалифицированных рабочих привело в ряде случаев к их уходу с предприятий, например с Северной судостроительной верфи в Ленинграде, с завода им. Ленина на Украине и др. Особо отмечается уход квалифицированных рабочих в кустарные артели квартирников (работавших лично по найму, у себя на дому, без использования наемного труда), например в Нижегородской губернии.²²

Максимальное количество сообщений о недовольстве квалифицированных промышленных рабочих характерно для второй половины 1925 г. Так, в обзоре за сентябрь 1925 г. отмечается, что «уход квалифицированных рабочих на почве низкого заработка принимает все более широкие размеры»;²³ в этой связи упоминаются почти все крупнейшие ленинградские металлзаводы, заводы Урала и многие другие. При этом среди уходящих с заводов рабочих имелись и коммунисты (включая Тульский патронный завод).

Осенью 1925 г. «брожение на почве низкой зарплаты выявилося особенно ярко» среди текстильщиков Иваново-Вознесенска после объявления результатов работы нивелировочной комиссии, которая провела пересмотр ставок рабочих. Эти результаты вызвали «крайне напряженное положение», забастовки. Малоквалифицированные рабочие, не получившие значительного повышения зарплаты, были недовольны тем, что ее повысили только специалистам. Более квалифицированные рабочие были недовольны тем, что их представители не участвовали в пересмотре ставок; граверы (высококвалифицированные рабочие) ряда текстильных фабрик созывали «нелегальные совещания», на которых обсуждали новые расценки.²⁴

Вообще во втором полугодии 1925 г. обзоры ОГПУ уделяли особое внимание текстильщикам Иваново-Вознесенской губернии: «недовольство затянувшейся работой по нивелировке заметно усилилось», забастовочные настроения охватили многие фабрики, требования увеличения расценок носили массовый характер. В связи с нивелировкой отмечается рост активности рабочих, не связанный с профорганизациями.²⁵ На Ново-Иваново-Воз-

несенской мануфактуре высококвалифицированные печатные мастера получали меньше рабочих-раклистов, что влияло на качество работы печатных мастеров, о которых рабочие с иронией говорили, что «в награду за хорошее выполнение своих обязанностей их надо перевести в раклисты». В связи с недовольством результатами нивелировки рабочими этой мануфактуры был подан ряд коллективных заявлений. Рабочие-текстильщики высокой квалификации на ряде предприятий Иваново-Вознесенской губернии, недовольные своей зарплатой, переходили на предприятия с более высокой оплатой. Так, на фабрике «Рабкрай» банкаброшные мастера намеревались коллективно уехать в Ленинград, если им не увеличат зарплату.²⁶

Целый ряд сообщений в обзорах ОГПУ осенью 1925 г. свидетельствует об уходе квалифицированных рабочих в поисках более достойной зарплаты, соответствующей их квалификации (иногда на частные предприятия). В этой связи упоминаются завод «Красное Сормово» (Нижегородская губ.), завод «Красный путиловец», Балтийский завод (Ленинград), красильно-набивная фабрика «Победа пролетариата» (Егорьевско-Раменский трест, Московская губ.), металлообрабатывающие предприятия Нижегородской губернии, завод «Красная звезда» (Зиновьевский округ; здесь отмечены случаи продажи квалифицированными рабочими спецодежды вследствие низкого заработка).

Квалифицированные рабочие-литейщики Госзавода им. Ленина (Одесский округ) заявляли, что «если не будут приняты меры к повышению расценок, то через месяц все литейщики разбегутся»; многие из них подрабатывали по вечерам в городе.²⁷ Как отмечается в обзоре за октябрь 1925 г., уход рабочих высокой квалификации являлся одним из методов воздействия на администрацию с целью повышения зарплаты; так, на заводе «Вперед» в Ленинграде по этой причине администрации пришлось поднять расценки на оплату труда на 10–20 %, чтобы не лишиться необходимых для производства опытных рабочих.²⁸

В обзорах ОГПУ за 1926 г. основные проблемы оплаты труда квалифицированных промышленных рабочих также находят отражение, но количество соответствующих сообщений

²¹ См.: Там же. М., 2002. Т. 3: 1925 г. Ч. 1.

²² См.: Там же.

²³ Там же. М., 2002. Т. 3: 1925 г. Ч. 2.

²⁴ См.: Там же.

²⁵ См.: Там же.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Там же.

уменьшается. В первой половине года отмечаются проявления борьбы за повышение уровня зарплаты, характерные для групп квалифицированных рабочих и связанные с ростом дороговизны и снижением расценок. В условиях дефицита квалифицированной рабочей силы «они действуют на администрацию нажимом (забастовки, угрозы забастовками и уходом, нажим на нормировщиков)».²⁹

Заметное внимание в обзорах за этот год уделяется металлообрабатывающей отрасли. На почве недовольства уровнем зарплаты произошел уход с завода «Металлист» (Благовещенск) квалифицированных рабочих, которых поддерживали и партийцы. На заводе «Русский дизель» (Маштрест) рабочие также были недовольны снижением расценок (от 6 до 74 %), хотя в соответствии с коллективным договором администрация не имела права снижать расценки, а могла произвести их нивелировку (на выгодные работы снижать, а на невыгодные повышать расценки).

Появляются сообщения о недовольстве уровнем зарплаты и в нефтяной промышленности, в основном в среде квалифицированных рабочих (ключников, тормозчиков, буровых и механических цехов). По всем промыслам Грознефти отмечается уход рабочих; так, рабочие механических цехов уходят на ленинградские судостроительные заводы.³⁰

В обзорах за 1927 г. отмечается значительный рост числа забастовок. Так, в апреле состоялось 25 забастовок металлистов. Около половины забастовок были связаны со снижением зарплаты и охватывали группы квалифицированных рабочих, преимущественно на металлзаводах Москвы — на машиностроительном заводе им. Ильича (Машинострест), на заводе «Шестерня» (Моссредпром) и др.

Активизацией протестных настроений сопровождалось проходившее в декабре обсуждение проектов новых коллективных договоров. Недовольство отдельных групп квалифицированных рабочих (главным образом в металлопромышленности) вызвало снижение зарплаты в соответствии с пересмотром коллективных договоров. В этой связи отмечается забастовка на Люберецком заводе сельхозмашин им. Ухтомского (2 800 рабочих, Москва). На собраниях рабочих Металлозавода им. Ильича (Мариуполь) и завода подъемных сооружений

(Москва) было выдвинуто требование недопущения снижения расценок и повышения норм квалифицированным рабочим.³¹

В 1928 г. обзоры ОГПУ содержали относительно небольшое количество сообщений о недовольстве квалифицированных рабочих продолжающейся практикой снижения их зарплаты. В январском обзоре отмечен конфликт на Госзаводе им. Дзержинского, где бастовала группа рабочих арифмометрового цеха в связи с предполагаемым снижением расценок по новому коллективному договору. Инициатором конфликта являлась группа бывших комсомольцев, которые агитировали в цехах завода за присоединение к забастовке.³²

В марте 1928 г. большинство забастовок было вызвано реализацией новых коллективных договоров (в основном по Ленинграду, Москве, Украине), в соответствии с которыми снижалась зарплата у отдельных групп рабочих (главным образом квалифицированных). На Мытищенском вагоностроительном заводе зарплата у группы высококвалифицированных рабочих-повременщиков снизилась по новому коллективному договору в среднем от 20 до 30 руб. По сообщению информатора, среди рабочих были отмечены разговоры: «При такой оплате мы не думаем работать и уйдем на другие заводы».³³

Особое внимание в обзоре уделено затянувшейся кампании по перезаключению коллективных договоров на железнодорожном транспорте, в ходе которой недовольство среди рабочих депо и мастерских было вызвано снижением зарплаты группам квалифицированных рабочих.

Обзоры за 1929 г. содержат несколько сообщений о конфликтах рассматриваемой нами направленности. Здесь ключевым термином является «перетарификация». Забастовочные настроения в связи со снижением зарплаты после перетарификации были отмечены на Харьковском паровозостроительном заводе, где резкое недовольство наблюдалось среди рабочих-формовщиков литейного цеха, которым расценки были снижены почти на 50 %. Аналогичные события происходили и на харьковском заводе «Механолит», а также на Рыковском металлзаводе (Украина), где введение новых норм привело к уменьшению зарплаты для ряда квалифицированных групп

²⁹ Там же. М., 2001. Т. 4: 1926 г. Ч. 1.

³⁰ См.: Там же. М., 2001. Т. 4: 1926 г. Ч. 2.

³¹ См.: Там же. М., 2003. Т. 5: 1927 г.

³² См.: Там же. М., 2002. Т. 6: 1928 г.

³³ Там же.

рабочих на 20–30 %. Как отмечено в сообщении информатора, «рабочими, по инициативе члена ВКП, подано заявление администрации с требованием уменьшить нормы, рабочие угрожают в противном случае взять расчет».³⁴

В обзоре за август 1929 г. отмечалось, что «положение осложнялось острым недостатком квалифицированных рабочих на биржах труда».³⁵

Завершая обзор материалов о недовольстве групп квалифицированных рабочих различных отраслей промышленности на почве снижения их зарплаты, отметим наличие здесь противоречия с одним из основных принципов политики советской власти в рабочем вопросе — недопущением массовых снижений заработной платы. Конечно, можно спорить о степени массовости отмеченного явления, но очевидно, что оно не было исключением.

Обратимся теперь к свидетельствам о проявлениях недовольства низкооплачиваемых, неквалифицированных рабочих, зафиксированным в томах рассматриваемого документального издания. Это отражение второго направления реализации проводившейся в годы нэпа политики выравнивания зарплаты промышленных рабочих, связанного с повышением ставок низшего разряда.

В 1925 г. обзоры ОГПУ отмечают характерные «требования низкоразрядников о распространении прибавок только на низшие разряды и прибавки рабочим за счет сокращения ставок спецам».³⁶ Волнения и забастовочные настроения по поводу результатов нивелировки возникли на текстильных предприятиях Иваново-Вознесенской губернии преимущественно среди вспомогательных рабочих и рабочих второстепенных отделов (это низкооплачиваемые рабочие: возчики, таскальщики, рабочие механических цехов и т. д.), недовольных несоответствием в оплате труда различных категорий рабочих.³⁷ Так, на Петрищевской мануфактуре, по сведениям информатора, складальщик Щадров говорил: «Прибавку сделали только спецам-граверам, раклистам, а остальных рабочих забыли; наши профсоюзы нас обманывают и вертят рабочими как хотят, а за границей профсоюзы рабочих защищают».³⁸

О том, какой могла быть разница в размерах зарплаты, можно судить по сведениям о Трубочном заводе (Пензенская губ.), где отмечено недовольство среди рабочих низкой квалификации, получавших «мизерную» зарплату (в среднем 25 руб. в месяц), в то время как рабочие высокой квалификации получали до 120 руб. Многочисленные конфликты вокруг проблем с зарплатой низкоразрядников происходили и на других предприятиях. На предприятиях Грознефти рабочие низшей квалификации выражали недовольство «крайне ничтожным заработком», получая лишь «голую ставку» в 24 руб. и не имея при этом приработка.³⁹

Протесты низкоразрядников возникали нередко в ходе перезаключения коллективных договоров и в среде металлистов, надеявшихся на значительное повышение зарплаты. В этой связи отмечаются случаи, когда несущественная прибавка рабочим невысокой квалификации вызывала их сильное возмущение. На Надеждинском заводе (Урал) в связи с прибавкой только 50 коп. к ставке 1-го разряда возмущенные рабочие говорили: «Пусть возьмут с нас эти 50 коп. да прибавят высшим разрядам».⁴⁰

Материалы обзоров за 1926 г. отражают тревогу рабочих в связи с понижением реального жизненного уровня в обстановке продолжающегося роста дороговизны: «Работаем больше довоенного, а зарплата вдвое ниже», «ждем повышения зарплаты, а тут снижение из-за роста дороговизны», «червонец колеблется и цены повышаются, а зарплата прежняя».⁴¹ Информаторы отмечают, что эти настроения были особенно характерны для низкоразрядников. Об этом свидетельствует и сообщение о беспартконференции в клубе Брянского мехартзавода «Металлист», на которой выступил пожилой рабочий-низкоразрядник Злобин: «В Советской России нет справедливости: одни получают ставки зарплаты от 100 до 200 руб. и разъезжают в экипажах, а другие, как, например, он сам, получает 17 руб., на которые, имея семью, существовать невозможно».⁴² По сведениям о положении на фабриках Ленинграда и Москвы, администрация не принимает мер к выравниванию зарплаты для различных категорий рабочих и соответствующих разъя-

³⁴ Там же. М., 2002. Т. 6: 1928 г.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. М., 2002. Т. 3: 1925 г. Ч. 1.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. М., 2001. Т. 4: 1926 г. Ч. 1.

⁴² Там же.

нений не дает, что приводит к усилению недовольства рабочих.⁴³

Обзоры за 1927 г. содержат немало сведений о проблемах с выравниванием зарплат. Среди ткачей брожение происходило в связи с малой прибавкой по коллективному договору. Повышение зарплаты коснулось преимущественно низкоразрядников — 18 % до 8-го разряда. В то же время на заводе «Электроугли» (Москва) администрация не соглашалась на увеличение зарплаты низкоразрядникам в ходе перезаключения коллективного договора.

Брожение среди рабочих Азнефти возникло по другой причине — в связи с отменой работы по пятницам, что имело целью предоставить рабочим день отдыха (до апреля 1927 г. рабочие работали всю неделю). Однако это вызвало намерение выйти на забастовку с требованием отменить это решение, так как соответствующее уменьшение их зарплаты (порядка 20 %), особенно малоквалифицированных рабочих, было существенным для них, породив разговоры о том, что «если отнимут пятницу, то низкоразрядники, в особенности многосемейные, обречены на вымирание», «пусть лучше оторвут у тех, кто получает по 350 руб. в месяц».⁴⁴

В металлопромышленности на ряде предприятий (Ленинград, Москва, Украина, Поволжье) по новым коллективным договорам был урезан заработок квалифицированных рабочих (повышение норм и снижение расценок) преимущественно в целях подтягивания низкоразрядников. На Патронном заводе им. Володарского (Ульяновск) трест настаивал на сохранении фонда зарплаты и при этом повышении зарплаты низкоразрядникам за счет уменьшения заработка квалифицированных рабочих (повышение нормы на 15 %). Интересно, что в этом случае арбитраж принял решение о повышении нормы только на 5,5 %, а фонд зарплаты был увеличен на 50 000 руб.

Обзоры ОГПУ за 1928 и 1929 гг. содержат немного упоминаний о проблемах с оплатой труда рабочих низкой квалификации.

В обзоре за февраль 1928 г. отмечается недовольство групп рабочих-сдельщиков крупного металлургического завода «Красный Октябрь» (Сталинград) по поводу снижения зарплаты по новому коллективному договору. По сведениям информатора, рабочие говорили: «Заводууправление забрало себе “на

непредвиденные расходы” больше половины отпущенных центром 70 000 руб. для повышения зарплаты низкоразрядникам. И так рвут заработок, а тут еще отнимают, что принадлежит нам».⁴⁵

В ноябре на промыслах Азнефти рабочие говорили, что прибавка по 1-му разряду не превышала 5 коп. на человека, в то время как членам администрации эта прибавка увеличила их доход до 20 руб. «Пусть возьмут эти 5 коп. профсоюзы и обмоют колдоговор».⁴⁶

Еще один важный аспект в проведении курса профсоюзов на выравнивание зарплат в промышленности был связан, как уже отмечалось выше, с усилением роли тарифных ставок как инструмента регулирования степени дифференциации зарплаты. В этой связи принимались усилия по ограничению приработков рабочих, наличие которых нарушало дистанцию между тарифными ставками оплаты труда и тем самым затрудняло возможность «действительного единообразного регулирования заработков». Этот аспект нашел отражение в материалах обзоров ОГПУ за указанные годы. Вот некоторые из этих сообщений.

На заводе «Икар» Авиатреста (Москва) в ходе перезаключения коллективного договора в 1925 г. отмечалось недовольство среди квалифицированных рабочих (слесарей, токарей), получавших по 7–8-му разрядам от 75 руб. до 83 руб. без приработка. В новом коллективном договоре они требовали оставить приработок в размере 70 %, но администрация соглашалась только на приработок до 60–65 %. В случае отсутствия удовлетворения этого требования был «возможен уход квалифицированных рабочих на другие заводы (в числе их 20 членов РКП(б))».⁴⁷

При характеристике конфликтов по поводу тарификации в обзоре за октябрь 1925 г. отмечалось, что забастовки на этой почве охватывали почти исключительно квалифицированных рабочих и инициаторами являлись нередко мастера. В ряде случаев забастовки отражали протест против проводимого выравнивания зарплаты различных групп рабочих путем ограничения чрезмерных приработков. В этом отношении типичной является забастовка осенью 1925 г. на киевском заводе «Арсенал».⁴⁸

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. М., 2001. Т. 4: 1926 г. Ч. 1.

⁴⁸ См.: Там же. М., 2001. Т. 4: 1926 г. Ч. 2.

⁴³ См.: Там же. М., 2001. Т. 4: 1926 г. Ч. 2.

⁴⁴ Там же. М., 2003. Т. 5: 1927 г.

Острую форму приняла забастовка рабочих маргеновского цеха Верх-Исетского завода «Красная кровля» Горметтреста (Урал) в мае 1927 г. Приработок рабочих этого цеха, достигавший 220 %, был ограничен 82 % за счет повышения норм и перехода с прогрессивной сдельщины на прямую, а в апреле путем обсчета рабочих был понижен до 41 %. Инициаторы забастовки были уволены. На собрании профактива, предшествовавшем забастовке, группа рабочих-активистов заранее заготовила резолюцию «о прекращении работы, установлении дежурных патрулей с целью недопуска к печам рабочих, которые не примкнут к забастовке, и посылке двух делегатов в Москву».⁴⁹

Подводя итог, отметим, что проводившийся в годы нэпа курс на выравнивание зарплаты промышленных рабочих, снижение ее дифференциации реализовывался через тарифную систему и решения нивелировочных комис-

сий, действовавших на предприятиях; при этом содержание коллективных договоров в части регулирования зарплаты нередко вызывало конфликты между рабочими и администрациями предприятий, что нашло отражение в информационных обзорах и сводках ОГПУ. Наиболее характерными были конфликтные ситуации, порожденные курсом на выравнивание зарплат, что вызывало недовольство квалифицированных рабочих, означало снижение их трудовой мотивации.

Уже через пару лет, в начале 1930-х гг., в условиях форсированной индустриализации политика государства в области оплаты труда рабочих резко изменилась. Начиналась эпоха внедрения принципиально других подходов к стимулированию труда, предполагавших резкий рост дифференциации зарплаты рабочих, борьбу с «уравниловцами из хозяйственников и профсоюзников», внедрение новых методов моральной мотивации в сочетании с расширением сферы принудительного труда.

Leonid I. Borodkin

Member of the RAS, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: borodkin@hist.msu.ru

WAGE DIFFERENTIATION OF INDUSTRIAL WORKERS AT THE END OF THE NEP: BETWEEN "EQUALIZATION" AND LABOR INCENTIVES

The task of regulating the wages of industrial workers during the NEP years was one of the priorities of Soviet social policy. Wages at state-owned enterprises during the NEP years was regulated by the state, which was supposed, on the one hand, to implement the new principles of social policy (a course towards equalizing wages), and on the other hand, to ensure production efficiency. The main tools for regulating wages were the tariff scale and the conditions of collective agreements. The article characterizes the policy pursued by the state in the area of wages of industrial workers during the NEP years and the practice of its implementation, as well as the reaction of workers to the ongoing processes of regulating the differentiation of their wages among both skilled and unskilled workers. It is shown that consistent alignment (leveling) of workers' salaries could not be achieved. The workers' attitude to the policy pursued in this area is analyzed on the basis of declassified materials from a multi-volume publication of documents — information reviews and summaries of the OGPU. The author identifies various forms of protest and dissatisfaction of workers on the basis of wage regulation, which manifested themselves in different groups of workers, in different regions of the country, at enterprises of various industries and had different reasons. The most characteristic ones were the conflict situations generated by the course of equalizing wages, which meant a decrease in labor motivation for skilled workers and caused their dissatisfaction.

Keywords: *wage differentiation, new economic policy, industrial workers, trade unions, wage regulation, labor incentives, measurement of inequality, OGPU information department*

REFERENCES

Borodkin L. I. [Dynamics of Urban Population Living Standards in the Years of the NEP: New Estimates]. *Rossiyskiye ekonomicheskiye reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vseross. nauch. konf., posvyashchennoy stoletiyu nachala NEPa* [The Regional Dimension of the Russian Economic Reforms:

⁴⁹ Там же. М., 2003. Т. 5: 1927 г.

Proceedings of the All-Russian Conference, Dedicated to the Centenary of the Beginning of the NEP]. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2021, pp. 337–347. (in Russ.).

Braginsky M. O., Bepalov D. S., Borodin V. A. *Ocherki po zarabotnoy plate tekstil'shchikov* [Essays on the wages of textile workers]. Moscow: TsK Vsesoyuznogo profsoyuza tekstil'shchikov Publ., 1930. (in Russ.).

Плукхов А. А. *Kak platili bol'sheviki. Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks paid. The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. (in Russ.).

Rashin A. G. *Zarabotnaya plata za vosstanovitel'nyy period khozyaystva SSSR 1922/23–1926/27 g.g.* [Wages for the recovery period of the USSR economy of 1922/23–1926/27]. Moscow: knigoizd-vo VTsSPS Publ., 1927. (in Russ.).

Для цитирования: Бородкин Л. И. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих на закате нэпа: между «уравниловкой» и стимулированием труда // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 27–37. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-27-37.

For citation: Borodkin L. I. Wage differentiation of industrial workers at the end of the NEP: between “equalization” and labor incentives // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 27–37. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-27-37.

И. М. Гарскова
**ДИНАМИКА НЕРАВЕНСТВА В ОПЛАТЕ ТРУДА В ОТРАСЛЯХ
СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ НЭПА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-38-50

УДК 94(470)“1921/1928”:338

ББК 63.3(2)613-2+65.03(2)6

Одним из наиболее важных вопросов в рамках изучения неравенства доходов в 1920-е гг. является эволюция дифференциации зарплаты рабочих. Политика в области зарплаты в этот период была весьма противоречивой. Наряду с мероприятиями в области стимулирования труда существовали и противоположные тенденции: с середины 1920-х гг. государство и профсоюзы начали проводить политику уравнивания (или выравнивания) зарплаты, одним из элементов которой было ее уравнивание по отраслям производства. Это отражало и народные представления о социализме, и требование малооплачиваемых рабочих получать более высокую зарплату. В данной работе мы ставим задачу анализа дифференциации зарплаты рабочих во второй половине 1920-х гг. В центре внимания обзор источников и апробация методики оценок дифференциации в зарплате рабочих с применением статистических методов. Применение различных методов оценки неравенства связано с характером источников о зарплатах. Разнообразии информации позволяет изучать динамику средних значений (месячных и дневных заработков промышленных рабочих в целом и по отдельным отраслям, а также отдельным профессиям внутри отраслей), отношение зарплат высококвалифицированных и неквалифицированных рабочих. Используются и более сложные методы — вычисление децильного коэффициента и индекса Джини. В статье выявлены основные тренды в динамике дифференциации оплаты труда различных категорий рабочих в годы нэпа.

Ключевые слова: *экономическая история, нэп, неравенство, дифференциация, статистика, зарплата, отрасли, профессии, децильный коэффициент, индекс Джини*

Изучение неравенства является одним из наиболее актуальных вопросов экономической истории. Несмотря на актуализацию темы неравенства доходов и имущества в последние годы, она не получила достаточно основательного отражения в исторических исследованиях, посвященных изучению социально-экономических процессов в России второй половины XIX в. и раннесоветского общества. Число исследований, основанных на материалах по неравенству доходов и имущественного положения населения дореволюционной России и первых десятилетий советского периода, сравнительно невелико.

Задача данной работы — проанализировать дифференциацию зарплаты рабочих как одного из важнейших показателей неравенства. Этот вопрос стоял особенно остро в первое

десятилетие советской власти. Как известно, в годы Гражданской войны заработная плата деньгами безоговорочно уступила уравнильным натуральным выплатам, имевшим скорее характер акций социального спасения, практически не зависящего от трудового вклада и квалификации работника. Катастрофическое падение денежной части реальной заработной платы приводило к уравниловке и фактически лишало зарплату ее мотивационной функции. В начале 1921 г. зарплату уравнивали практически полностью: квалифицированный рабочий получал только на 2 % больше неквалифицированного.¹ Это относится к денежной части зарплаты, которая составляла лишь около 14 % заработка.²

Одним из направлений политики государства в области оплаты труда в течение 1920-х гг. было возвращение к обычным принципам оплаты — в зависимости от количества и качества труда. Ликвидация уравниловки в начале 1920-х гг. велась довольно активно:

Гарскова Ирина Марковна — д.и.н., доцент, Московский государственный университет (г. Москва)
E-mail: irina.garskova@gmail.com

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (рук. Л. И. Бородкин)

¹ См.: Ильяхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 61.

² См.: Там же. С. 66.

уже в первой половине 1922 г. зарплата высококвалифицированного рабочего достигала почти 250 % от зарплаты неквалифицированного (что близко к показателю 1917 г., хотя и меньше, чем в 1913 г.).³

Политика восстановления нормальной зарплаты велась всю первую половину 1920-х гг. Денежная реформа 1923–1924 гг. и постепенная стабилизация финансовой системы способствовали восстановлению зарплаты как важнейшей формы стимулирования труда, его производительности. Однако политика в области зарплаты была весьма противоречивой. Наряду с мероприятиями в области стимулирования труда наблюдались и противоположные тенденции: с осени 1926 г. государство и профсоюзы начали проводить централизованное плановое регулирование — политику уравнивания (или выравнивания) зарплаты, одним из элементов которой было уравнивание по отраслям производства. Легкая промышленность, первой переведенная на хозрасчет и снабжающая рынок товарами широкого потребления, оказалась в значительно лучших экономических условиях, чем тяжелая индустрия, работающая преимущественно на государственного потребителя. Это благоприятствовало росту зарплаты рабочих легкой промышленности и, наоборот, тормозило рост зарплаты в тяжелой промышленности.⁴ Уравнивание объяснялось тем, что труд рабочих примерно равной квалификации в разных отраслях должен оплачиваться примерно одинаково. Это отражало и народные представления о социализме, и требование малооплачиваемых рабочих получать более высокую зарплату. Государство стремилось ускорить рост зарплаты рабочих ведущих отраслей промышленности (каменноугольной, металлургической, химической) и, напротив, сдерживать рост зарплаты в кожевенной, пищевой, полиграфической и ряде других.

Эта политика привела к тому, что в период 1924–1928 гг. зарплату удалось заметно (хотя и не полностью) выравнять, например, в 1928 г. уровень зарплаты в машиностроении был выше, чем в других отраслях. Процесс «выравнивания» продолжался и в годы первой пятилетки: еще и в 1929 г. по размеру оплаты труда лидируют наряду с машиностроением и обработкой металла также обувная, кожевенно-

меховая и полиграфическая отрасли,⁵ однако в начале 1930-х гг. четко обозначилась прямо противоположная тенденция — увеличение разрыва в зарплате высоко- и низкоквалифицированных рабочих.

В данной работе в центре нашего внимания — вторая половина 1920-х гг., обзор источников и апробация методики оценок неравенства в зарплате рабочих в этот период. Что касается материального неравенства в годы нэпа, то специальных работ по оценке степени неравенства в доходах и имуществе не выявлено, однако в отечественной историографии вопрос о дифференциации в той или иной мере затрагивался, в частности, в работах А. Г. Рашина, А. Л. Вайнштейна, С. Г. Струмилина, П. П. Гензеля, А. А. Ильюхова, Л. И. Бородкина.⁶

Среди исследователей, занимавшихся в 1920-е гг. изучением заработной платы, было много ученых дореволюционной школы, что обеспечило преемственность ранней советской статистики по отношению к дореволюционной. В большей степени их занимала дифференциация зарплаты в этот период, связанная с тарифной системой оплаты труда. В 1990-е гг., когда были сняты идеологические барьеры в изучении рабочей истории, широко распространилось изучение мотивации и оплаты труда рабочих. Исследования дифференциации оплаты труда наиболее эффективны с применением статистических методов.

Имеется немало источников, которые позволяют проводить систематические исследования неравенства в годы нэпа. Большой массив статистических данных содержат справочники серии «Труд в СССР», на которые мы и будем опираться в нашем исследовании.⁷

³ См.: Там же. С. 125.

⁴ Рашин А. Г. Дифференциация заработной платы. Современная и довоенная дифференциация заработной платы по профессиям в промышленности // Вестн. труда. 1926. № 7–8. С. 93–103; Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР (история, методология исчисления, динамика). М., 1969; Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1982; Гензель П. П. Налогообложение в России времен НЭПа. М., 2006; Ильюхов А. А. Указ. соч.; Бородкин Л. И. Неравенство доходов в России в XIX — начале XX вв.: сравнительный анализ историографических оценок // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2019. С. 19–24; Он же. Динамика уровня жизни городского населения в годы нэпа: новые оценки // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 336–347.

⁷ Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. М., 1930; Труд в СССР: диаграммы. 1924–1926 гг. М., 1926; Труд в СССР: диаграммы. 1926–1928 гг. М., 1928.

³ См.: Там же. С. 61.

⁴ См.: Там же. С. 122.

Дифференциация в оплате труда на уровне регионов и отраслей труда

Рассмотрим статистику, агрегированную на уровне СССР. Начнем со сведений о средней годовой зарплате для лиц наемного труда по всему несельскохозяйственному сектору: промышленности, строительству, транспорту, торговле и кредиту, государственным учреждениям.⁸ Для того чтобы оценить уровень дифференциации зарплат в разных отраслях труда, можно принять среднюю оплату труда в фабрично-заводской промышленности за 100% и выразить остальные зарплаты в отношении к этому уровню. Результат этих расчетов для 1926/27–1928/29 гг. представлен на рис. 1.

На рис. 1 приведены гистограммы, показывающие отношение зарплат в строительстве, железнодорожном транспорте, в сфере торговли и кредита и в учреждениях административно-судебных, народного просвещения и социального воспитания, врачебно-санитарного дела и ветеринарии, связи и др. Видно, что разрыв в зарплатах между промышленностью и строительством уменьшается, а между промышленностью и железнодорожным транспортом, между промышленностью и торговлей растет. Соотношение зарплат в промышленности и в учреждениях остается практически постоянным. Таким образом, выравнивание мы видим только в сближении уровня зарплат в промышленности и строительстве, где зарплата была существенно выше, чем в остальных отраслях.

Если обратиться к данным о дифференциации зарплат в 1926–1929 гг. не в отраслевом, а в региональном аспекте, взяв за 100% данные по СССР в целом, то можно сделать вывод об уменьшении различий в уровне зарплат меж-

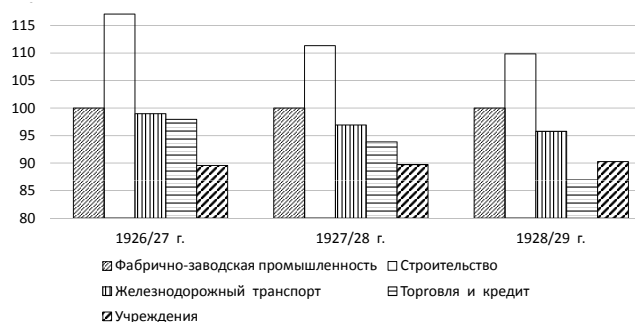

Рис. 1. Заработная плата лиц наемного труда по несельскохозяйственному сектору по отраслям труда в процентах к зарплате в фабрично-заводской промышленности (подсчитано автором) (Источник: *Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг.*, табл. 1, с. 1)

ду СССР в целом и УзбССР, ТССР (Туркменской ССР) и БССР. Заметим, что в изучаемый период зарплата в УзбССР и ТССР была заметно выше средней по стране и поэтому сближение означало, что росла она медленнее, а зарплата в БССР была ниже общесоюзной и росла быстрее. Что же касается РСФСР, УССР, ЗСФСР, никакой определенной тенденции к сближению или расхождению зарплат в этих республиках со средней зарплатой по Союзу в целом не удастся обнаружить. Предполагая, что региональные различия слишком разнообразны, чтобы увидеть более определенную картину, можно рассмотреть дифференциацию внутри РСФСР.

Дифференциация в оплате труда на уровне отраслей промышленности

Ряд источников содержит информацию о зарплатах в различных отраслях промышленности с 1924 по 1929 гг. Объединив эти данные в динамический ряд из 16 кварталов, мы получили для промышленности в целом данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Средний месячный заработок рабочих крупной* промышленности СССР
по кварталам, червонные рубли**

Рабочие	1924/1925 г.				1925/1926 г.				1926/1927 г.				1927/1928 г.			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
По промышленности в среднем	40	41	44	50	53	52	55	58	58	58	60	64	65	67	66	71
Металлисты	45	47	50	58	59	61	64	67	68	67	72	76	77	80	81	85
Пищевики	57	54	57	58	64	62	65	66	67	65	70	74	76	78	80	83
Железнодорожники	40	41	46	52	59	60	62	63	64	65	66	67	67	68	70	71
Химики	41	42	45	49	53	52	55	58	59	57	62	63	64	66	68	70
Горнорабочие	35	36	38	44	51	49	52	55	57	57	58	62	60	61	62	65
Текстильщики	35	35	37	44	44	43	46	49	50	51	52	54	53	57	55	58

* С числом рабочих больше 250 чел.

** Источники: Труд в СССР: диаграммы. 1924–1926; Труд в СССР: диаграммы. 1926–1928; Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. С. 41.

⁸ См.: Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. С. 1.

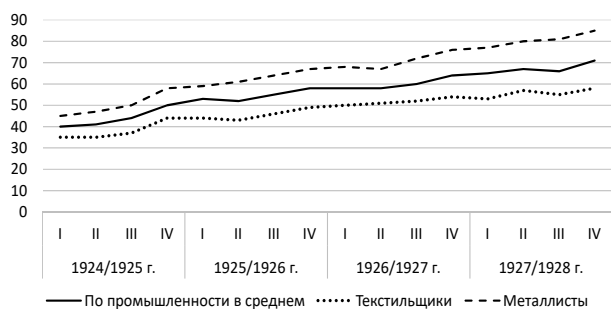

Рис. 2. Динамика зарплат в крупной промышленности с 1924 по 1928 гг.

На рис. 2 показана динамика средней заработной платы по промышленности в целом, а также по двум отраслям с самой высокой средней зарплатой (металлургия) и самой низкой (текстильное производство). Видно, что происходит увеличение разрыва между зарплатами по отраслям, а это говорит о том, что мы не наблюдаем тенденцию к уравниванию на отраслевом уровне. По другим отраслям отметим, что у работников в пищевой промышленности, как и в металлургической, уровень и рост заработной платы был выше, чем по промышленности в целом, а у горнорабочих, напротив, ниже.

В целом динамика заработной платы по разным отраслям промышленности не дает однозначной картины. Если подсчитать величину коэффициента вариации по данным табл. 1 для каждого квартала изучаемого периода, получим нелинейный тренд с убыванием от 22 % до 12,9 % к осени 1926 г. и возрастанием до 16,5 % к осени 1928 г. (см. рис. 3), хотя в целом этот коэффициент снижается. Возможно, нелинейный характер тренда объясняется проблема-

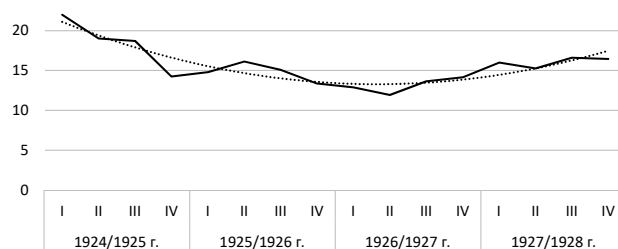

Рис. 3. Динамика коэффициента вариации заработной платы по отраслям, %

ми с введением в этот период новой тарифной сетки и принципов тарификации в различных отраслях промышленности.⁹

Рассмотрим проблему дифференциации на уровне отдельных профессий в различных отраслях.

Дифференциация в оплате труда на уровне профессий по отраслям

Обратимся к сведениям о среднегодовой заработной плате (в червонных руб.) по отраслям труда за 1926/27–1928/29 гг., о среднемесячной и среднедневной заработной плате по предприятиям с числом работающих 250 чел. и выше, в том числе для отдельных профессий в строительстве и на железнодорожном транспорте.¹⁰

В строительстве за восемь кварталов 1927/28–1928/29 гг. и первый квартал 1929/30 г. наиболее высокооплачиваемыми рабочими почти всегда были арматурщики, иногда более высокие зарплаты наблюдались у мостовщиков или водопроводчиков (табл. 2).

Таблица 2

ДНЕВНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ, ЗАНЯТЫХ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ, ЗА 1927/28–1928/29 ГГ. И I КВАРТАЛ 1929/30 Г., ЧЕРВОННЫЕ РУБЛИ*

Профессии	1927/28 г.					1928/29 г.					1929/30 г.
	I	II	III	IV	Год	I	II	III	IV	Год	I
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
В среднем	3,26	2,86	3,97	3,41	3,23	3,44	3,08	3,23	3,52	3,38	3,50
В том числе											
Арматурщики	5,03	4,34	4,42	4,78	4,71	4,89	4,21	4,37	4,68	4,64	4,78
Бетонщики	3,65	3,31	3,45	3,73	3,61	3,72	3,32	3,40	3,76	3,64	3,74
Землекопы	3,19	2,63	2,98	3,42	3,19	3,35	2,78	3,10	3,63	3,38	3,58
Каменщики	4,08	3,41	3,47	3,91	3,81	4,08	3,54	3,62	4,12	3,97	4,25
Кровельщики	4,11	3,73	3,89	4,24	4,07	4,21	3,93	4,08	4,36	4,20	4,34
Маляры	3,85	3,54	3,82	4,13	3,93	4,14	3,92	4,08	4,29	4,16	4,24
Мостовщики	4,52	4,56	3,68	4,49	4,19	4,83	4,03	4,06	4,72	4,58	4,73
Печники	3,97	3,54	3,79	4,26	3,99	4,13	3,59	3,08	4,37	4,14	4,34

⁹ См.: Ильюхов А. А. Указ. соч. С. 179.

¹⁰ См.: Вопросы труда в цифрах: статистический справочник за 1927–1930 гг. М., 1930.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Плотники	3,56	3,21	3,42	3,72	3,55	3,75	3,36	3,60	3,94	3,75	3,84
Столяры	4,14	3,71	3,90	4,09	4,00	4,17	3,86	4,02	4,32	4,14	4,22
Слесари-водопровод.	4,20	3,97	4,20	4,53	4,28	4,45	4,24	4,43	4,55	4,44	4,55
Штукатуры	4,21	3,51	3,74	4,19	4,02	4,23	3,72	2,80	4,24	4,09	4,23
Чернорабочие	2,03	1,94	2,06	2,22	2,10	2,23	2,09	2,16	2,26	2,21	2,23
Ученики	1,19	1,20	1,22	1,20	1,20	1,24	1,23	1,27	1,27	1,26	1,27
Прочие	3,33	6,12	3,25	3,62	3,40	3,65	3,49	3,63	3,79	3,67	3,93

* Источники: Вопросы труда в цифрах... Табл. 46. С. 64.

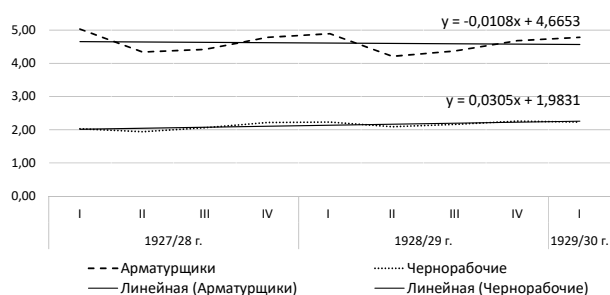

Рис. 4. Динамика зарплат арматурщиков и чернорабочих в строительной отрасли

Наиболее простым показателем дифференциации зарплат по профессиям внутри отрасли является отношение зарплат самых высокооплачиваемых и самых низкооплачиваемых профессий (рис. 4).

На рис. 4 показана динамика зарплат самой высокооплачиваемой и самой низкооплачиваемой профессий по данным табл. 2: приведены исходные данные и линейные тренды. Динамика зарплат чернорабочих показывает слабый рост, а динамика зарплат арматурщиков — слабое убывание, то есть происходит так называемое выравнивание (или уравнивание) зарплат, хотя графики визуально и кажутся почти параллельными. Однако если

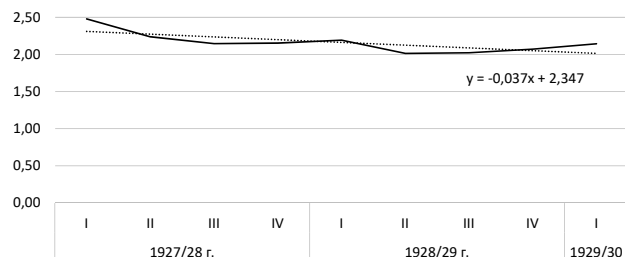

Рис. 5. Динамика отношения максимальной зарплаты к минимальной в строительной отрасли

подсчитать отношение максимальной зарплаты к минимальной, более наглядно видно, что разрыв уменьшается, хотя достаточно медленно и немонотонно (рис. 5).

Среди железнодорожников за 1926/27–1928/29 гг. и первый квартал 1929/30 г. наиболее низкие зарплаты наблюдались в службе пути, наиболее высокие — в управлении (табл. 3).

На рис. 6 представлена динамика максимальной (служба управления) и минимальной (служба пути) зарплат по данным таблицы 3: приведены исходные данные и линейные тренды. Мы видим, что по сравнению со строительными рабочими для железнодорожников динамика и минимальной, и максимальной

Таблица 3

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
ЗА 1926/27–1928/29 И I КВАРТАЛ 1929/30 Г., ЧЕРВОННЫЕ РУБЛИ*

Название служб	Среднемесячный заработок			I квартал
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
По всей сети	68,98	72,97	78,07	81,10
В том числе				
Управление	95,62	104,51	108,07	115,90
Главные мастерские	83,19	88,98	91,54	96,12
Участки службы тяги	77,87	82,76	89,26	92,35
Путь	53,25	56,38	59,80	61,28
Движение	61,70	65,50	70,99	73,20
Связь	70,92	75,48	78,66	81,49
Материальная	59,17	61,69	64,25	68,57

* Источники: Вопросы труда в цифрах... Табл. 47. С. 65.

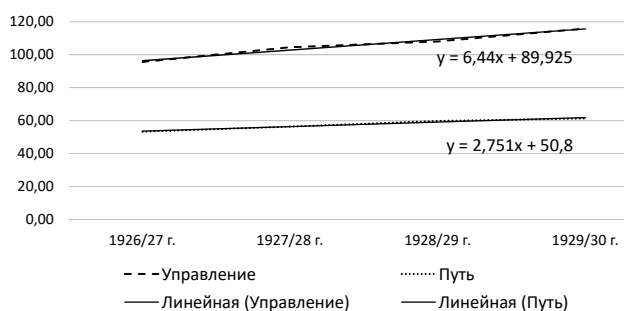

Рис. 6. Динамика максимальной и минимальной зарплат работников железнодорожного транспорта

зарплаты показывает рост, что неудивительно, однако темп роста выше для высокооплачиваемых работников. Таким образом, разрыв растет, хотя и не стабильно.

Обратимся к данным по отраслям обрабатывающей промышленности. Рассмотрим те отрасли, которые чаще всего используют исследователи, приводя сопоставимые данные по текстильной (хлопчатобумажной) промышленности, полиграфической промышленности и металлообработке.

Так, в издании «Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг.» приводится информация о зарплатах рабочих хлопчатобумажного производства мужчин (табл. 4) и женщин (табл. 5) в 1927, 1928 и 1929 гг.

Мы видим, что для мужчин в 1927–1929 гг. отношение максимальной зарплаты (раклистов) к минимальной (чернорабочих) остается в этот период на постоянном уровне 2,8 (табл. 4). Для женщин самая высокая зарплата (ткачихи) в 1,4–1,5 раза больше самой низкой зарплаты (сьемщицы), но динамика этого параметра является скорее убывающей, и это верно также для остальных женских профессий в таблице 5.

Аналогичная информация о зарплатах текстильщиков для 1926 г. приводится в справочнике «Труд в СССР. Диаграммы. 1924–1926 гг.»,¹¹ а для 1925 г. — в статье А. Г. Рашина «Дифференциация заработной платы. Современная и довоенная дифференциация заработной платы по профессиям в промышленности».¹² По этим данным отношение зарплаты раклиста

Таблица 4

Динамика среднего дневного заработка рабочих мужчин отдельных профессий хлопчатобумажного производства за март 1927 — 1929 гг.*

Профессии	Средний дневной заработок					
	В копейках			В % к заработку чернорабочего мужчины		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Раклисты	594,3	616,3	627,9	283,5	280,9	280,3
Подмастерья всех отделов	422,9	440,3	463,6	201,8	200,7	207
Слесари	387,9	421,3	445,3	185,1	192	198,8
Прядильщики	342,8	355,2	378	163,5	161,9	168,7
Присучальщики	267,6	274,3	292	127,7	125	130,4
Ткачи	232,3	241,4	269,7	110,8	110	120,4
Чернорабочие	209,6	219,4	224	100	100	100

* Источники: Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. Табл. 50. С. 46, 47.

Таблица 5

Динамика среднего дневного заработка работниц отдельных профессий хлопчатобумажного производства за март 1927–1929 гг.*

Профессии	Средний дневной заработок					
	В копейках			В % к зарплате сьемщицы		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Ткачихи	221,3	244,6	276,4	147,5	147,8	140,6
Ватерщицы	215,8	243,6	272,2	143,9	147,2	138,6
Ленточницы	203,9	220,4	240,8	135,9	133,2	122,5
Банкбросницы	209,6	225,5	244,9	139,7	136,2	124,6
Моталки, шпульницы и катушечницы	190,3	202	222,4	129,3	122	113,1
Сьемщицы	150	165,5	196,6	100	100	100

* Источники: Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. Табл. 50. С. 48.

¹¹ См.: Труд в СССР: диаграммы. 1924–1926 гг. С. 35, 36.

¹² Рашин А. Г. Указ. соч. С. 100.

Таблица 6

Динамика дневного заработка рабочих-металлистов по отдельным профессиям
в транспортном машиностроении за март 1927 — 1929 г.*

Профессии	Средний дневной заработок в копейках		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Модельщики	457,4	491,8	539
Литейщики	460,4	485	536,8
Кузнецы	483,9	530,5	585,2
Фрезеровщики	410,6	468,5	531,6
Слесари	421,3	463,1	518,5
Токари	411,3	448	494,6
Котельщики	473,6	409,1	504
Молотобойцы	343,5	363,9	442,3
Чернорабочие	238,2	254,2	307,9

* Источники: Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. Табл. 50. С. 46, 47.

к зарплате чернорабочего в 1926 г. равно 2,69, а в 1925 г. — 2,0. Для женщин отношение зарплат ткачихи к зарплате сьемщицы в 1926 г. равно 1,45, а в 1925 г. — 1,57.

Таким образом, разрыв между самой высокой и самой низкой зарплатой в период с 1924 по 1929 г. растет для мужчин и уменьшается для женщин. В целом величина этого параметра для женщин почти вдвое ниже, что объясняется существенно более низким уровнем их зарплат в целом, а уменьшение дифференциации в зарплатах женщин соответствует тенденции большего выравнивания для самых низкооплачиваемых категорий работников.¹³ Возможно, в текстильной отрасли во второй половине 1920-х гг. выравнивание происходило именно зарплат женщин.

Продолжая анализ, приведем данные о зарплате рабочих транспортного машиностроения в марте 1927 — 1929 г. (табл. 6).

Отношение самой высокой среднемесячной зарплаты (кузнецов) к среднемесячной зарплате чернорабочих находится на уровне 2,0–2,1. Сопоставляя этот параметр с данными, которые приведены в справочнике «Труд в СССР» 1926 г.,¹⁴ и данными А. Г. Рашина для 1925 г.,¹⁵ видим, что отношение зарплаты кузнецов к зарплате чернорабочих остается на том же са-

мом уровне 2,0–2,1.¹⁶ Таким образом, в этой отрасли с достаточно высокими зарплатами рабочих процесс уравнивания не отмечается.

Наконец, рассмотрим полиграфическое производство (табл. 7).

Для полиграфистов в марте 1927 — 1929 г. отношение самой высокой среднемесячной зарплаты (наборщиков) к среднемесячной зарплате чернорабочих-мужчин находится на уровне 2,5–2,6. Снова сопоставим этот параметр с аналогичными данными из справочника «Труд в СССР» 1926 г.¹⁷ и из статьи А. Г. Рашина для 1925 г.¹⁸ В результате получается, что отношение зарплаты наборщиков к зарплате чернорабочих фактически остается на постоянном уровне 2,5–2,6. Значит, и в этой отрасли с достаточно высокими зарплатами рабочих процесс уравнивания не отмечается.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. величина отношения зарплаты наиболее высокооплачиваемых к зарплате наиболее низкооплачиваемых работников почти не меняется для рабочих-металлистов и полиграфистов, слабо растет для мужчин-текстильщиков и железнодорожников и убывает в текстильной отрасли для женщин (именно для них мы находим подтверждение процесса выравнивания зарплат). Ситуация с дифференциацией зарплат показывает сильную «отраслевую зависимость». В среднем значения этого параметра в основном находятся в диапазоне 1,5–2,8 и в основном свидетельствуют о том, что мы не наблюдаем доминирования «потухающей

¹³ Обращаясь к данным о зарплате женщин в 1927–1929 гг. (табл. 5), мы обнаруживаем, что в этой таблице отсутствует профессия сновальщицы, которая имеется и в справочниках серии «Труд в СССР» 1926 и 1928 гг., и в статье А. Г. Рашина. В перечисленных источниках сновальщица — самая высокооплачиваемая женская профессия в текстильной промышленности. Можно предположить, что в справочнике «Труд в СССР» допущена опечатка — пропуск строки. Поэтому для обеспечения сравнимости данных нами в качестве самой высокой зарплаты использована зарплата ткачихи.

¹⁴ Труд в СССР: диаграммы. 1924–1926 гг. С. 26.

¹⁵ Рашин А. Г. Указ. соч. С. 99.

¹⁶ Заметим, что после 1926 г. наиболее высокооплачиваемой профессиональной группой в этой отрасли становятся кузнецы, и это учитывается при анализе динамики.

¹⁷ Труд в СССР: диаграммы. 1924–1926 гг. С. 27.

¹⁸ Рашин А. Г. Указ. соч. С. 101.

Таблица 7

ДИНАМИКА ДНЕВНОГО ЗАРАБОТКА РАБОЧИХ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ
ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗА МАРТ 1927 — 1929 Г.*

Профессии	В копейках			В % к заработку чернорабочего мужчины		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Наборщики машинные (мужчины)	602	624,7	662,5	264,3	267,4	252,6
Наборщики ручные (мужчины)	392,6	405,3	441,5	172,3	173,6	168,3
Печатники типографские	408,4	429,6	490	179,3	183,9	186,8
Стереотиперы	466,8	476,7	531,7	204,9	204,1	202,7
Брошюровщики	397,4	422,7	474,7	174,5	181	181
Брошюровщицы	298,6	320,1	372,1	131,1	137	141,9
Переpletчики	347,1	391	457,7	152,4	167,4	174,5
Накладчики типографские	335,7	305	356,3	147,4	130,6	135,8
Фальцовщицы	242,1	255,2	285,8	106,3	109,2	109
Чернорабочие (мужчины)	227,8	233,6	262,3	100	100	100

* Источники: Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. Табл. 52. С. 48.

кривой»¹⁹ как инструмента уравнивающей профсоюзной политики в динамике оплаты труда.

Использование децильных коэффициентов для оценки дифференциации в оплате труда

Отношение максимальной и минимальной зарплат, как и темп роста средней зарплаты, не является идеальным инструментом измерения неравенства, так как не учитывает распределение уровней зарплаты на всем диапазоне ее значений. Ряд таблиц справочника «Вопросы труда в цифрах» имеют особую структуру, ориентированную на более глубокое изучение дифференциации заработной платы работников фабрично-заводской промышленности в целом и по отраслям производства. В этих таблицах категории зарплаты представлены в виде нескольких интервалов и показана доля работников, получавших зарплату в каждом интервале. Такие таблицы для 1927, 1928 и 1929 гг. составлены по данным ежегодного выборочного опроса работников. Объем выборки составлял около 34 % общего числа занятых в фабрично-заводской промышленности, по отдельным отраслям число учтенных работников в общем соответствовало удельному весу этих отраслей.²⁰

Подобные группировки позволяют нам использовать для анализа неравенства в оплате труда более тонкие статистические методы из-

мерения неравенства, такие как индекс Джини и децильный коэффициент.

Напомним, что децильный коэффициент измеряет неравенство в доходах. В случае, когда нам доступны данные о зарплатах на индивидуальном уровне и, следовательно, известны наибольшее и наименьшее значения в упорядоченном ряду значений зарплат, коэффициент представляет собой отношение суммарной или средней зарплаты 10 % самых высокооплачиваемых работников к суммарной или средней заработной плате 10 % самых низкооплачиваемых.

Однако при расчете децильного коэффициента приходится решать две проблемы. Во-первых, как правило, в источниках приводятся не индивидуальные, а уже сгруппированные данные, причем группировка в таблицах проводится по определенным интервалам зарплат, а не по 10 %-м группам численности работников, поэтому если в нижний и (или) верхний интервал попадает больше 10 % рабочих, интервал приходится делить, исходя обычно из предположения о равномерном распределении зарплат внутри интервалов. Если в нижний и (или) верхний интервал попадает меньше 10 % рабочих, интервал приходится объединять с соседним (или частью соседнего), также предполагая равномерное распределение зарплат внутри интервалов.

Например, если в нижний интервал попало 20 % работников, берется его левая часть (от нижней границы до середины интервала), куда, по нашему предположению, попадает половина, то есть 10 % работников. Если в верхний интервал попадает только 5 % работников,

¹⁹ См.: Соколов А. К. Указ. соч. С. 73.

²⁰ Данные о распределении рабочих в долях от общей численности по интервалам зарплаты и по промышленности в целом для рабочих-мужчин и женщин см.: Труд в СССР: диаграммы. 1924–1926 гг. Данные с той же структурой см.: Труд в СССР: диаграммы. 1926–1928 гг.; Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. С. 42; Рашин А. Г. Указ. соч.

Таблица 8

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ ПО РАЗМЕРАМ ДНЕВНОГО ЗАРАБОТКА
ЗА УРОЧНОЕ ВРЕМЯ В МАРТЕ 1928 И 1929 Г.*

Союзы	Число рабочих, вошедших в подсчет, тыс.	Дневной заработок за урочное время, коп.	В том числе получали в коп., в % к итогу							
			До 140 коп.	140,1–220	220,1–300	300,1–380	380,1–460	460,1–540	540,1–620	Свыше 620 коп.
По всей промышленности в марте 1928 г.	758,4	283,0	10,5	27,7	26,6	15,9	9,0	5,3	2,6	2,4
По всей промышленности в марте 1929 г.	835,8	309,3	5,4	23,0	26,8	18,9	11,5	6,6	3,7	4,1
В том числе по союзам в марте 1929 г.										
Металлисты	256,3	376,4	1,2	10,9	22,5	22,4	17,3	11,3	6,8	7,6
Горнорабочие	103,5	257,9	12,6	27,9	26,1	18,0	9,2	3,8	1,6	0,8
Текстильщики	227,2	252,9	6,4	36,2	33,9	15,0	4,8	2,2	1,0	0,5

* Источник: Труд в СССР: справ. 1926–1930 гг. Табл. 52. С. 48; Вопросы труда в цифрах. Табл. 49. С. 67.

а в предшествующий интервал — 10 %, то к верхнему интервалу добавляется правая половина предыдущего интервала, от его середины до верхней границы, то есть 5 % — половина от всей доли работников в этом интервале, и сумма этой правой половины предыдущего интервала с последним интервалом даст 10 % самых высокооплачиваемых работников. На практике, разумеется, приходится делать более сложные соединения и разделения интервалов.

Но есть и вторая проблема: обычно нижний и верхний интервалы являются открытыми: для нижнего интервала не указана нижняя граница (например, он обозначен как «до 30 руб.»), а для верхнего не указана верхняя (например, «больше 200 руб.»). В этом случае нельзя корректно подсчитать суммарную или среднюю зарплату и в качестве оценки зарплат самых низкооплачиваемых берется правая граница нижнего интервала — самая высокая из самых низких зарплат (D1). Аналогичным образом в качестве оценки зарплат самых высокооплачиваемых берется нижняя граница верхнего интервала — самая низкая из самых высоких зарплат (D9). В этом случае в качестве децильного коэффициента выступает отношение D9/D1.

Рассмотрим в качестве примера интервальной организации информации о зарплатах таблицу 8, содержащую данные о размерах среднего дневного заработка за урочное время (при исчислении дневного заработка исключены суммы за сверхурочные работы и все

доплаты, не связанные с проработанным временем — квартирные и проездные деньги, выплата за отпуска и т. п.).

В 1929 г. в нижнем интервале зарплат находятся 5,4 % всех рабочих, в верхнем — 4,1 %. Добавляя к нижнему интервалу 4,6 % рабочих из 23 %, попавших во второй интервал, мы пропорционально берем 1/5 часть этого интервала (то есть столько, сколько составляют 4,6 % от 23 %). Разделив длину второго интервала [140–220 коп.] на 5 частей, присоединением к нижнему интервалу отрезок от 140 до 156 коп., получаем, что значение D1 нижнего дециля равно 156.

Суммарная доля работников, попавших в два верхних интервала, (7,8 %) меньше 10 %, поэтому к ней необходимо добавить еще 2,2 % следующего интервала, который содержит 6,6 % работников. Значит, надо взять 1/3 от длины этого интервала [460–540 коп.], то есть отрезок длиной 26,7 коп. от 513,3 до 540 коп. Таким образом, это дает величину D9 верхнего дециля, равную 513,3. Разделив D9 на D1, получаем децильный коэффициент 3,29. Результаты этих расчетов приведены в таблице 9.

В таблице 10 приведена такая же по структуре информация только на основе размеров среднего месячного заработка за 1927–1929 гг. по отдельным отраслям.

Аналогичные предыдущим расчеты децильных коэффициентов по данным таблицы 10 дают значения, которые приведены в таблице 11.

Таблица 9

**ДЕЦИЛЬНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ ПО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДНЕВНОЙ ЗАРПЛАТЫ
ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В 1928 И 1929 ГГ.**

Союзы	D1	D9	D9 / D1
По всей промышленности в марте 1928 г.	136,19	464,53	3,41
По всей промышленности в марте 1929 г.	156	513,33	3,29
В 1929 г.:			
Металлисты	204,59	591,76	2,89
Горнорабочие	123,49	426,96	3,46
Текстильщики	147,96	372	2,51

* Источники: Вопросы труда в цифрах... Табл. 48. С. 66.

Таблица 10

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ
ПО РАЗМЕРАМ МЕСЯЧНОГО ЗАРАБОТКА ЗА 1927–1929 ГГ.**

Союзы	Число рабочих, во- шедших в подсчет, тыс.	Средний месячный заработок, руб.	В том числе получали в червонных рублях, в % к итогу							
			До 40 руб.	40,1–60	60,1–80	80,1–100	100,1–120	120,1–150	150,1–200	Свыше 200 руб.
По всей промышленности в марте 1927 г.	734,4	62,6	21,3	31,4	22,2	12,7	6,5	4,1	1,6	0,2
По всей промышленности в марте 1928 г.	772,5	71,5	13,7	27,2	24,7	15,0	8,8	6,6	3,3	0,7
По всей промышленности в марте 1929 г.	848,2	74,1	11,1	25,6	24,8	16,8	9,7	7,5	3,8	0,7
В том числе по союзам в марте 1929 г.										
Металлисты	258,4	90,9	4,2	14,0	22,1	21,6	15,5	13,3	7,7	1,6
Горнорабочие	105,0	64,3	16,3	28,5	25,6	16,5	7,8	3,9	1,2	0,2
Бумажники	7,9	77,7	11,3	21,9	26,6	15,8	11,0	7,9	4,2	1,3
Печатники	17,4	89,9	3,6	17,9	23,3	17,7	14,5	13,9	6,8	2,3
Текстильщики	231,0	59,7	15,1	38,4	28,7	11,0	3,8	2,3	0,7	0,0
Швейники	19,3	93,2	2,5	11,4	21,3	23,4	18,7	16,0	5,9	0,8
Кожевники	38,9	89,5	4,7	16,9	20,3	19,7	15,5	13,7	8,0	1,2
Химики	87,9	72,4	18,8	22,1	18,5	17,6	10,6	8,3	3,5	0,6

* Источники: Вопросы труда в цифрах...

Таблицы 10 и 11 показывают, что в конце 1920-х гг. в целом по промышленности тенденции уменьшения дифференциации в оплате труда выявляются на децильных коэффициентах, поскольку рост зарплат низкооплачиваемых рабочих идет более быстрыми темпами. Отметим, что более высокие значения коэффициентов мы видим на дифференциации месячных зарплат, возможно, потому, что из них не исключались суммы за сверхурочные работы и доплаты, квартирные и проездные деньги, выплаты за отпуска, в отличие от данных о дневных зарплатах. Поэтому мы

можем предположить, что более корректно измерять степень неравенства для средних дневных зарплат.

Отметим, что децильные коэффициенты для разных отраслей в 1929 г. заметно различаются: наиболее высокие значения у химиков (4,2), имеющих самую низкую величину D1: самая высокая в группе низких зарплат составляет 30,6 руб./мес. Самое низкое значение децильного коэффициента у швейников (2,7), имеющих при этом самую высокую величину D1, то есть для них самая высокая в группе низких зарплат составляет 53,2 руб./мес.

Таблица 11

ДЕЦИЛЬНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ ПО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МЕСЯЧНОЙ ЗАРПЛАТЫ
ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В 1927–1929 ГГ.

Союзы	D1	D9	D9/D1
По всей промышленности в марте 1927 г.	29,4	107	3,65
По всей промышленности в марте 1928 г.	34,6	123	3,55
По всей промышленности в марте 1929 г.	38	128	3,37
В 1929 г.:			
Металлисты	48,3	148	3,07
Горнорабочие	32,3	108	3,35
Бумажники	37,7	133	3,53
Печатники	47,2	148	3,14
Текстильщики	33,2	94,2	2,80
Швейники	53,2	144	2,71
Кожевники	46,3	148	3,20
Химики	30,6	129	4,20

Таким образом, наблюдается отрицательная связь между первым децилем и значением децильного коэффициента, то есть в тех отраслях, где шел процесс выравнивания, он прежде всего отражался на повышении минимальных зарплат. Зарплаты наиболее квалифицированных рабочих повышались медленнее (а иногда и уменьшались), что приводило к уменьшению дифференциации, сказывающейся на соответственном уменьшении децильных коэффициентов.

Использование индекса Джини для оценки дифференциации в оплате труда

Следующим этапом является измерение дифференциации с помощью индекса Джини, который дает более точную оценку неравенства, учитывающую распределение дохода по группам населения, что требует более детальной информации о доходах не только наиболее бедной и наиболее богатой группы, но также каждой из остальных групп.

Индекс Джини говорит о степени неравенства распределения доходов (в нашем случае — заработной платы) среди населения (в нашем

случае — выборочной совокупности рабочих). Его величина может принимать значения в диапазоне от 0 (в случае абсолютного равенства, когда процент рабочих, получающих определенную зарплату, совпадает с процентом их зарплаты в общем количестве совокупной зарплаты) до 1 (в случае абсолютного неравенства, когда, например, всю зарплату получит один человек). Чем больше неравенство, тем выше значение индекса Джини.

Можно проверить на данных таблицы 8 степень дифференциации зарплаты с помощью индекса Джини (см. табл. 12) и визуализировать результаты в виде так называемой кривой Лоренца.

В нашем случае значение индекса Джини сравнительно невелико, и это подтверждает вывод, что дифференциация находится на не слишком высоком уровне. Более того, мы видим и слабую тенденцию к убыванию индекса к 1929 г., уже отмеченную при расчете децильных коэффициентов. Сравнение индекса для промышленности в целом и отдельных отраслей наглядно демонстрирует, что в целом по промышленности дифференциация выше,

Таблица 12

ИНДЕКС ДЖИНИ ПО ДАННЫМ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДНЕВНОЙ ЗАРПЛАТЫ
ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В 1928 И 1929 ГГ.

Союзы	Индекс Джини
По всей промышленности в марте 1928 г.	0,25
По всей промышленности в марте 1929 г.	0,24
В 1929 г.:	
Металлисты	0,21
Горнорабочие	0,24
Текстильщики	0,20

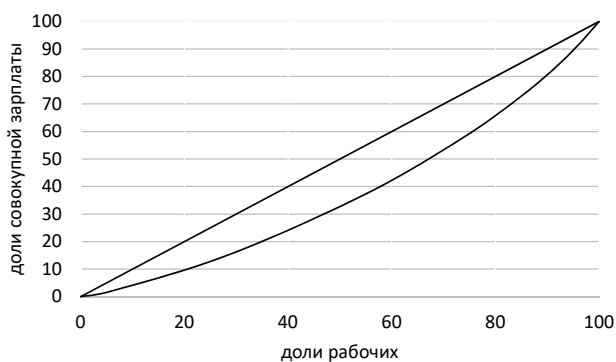

Рис. 7. Кривая Лоренца по данным о дневном заработке по всей промышленности в марте 1929 г. (табл. 10, вторая строка)

чем в отдельных отраслях, за счет большего разнообразия данных по всей совокупности зарплат. Более того, в отраслях, для которых дифференциация выше по децильному коэффициенту, тот же эффект наблюдается и по индексу Джини.

Для иллюстрации результатов на рис. 7 показана кривая Лоренца по данным о дневном заработке по всей промышленности в марте 1929 г. Чем больше кривая Лоренца отклоняется от диагонали квадрата 100×100 (процентов), тем выше степень неравенства. В нашем случае вид графика соответствует сравнительно невысокому значению индекса Джини.

Данная работа в значительной степени носит методический характер с апробацией методов для анализа комплекса статистических источников о дифференциации оплаты труда. Показано, что применение различных методов оценки неравенства в значительной степени связано с характером источников. Разнообразие информации позволяет изучать динамику средних значений (месячных и дневных заработков по промышленности в целом, отдельным отраслям, а также отдельным профессиям внутри отраслей), отношение зарплат высококвалифицированных и неквалифицированных рабочих, а также использовать более сложные методы — вычисление децильных коэффициентов и индекса Джини. По-

лученные различными методами результаты хорошо согласуются и дополняют друг друга, оставляя исследователю возможность выбора наиболее адекватных подходов.

Приложение использованных методов для изучения дифференциации зарплат во второй половине 1920-х гг. на данных разного уровня агрегирования показывает значительную зависимость от отраслевой специфики зарплат, которая связана с централизованной политикой государства и профсоюзов. В то же время на уровне профессий в отдельных отраслях выявлена отрицательная связь между первым децилем (наибольшей из 10 % самых низких зарплат) и децильным коэффициентом. Это свидетельствует о том, что процесс выравнивания прежде всего отражался на повышении оплаты труда наиболее низкооплачиваемых групп рабочих. Зарплаты квалифицированных рабочих повышались медленнее, а иногда даже уменьшались. Это приводило к уменьшению дифференциации, сказывающейся на соответственном уменьшении децильных коэффициентов. Наконец, исследование показало, что при анализе дифференциации зарплат предпочтительнее использовать данные о дневных зарплатах.

Результаты анализа подтверждают существование во второй половине 1920-х гг. двух тенденций в оплате труда, о чем писал А. К. Соколов: «...с первых лет советской власти обозначился по сути главный конфликт: борьба уравнительной и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд».²¹ Исследование показало, что в этот период не существовало общей тенденции в динамике дифференциации зарплат: у железнодорожников и полиграфистов разрыв между зарплатами высоко- и низкооплачиваемых категорий рабочих не уменьшался, а даже немного увеличивался, у металлистов и текстильщиков-мужчин уровень дифференциации фактически оставался без изменений, и только в динамике зарплат текстильщиков-женщин, как и рабочих-строителей, мы обнаруживаем проявление политики уравнивания.

²¹ Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. М., 2000. Вып. 4. С. 43.

Irina M. Garskova

Doctor of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: irina.garskova@gmail.com

DYNAMICS OF WAGES INEQUALITY IN SOVIET INDUSTRY IN THE NEP YEARS: A COMPARATIVE ANALYSIS

One of the most important questions in the study of income inequality in the 1920s is evolution of the differentiation of workers' wages. Salary policy during this period was very controversial. Along with measures in the field of labor incentives, there were also opposite trends: from the mid-1920s the state and trade unions began to pursue a policy of wages equalization, one of the elements of which was its equalization by branches of labor. This reflected both popular beliefs about socialism and the demand of low-paid workers for higher wages. This article aims at analyzing the differentiation of workers' wages in the second half of the 1920s. It focuses on the study of sources and approbation of the methodology for assessing the differentiation in the wages of workers using statistical methods. The use of different methods for assessing inequality is largely related to the nature of the information in the sources on wages. Diverse information allows us to study the dynamics of average values (monthly and daily wages of industrial workers in general and in various industries, as well as by professions within industries), the ratio of wages of highly skilled and unskilled workers. More complex methods are also used — the calculation of the decile coefficient and the Gini index. The article identifies the main trends in the dynamics of differentiation of wages of various categories of workers in the NEP years.

Keywords: *economic history, NEP, inequality, differentiation, statistics, wages, industries, professions, decile coefficient, Gini index*

REFERENCES

- Borodkin L. I. [Dynamics of Urban Population Living Standards in the Years of the NEP: New Estimates]. *Rossiyskiye ekonomicheskiye reformy v regional'nom izmerenii: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvyashchennoy stoletiyu nachala NEPa* [The Regional Dimension of the Russian Economic Reforms Proceedings of the All-Russian Conference, Dedicated to the Centenary of the Beginning of the NEP]. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2021, pp. 337–347. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [Income inequality in Russia in the 19th — early 20th centuries: comparative analysis of historiographical assessments]. *Istoricheskiye vyzovy i ekonomicheskoye razvitiye Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem* [Historical Challenges and Economic Development of Russia: Proceedings of the All-Russian Sci. Conf. with International Participation]. Ekaterinburg: OOO Universal'naya tipografiya "Al'faPrint" Publ., 2019, pp. 19–24. (in Russ.).
- Genzel P. P. *Nalogooblozheniye v Rossii vremen NEPa* [Taxation in Russia during the NEP]. Moscow: O-vo kuptsov i promyshlennikov Rossii Publ., 2006. (in Russ.).
- Plyukhov A. A. *Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks paid: The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. (in Russ.).
- Rashin A. G. [Differentiation of wages. Modern and pre-war differentiation of wages by profession in the industry]. *Vestnik truda* [Bulletin of Labor], 1926, no. 7–8, pp. 93–103. (in Russ.).
- Sokolov A. K. [Soviet policy in the field of motivation and stimulation of labor (1917 — mid-1930s)]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye* [Economic history. Review]. Moscow: MGU Publ., 2000, iss. 4, pp. 39–80. (in Russ.).
- Strumilin S. G. *Problemy ekonomiki truda* [Problems of labor economics]. Moscow: Nauka Publ., 1982. (in Russ.).
- Vainshtein A. L. *Narodnyy dokhod Rossii i SSSR (istoriya, metodologiya ischisleniya, dinamika)* [National income of Russia and the USSR (history, methodology of calculation, dynamics)]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (in Russ.).

Для цитирования: Гарскова И. М. Динамика неравенства в оплате труда в отраслях советской промышленности в годы нэпа: сравнительный анализ // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 38–50. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-38-50.

For citation: Garskova I. M. Dynamics of wages inequality in Soviet industry in the nep years: a comparative analysis // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 38–50. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-38-50.

В. Н. Владимиров, Н. В. Неженцева, А. С. Щетинина
**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
РАБОЧИХ СИБИРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД НЭПА (1925–1929)***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-51-62 УДК 94(571)“1925/1929”:338

ББК 63.3(253)613-2+65.03(253)6

Обращение к экономической истории отдельных регионов, таких как Сибирь, необходимо для создания полноценного представления о социальных и экономических процессах в региональном измерении, что дает более полную картину развития страны в целом. В статье рассматривается дифференциация заработной платы трех групп рабочих Сибирского края, трудившихся в добывающей и обрабатывающей промышленности, в строительстве и на железнодорожном транспорте в 1925–1929 гг. Основными источниками исследования стали два связанных между собой статистических издания — «Бюллетень статистики труда Сибирского края» и «Бюллетень статистики труда и промышленности», издававшиеся в Новосибирске в 1926–1929 гг. На основе построения временных рядов и их обработки рассмотрены межотраслевые различия в размере средней заработной платы промышленных рабочих, обсуждается соотношение между наиболее и наименее оплачиваемыми отраслями и тенденции его изменения. Обсуждается также разница в дневной заработной плате между неквалифицированными (чернорабочие) и квалифицированными строителями. Показана дифференциация размера зарплаты в железнодорожном транспорте как по профессиональным группам, так и в соответствии с квалификацией и сферой деятельности. Обсуждается заработная плата работников управления железных дорог и ее соотношение с другими профессиональными группами. Рассматривается вопрос о наличии или отсутствии тенденции к выравниванию заработной платы во второй половине 1920-х гг. в межотраслевом и внутриотраслевом контексте.

Ключевые слова: *экономическая история, Сибирь, Сибирский край, дифференциация по доходам, заработная плата, промышленность, профессия, статистика, тенденция, тренд*

Постановка проблемы изучения экономического неравенства, в частности по доходам, обусловлена фундаментальным характером исследования этих проблем для экономической истории любой страны. Изучение экономического развития СССР в период нэпа (1921–1929) вызывает интерес историков и экономистов, порождая оживленные дискус-

сии о содержании новой экономической политики и ее влиянии на развитие социальных и экономических отношений. Одно из интересных в этом отношении направлений исследования — обращение к экономической истории отдельных регионов, например Сибири, для создания полноценного представления о рассматриваемых процессах в региональном измерении.

*Владимиров Владимир Николаевич — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
E-mail: vnapple@yandex.ru*

Сибирь всегда занимала особое место в системе управления и функционирования такой огромной страны, как Россия. Это было обусловлено многими факторами: экономическими, политическими, географическими и — далеко не в последнюю очередь — природными условиями. Региональная специфика Сибири была достаточно ярко выражена, начиная с ее вхождения в состав России в конце XVI — XVII в., эти различия продолжали существовать в советский период страны, сохраняются они и в сейчас.

*Неженцева Наталья Владимировна — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
E-mail: neshenzewan@mail.ru*

*Щетинина Анна Сергеевна — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
E-mail: anyash83@mail.ru*

Природные условия Сибири — это, с одной стороны, достаточно жесткий и сложный для проживания климат, с другой — наличие огромного количества самых разнообразных природных ресурсов. Сложности проживания здесь

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (рук. Л. И. Бородин)

обусловили значительно меньшую по сравнению с европейской частью страны плотность населения, а огромные расстояния — трудности в передвижении людей и распространении информации, дороговизну перевозок.

В этом плане важно обеспечить непрерывность исследования экономического состояния населения России в целом и его регионов на протяжении такого сложного исторического периода, как начало XX в. (позднеимперский период в истории России) и первые годы после Октябрьской революции, включая период нэпа, что позволит создать реальную картину возможных изменений в экономическом неравенстве различных категорий населения после установления советской власти и в ходе восстановления экономики страны.

Общая цель исследования, в рамках которого выполнена статья, заключается в оценке экономического неравенства различных категорий населения Российской империи/России/СССР в конце XIX — первые десятилетия XX в. Настоящая работа посвящена изучению дифференциации доходов городского населения, прежде всего рабочих, чьи доходы определялись в основном размером заработной платы. Изучение этого важнейшего аспекта проблемы неравенства позволит понять, насколько проявлялась специфика Сибири в дифференциации доходов и уровне жизни населения России в годы проведения новой экономической политики.

Источниками для изучения рассматриваемых проблем послужили в основном статистические издания, содержащие информацию о зарплате рабочих как в стране в целом, так и в регионах Сибири (прежде всего речь идет о Сибирском крае, в котором проживала основная часть населения этой огромной территории). Выявляются общие тенденции динамики соотношения заработной платы различных категорий рабочих внутри конкретных отраслей, а также специфические для Сибири процессы соотношения зарплат в различных отраслях промышленности.

На сегодняшний день имеется достаточно большое количество исследований, где приводятся сведения об имущественном положении и доходах различных категорий населения Сибири, в том числе в первые годы советской власти и в период новой экономической политики. Однако исследований, специально посвященных именно оценкам неравенства по доходам, практически нет. Не ставились ранее

и задачи оценки дифференциации заработной платы и ее динамики.

В рассмотрении подходов к таким оценкам с привлечением соответствующих статистических источников, а также в верификации гипотезы о том, что в рассматриваемый период был взят курс на выравнивание заработной платы промышленных рабочих, и заключается новизна настоящего исследования.

Наиболее информативные источники, характеризующие рассматриваемые процессы в годы нэпа, относятся ко второй половине 1920-х гг. После завершения гражданской войны и установления советской власти в Сибири, как и на территории всей страны, стала формироваться система государственных статистических органов,¹ которые приступили к изданию многочисленных статистических бюллетеней, вестников, справочников и т. д. Их полный анализ представляет собой отдельную задачу, для решения же вопросов, поставленных в настоящей статье, отметим ряд материалов, изданных в Новосибирске и относящихся к территории такого административного образования, как Сибирский край, которое просуществовало в течение 5 лет (1925–1930). Эта административная единица включала в себя территории современных республик Хакасия и Алтай, Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Иркутской (с 1926 г.) и частично Тюменской областей. Общая площадь Сибирского края на 1930 г. составляла 4 064 тыс. кв. км.² После образования Сибирского края началась перестройка его управления в целом и статистических органов в частности. Было образовано Сибирское краевое статистическое бюро, а в декабре 1926 г. на его базе сформирован Статистический отдел Сибкрайисполкома.³

По вопросам имущественной дифференциации всех категорий населения Сибирского края одними из наиболее интересных и информативных, на наш взгляд, изданий, являются «Бюллетень статистики труда Сибирского края»

¹ См.: Становление статистики в Сибири. Новосибирск, 2010.

² См.: Папков С. А. Сибирский край // Историческая энциклопедия Сибири. URL: http://sibhistory.edu54.ru/index.php?title=СИБИРСКИЙ_КРАЙ&oldid=6910 (дата обращения: 09.11.2021).

³ См.: Никитенко Н. Н. Государственная статистика в Сибири в 1917–1930 гг. в документах Государственного архива Новосибирской области // Развитие территорий. 2018. № 1 (11). С. 75.

(далее — БСТ), выходявший с 1926 по 1928 гг., и его фактическое продолжение — «Бюллетень статистики труда и промышленности» (далее — БСТП), издававшийся в 1928–1929 гг.

БСТ в количестве шести выпусков выходил под эгидой Объединенного краевого бюро статистики труда Сибкрайстатуправления, Сибкрайсовпрофа и Сибкрайтруда, включая и профсоюзную статистику. В нем публиковались справочные материалы и комментарии к ним по сибирской статистике, однако главным содержанием были многочисленные статистические таблицы, включая сведения о заработной плате рабочих и служащих различных отраслей и сфер труда.

БСТП издавался Сибирским краевым статистическим отделом и по своей структуре, содержанию и стилю практически не отличался от своего предшественника, однако в нем наблюдается некоторое расширение тематики и увеличение количества разделов. Авторский коллектив менялся от выпуска к выпуску, но и в БСТ, и в БСТП в качестве авторов встречаются фамилии одних и тех же людей. Формально было издано восемь выпусков, однако они уместились в четырех отдельных книжках: вторая и третья представляли собой сдвоенные выпуски, а четвертая — строенный. В предисловии к первому выпуску БСТП заведующий Сибкрайстатотделом В. А. Каврайский отмечает, что объединенный Бюллетень предоставляет обширный статистический материал по процессам производства и наемного труда в промышленности, отмечая, что «до сих пор в наших публикациях этой увязки не было». ⁴ Это, пожалуй, можно рассматривать как косвенное подтверждение преемственности БСТП и БСТ.

Говоря о становлении советской государственной статистики в Сибири, В. И. Шишкин отмечает, что в 1920-е гг. в сибирских статистических службах сложился очень сильный костяк специалистов, получивших хорошее образование, имеющих большой опыт практической работы и сыгравших большую роль в становлении статистической отрасли. ⁵ Столь же высокую оценку сибирским статистикам этого периода дает и В. А. Исупов, отмечая, что они «обеспечили высокое качество статистических работ во второй половине 1920-х гг. Короткий период нэпа с полным правом можно имено-

вать “золотым веком” сибирской статистики». ⁶ Анализ использованных в настоящей работе статистических материалов полностью подтверждает сказанное известными сибирскими историками. Изучение самих данных и способов их сбора и агрегации позволяет сделать вывод о высоком уровне советской статистики и достаточной надежности статистических данных того времени.

С точки зрения рассматриваемых нами вопросов наибольший интерес представляют сведения текущей статистики заработной платы рабочих промышленности, служащих, а также занятых в сельском хозяйстве, опубликованные в виде статистических таблиц с краткими комментариями составителей. На основе этих сведений можно составить динамические ряды данных, которые позволяют рассматривать изменения как в политике государства, так и в социально-экономических процессах среди населения, в том числе и те или иные аспекты формирования различных социальных групп. Представлены материалы о заработной плате в отдельных регионах Сибири и по отдельным профессиям, прежде всего это касается строительных и железнодорожных рабочих и служащих. На основе этих материалов можно делать выводы о повышении и/или снижении уровня дифференциации в заработной плате рабочих различных отраслей, имея в виду, что зарплата была здесь обычно единственным (учитываемым) источником дохода. Другие наборы данных, связанные с интервальной дифференциацией заработной платы по ее размеру, дают возможность перейти к вычислению более точных измерителей неравенства (децильные коэффициенты), а также позволяют сделать выводы о неравенстве в зарплате по полу и возрасту.

В зависимости от характера данных формируется методика исследования. В изучении промышленных рабочих мы показываем межотраслевое соотношение и межотраслевую динамику заработной платы. Строительная отрасль показана изнутри, рассматривается дифференциация зарплаты по отдельным профессиям. Таким же образом представлены тенденции дифференциации заработной платы работников железнодорожного транспорта, но не по отдельным профессиям, а по профессиональным группам.

⁴ БСТП. № 1. Июль 1928 г. С. I.

⁵ См.: Шишкин В. И. У истоков государственной советской статистики в Сибири // Вестн. НГУЭУ. 2010. № 1. С. 78.

⁶ Исупов В. А. Демографическая статистика в Сибири: история становления (1920–1930-е годы) // Вестн. НГУЭУ. 2010. № 1. С. 91.

Таблица 1

ДВИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ДОБЫВАЮЩЕЙ И ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СИБИРСКОГО КРАЯ В 1925–1929 ГГ., руб.

Отрасли / год, квартал	1925		1926			
	III	IV	I	II	III	I
Добыча и обработка минералов	40,24	40,68	39,33	42,84	46,00	46,98
Обработка металлов	49,49	48,89	48,98	55,46	56,69	55,54
Машиностроение	45,46	43,35	44,74	48,15	57,63	52,78
Обработка дерева	40,73	42,49	40,57	48,33	49,09	46,15
Химическая промышленность	26,79	26,68	24,88	28,84	30,92	31,57
Пищевкусовая промышленность	39,44	41,66	41,06	43,86	42,43	45,38
Обработка материалов животного происхождения	40,46	42,40	38,37	35,24	37,99	37,33
Кожевенно-меховая промышленность	40,69	45,07	45,07	47,60	48,98	52,86
Обработка волокнистых веществ	34,45	35,38	33,17	30,43	35,17	35,40
Одежда и туалет	35,73	38,93	40,27	43,82	42,90	46,04
Полиграфическое производство	44,58	52,53	53,96	56,21	53,76	54,12
Производство физических сил и водоснабжение	44,82	48,20	47,60	49,12	49,80	53,09
Добывающая промышленность	42,03	42,16	43,19	47,25	48,85	48,14

Источники: Бюллетень статистики труда Сибирского края. Новосибирск. № 1. Июль 1926 г. С. 29. Табл. 13; № 2. Октябрь 1926 г. С. 33. Табл. 6; № 3. Январь 1927 г. С. 34. Табл. 6; № 4. Апрель 1927 г. С. 18. Табл. 9; № 5. Октябрь 1927 г. С. 28. Табл. 14; № 6. Январь 1928 г. С. 24. Табл. 11; Бюллетень статистики труда и промышленности. Новосибирск. № 1. Июль 1928 г. С. 18, 19. Табл. 10; № 2–3. Январь 1929 г. С. 34, 35. Табл. 11–11а; № 6–8. 1929 г. С. 24–26. Табл. 9–11.

В ходе исследования все имеющиеся данные были введены в соответствующие таблицы и обработаны в программе электронных таблиц Microsoft Excel. В этой же программе производилась визуализация результатов (создание графиков и диаграмм).

Дифференциация зарплаты промышленных рабочих Сибирского края

Обратимся к анализу динамики заработной платы промышленных рабочих Сибирского края во второй половине 1920-х гг. Сведения о ней даются в соответствующих таблицах источников (БСТ и БСТП) о среднем месячном заработке фабрично-заводских рабочих Сибири за определенный квартал 1925–1929 гг.⁷

Сведение данных в общую таблицу дает возможность анализа непрерывных изменений в размере заработной платы, начиная с третьего квартала 1925 г. и заканчивая вторым кварталом 1929 г. (табл. 1). При составлении таблицы проверены все опечатки и внесены необходимые изменения. Необходимо отметить, что список отраслей периодически корректировался составителями Бюллетеня, поэтому пришлось вносить некоторые коррективы и в составляемую таблицу. Так, лишь в части таблиц источника встречаются такие отрасли, как производство бумаги, научно-художественная промышленность и некоторые другие, поэтому они не включались в обработку. В итоге

⁷ См.: БСТ. № 1. Июль 1926 г. С. 29. Табл. 13; БСТ. № 2. Октябрь 1926 г. С. 33. Табл. 6; БСТ. № 3. Январь 1927 г. С. 34. Табл. 6; БСТ. № 4. Апрель 1927 г. С. 18. Табл. 9; БСТ. № 5. Ок-

тябрь 1927 г. С. 28. Табл. 14; БСТ. № 6. Январь 1928 г. С. 24. Табл. 11; БСТП. № 1. Июль 1928 г. С. 18, 19. Табл. 10; БСТП. № 2–3. Январь 1929 г. С. 34, 35. Табл. 11–11а; БСТП. № 6–8. 1929 г. С. 24–26. Табл. 9–11.

Продолжение таблицы 1

1927				1928				1929	
I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II
45,16	47,91	50,74	52,02	53,41	51,81	56,97	55,92	57,37	52,87
54,59	57,49	60,72	61,21	61,45	65,92	68,94	70,76	71,23	73,59
48,70	54,20	64,11	59,60	59,76	62,79	68,51	68,42	65,49	69,32
45,76	47,82	51,42	48,42	49,10	49,66	56,04	52,78	51,67	53,05
31,75	37,22	32,93	45,49	49,05	47,60	49,40	50,72	51,78	51,17
44,30	48,71	49,00	48,64	50,07	49,68	49,20	51,80	49,65	54,63
42,30	48,15	52,05	43,21	50,64	57,22	50,66	50,56	54,80	55,06
52,76	56,80	56,94	57,02	62,76	61,47	66,03	62,67	61,28	61,61
37,58	35,36	37,33	37,68	38,51	41,03	36,49	38,22	39,96	45,47
43,74	45,94	48,76	47,79	50,36	54,29	56,73	57,40	57,34	56,98
53,95	57,94	59,25	60,65	62,14	64,82	65,70	67,93	67,98	70,13
53,89	54,41	53,97	56,25	58,53	58,83	63,00	59,74	60,56	63,20
49,35	53,05	57,05	55,20	55,74	54,76	56,17	55,86	57,46	59,43

в составленной нами таблице присутствует среднеквартальная заработная плата рабочих 13 отраслей промышленности за 16 кварталов, что составляет полные четыре года и позволяет выявить соотношение размера зарплаты по разным отраслям и попытаться ответить на вопрос: имелся ли общий тренд на сокращение разрыва в размере зарплат рабочих разных отраслей (уравнительная тенденция) либо межотраслевая дифференциация заработков возрастала?

Следует отметить, что величина зарплаты в таблице выражена в разных единицах, большей частью в золотых рублях, только со второго квартала 1928 г. ее начали рассчитывать в червонных рублях. Тем не менее, поскольку этот переход произошел одновременно для всех отраслей, такая разница не влияет на показатели дифференциации заработной платы для любого среза времени и, соответственно, определение характера их динамики. Точно таким же образом инфляционная динамика не

имеет значения для измерения неравенства в заработной плате и доходах.

Прежде всего следует выяснить отрасли с самыми высокими и самыми низкими значениями среднемесячной зарплаты. Для этого рассчитаем среднюю на протяжении рассматриваемых 16 кварталов зарплату для каждой отрасли. В результате наиболее высокими оказались зарплаты рабочих таких отраслей, как обработка металлов (60,06 руб.), полиграфическое производство (59,10 руб.) и машиностроение (57,06 руб.). Наименьшие значения зарплаты (с довольно большим отрывом) наблюдаются у рабочих, занятых в обработке волокнистых веществ (36,98 руб.) и химической промышленности (38,55 руб.). Не вызывает удивления, что именно на металлообработку приходится максимум заработной платы по всем отраслям в более чем половине 16 кварталов. Ежеквартальные минимумы зарплаты приходятся в равной степени на отрасли «обработка волокнистых веществ» и «химическая промышленность».

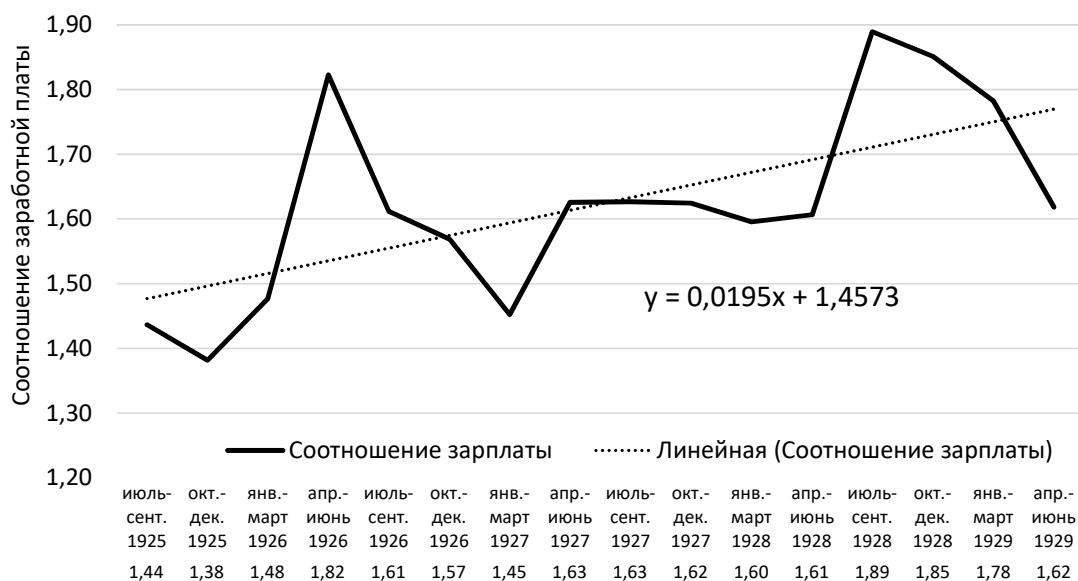

Рис. 1. Поквартальная динамика соотношения заработной платы в обработке металлов и обработке волокнистых веществ. Посчитано по данным табл. 1

Но распределены они неравномерно: минимумы зарплаты в химической промышленности приходятся на 1925–1927 гг., а минимумы в обработке волокнистых веществ — на 1927–1929 гг. Размер заработной платы рабочих химической промышленности резко возрос, начиная с октября–декабря 1927 г., однако так и остался меньше, чем в остальных отраслях — кроме обработки волокнистых веществ.

Для сравнения размеров зарплаты в Сибири приведем некоторые цифры ее соотношения со средней по стране зарплатой в 1926/27 г., размеры которой указаны в монографии А. А. Ильюхова.⁸ Так, средняя зарплата металлистов в Сибири составляла в этом хозяйственном году 57,08 руб. — 82,4% от средней зарплаты 69,25 руб. в стране. В химической промышленности — 33,33 руб. — 53,8% от 62 руб. соответственно. Значительно меньше был разрыв в пищевой промышленности — 46,83 руб. (94,2%) в Сибири и 49,71 руб. в стране. Что касается сравнения зарплат рабочих Сибири с московскими, то, например, на первый квартал 1926 г. средняя номинальная зарплата рабочих в сибирской промышленности составляла 59,5% от московской.⁹ Разрыв в реальной зарплате был существенно меньше. В сравнении с Уралом сибирские рабочие зарабатывали несколько больше, в среднем на 3,5% (номинальная зарплата), а в реальном

выражении этот разрыв увеличивался. Исключением из этого была только химическая промышленность, где заработки в Сибири были значительно меньше. Объясняется это, по мнению авторов Бюллетеня, «различным характером производств, учитываемых по этой отрасли промышленности на Урале и в Сибири».¹⁰

Исходя из полученных результатов, для сравнения нами были выбраны в качестве отрасли с самой высокой зарплатой металлообработка, а в качестве отрасли с самой низкой — обработка волокнистых веществ. Визуализация динамических рядов с размерами средней заработной платы в двух отраслях наглядно демонстрирует тенденцию к общему увеличению средней заработной платы в обеих отраслях при общем расхождении линий тренда, что означает более быстрый рост зарплаты в металлообработке.

На следующем этапе исследования произведено вычисление поквартального соотношения величин заработной платы отрасли с самой высокой (металлообработка) и самой низкой (обработка волокнистых веществ) зарплатами. В среднем за весь период это соотношение составило 1,62. На полученном графике (рис. 1) хорошо видно, что величина соотношения среднего размера заработной платы в металлообработке и обработке волокнистых веществ имеет некоторую тенденцию к увеличению. Это означает, что разница в средней заработной плате рабочих между наиболее и наименее оплачиваемой отраслями увеличивалась.

⁸ См.: Ильюхов А. А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 141. Табл. 36.

⁹ См.: БСТ. № 2. Октябрь 1926 г. С. 11.

¹⁰ БСТ. № 3. Январь 1927 г. С. 7.

Таблица 2

ДВИЖЕНИЕ ДНЕВНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСТИ
СИБИРСКОГО КРАЯ В 1926–1928 ГГ., руб.

Профессии / год, квартал	1926			1927				1928		
	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III
Бетонщики	2,90	3,31	2,50	2,20	2,72	3,26	2,46	2,50	2,47	2,95
Землекопы	1,86	2,34	2,78	2,04	2,13	3,20	2,82	2,49	2,27	3,12
Каменщики	2,28	2,96	3,38	2,31	2,62	3,30	3,03	2,95	2,30	3,15
Кровельщики	2,39	3,00	3,55	3,27	2,90	3,14	3,07	2,78	2,77	3,19
Маляры	1,92	2,33	3,17	4,41	2,74	3,35	2,92	2,61	2,81	2,93
Печники	2,08	2,88	2,64	2,30	2,79	3,44	3,05	2,90	2,68	3,42
Плотники	2,03	2,28	1,99	2,01	2,33	2,66	2,49	2,19	2,39	2,65
Столяры	2,67	3,29	3,83	2,67	3,43	3,12	3,29	2,68	3,07	3,14
Слесари- водопровод- чики	1,83	2,77	4,12	2,04	2,72	3,52	3,23	2,61	2,83	3,58
Штукатуры	1,97	4,15	4,13	2,62	3,09	3,78	3,48	2,80	2,87	3,24
Чернорабочие	1,35	1,64	1,42	1,31	1,53	1,64	1,58	1,56	1,49	1,74

Источники: Бюллетень статистики труда Сибирского края. № 3. Январь 1927 г. С. 38. Табл. 9; № 6. Январь 1928 г. С. 28. Табл. 15; Бюллетень статистики труда и промышленности. № 2–3. Январь 1929 г. С. 46. Табл. 18.

Представляет определенный интерес и вопрос о доле заработной платы рабочего в общих доходах семьи, что позволит ответить на закономерный вопрос о том, насколько зарплата главы семьи определяла ее общее благосостояние, насколько иные источники дохода могли выровнять дифференциацию в доходах, обусловленную заработной платой рабочих различных отраслей и категорий. Обращаясь к годовым приходным бюджетам фабрично-заводских рабочих Сибири в 1927 и 1928 гг., можно обнаружить, что доля зарплаты главы семьи по основному занятию составляла соответственно 85,4 % и 84,0 % (при этом еще 4,4 % и 3,9 % добавляли прочие доходы и пособия по соцстраху главы семьи),¹¹ что позволяет уверенно говорить о его подавляющей доле в общем доходе семьи, а также о подавляющей доле зарплаты в доходах рабочего — главы семьи.

Можно с некоторой осторожностью говорить о том, что в ориентации профсоюзов на уравнительную тенденцию в размере зарплаты и стремлении администрации к увеличению материальной заинтересованности квалифицированных рабочих в наиболее важных отраслях производства в рассматриваемый период побеждала вторая тенденция. Из этого следует, что дифференциация в размере зарплаты рабочих-металлистов, представителей тяжелой

промышленности, и рабочих, связанных с обработкой волокон растительного и животного происхождения (легкая промышленность), увеличивалась, хотя и незначительно. Отметим здесь региональную специфику Сибири: с середины 1920-х гг. государство, хозяйственные органы и профсоюзы начали проводить политику уравнивания (или выравнивания) заработной платы, в том числе по отраслям производства.¹²

*Дифференциация зарплаты
в строительстве*

Используемые нами источники содержат также информацию о заработной плате в строительстве. Однако эти данные имеют иную структуру, нежели рассмотренные выше. По строительной отрасли выделено 11 основных профессий и представлен их средний дневной заработок рабочих за 10 кварталов — со второго квартала 1926 г. по третий квартал 1928 г. (табл. 2).¹³ При этом, как отмечается в источнике, учтены все стройки с числом рабочих не менее 50.¹⁴

Вычисление средней дневной заработной платы по профессиям строителей за весь период дает следующие результаты (рис. 2).

¹² См.: Ильюхов А. А. Указ. соч. С. 122–124.

¹³ См.: БСТ. № 3. Январь 1927 г. С. 38. Табл. 9; БСТ. № 6. Январь 1928 г. С. 28. Табл. 15; БСТП. № 2–3. Январь 1929 г. С. 46. Табл. 18.

¹⁴ См.: БСТ. № 3. Январь 1927 г. С. 7.

¹¹ См.: БСТП. № 6–8. 1929 г. С. 57. Табл. 1.

Рис. 2. Средняя дневная заработная плата рабочих строительных специальностей Сибирского края за 1926–1928 гг. Посчитано по данным табл. 2

Наибольшая зарплата была у штукатуров (3,21 руб.), за ними шли столяры (3,12 руб.) и кровельщики (3,01 руб.). У представителей остальных профессий средняя дневная зарплата составляла меньше трех рублей. Наименьшая зарплата наблюдалась у чернорабочих, в среднем за 10 кварталов это 1,53 руб. в день, что составляет около 48 % от зарплаты штукатуров. Ближайшие к чернорабочим строительные профессии отстоят от них по уровню дневной зарплаты достаточно далеко: плотники зарабатывали 2,30 руб. в день, а землекопы немного больше — 2,51 руб.

Среднее за изучаемый период соотношение зарплаты штукатуров и чернорабочих составляет 2,11. По отдельным кварталам его величина колеблется от 1,46 до 2,91, что было обусловлено сезонными колебаниями зарплаты.

Важным является ответ на вопрос о том, сближались или расходились по своему размеру заработные платы наиболее и наименее квалифицированных рабочих? В зависимости от этого можно говорить об увеличении или уменьшении дифференциации доходов, поскольку заработок рабочего был, как уже отмечалось, единственным учитываемым источником его дохода. Для иллюстрации выведем на график поквартальное соотношение средних дневных зарплат наиболее и наименее оплачиваемых профессий (рис. 3). Хорошо заметно, что зарплата чернорабочих имеет очень слабый, почти незаметный тренд к повышению и не подвержена сезонным колебаниям.

Зарплата штукатуров, наоборот, сильно от них зависит. В источнике отмечено, что ее пики приходятся на лето и осень, что хорошо видно на графике (кварталы 2–3, 6–7, 10).¹⁵ Что касается временного тренда роста величины средней дневной заработной платы, то он минимально отрицательный, практически нулевой.

Ситуация со штукатурками характерна и для большинства остальных строительных профессий, которые имеют довольно большие сезонные колебания средней дневной заработной платы, но при этом почти нулевой тренд к ее росту или снижению. Средний прирост при этом не превышает, как правило, 0,01–0,02 с положительным либо отрицательным знаком. Некоторое исключение в этом плане представляют землекопы, печники и слесари-водопроводчики с более заметным трендом роста зарплаты. Если же взять отношение дневной заработной платы наиболее высокооплачиваемых штукатуров к дневной зарплате наименее оплачиваемых чернорабочих (рис. 4), мы вновь увидим незначительно отрицательный тренд с коэффициентом 0,03, что тоже говорит о стабильности.

Таким образом, у строительных рабочих не было столь заметных процессов дифференциации заработной платы внутри отрасли, по крайней мере за 1926–1928 гг. Она оставалась достаточно стабильной, а разница в дневной заработной плате между неквалифицирован-

¹⁵ См.: БСТ. № 6. Январь 1928 г. С. 6.

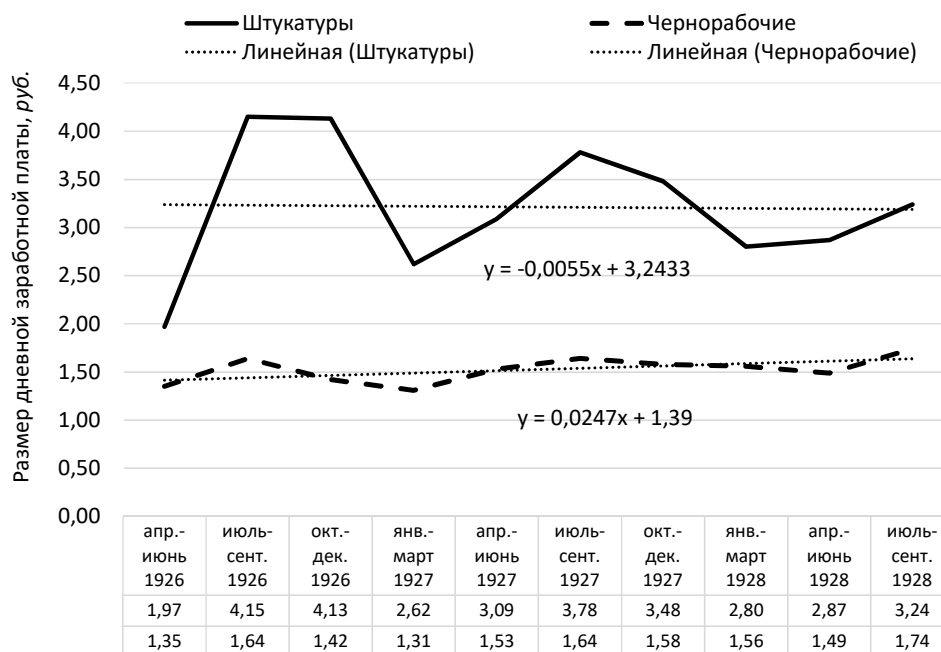

Рис. 3. Поквартальная динамика средних дневных зарплат штукатуров и чернорабочих за 1926–1928 гг. Посчитано по данным табл. 2

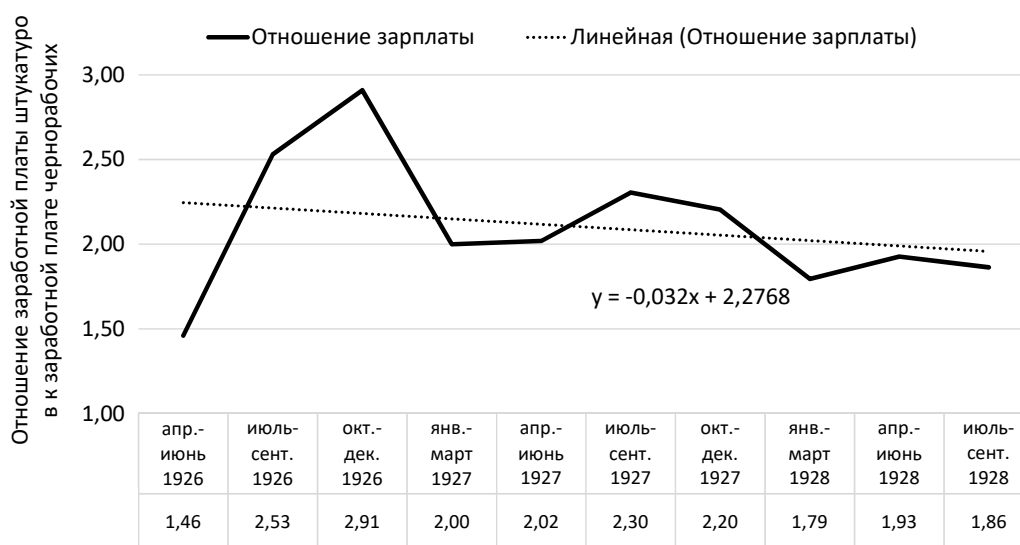

Рис. 4. Динамика отношения заработной платы штукатуров к заработной плате чернорабочих. Посчитано по данным табл. 2

ными (чернорабочие) и квалифицированными строителями была достаточно большой.

Дифференциация зарплаты на железнодорожном транспорте

Данные о заработной плате по железнодорожному транспорту представлены в источниках не по отдельным профессиям, а по профессиональным группам, таким как управление дороги и службы тяги, пути, эксплуатации, связи и хозяйственно-материальная служба, что было связано с особенностями статистики

железных дорог.¹⁶ Данные представлены за десять временных периодов (с первого квартала 1927 г. по второй квартал 1929 г.), семь из которых представляют собой полные кварталы, а три — один из месяцев соответствующего квартала.¹⁷ В целом эти данные представляются вполне пригодными для выявления основных

¹⁶ См.: БСТ. № 5. Октябрь 1927 г. С. 10.

¹⁷ См.: БСТ. № 5. Октябрь 1927 г. С. 37. Табл. 21; БСТ. № 6. Январь 1928 г. С. 27. Табл. 14; БСТП. № 1. Июль 1928 г. С. 22, 23. Табл. 13; БСТП. № 2–3. Январь 1929 г. С. 47. Табл. 19; БСТП. № 4–5. Июль 1929 г. С. 27. Табл. 11; БСТП. № 6–8. 1929 г. С. 34, 35. Табл. 17, 18.

Таблица 3

ДВИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ СИБИРСКОГО КРАЯ
в 1927–1929 гг., руб.

Службы / год, квартал	1927				1928				1929	
	I	II	III	ноябрь	февраль	июнь	III	IV	I	II
Управление дороги	74,86	74,94	79,02	78,54	82,11	88,66	85,08	85,26	85,54	90,79
Служба тяги	68,66	70,94	70,86	68,99	69,41	75,68	74,77	74,91	76,66	78,62
Служба пути	48,82	48,97	49,49	45,71	52,35	54,99	53,72	51,65	52,70	53,35
Служба эксплуатации	57,76	57,53	56,58	56,08	57,42	59,86	60,58	59,91	60,51	61,61
Служба связи	64,50	67,97	70,40	68,53	69,37	65,31	69,75	67,08	68,85	71,05
Служба хозяй- ственно-мате- риальная	52,89	51,26	49,90	50,52	47,55	53,66	55,01	57,60	56,02	60,99

Источники: Бюллетень статистики труда Сибирского края. № 5. Октябрь 1927 г. С. 37. Табл. 21; № 6. Январь 1928 г. С. 27. Табл. 14; Бюллетень статистики труда и промышленности. № 1. Июль 1928 г. С. 22, 23. Табл. 13; № 2–3. Январь 1929 г. С. 47. Табл. 19; № 4–5. Июль 1929 г. С. 27. Табл. 11; № 6–8. 1929 г. С. 34, 35. Табл. 17, 18.

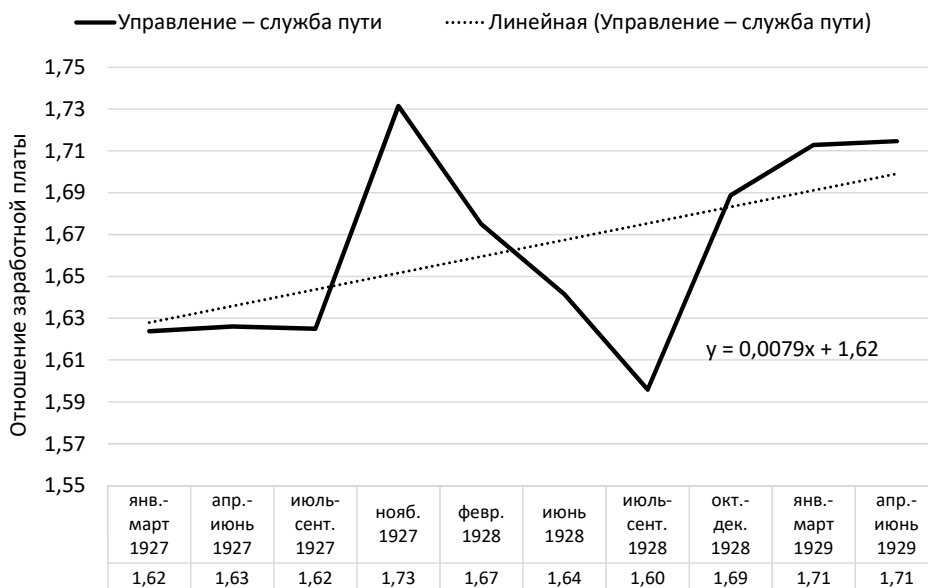

Рис. 5. Динамика отношения средней заработной платы в управлении железной дороги к средней заработной плате в службе пути. Посчитано по данным табл. 3

трендов изменения соотношений в заработной плате различных категорий работников.

В источнике представлены отдельные материалы по Омской и Томской железным дорогам, которые обслуживали территорию Сибирского края соответственно в западной и восточной его частях. Кроме этого имеются усредненные данные по обоим дорогам вместе. Визуальный анализ показывает, что размер заработной платы аналогичных служб по двум разным железным дорогам различается (зарплаты на Омской в начале рассматриваемого периода были несколько выше, чем на Томской), но различия имеют тенденцию к сокращению в конце периода, поэтому мы посчитали

возможным остановиться на общих по обоим дорогам усредненных данных по заработной плате, которые также представлены в источнике (табл. 3).

Наибольшая средняя хронологическая величина заработной платы за весь рассматриваемый период наблюдается у работников управления дорог (84,54 руб.). За ними следуют работники службы тяги, куда входили машинисты, помощники, кочегары и т. д. (74,32 руб., что существенно ниже). Далее с достаточно большим отрывом (64,94 руб.) следовала служба связи, за ней служба эксплуатации (60,09 руб.), включавшая различных дежурных, составителей поездов, стрелочни-

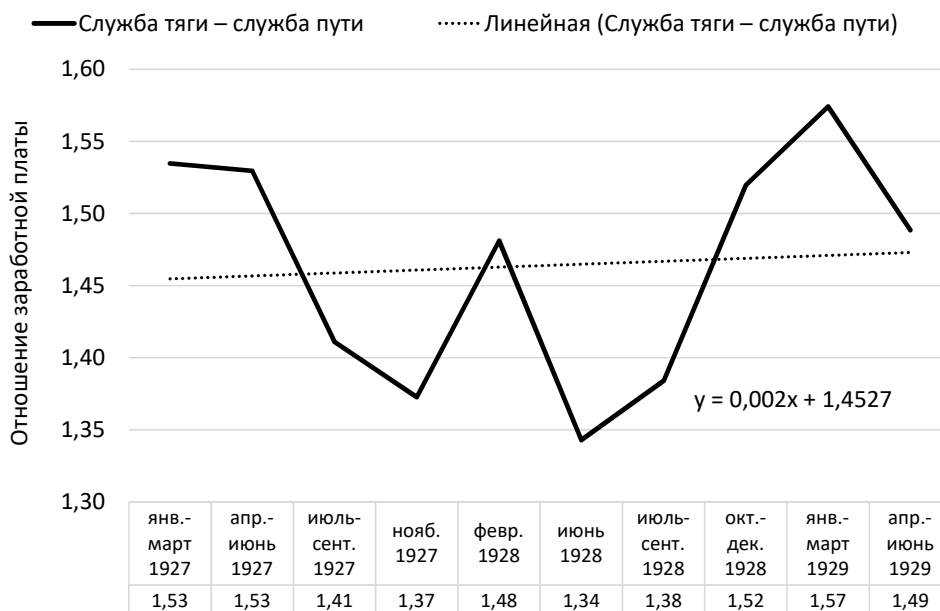

Рис. 6. Динамика отношения средней заработной платы в службе тяги к средней заработной плате в службе пути. Посчитано по данным табл. 3

ков и т. п. Наименьшая зарплата была у работников хозяйственно-материальной службы (52,06 руб.) и службы пути, включавшей дорожных мастеров, путевых сторожей и пр. (50,81 руб.).

Железнодорожники Сибири по размеру заработной платы опережали рабочих сибирской промышленности. Так, во втором квартале 1927 г. средняя зарплата промышленного рабочего составляла лишь 84 % средней заработной платы железнодорожника.¹⁸

Анализ тенденций выплат заработной платы у всех шести профессиональных групп показывает, что за рассматриваемый период зарплата повышалась у всех, но разными темпами. Наиболее быстро это повышение проходило у управленцев и службы тяги, у остальных — гораздо медленнее. Соотношение самых высокооплачиваемых (управление) и самых низкооплачиваемых (служба пути) работников в среднем за рассматриваемый период составляло 1,66 и имело небольшую тенденцию к повышению (рис. 5). Если же рассматривать те же категории работников без управленцев, то соотношение размера заработной платы работников службы тяги к размеру заработной платы работников службы пути составляло в среднем 1,46 и практически не имело тенденции к росту за рассматриваемый период (рис. 6).

Таким образом, в сфере железнодорожного транспорта размер заработной платы был сильно диф-

ференцирован в соответствии с квалификацией и сферой деятельности и был достаточно стабильным. Важно подчеркнуть, что неуклонно росла заработная плата работников управления железных дорог. В целом тенденции к выравниванию заработной платы различных категорий работающих не наблюдается.

В ходе различных статистических обследований и формирования текущей статистики в третьем десятилетии XX в. был создан большой по объему и разнообразный по содержанию массив статистических данных, позволяющий исследовать развитие экономики и социальной сферы, в том числе вопросы имущественной дифференциации и неравенства по доходам в Сибирском крае. Исследование трех групп рабочих разных отраслей (промышленность, строительство и железнодорожный транспорт) позволяет прийти к следующим выводам.

Межотраслевая дифференциация заработной платы в добывающей и обрабатывающей промышленности Сибири была выражена в достаточной степени, в динамике изменения размеров заработной платы между наиболее и наименее оплачиваемыми отраслями наблюдается некоторая тенденция к увеличению разрыва. В строительной отрасли величина заработной платы изменялась в значительной степени под влиянием сезонных факторов, как и соотношение зарплат наиболее и наименее оплачиваемых профессий. В железнодорожном

¹⁸ См.: БСТ. № 5. Октябрь 1927 г. С. 11.

транспорте размер зарплаты рос у всех профессиональных групп примерно в одинаковой степени, единственным исключением были работники управления, зарплата которых росла более высокими темпами.

В целом по данным изученного материала можно говорить о практическом отсутствии в промышленности, строительстве и железнодорожном транспорте выраженной тенденции к выравниванию заработной платы.

Vladimir N. Vladimirov

Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: vnapple@yandex.ru

Natalia V. Nezhentseva

Candidate of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: neshenzewan@mail.ru

Anna S. Shchetinina

Candidate of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: anyash83@mail.ru

WAGE DIFFERENTIATION AMONG WORKERS IN THE SIBERIAN KRAI
DURING THE NEP PERIOD (1925–1929)

The article emphasizes that the study of economic history of individual regions, such as Siberia, is necessary to create a full-fledged understanding of regional social and economic processes thus providing a more complete perception of the country's development as a whole. It addresses wage differentiation among three groups of workers in the Siberian Krai who were employed in mining and manufacturing industries, construction and railway transport in 1925–1929. The main sources of the study were two related statistical publications — “Byulleten' statistiki truda Sibirskogo kraia” and “Byulleten' statistiki truda i promyshlennosti” published in Novosibirsk in 1926–1929. Based on the construction of time series and their processing, the authors consider the inter-branch differences in the size of the average wages of industrial workers and discuss the relationship between the most and the least paid industries and the tendencies of its change. The difference in daily wages between unskilled (blue-collar workers) and skilled construction workers is also discussed. The differentiation of wages in railway transport is shown both by professional groups and in accordance with qualifications and field of activity. The authors discuss the salary of the railway administration employees and its correlation with other professional groups as well as the issue (in a cross-sectoral and intra-sectoral context) of whether there was a tendency towards equalization of wages in the second half of the 1920s.

Keywords: *economic history, Siberia, Siberian krai, income differentiation, wages, industry, profession, statistics, tendency, trend*

REFERENCES

- Ilyukhov A. A. *Kak platili bol'sheviki. Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks paid. The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. (in Russ.).
- Isupov V. A. [Demographic statistics in Siberia: formation history (1920-th.–1930-th.)]. *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], 2010, no. 1, pp. 90–101. (in Russ.).
- Nikitenko N. N. [State statistics in Siberia in 1917–1930s in the documents of the State Archive of the Novosibirsk Region]. *Razvitiye territoriy* [Development of territories], 2018, no. 1 (11), pp. 75–82. (in Russ.).
- Papkov S. A. [Siberian Krai]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Available at: http://sibhistory.edu54.ru/index.php?title=СИБИРСКИЙ_КРАЙ&oldid=6910 (accessed: 09.11.2021). (in Russ.).
- Shishkin V. I. [The foundation of the Soviet state statistics in Siberia]. *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], 2010, no. 1, pp. 72–78. (in Russ.).
- Stanovlenie statistiki v Sibiri* [Development of statistics in Siberia]. Novosibirsk: NGUEU Publ., 2010. (in Russ.).

Для цитирования: Владимиров В. Н., Неженцева Н. В., Щетинина А. С. Дифференциация заработной платы рабочих Сибирского края в период нэпа (1925–1929) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 51–62. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-51-62.

For citation: Vladimirov V. N., Nezhentseva N. V., Shchetinina A. S. Wage differentiation among workers in the Siberian Krai during the NEP period (1925–1929) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 51–62. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-51-62.

Е. Г. Водичев

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И СОВЕТСКИЙ ЭГАЛИТАРИЗМ:
ИДЕИ И ИДЕАЛЫ ОТ СТАЛИНА ДО ХРУЩЕВА***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71

УДК 94(470)“19”:338

ББК 63.3(2)6+65.03(2)6

Проблема экономического неравенства имеет большое значение для понимания причин социально-экономических и политических коллизий. Вместе с тем использование традиционных концептуальных подходов при изучении дифференциации советского общества характеризуется ограниченными возможностями. В обществе, где отсутствуют отношения собственности, экономические категории, применяемые для анализа неравенства (такие как доходы, доля в совокупном богатстве, возможности потребления и др.), требуют специфических интерпретаций, отличных от рыночных коннотаций. Цель статьи — определить ключевые факторы реального социально-экономического неравенства и баланс «идей и идеалов» экономического эгалитаризма и неравенства в доктрине сталинизма и идеологемах хрущевской оттепели. В статье даны объяснения дифференциации в доходах населения. Социально-экономическая основа классического сталинизма интерпретирована как система иерархии статусов. Особенности социально-экономической политики Хрущева представлены сквозь призму эгалитаризма и консюмеризма. Показано место этих идеологем в основном доктринальном документе эпохи — Третьей программе КПСС. Сделан вывод, что в рамках сложившейся системы модель общества потребления вступала в конфликт с традиционной моделью административной экономики и стратифицированным по внеэкономическим основаниям обществом и заведомо проигрывала последней. Дифференциация официальных доходов, демонстрировавшая тенденцию к некоторому снижению, совершенно не означала уменьшения неравенства в потреблении, которое определялось местом в иерархии статусов.

Ключевые слова: *экономическое неравенство, сталинизм, Хрущев, Третья программа КПСС, советская социально-экономическая политика, эгалитаризм, консюмеризм, иерархия статусов*

Анализ экономического неравенства — классическая проблема экономики, но в рамках экономической истории СССР ей не уделяется должного внимания. Между тем эта проблема имеет огромное значение для характеристики типа и особенностей экономических отношений, выявления потенциальных «точек бифуркации» и латентного уровня социальной напряженности. Ретроспективно анализ проблем неравенства значим для понимания причин социально-экономических и политических коллизий, происходивших в стране, а также использования институтами власти тех или иных механизмов нивелирования противоречий. Наконец, проблема неравенства —

один из важных факторов в оценке эффективности реализованной экономической модели.

Цель данной работы — определить ключевые факторы неравенства и баланс «идей и идеалов» экономического эгалитаризма и неравенства в доктринах сталинизма и хрущевской оттепели, а также в представлениях самого Н. С. Хрущева в годы его руководства компартией и страной. Такие факторы рассматриваются и как допущения, и как ограничения при выявлении результативности мероприятий, направленных на снижение дифференциации инструментами социально-экономической политики в годы хрущевского десятилетия. В данной статье анализируется лишь макроуровень проблемы. Сюжеты, относящиеся к территориальной, профессиональной и т. п. дифференциации, а также неравенству в контексте дихотомии «город — деревня», остаются вне поля зрения и представляют особую задачу.

Проблема анализа экономического неравенства в советском обществе совсем не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд. Осмелимся предположить, что ее исследование в чисто экономическом аспекте если и возможно, то вряд ли достаточно информативно.

*Водичев Евгений Григорьевич — д.и.н., профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск); профессор кафедры отечественной истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: vodichev@mail.ru*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00061 «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики “хрущевского десятилетия”» (рук. Е. Т. Артемов)

Исходя из специфики советского режима и особенностей нерыночной экономики в СССР, представляющей собой политико-идеолого-экономический субстрат, использование традиционных концептуальных подходов и соответствующего категориального аппарата не способно обеспечить реального понимания ситуации в сфере неравенства в исторической ретроспективе.

Традиционно при исследовании экономического неравенства изучаются неравенство доходов, неравенство имущества и неравенство потребления.¹ При анализе проблемы обычно используются такие классические инструменты, как медианный доход, коэффициент Джини, децильный коэффициент, квинтильный коэффициент, коэффициент 50/40/10, коэффициент Пальма, индекс Тейла, и др. Между тем, как справедливо отмечается в историографии, проблема неравенства «давно уже вышла за рамки чисто экономического фактора и приобрела серьезный социально-политический аспект. Господствующие в обществе представления о справедливости определяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие».²

При введении в область анализа социальных проекций часто выделяются неравенство возможностей, под которым обычно понимается неравенство из-за внешних обстоятельств (социальный статус и образовательный уровень родителей, раса и страна происхождения и т. п.) и остаточное неравенство, возникающее как следствие индивидуальных усилий человека и прочих субъективных факторов. В экономической литературе построены уже ставшие классическими концепты, позволяющие связать уровень экономического неравенства с экономическим развитием, хотя по ряду принципиальных оснований в некоторых случаях они противоречат друг другу (как, например, концепты С. Кузнеца и Т. Пикетти,

представленные аудитории в различное историческое время).³

Большинство имеющихся концептов и теорий хорошо работает при исследовании обычной рыночной экономики и связанной с ней социальной структуры, но дает сбои при попытках ретроспективного анализа советской социально-экономической системы. Проблемы этого, на наш взгляд, скрываются в базовых методологических основаниях. Основные подходы к анализу экономического неравенства разработаны исходя из допущений о наличии экономики рыночного типа, которая базируется на категории собственности и праве частной собственности как отправном понятии экономической деятельности. Все модели анализа советской экономики, независимо от опорного методологического концепта, естественным образом построены на реалиях отсутствия частной собственности на средства производства, а также наличия квазисобственности (личной собственности) на предметы потребления. В обществе, где нет частной собственности и слиты воедино идеологические и политические факторы, определяющие развитие экономики (а не наоборот, как утверждает теория марксизма), принципиально важные для анализа неравенства экономические категории (такие как доходы, доля в совокупном богатстве, возможности потребления и др.) приобретают совершенно иное звучание. «В системе, в которой отношения собственности по владению, распоряжению и использованию разделены, а цены устанавливаются директивно, исходя из политических и иных целей, говорить о распределении богатства и доходов в общепринятом смысле достаточно бессмысленно».⁴

Как известно, коммунистическая доктрина провозглашала всеобщее равенство, а социальное равенство подразумевало и отсутствие выраженной экономической дифференциации. Несмотря на то что этот тезис противоречил тому факту, что в индустриальном обществе уже сама неоднородность общественного труда является объективной предпосылкой экономического неравенства,⁵ именно он был положен в основу советского коммунистического

¹ См.: London Z. G. Measuring inequality. A three-headed hydra // *The Economist*. 2014. 16 July. URL: <https://www.economist.com/free-exchange/2014/07/16/a-three-headed-hydra> (дата обращения: 12.08.2021).

² Анисимова Г. В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // *Terra Economicus*. 2016. Т. 14, № 1. С. 71.

³ См.: Kuznets S. Economic growth and Income inequality // *The American Economic Review*. 1955. Vol. XLV, № 1. P. 1–28; Piketty T. *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA; London, 2014.

⁴ Клисторин В. И. Россия в XX веке. Цена революции // *ЭКО. Всерос. эконом. журнал*. 2017. № 11 (521). С. 41.

⁵ См.: Кронрод Я. А. Производительные силы и общественная собственность. М., 1987.

мифотворчества. «Советская идеология рассматривает СССР как самое меритократическое из всех существующих обществ». Но абстрагироваться от реальности было невозможно. По этой причине идеология «стремилась оправдать существование социального неравенства (пусть и временного) тем, что объективные механизмы, создающие это неравенство, подчинены глобальной задаче по ликвидации сохраняющихся социальных различий в более отдаленном будущем».⁶

Провозглашенный принцип общественной собственности на средства производства сам по себе не подразумевал экономического эгалитаризма: прибавочный продукт оказывался в распоряжении общества, то есть населения в целом, которое в идеале должно было обеспечить его справедливое распределение. Однако *de facto* субъектом, владеющим и распоряжающимся общественной собственностью и произведенным продуктом, становилось государство в лице соответствующих институций. Именно от государства зависела доля продукта, которая могла оказаться в пользовании той или иной части общества. Причем пользование всегда оставалось ограниченным и кондичиональным, то есть его возникновение и прекращение обуславливалось рядом условий (в праве частной собственности же «по умолчанию» интегрировались владение, пользование и распоряжение).

С точки зрения такого параметра экономического неравенства, как неравенство доходов, в СССР децильный коэффициент с начала 1930-х до середины 1950-х гг. составлял от 3 до 5. По проведенным некоторыми экономистами расчетам, доля доходов верхних 1 % и 10 % населения России действительно резко сократилась с 18 % и 47 % в 1905 г. до менее 4 % и 23 % в 1925 г., но затем несколько подросла до 6 % и 26 % к 1955 г.⁷ В целом же дифференциация статистически учитываемых доходов в условиях классического сталинизма оставалась относительно невысокой.

Однако это были лишь весьма усредненные показатели. Годы формирования сталинской системы привели к некоторому возрастанию

дифференциации доходов. По имеющимся данным, величина богатства, принадлежавшего 1 % наиболее обеспеченного населения, с середины 1930-х до середины 1950-х гг. увеличилась с почти 4 до 6 %.⁸ Вроде бы незначительный прирост в реальности означал быстрое увеличение возможностей политических элит: происходил процесс фиксации привилегий номенклатуры, численность которой стремительно возрастала. Экстремальные условия Второй мировой войны не только не воспрепятствовали этому, но даже ускорили процесс. Высокие доходы были характерны не только для высшего уровня партийно-государственной бюрократии, но и для узкого круга представителей индустриальной и научно-технической элиты, занятого в решении приоритетных военно-технических и оборонных задач. Такое положение дел полностью соответствовало принципам мобилизационной экономической политики.

Вместе с тем этот базовый для анализа экономического неравенства в традиционных экономиках параметр на самом деле не только не отражает реальной картины, но и существенно искажает ее. Возможности распоряжения имуществом были ограничены даже для тех, кто им обладал, поэтому в полной мере относить его к категории собственности в классическом смысле этого понятия невозможно. К тому же неравенство в СССР носило системный характер. Это позволяет интерпретировать советскую систему как «этакратическую», «социальная дифференциация при которой имела неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии, носила сословно-слоевой характер».⁹

Формальные показатели дохода, конечно, имели определенное значение, но едва ли не более важным был статус человека в иерархии общественных (государственных) институтов. Как справедливо утверждает С. Г. Кордонский, предлагая собственную методологическую платформу для анализа социальной структуры советского общества, «новая огосударствленная социальная структура основывалась на распределительных отношениях, а не на отношениях к средствам производства, полностью национализированным. <...> На советском административном рынке политическая и экономическая реальности составляли единое целое, где все деятельности были иерархизированы. <...>

⁶ Вальдера Хиль Х. М. Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 54, 55.

⁷ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of Economic Research Working Paper. Cambridge, MA. 2017. Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 12.08.2021).

⁸ См.: Там же.

⁹ Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 10.

Экономическое положение членов групп социалистического общества было однозначно связано с их политическим (в специфическом для социализма смысле) статусом. Система политических статусов (социальное происхождение, образование, социальное положение, место жительства и т. п.) задавала экономическое положение гражданина СССР». ¹⁰ Таким образом, неравенство доходов не отражало градиент неравенства в потреблении, тем более что это касалось не только товаров, но и услуг, таких как потребление в системах медицины, образования и трудоустройства. Тот же С. Г. Кордонский отмечает, что в советском обществе «характер потребления определяется социально-учетными параметрами, такими, как прописка и место жительства, должность, занятость в более или менее важной отрасли народного хозяйства». ¹¹

Некоторые другие специалисты, базирующие свои рассуждения на несколько иных методологических платформах, приходят, по сути, к тем же выводам. В качестве примера можно отметить работу экономиста и социолога О. Э. Бессоновой, предлагающей для анализа концепт «раздаточной экономики». Рассуждая о «служебном труде» в советском обществе, она формулирует: «Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, земельные участки для посадок, пионерские лагеря и т. д. Другими словами, это означало, что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование». ¹² Последнее в совокупности как раз и отражало реальное неравенство, в дополнение к неравенству доходов.

Что же касается невысокой дифференциации доходов в обществе в целом, за исключением определенных страт номенклатуры, то это объяснялось рядом обстоятельств не только экономического, но и политико-идеологического характера. В условиях массовой

и ускоренной индустриализации государство отправляло большую долю инвестиций на развитие производства средств производства, максимально зарегулировав потребление. Как считает П. Грегори, при формировании инвестиционных стратегий руководству страны приходилось постоянно балансировать на грани обострения социальных проблем на фоне растущей интенсификации труда. Низкий уровень «справедливой» заработной платы — практически единственного источника доходов населения — нивелировался индоктринацией общества и активным использованием идеологического фактора. Еще в ноябре 1929 г. Сталин объявил СССР «страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации», которая к 1941 г. перегонит США по объемам производства. По сути, рабочим предлагалось смириться с низкой «справедливой» заработной платой «в обмен на обещание светлого будущего». ¹³ Некоторое время такая апелляция к моральным мотивационным аргументам, которые для лидеров производства (стахановцы, победители соцсоревнования и т. п.), естественно, включали в себя и материальный аспект, представлялась вполне работающим инструментом. Для несогласных же имелся механизм репрессий. При этом для ряда социальных страт относительно низкий уровень доходов вполне компенсировался внеэкономическими механизмами обеспечения потребления.

Приход к власти в начале «коллективного руководства», а затем Н. С. Хрущева, XX съезд КПСС и десталинизация не привели к радикальным изменениям фундаментальной экономической основы советского режима. Не изменилась ситуация и в отношении экономического (социально-экономического) неравенства, которое по-прежнему носило системный характер. Более того, в послевоенные годы в советском обществе окончательно закрепились система политических статусов (в интерпретации С. Г. Кордонского) и оно все более тяготело к перерождению в сословно-кастовое общество, что определяло и место в иерархии неравенства.

Тем не менее, как образно подметил П. Грегори, «лошадь и жокей не существуют независимо друг от друга». ¹⁴ Особенности хрущевской социально-экономической политики и его экс-

¹⁰ Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2006. С. 14, 62.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М., 2006. С. 91.

¹³ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 128.

¹⁴ Там же. С. 36.

выравниванию доходов населения. С середины 1950-х гг. начала возрастать минимальная заработная плата, происходило снижение дифференциации в оплате труда низко- и среднеоплачиваемых работников высокооплачиваемых слоев, а также уменьшалось количество низко- и среднеоплачиваемых работников в общей численности занятых на производстве и в непромышленной сфере. В частности, это происходило за счет опережающего роста зарплат рабочих по сравнению с инженерно-техническим персоналом. Если в 1940 г. средняя зарплата инженерно-технических работников (ИТР) была выше заработка рабочего более чем на 100 %, то в середине 1980-х гг. — всего на 10,2 %. При этом только с начала 1950-х до середины 1960-х гг. дифференциация в зарплате сократилась с 1,78 до 1,46 раза.¹⁵

Постоянно происходило сокращение разницы в должностных окладах между специалистами низших и высших категорий инженерно-технических работников и других служащих.¹⁶ Это соответствовало декларированной логике экономического курса Хрущева, но такой способ обеспечения экономического равенства, по мнению многих экспертов, выступал дестимулирующим фактором для развития производства, в особенности когда возникала задача технологического обновления производства на основе достижений научно-технического прогресса.

В итоге доходы 50 % наименее обеспеченных категорий населения в ВВП возросли с середины 1950-х до середины 1960-х гг. приблизительно с 25 до 28 %, а 10 % наиболее обеспеченных — уменьшились с 26 до 22 %. По данным Ф. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Зюкмана, это привело к тому, что почти на 2 % (с практически 6 % до 4 %) снизилась условная величина богатства, принадлежавшего 1 % наиболее обеспеченных слоев населения, вернувшись к показателям первой половины 1930-х гг.¹⁷

Представляется, что эксперименты Хрущева в социально-экономической сфере имеют свое объяснение в рамках политики популизма, в которой весомое место занимали представления, близкие к экономическому эгалитаризму. Очевидно, что декларировавшийся эгалитаризм следует рассматривать не иначе как сквозь

призму совокупности идеологием хрущевского времени. В обществе такого рода акценты часто воспринимались как тезисы об уравниловке в потреблении в контексте грядущего богатства. Естественно, что в условиях весьма низких стандартов потребления это обеспечивало подобным идеологемам широкую популярность.

Второй особенностью социально-экономической политики Хрущева, значимой для понимания проблем экономического неравенства, являлся хрущевский консюмеризм, его увлечение экономикой потребления. Попытка соединения в социально-экономической политике Хрущева экономического эгалитаризма, то есть стремления к уравнительному распределению ресурсов и благ как к основному способу устранения противоречий в экономике и обществе, весьма утопическому по своей природе, и консюмеризма, направленного на стимулирование потребления, связанного с полными правами собственности на имущество и контролем над доходами и расходами, выглядела достаточно парадоксально, особенно в условиях непреодоленной структурной бедности в советском обществе. Но таким образом Хрущев лавировал между базовыми идеологическими установками и глобальными трендами в экономике. Высокий уровень жизни на основе социально справедливого и относительного равного, но разумного потребления — так выглядел социальный идеал, который не мог не понравиться обывателю. И он представлялся достижимым за счет быстрого развития экономики на основе технического прогресса и роста производительности труда на фоне всеобщего социального энтузиазма.

Как известно, политика Хрущева вообще и экономическая политика в частности выражалась через озвучиваемую им самим совокупность деклараций, которые были рассчитаны на массовое потребление и имели явно мифологический характер. Идеологемы хрущевского времени касались и экономического эгалитаризма, и консюмеризма. На протяжении почти всех лет его пребывания у власти это подогревало общественные настроения и выступало в качестве мощного морального инструмента для «разогрева» социального энтузиазма, до определенного времени обеспечивая экономическое развитие и интегрируя советское общество. В этом смысле Хрущев шел по стопам своего предшественника. Однако даже в краткосрочной перспективе, не говоря уже о дистанции в несколько лет, и в условиях,

¹⁵ См.: Анисимова Г. В. Указ. соч. С. 67–68.

¹⁶ См.: Капустин Е. И. Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы // Труд и заработная плата в СССР. М., 1974. С. 263.

¹⁷ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. Op. cit.

подчеркнем особо, мирного времени такая политика была чревата большими рисками. Хрущев активно позиционировал СССР как социальное государство, где уровень жизни населения будет постоянно расти, а имеющиеся проблемы по мере продвижения к коммунизму будут нивелироваться. Этими тезисами пронизан основной доктринальный документ эпохи — Третья программа КПСС, а также многочисленные речи и публичные заявления Хрущева.

Экономический эгалитаризм Хрущева невозможно анализировать в отрыве от его базовых мифологем — мифологем о строительстве коммунизма. Декларация того, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», стала наиболее яркой идеологемой хрущевского времени. Этот лозунг обладал огромным потенциалом манипулирования, поскольку открывал для советских людей перспективу первыми построить коммунизм и тем самым указать всему миру пути к жизни в обществе изобилия и социального благоденствия. Обозначение такого будущего в массовом сознании справедливо связывали с именем Хрущева. Он не ставил под сомнение тезис, что «идеи овладевают массами», и в этом смысле он разворачивал и конкретизировал идеологему в понятном для населения направлении, связанном с экономикой и «структурами повседневности». В ходе одной из встреч с народом Хрущев подчеркивал, что «разрабатывается проект новой Программы партии, которую примет XXII съезд КПСС. Это будет не какой-то прогноз, а конкретный план действий по строительству коммунизма в нашей стране».¹⁸

Программа содержала определение коммунизма. Оно имело описательный и весьма размытый характер. Формулировалось, что при коммунизме «все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого — по способностям каждому — по потребностям”».¹⁹ В этом смысле проектировки Хрущева не отличались от более ранних сталинских редакций предвоенных и первых послевоенных лет. Но народу был ближе другой, более лаконичный тезис, прозвучавший в докладе Хрущева: «Чаша коммунизма — это чаша изобилия, она

всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад и каждый из нее черпать».²⁰

В программе КПСС и в экономической политике Хрущева нашли отражение представления и о советском варианте общества потребления.²¹ Программа содержала ряд принципиальных положений социальной политики, которые не могли не быть приняты в обществе иначе как на ура. Например, предполагалось сокращение рабочей недели до 35 часов и увеличение продолжительности отпусков. Предусматривался гигантский рост услуг, получаемых из общественных фондов потребления, таких как бесплатное содержание детей в детсадах, пользование квартирами, коммунальными услугами, транспортом и т. д. В принципе общественные фонды потребления рассматривались как важнейший инструмент обеспечения экономического равенства.

В соответствии с доктринальными установками, в экономической политике появились акценты на «гуманизацию» экономики, стремление поддерживать потребительские настроения в обществе и общественные ожидания, направленные на расширение производства и потребления товаров и услуг. Очевидно, что такой курс, стимулируя внутренний спрос на отечественную продукцию, должен был стать и одним из драйверов ускоренного развития экономики в целом. Хрущевское руководство осознавало объективную необходимость «поворота экономики к человеку», диктуемую задачами модернизации общества и становящуюся залогом его необратимости.²² Многие звучало по-новому, неожиданно и ярко, тем более что подобные новеллы вытекали из сложившейся ко второй половине 1950-х гг. гораздо более высокой открытости страны. Как полагают некоторые из аналитиков, «коммунизм представлялся как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой»,²³ и такое мнение имело под собой основания.

²⁰ Доклад Н. С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза» // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1. С. 167.

²¹ См. подробнее: Баканов С. А., Фокин А. А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 420–436.

²² См.: Алексеев В. В., Побережников И. В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 69.

²³ Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. С. 36.

¹⁸ Беседа со знатными людьми Дона в станице Вешенской. 31 августа 1959 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 4. С. 46.

¹⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стеногр. отчет. М., 1962. Т. 3. С. 274.

В частности, в совокупность популярных слоганов вошел тезис о необходимости в течение 10–12 лет «покончить в стране с недостатком в жилищах»,²⁴ став одной из самых успешных идеологием хрущевского времени. Широкую популярность приобрело заявление Н. С. Хрущева о том, что к концу 1965 г. в СССР будут отменены налоги с населения. Оно было высказано еще в ходе XXI съезда КПСС, повторено в речи на сессии Верховного Совета СССР в 1960 г. и в конечном итоге воплощено в Законе «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих» от 7 мая 1960 г., который, однако, не был реализован на практике и после отставки Хрущева оказался предан забвению.²⁵ Подобные примеры многочисленны.

«Надо всемерно использовать наши материальные возможности, чтобы поднять благосостояние народа»,²⁶ — повторял Хрущев. В документах, определявших экономическую политику СССР на перспективу, эту задачу предполагалось решать за счет ускоренного развития тех отраслей промышленности группы «А», которые производят оборудование для потребительских отраслей экономики, а также за счет увеличения выпуска товаров народного потребления на предприятиях тяжелой промышленности.²⁷ В сентябре 1964 г., незадолго до своей отставки, Хрущев заявлял: «...Главная наша задача — удовлетворение потребностей народа, а средства производства нужны для обеспечения развития производства средств потребления. Раньше мы ставили задачу наоборот, а сейчас мы находимся на таком уровне нашей экономики и оборонной промышленности, когда мы имеем возможность поставить на первый план человека, его обслуживание, его нужды и удовлетворение этих нужд».²⁸ Так формировался опре-

деленный компромисс между традиционной экономической ригидностью и актуальными задачами времени, связанными с ростом и выравниванием потребления.

Важно отметить, что несмотря на кажущийся разрыв традиций, многие из тезисов Хрущева опирались на декларации из предшествующей эпохи. В сталинской версии Третьей программы ВКП(б) социальным идеалом также провозглашалось всеобщее равенство, и в идеологическом отношении она мало чем отличалась от хрущевской. Содержание в принципе не менялось, корректировались механизмы социально-экономической политики. В полной мере сохранялась и индоктринация общества. Однако в рамках политики популизма акценты на экономический эгалитаризм, социальное равенство и консюмеризм были сформулированы ярче и доходчивей. В отличие от установок сталинского времени на «затягивание поясов», они обретали широкую популярность в обществе.

Таким образом, представления об экономическом равенстве времен Хрущева были полны внутренних противоречий. Зачастую под идеалом понималась уравниловка, принципиально недостижимая в обществе с развитой экономикой. Проблема всегда заключается в интерпретации оснований для неравенства и факторов дифференциации доходов и потребления. К тому же при реализации на практике подобные эгалитаристские тренды чреваты рисками снижения эффективности производства. При Хрущеве в обеспечении социального равенства основные акценты расставлялись на опережающее развитие общественных фондов потребления. Этим предполагалось обеспечить дальнейшую «социальность» социалистического государства. Однако хрущевский консюмеризм, политика стимулирования потребления, на глубинном уровне стимулировали развитие чувства частной собственности и права владения и распоряжения имуществом. Это вступало в фундаментальное противоречие с господствующей в государстве идеологией и реальной практикой потребления и распоряжения имуществом на основе статуса в иерархизированной бюрократической системе. Справедливо отмечается, что «в планах советский человек оказывался не субъектом, а объектом. За него решалось, в каких жилищных условиях он должен жить, сколько есть фруктов и картофеля, сколько одежды и обуви у него должно было быть в гардеробе. Естественно,

²⁴ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». 31 июля 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 198.

²⁵ См.: Жирнов Е. «Существование налогов с населения не вызывается необходимостью» // Коммерсантъ Власть. 2010. № 18. С. 64. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1361006> (дата обращения: 12.08.2021).

²⁶ Освоение целины — большой вклад в развитие советской экономики. Беседа с английским ученым и общественным деятелем Джоном Берналом. 25 сентября 1954 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1. С. 360.

²⁷ См.: Доклад Н. С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза»...

²⁸ «Мы находимся на рубеже или славы, или позора». Замечания тов. Н. С. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 24 сентября 1964 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. 184.

все это обосновывалось научными данными и экспертными заключениями. Человек оказывался не принадлежащим себе и при этом максимально рационализированным».²⁹

К тому же очень скоро выяснилось, что идеологемы, воплощенные в лозунгах и призывах, не смогли заместить собой конкретные инструменты решения накопившихся проблем. Доказано, что «преувеличение значения достигнутых... экономических результатов... создало условия для проведения во второй половине 50-х гг. мероприятий по повышению уровня жизни, которые по своим масштабам не были адекватными возможностям развития экономики при сохраняющейся ее неэффективности».³⁰ Трудности и противоречия повседневного бытия, в понимании стандартов которых к середине 1960-х гг. советские люди существенно продвинулись вперед, также оборачивались недовольством, возникшим на фоне разительного расхождения между теорией и практикой. Идеологемы Хрущева, формирующие векторы социально-экономической политики, жестко сталкивались с реалиями. В рамках сложившейся системы, изменить которую Хрущев оказался не в силах, модель общества потребления вступала в конфликт с традиционной для СССР моделью военизированной экономики и стратифицированным по внеэкономическим основаниям обществом и заведомо проигрывала последней.

Формально дифференциация статистически учитываемых доходов с середины 1950-х гг. демонстрировала тенденцию к некоторому

снижению, но это совершенно не означало уменьшения дифференциации в контроле над имуществом и в потреблении, которое в полной мере определялось местом в иерархии статусов. Соответственно, сокращения социально-экономического неравенства, вопреки провозглашенному политическому курсу, не происходило. Некоторое снижение с середины 1950-х гг. дифференциации доходов можно объяснить определенным ростом среднего класса «по-советски», происходившим на фоне постепенного нарастания дефицита потребительских товаров и развития теневого сектора экономики. Вместе с тем цифры официальной статистики становились все более «лукавыми». С одной стороны, увеличивался разрыв в товарном наполнении зарплатного рубля у рядовых работников и членов различных привилегированных страт населения, обладающих альтернативными (как легальными, так и нелегальными) возможностями доступа к товарам и услугам. С другой стороны, для высших слоев общества отношения владения, распоряжения и пользования имуществом (которое все еще формально не являлось частной собственностью) постепенно начинают сближаться.³¹ Декларированный курс на экономическое равенство при неизбежности социальной системы на практике приводил лишь к росту неравенства. Неудивительно, что подобные противоречия сделали невозможным достижение широко анонсированных результатов в социально-экономической сфере, отразившись и на политической судьбе лидера страны.

Evgeny G. Vodichev

Doctor of Historical Sciences, professor, Novosibirsk State Technical University; National Research Tomsk State University (Russia, Novosibirsk; Tomsk)
E-mail: vodichev@mail.ru

ECONOMIC INEQUALITY AND SOVIET EGALITARIANISM: THE IDEAS AND IDEALS FROM STALIN TO KHRUSHCHEV

The problem of economic inequality is of great importance for understanding the causes of socio-economic and political collisions in society. At the same time, the use of traditional conceptual approaches in the study of the differentiation of Soviet society has just limited possibilities. In a society where property relations are absent, economic categories used to analyze inequality (such as income, share in total wealth, consumption opportunities, etc.) require specific interpretations that differ from their market connotations. The paper aims at determining the key factors of real socio-economic inequality and the balance of “the ideas and ideals” of economic egalitarianism and inequality in the doctrine of Stalinism and in the ideologemes of the “Khrushchev Thaw”. It explains differentiation in the income of the population. The socio-economic basis of “classical Stalinism” is interpreted as a system of status hierarchy. The specifics of Khrushchev’s socio-economic policy are presented through the prism of egalitarianism and consumerism. The place of

²⁹ Баканов С. А., Фокин А. А. Указ. соч. С. 433.

³⁰ Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 190.

³¹ См.: Клисторин В. И. Указ. соч. С. 41.

these ideologemes in the main doctrinal document of the era — the 3rd programme of the CPSU — is shown as well. It is concluded that within the framework of the existing system, the model of “consumer society” came into conflict with the traditional model of administrative economy and society stratified on non-economic grounds, and obviously lost to the latter. Differentiation of income, which demonstrated a decreasing trend, did not mean at all a decrease in inequality in consumption, which was determined by the place in the hierarchy of status.

Keywords: *economic inequality, Stalinism, Khrushchev, 3rd CPSU programme, Soviet socio-economic policy, egalitarianism, consumerism, hierarchy of statuses*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Poberezhnikov I. V. [Waves of Russian modernizations]. *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [Experience of Russian modernizations of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2000, pp. 50–72. (in Russ.).
- Anisimova G. V. [Methodological aspects of the analysis of economic inequality: the Soviet and Post-Soviet problems]. *Terra Economicus*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 61–77. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-61-77 (in Russ.).
- Bakanov S. A., Fokin A. A. [“And under communism everything will be...”: how the planning agencies of the USSR saw the nation’s wealth by 1980]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia], 2019, vol. 9, no. 2, pp. 420–436. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.208 (in Russ.).
- Bessonova O. E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: Evolyutsiya cherez transformatsii* [Russia’s Distribution Economy: Evolution through transformations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Fokin A. A. “Kommunizm ne za gorami”. *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* [“Communism is not far off”. The images of the future among the power and population of the USSR at the turn of the 1950s–1960s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017. (in Russ.).
- Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. (in Russ.).
- Kapustin E. I. [Tariff system and its role in the organization and regulation of wages]. *Trud i zarabotnaya plata v SSSR* [Labor and wages in the USSR]. Moscow: Ekonomika Publ., 1974, pp. 247–273. (in Russ.).
- Khanin G. I. *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Dynamics of economic development of the USSR]. Novosibirsk: NGU Publ., 1991. (in Russ.).
- Klistorin V. I. [Russia in the XX century. A price of the revolution]. *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO Journal], 2017, no. 11 (521), pp. 37–46. (in Russ.).
- Kordonsky S. *Rynki vlasti. Administrativnyye rynki SSSR i Rossii* [Markets of power. Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI Publ., 2006. (in Russ.).
- Kronrod Ya. A. *Proizvoditelnye sily i obshchestvennaya sobstvennost* [Productive forces and public ownership]. Moscow: Nauka Publ., 1987. (in Russ.).
- Kuznets S. Economic growth and Income inequality. *The American Economic Review*, 1955, vol. XLV, no. 1, pp. 1–28. (in English).
- London Z.G. Measuring inequality. A three-headed hydra. *The Economist*, 16 July 2014. Available at: <https://www.economist.com/free-exchange/2014/07/16/a-three-headed-hydra> (accessed: 12.08.2021). (in English).
- Novokmet F, Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of Economic Research Working Paper*. Cambridge, MA, 2017, Aug. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23712> (accessed: 12.08.2021). (in English).
- Piketty T. *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2014. (in English).
- Shkaratan O. I. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real’nost’* [Sociology of inequality. Theory and reality]. Moscow: “Vysshaya shkola ekonomiki” Publ., 2012. (in Russ.).
- Valdera Gil J. M. [The legitimation of social inequality in Soviet ideology during the Stalin Era]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 2015, vol. 24, no. 4, pp. 29–59. (in Russ.).
- Zhirnov E. [“The existence of taxes from the population is not necessary”]. *Kommersant Vlast’* [Kommersant Power], 2010, no. 18, 10.05.2010, p. 64. (in Russ.).

Для цитирования: Водичев Е. Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71.

For citation: Vodichev E. G. Economic inequality and Soviet egalitarianism: the ideas and ideals from Stalin to Khrushchev // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71.

М. А. Клинова

ПОЛИТИКА ОПЛАТЫ ТРУДА ГОРОЖАН РСФСР В 1946–1953 гг.: МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ И ФАКТОР МАТЕРИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81

УДК 94(470)“1946/1953”:338

ББК 63.3(2)63+65.03(2)63

В работе предпринят анализ политики оплаты труда различных профессиональных групп городского социума РСФСР в 1946–1953 гг. с целью определения специфики и масштабов дифференциации заработной платы, ее обусловленности задачами мобилизационной стратегии государства. Политика оплаты труда горожан предполагала высокий уровень дифференциации зарплаты. В соответствии с принципом главного звена, в городском социуме выделялись приоритетные группы, в отношении которых более активно применялись методы положительного материального стимулирования (повышение окладов, выплаты и пр.). По отношению к остальным горожанам шире применялись методы негативного материального стимулирования (повышение норм выработки, снижение сдельных расценок). Дифференцированная политика оплаты труда была инструментом решения государственных задач: закрепления кадров в приоритетных отраслях промышленности, повышения производительности труда, стимулирования научных разработок и пр. С другой стороны, она способствовала материальной поляризации советского социума. В оценке масштабов материального неравенства определяющую роль играет система оценочных координат. Современники отмечали существенный уровень материального расслоения советского социума, трактуя его как нарушение принципа социалистического распределения. По мнению Т. Пикетти, Ф. Новокмета и Г. Зюкмана, коэффициент материального неравенства в послевоенном СССР был достаточно низким (в сравнении с до-революционным, постсоветским, зарубежными уровнями), но в масштабах советского периода данный показатель достиг своего максимума именно в послевоенные годы.

Ключевые слова: *оплата труда, неравенство, городское население, 1946–1953 гг., советская мобилизация*

Актуальным направлением современного научного поиска является изучение механизмов советской социальной инженерии, содержание и эффективность которых не были неизменными на протяжении советского периода. Одним из таких инструментов являлась политика оплаты труда граждан, определяющая специфику их трудовых и потребительских стратегий. Наибольший интерес представляет реализация данной политики в первые послевоенные годы — период интенсификации производства и трудовой активности граждан. Фокусировка внимания на изучении политики оплаты труда горожан обусловлена рядом факторов. Во-первых, происходившие во второй половине 1940-х — 1950-е гг. процессы урбанизации привели к количественному преобладанию в РСФСР городского населения. Во-вторых, политика государственного регулирования доходов горожан наиболее полно отражала специфику советского социального

проекта, ориентированного на создание индустриального общества (социализма).

Проблематика оплаты труда отдельных профессиональных групп советского городского социума позднесталинского периода получила рассмотрение в историографии,¹ а также освещалась в публикациях, посвященных советской повседневности и экономическому развитию СССР.² Отсутствие обобщающих ра-

¹ См.: Калинина О. Н. Социальный статус и материально-бытовое обеспечение региональной партийно-советской номенклатуры Западной Сибири в 1953–1964 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2015. С. 221–229; Коновалов А. Б. Эволюция системы номенклатурных льгот и привилегий в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века. Пермь, 2004. С. 161–179; Кузнецова Н. В. Динамика цен и заработной платы в Нижнем Поволжье в условиях продовольственного кризиса 1946–1947 годов // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 59–66; Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих Свердловской области в 1953–1964 годах: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование. Екатеринбург, 2010; Он же. Денежные доходы работников партийных органов Свердловской области в 1950-х годах // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 3. С. 242–245; Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011; и др.

² См.: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Попов В. П.

бот, посвященных изучению материальных доходов горожан, свидетельствует об актуальности темы. В нашей работе предпринята попытка комплексного анализа реализации политики оплаты труда различных профессиональных групп городского социума РСФСР в 1946–1953 гг. с целью определения специфики и масштабов дифференциации заработков горожан, выявления ее обусловленности задачами мобилизационной стратегии государства. (В статье не анализировались премиальные и компенсирующие выплаты.)

Важно отметить, что политика оплаты труда населения является производной от экономической системы, определяющейся совокупностью всех экономических процессов в стране, а также целей и задач государства. Применительно к послевоенному периоду советской истории можно говорить о сохранении мобилизационной экономической системы, ориентированной на решение внеэкономических задач страны.³ Данная модель представляла собой систему политико-административного, экономического и правового регулирования, нацеленного на восстановление и интенсификацию производства при ограниченных ресурсах. В. В. Седовым были выделены основные принципы мобилизационности: достижение цели любой ценой, дискретность, сознательность. Важным является принцип главного звена, согласно которому возможно перераспределение ресурсов путем их изъятия из других, менее важных звеньев экономики.⁴

План четвертой пятилетки был ориентирован на первостепенное развитие промышленности. В то же время за годы войны численность рабочих и служащих в РСФСР сократилась на 2,5 млн чел.⁵ Политика оплаты труда в индустрии должна была способствовать решению кадровой проблемы и повышению производительности труда.

Более 60 % всех промышленных рабочих находились на сдельной оплате, при которой объем заработка зависел от выполнения трудовых норм. Оплата труда осуществлялась по 8-разрядным тарифным сеткам, с различным отношением крайних коэффициентов: в авто-

мобильной промышленности — 1:3,6, в приборостроении — 1:3,2, в машиностроении — 1:3,56.⁶

Приоритетность развития промышленности отразилась на заработках работников индустрии. Средняя зарплата в народном хозяйстве составляла в 1945 г. 442 руб., в 1950 г. — 646 руб., в 1953 г. — 684 руб.⁷ В 1945–1953 гг. заработки рабочих и служащих в промышленности и на транспорте были выше средней зарплаты на 9–16 %. Во второй половине 1940-х гг. заработки работников индустрии выросли. Но это повышение затронуло только определенные профессиональные группы. Критериями отбора являлись важность отраслей индустрии, сложность условий труда (связанная с трудоемкостью работ, территорией расположения предприятия).

Территориальный принцип повышения зарплаты был реализован в отношении работников предприятий, находящихся в трудных климатических условиях. Устанавливалась надбавка 10 % к окладам для рабочих и ИТР, трудящихся в районах Крайнего Севера.⁸ На 20 % была повышена заработная плата рабочим и ИТР Урала, Сибири и Дальнего Востока (реформа затронула 824 000 рабочих 727 предприятий истроек).⁹ Принцип отраслевой важности был реализован в повышении на 20 % заработков рабочих и ИТР заводов ПГУ СМ СССР (атомный проект).¹⁰ На 20 % были повышены заработки работников локомотивных бригад, предприятий и организаций нефтяной промышленности (занятых на основных видах работ)¹¹ и др. Вследствие проводимой политики оклады работников одной специальности, задействованных в разных отраслях индустрии, существенно различались. Оклады ИТР и служащих строительных организаций, занятых строительством хлебопекарен, были на 10 % ниже, чем у строителей металлургических предприятий.¹² Зарботки сотрудников нефтедобывающих трестов были в среднем на 10 % выше, чем нефтеперерабатывающих (см. табл. 1).

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 396–398; Д. 283. Л. 132.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161.

⁸ См.: Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 — июль 1956 г. М., 1956. С. 378–380.

⁹ Данное повышение коснулось только работников угольной, нефтяной и химической промышленности, черной и цветной металлургии, занятых на стройках военных и промышленных предприятий, на добыче торфа, графита, слюды, асбеста, соли и производстве цемента. См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 66–67.

¹⁰ См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 3. С. 314–315.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 334–335; Д. 280. Л. 78–83; Д. 282. Л. 42–61.

¹² Там же. Д. 278. Л. 368.

Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000; и др.

³ См.: Побережников И. В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Урал. ист. вестн. 2017. № 4 (57). С. 36–45; Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003; и др.

⁴ См.: Седов В. В. Указ. соч. С. 21, 22.

⁵ Труд в СССР: стат. сб. М., 1988. С. 40.

Таблица 1

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР (1946–1953), руб. в мес.*

Профессия, должность		1946 г.	1947 г.	1953 г.
1		2	3	4
Министр; заведующий отделом ЦК ВКП(б)-КПСС				5 000 (+20 000**)***
Заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б)-КПСС; редактор отдела журнала «Коммунист», член редколлегии				3 500 (+2 600**)
Инструктор ЦК ВКП(б)-КПСС; консультант отдела журнала «Коммунист»				2 500 (+750**)
Первый секретарь обкома ВКП(б)-КПСС		2 000	2 000 (+6 000)	2 000 (+7 000)
Второй секретарь обкома ВКП(б)-КПСС		1 800	1 800 (+4 500)	1 800 (+4 500)
Заведующий отделом обкома ВКП(б)-КПСС		1 800	1 800 (+2 700)	1 800 (+2 160)**
Заместитель заведующего отделом обкома ВКП(б)-КПСС			1 400 (+ н/св.)	
Заведующий сектором обкома ВКП(б)-КПСС			1 250 (+ н/св.)	
Председатель облисполкома			1 600 (+4 800)	1 600 (+4 020**)
Первый секретарь горкома ВКП(б)-КПСС			1 500– 2 100****	
Второй секретарь горкома ВКП(б)-КПСС			1 400– 1 900****	
Третий секретарь, секретарь по кадрам, секретарь по пропаганде горкома ВКП(б)-КПСС			1 300– 1 800****	
Инструктор обкома ВКП(б)-КПСС			1 050	
Парторг	артиллерийского завода			3 000
	завода «Уралалюминстрой»			2 700
	Кемеровского металлургического комбината им. Сталина	2 000		
Уполномоченный Госплана СССР, начальник управле- ния статистики Госплана СССР			2 000–2 500	
Художественно-руководящий персонал Большого театра		900–5 000		
Солист оперы Большого театра		1 000–5 500		
Артист балета Большого театра		900–4 000		
Директор	вуза или института АН СССР (д-р наук, профессор)	6 000–8 000		
	завода Главкислорода при СМ СССР I категории	1 700–2 000		
	издательства иностранной литературы	5 000		
	комбината местной промышленности		600–1 000	
Научный сотрудник или преподаватель вуза	д-р наук, профессор	3 500–5 000		
	канд. наук, старший преподава- тель или доцент	2 500–3 200		
Научный редактор, главный библиограф, литератур- ный редактор, переводчик издательства иностранной литературы		1 200–2 300		
Кинотехник, старший киномеханик, киномеханик		500–700		
Работник управления торгующей организации				727–737
Инженер, мастер цеха, юрисконсульт, старший плановик цеха завода Главкислорода при СМ СССР III категории		600–700		

Продолжение таблицы 1

	1	2	3	4
Управляющий трестом	Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР I категории		2 000–2 500	
	Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	2 500–3 000		
Главный инженер	нефтедобывающего треста к I-II категории	2 000–2 500		
	нефтеперерабатывающего треста I-II категории	900–1 200		
	комбината местной промышленности		600–980	
Главный бухгалтер	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	1 200–1 400		
	комбината местной промышленности		550–830	
ИТР	предприятия сельскохозяйственного машиностроения	1 056	1 060	
	предприятия черной металлургии	2 221	2 119	
	предприятия судостроительной промышленности	1 129	1 137	
Технолог на предприятии Министерства тяжелого машиностроения				1 472
Мастер	предприятия Министерства лесной промышленности	700–500		
	предприятия Министерства тяжелого машиностроения			983
Экономист	планового отдела треста Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР		690–880	
	Госплана СССР		790–880	
	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	600–800		
Техник	конторы капитального ремонта нефтяных скважин	500–700		
	комбината местной промышленности		550	
Рабочий	черной металлургии	876	955	
	тяжелого машиностроения	711		
	нефтяной промышленности	750		
	угольной промышленности	1 255		
	транспортного машиностроения	703		
	сельскохозяйственного машиностроения	540	616	
	судостроительной промышленности	515	552	
	дорожно-строительного и нефтяного машиностроения	694		
Рабочий	общего машиностроения и приборостроения	643		
	электротехнического машиностроения	582		
	швейной и обувной промышленности			651
Товаровед, бухгалтер, диспетчер гаража завода Главкислорода при СМ СССР	I категории	500–600		
	III категории	400–500		
Служащий	предприятия черной металлургии	804	870	
	предприятия судостроительной промышленности	556	648	

Продолжение таблицы 1

1		2	3	4
Учитель			650	
Санитарный врач в городском тресте столовых				880
Слесарь нефтебазы				500
Счетовод	на предприятии нефтяной промышленности	300–400		
	комбината местной промышленности	360		
Кладовщик	комбината местной промышленности	360–410		
	Госплана СССР		450	
	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	350–400		
	обкома КПСС (г. Свердловск)			550
Секретарь-машинистка, телефонистка, стенографистка	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	350–400		
	предприятия Главкислорода при СМ СССР	275–400		
	обкома КПСС (г. Свердловск)			500
Уборщица, курьер, кочегар, дворник	на предприятиях нефтяной промышленности	200–250		
	на предприятиях Главкислорода при СМ СССР	150–175		
	в обкоме КПСС (г. Свердловск)			290–360

* Источники: ГАСО. Ф. 1930. Оп. 1. Д. 131. Л. 55–56; Ф. 2028. Оп. 1. Д. 535. Л. 60; Д. 539. Л. 123; Ф. 2232. Оп. 1. Д. 48. Л. 12; Ф. Р-1813. Оп. 9. Д. 8. Л. 54; ГАРФ. Ф. 7676. Оп. 6. Д. 842. Л. 20; Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 308–309; Д. 276. Л. 341–343; Д. 277. Л. 341–343; Д. 278. Л. 175, 292–293, 345–359; Д. 280. Л. 45; Д. 281. Л. 265; Д. 282. Л. 214–216; Д. 288. Л. 298–303; Д. 297. Л. 301–303; Д. 310. Л. 21; Д. 340. Л. 14–15; Д. 346. Л. 135–136; Д. 359. Л. 374–377; Жирнов Е. «Дачей, едой, прислужкой мы пользовались бесплатно» // Коммерсантъ Власть. № 47 от 02.12.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/353841> (дата обращения: 15.08.2021); Калинина О. Н. Социальный статус... С. 223; Она же. Продовольственное и промтоварное обеспечение партийной номенклатуры Западной Сибири (середина 1940-х — начало 1950-х гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014. С. 206; Клинова М. А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург, 2019. С. 419–422; Коновалов А. Б. Эволюция системы... С. 164, 167; Кузнецова Н. В. Указ. соч. С. 61, 62; Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни... С. 73, 77, 78; Он же. Денежные доходы... С. 242, 243, 244; Попов В. П. Указ. соч. С. 65; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 18. Л. 227; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161–161об.; Ф. 8210. Оп. 1. Д. 392. Л. 21; Д. 404. Л. 31; Д. 658. Л. 55; Д. 660. Л. 29; Ф. 8230. Оп. 1. Д. 51. Л. 74; Д. 148. Л. 91; Ф. 8833. Оп. 1. Д. 89. Л. 38; Д. 244. Л. 129; Ф. 8902. Оп. 1. Д. 41. Л. 18; Д. 107. Л. 34; Д. 293. Л. 22; Д. 367. Л. 21; Ф. 8904. Оп. 1. Д. 82. Л. 75; Д. 205. Л. 38; Фильцер Д. Указ. соч. С. 310.

** Данные по 1952 г.

*** В скобках указаны объемы ежемесячных дополнительных выплат — «временного денежного довольствия».

**** Данные по 1948 г.

С целью закрепления кадров на предприятиях приоритетных отраслей индустрии были установлены дополнительные денежные выплаты, объем которых определялся стажем работника. Для подземных рабочих шахт, рудников, горных мастеров и ИТР, занятых на горных работах, ежегодные единовременные выплаты составляли: в угольной промышленности — от 10 до 30 % оклада, в цветной металлургии — от 5 до 20 % оклада.¹³

Факторами, обусловившими усиление дифференциации заработков в промышленности во второй половине 1940-х гг., являлись снижение сдельных расценок и повышение норм выработки рабочих. Объем единовременного

повышения данных норм по разным отраслям составил от 4,3 до 35 %.¹⁴ Наиболее значительным данное повышение было на предприятиях Министерств торговли и кинематографии. На предприятиях добывающих отраслей и в металлургии повышение норм было дифференцированным: менее 10 % в основных цехах, и около 20 % в подобных цехах предприятий. В 1946–1949 гг. также были снижены сдельные расценки оплаты труда рабочих (от 4 до 25,9 % по различным отраслям).¹⁵ В меньшей степени снижение коснулось работников

¹⁴ См.: Клинова М. А. Изменение норм выработки и сдельных расценок оплаты труда на промышленных предприятиях СССР (1946–1949 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. 2021. Вып. 21. С. 135–140.

¹⁵ См.: Там же.

¹³ Там же. Д. 311. Л. 129–134; Д. 344. Л. 168–175.

основных цехов предприятий тяжелой и оборонной промышленности.

В целом разрыв в оплате труда в промышленности обуславливался отраслевой принадлежностью, классом предприятий, номенклатурой выпускаемой продукции, квалификацией и стажем кадров (см. табл. 1).

В 1945–1953 гг. зарплата рабочих и служащих в торговле была на 25–35 % ниже, чем средняя по народному хозяйству, а зарплата работников здравоохранения была ниже на 11–26 %.¹⁶ В сравнении с заработками в промышленности средняя оплата труда сотрудников здравоохранения и общественного питания была ниже на 21–34 % и 45–54 % соответственно.¹⁷ Самыми низкими были оклады у уборщиц, прачек, кубогревов, истопников, дворников, сторожей и пр. (см. табл. 1). Зарплата в 150–175 руб. в 1946–1947 гг. позволяла выкупить продовольственный паек по карточкам на одного человека.¹⁸ Для отоваривания карточек на семью из трех человек требовалось 600–700 руб. в месяц,¹⁹ примерно такой же была стоимость продовольственной корзины после отмены карточек. Оплата труда обслуживающего персонала равнялась лишь 20–30 % этой суммы. Заработная плата данных профессиональных групп варьировалась в зависимости от ведомственной принадлежности предприятия: в нефтяной промышленности оклады были выше, чем на предприятиях Главкислорода, а наиболее высокую зарплату получал обслуживающий и вспомогательный персонал партийных учреждений (см. табл. 1).

Предпринятое в 1940-е гг. повышение заработной платы горожан носило избирательный характер. Необходимость ускорения НТП способствовала повышению значимости научных разработок. Были повышены заработки научно-преподавательских кадров с учеными степенями и званиями. Оклад доктора наук мог достигать 5500 руб., оклад кандидата наук — 3200 руб., зарплата старших преподавателей и ассистентов, не имевших ученых степеней и званий, увеличилась на 50 %.²⁰ Принцип главного звена, предполагающий выделение приоритетной группы в социальной общности, действовал и в научном сообществе. Оклады ученых, занятых эмпирическими исследованиями в атомной

энергетике, оборонной промышленности, были на 20–40 % выше, чем оклады медиков, биологов, гуманитариев.²¹ Территориальный принцип повышения доходов научных работников был реализован применительно к сотрудникам гидрометеорологических, авиаметеорологических станций и постов. Сотрудникам устанавливалась надбавка к окладу в размере от 25 до 100 % если организация находилась за полярным кругом, на территории Сахалина, Курильских островов, в высокогорных районах.²²

Одной из групп городского социума, отличавшейся повышенными заработками, была советская творческая интеллигенция. В 1946 г. были повышены оклады работникам Большого и Малого театров (см. табл. 1). Дифференцированной была оплата труда советских поэтов и писателей. В 1947 г. была установлена шкала оценки литературно-художественных произведений: выдающиеся произведения, хорошие и удовлетворительные. Произведение художественной прозы (тираж 15 000 экз.) оплачивалось по ставке в 1500, 3000, 4000 руб. за 1 авторский лист (в зависимости от категории); научно-популярные издания для детей — 1000, 1500, 3000 руб. за авторский лист; стихотворные произведения — 7, 14 и 20 руб. за строку.²³

Говоря о представителях советской творческой интеллигенции, нельзя не упомянуть еще об одной форме оплаты труда — персональных окладах. В 1946 г. было установлено 30 персональных окладов работникам Большого театра (от 5000 до 7000 руб.), 7 персональных окладов сотрудникам Малого театра (от 5000 до 6000 руб.).²⁴ Практика назначения персональных окладов применялась и в отношении сотрудников предприятий военных и хозяйственных министерств. В 1946 г. правительство попыталось урегулировать систему их назначения. В постановлении СМ СССР от 9 декабря 1946 г. № 2627 утверждалось требование уменьшить лимиты персональных окладов по Министерству торговли — с 1893 до 1350 окладов (100 окладов установить для работников центрального аппарата); по Министерству морского флота — с 289 до 230 (40 окладов для сотрудников центрального аппарата); по Министерству земледелия — с 550 до 300 окладов (100 окладов для работников центрального

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161–161об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Попов В. П. Указ. соч. С. 72, 76.

¹⁹ См.: Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 70.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 308–309.

²¹ Там же. Д. 310. Л. 21.

²² Там же. Д. 317. Л. 12, 16.

²³ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1946–1948. С. 228, 229.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 341–343; Д. 278. Л. 292–293.

аппарата).²⁵ Определенное урегулирование системы назначения персональных окладов не означало отказа от данной практики. В 1948 г. было установлено 25 персональных окладов в Союзе советских композиторов (10 из них для сотрудников центрального аппарата).²⁶ В 1948–1953 гг. персональные оклады назначались заместителям руководителей и главным бухгалтерам предприятий.²⁷ Размеры персональных окладов составляли от 1 900 до 7 000 руб. в зависимости от статуса работника.²⁸

Возвращаясь к теме должностных окладов, следует отдельно сказать о заработках руководящих работников (партийных, хозяйственных). Заработная плата директоров предприятий или организаций значительно варьировалась. Зарплата руководителей вузов и институтов АН СССР в 1946 г. возросла до 6 000–8 000 руб. (в зависимости от категории учреждения),²⁹ превысив оклады директоров промышленных предприятий (составлявшие от 600 до 4 000 руб.) (см. табл. 1). Заработки партийных работников имели свою специфику. Официальные размеры их окладов были сопоставимы с заработками ИТР и хозяйственных управленцев. В период функционирования карточной системы партийные и советские работники дополнительно получали лимитные книжки, талоны на спецпитание и пр. После отмены карточек для отдельных категорий руководящих партийных кадров вводились доплаты к заработной плате — «временное денежное довольствие». Данные выплаты были ежемесячными, в 2–3 раза превосходили оклады, не облагались налогами. Доплаты не распространялись на работников ниже должности заведующего сектором обкома (см. табл. 1). В результате введения означенных выплат ежемесячные заработки партийных управленцев значительно возросли, превысив оклады руководителей других организаций. По данным А. Б. Коновалова, в СССР в декабре 1955 г. временное денежное довольствие выплачивалось 6 136 работникам на сумму 169 млн руб. в год³⁰ (то есть в среднем 2 295 руб. в месяц на человека, без учета оклада).

²⁵ Там же. Л. 298.

²⁶ Там же. Д. 346. Л. 67–69.

²⁷ Там же. Д. 340. Л. 14–15.

²⁸ См.: Клинова М. А. Государственное регулирование... С. 419.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 309.

³⁰ См.: Коновалов А. Б. Модернизация системы номенклатурных льгот и привилегий: опыт хрущевских реформ (1953–1964 годы) // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2007. С. 11.

В целом заработки представителей низкооплачиваемых профессий и партийных руководителей отличались в десятки раз, определяя очень существенные различия в уровне и качестве жизни данных социальных групп. Диссонанс между декларируемым тезисом о социалистическом равенстве и фактической материальной поляризацией советского социума отмечался современниками. А. Жид, посетивший СССР в 1936 г., наблюдая «нищету большинства трудящихся» и «чудовищную зарплату привилегированных», пришел к выводу: «Снова общество начинает расслаиваться... образуется новая разновидность аристократии», «ничего коммунистического в их сердцах уже не осталось».³¹ Проблема материального неравенства являлась темой дневниковых записей и писем граждан в органы власти. Н. Н. Пронцев (г. Молотов) в своем письме в Совет Министров СССР отмечал: «Вы говорите, что мы построили социализм и, значит, живем: “работаем по способности и получаем по труду.” <...> Но неужели у нас в СССР люди имеют между собой такой резкий контраст: одни очень способны, а другие никуда не годятся? Они эти очень способные живут в довольстве, для них все: и персональные машины, и дачи, и большие деньги, и отдых на курорте. А люди “никуда не годящиеся” <...> не могут сами себя прокормить, как бы они не работали. <...> Один получает 4 тысячи, а другой 250 рублей. <...> Неужели на столько дешевле один человек другого?»³² В дневнике учащейся К. Гайнутдиновой (г. Новосибирск) находим следующую запись от 1952 г.: «Н. И. сказала мне, что теперь те же самые буржуи, но под другим названием. Это, конечно, грубо сказано, но, в общем верно. Почему я то и дело вижу ужасное неравенство? Одни в шелках и бархате, другие — чуть ли не в лохмотьях. Одни всегда сыты, другим нечего есть».³³

В оценке масштабов материального неравенства населения определяющую роль играет система оценочных координат. Т. Пикетти, Ф. Новокмет и Г. Зюкман, предпринявшие исследование, посвященное проблематике неравенства в России и СССР, пришли к выводу, что в 1956 г. 1% наиболее богатого населения в СССР имел доходы, в 5,6 раз превышавшие

³¹ Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 125, 135.

³² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 3188. Л. 41.

³³ Гайнутдинова К. М. Дневники. Запись от 11 декабря 1952 // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2584> (дата обращения: 15.08.2021).

средние по стране.³⁴ Этот показатель они оценивают как достаточно низкий, в сравнении с данными по США и Франции (1956) — 13,9 и 11,1 соответственно,³⁵ в сопоставлении с российским дореволюционным уровнем — 18,4, а также с уровнем в России 1991 г. — 8,5. В то же время анализ приведенных авторами данных позволяет заключить, что применительно к советскому периоду российской истории (до 1988 г.) наиболее высоким показателем распределения доходов был именно в 1956 г. (1934 г. — 4,4; 1959 г. — 4,7; 1968 г. — 3,9; 1980 г. — 3,6).³⁶ Уточняя приведенные данные, Т. Пикетти, Ф. Новокмет и Г. Зюкман отмечают, что наиболее существенный уровень денежного неравенства советского населения был в конце сталинского периода.³⁷

Говоря о неравенстве, наблюдавшемся в советском городском социуме в 1946–1953 гг., важно отметить, что объем доходов граждан не всегда был тождественен их заработной плате. Бюджет мог пополняться из других легальных источников доходов (различных премиальных выплат, выигрышей по облигациям, дополнительных подработок и пр.), а также в результате незаконных экономических практик (коррупции, хищений, занятий запрещенными промыслами, спекуляцией и пр.). Немаловажно и то, что советскую систему распределения отличал дифференцированный доступ к товарам и услугам, обусловленный профессиональным, должностным статусом граждан. Означенные монетарные и немонетарные составляющие формировали сложную систему материального неравенства, существовавшую в советском социуме позднесталинского периода. Методология Т. Пикетти, Ф. Новокмета и Г. Зюкмана ориентирована на получение сопоставимых показателей материального неравенства по разным странам, но авторами не учитывались немонетарные измерения социальной дифференциации, как и ряд других аспектов формирования и распределения доходов в СССР — России.³⁸ По

всей видимости, учет данных факторов позволил бы переосмыслить показатели неравенства в СССР 1946–1953 гг. в сторону увеличения.

Возвращаясь к теме заработков горожан, можно заключить, что политика оплаты труда 1946–1953 гг. имела ряд специфических черт. Во-первых, она отличалась высоким уровнем дифференциации, обусловленной отраслью, местоположением предприятия, профессией, должностью, стажем и личными заслугами работника. В соответствии с принципом главного звена, в профессиональном спектре городского социума выделялись приоритетные группы, в отношении которых более активно применялись методы положительного материального стимулирования труда (повышение окладов, дополнительные выплаты и пр.), в то время как по отношению к остальным горожанам широко применялись методы негативного материального стимулирования (повышение норм выработки и снижение сдельных расценок оплаты труда). Во-вторых, размеры заработной платы горожан зависели от результативности и производительности труда (в большей степени данная тенденция была заметна в индустрии).

Наличие выделенных особенностей позволяет говорить о сохранении в послевоенные годы принципа «ставки на сильных», обозначившегося в качестве лейтмотива социальной политики в 1930-е гг.³⁹ С одной стороны, проводимая Сталиным социальная политика, названная В. Данхем «большой сделкой»,⁴⁰ была направлена на обеспечение материально устроенной жизни правящей партийной элиты и советского среднего класса (руководителей разных уровней, квалифицированных рабочих, ИТР, научной и творческой интеллигенции) в обмен на лояльность данных групп в отношении правящего режима. Дифференцированная политика оплаты труда была инструментом решения государственных задач: закрепления кадров в приоритетных отраслях промышленности, повышения производительности труда, стимулирования научных разработок и пр. С другой стороны, реализация означенной политики способствовала материальной поляризации советского социума, болезненно воспринимаемая современниками и трактуемая как нарушение принципа социалистического распределения.

³⁴ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // WID.world WORKING PAPER SERIES. № 2017/09. P. 37.

³⁵ См.: Top 1 % national income share // World inequality data base. URL: https://wid.world/world/#sptinc_p99p100_z/US;FR;DE;CN;GB;WO;RU/last/eu/k/p/yearly/s/false/2.3925/30/curve/false/country (дата обращения: 15.08.2021).

³⁶ См.: Там же.

³⁷ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. Op. cit. P. 37.

³⁸ См.: Капелюшников Р. И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 67–106; Маслова О. Л., Багрова Е. В. Философия и эволюция неравенства: теория Кузнецца, критика Томаса Пикетти, приложение данных теорий для

России // Интегрированные модели современных информационных систем в условиях цифровизации экономики России. Орел, 2021. С. 193.

³⁹ См.: Роговин В. З. Сталинский неонэп. М., 1994. С. 200–215.

⁴⁰ См.: Dunham V. In Stalin's time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976. P. 14.

Произошедшая в середине 1950-х гг. смена политической конъюнктуры отразилась на изменении политики оплаты труда. Дифференцированная политика сменяется курсом на повышение материального благосостояния всего населения и нивелирование существующей материальной поляризации социума. Важно отметить, что отказ от дифференцированной политики оплаты труда шел параллельно с общим ослаблением мобилизационного режима в социально-экономической сфере (смягчение санкций в отношении нарушителей трудовой дисциплины, сокращение контингента, мобилизуемого через систему оргнабора и трудо-

вых резервов, снижение интенсивности кампании по борьбе с хищениями, спекуляцией и пр.). Синхронность данных процессов позволяет заключить, что дифференцированная политика оплаты труда, способствующая материальной поляризации социума, являлась элементом, присущим советской мобилизационной экономической стратегии. Она выполняла функцию стимулирования труда, а также позволяла интенсифицировать работу отдельных профессиональных групп (предприятий, отраслей, регионов), обладающих значимостью в контексте достижения мобилизационных задач.

Marina A. Klinova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

THE POLICY OF REMUNERATION OF THE RSFSR'S URBAN DWELLERS IN 1946–1953:
A MOBILIZATION TOOL AND MATERIAL INEQUALITY FACTOR

The paper analyzes the policy of remuneration of various professional groups of the urban society of the RSFSR in 1946–1953 to determine the specifics and extent of wage differentiation, its conditionality with the tasks of the mobilization strategy of the state. The policy of remuneration of urban dwellers was characterized by a high level of differentiation. In accordance with the main link principle, in urban society “priority” groups were identified, in relation to which positive material incentives (salary increases, payments, etc.) were more actively applied. In relation to the rest of the townspeople, methods of negative financial incentives were more widely used (increasing production rates, reducing piece rates). Differentiated wage policy was a tool for solving state tasks: securing personnel in priority industries, increasing labor productivity, stimulating scientific research, etc. On the other hand, it contributed to the material polarization of Soviet society. In assessing the scale of material inequality, the system of estimating coordinates plays a decisive role. Contemporaries noted a significant level of material stratification of Soviet society, interpreting it as a violation of the principle of socialist distribution. According to T. Piketty, F. Novokmet and G. Zucman, the coefficient of material inequality in the post-war USSR was quite low (in comparison with the pre-revolutionary, post-Soviet, foreign levels), but on the scale of the Soviet period, this indicator reached its maximum precisely in the post-war years.

Keywords: *wages, inequality, urban population, 1946–1953, Soviet mobilization*

REFERENCES

- Dunham V. *In Stalin's Time: Middle class Values in Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. (in English).
- Dva vzglyada iz-za rubezha* [Two views from abroad]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. (in Russ.).
- Filzer D. *Sovetskiye rabochiye i pozdnyy stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovleniye stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II]. Moscow: Prezidentskiy tsentr B. N. Yel'tsina Publ., 2011. (in Russ.).
- Kalinina O. N. [Food and manufactured goods supply of the party nomenclature in West Siberia (middle of 1940s — the beginning of the 1950s)]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava Publ., 2014, pp. 200–208. (in Russ.).
- Kalinina O. N. [Social status and material maintenance of the regional party and Soviet nomenclature of the West Siberia in 1953–1964]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava Publ., 2015, pp. 221–229. (in Russ.).

Kapeliushnikov R. I. [Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2020, no. 4, pp. 67–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-4-67-106 (in Russ.).

Klinova M. A. [Changes in the industrial output standards and the piece wage system of soviet industrial enterprises (1946–1949)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity], 2021, iss. 21, pp. 133–145. (in Russ.).

Klinova M. A. *Gosudarstvennoye regulirovaniye ekonomicheskikh strategiy gorodskogo naseleniya RSFSR v pervoye poslevoynnoye desyatiletie* [State regulation of the economic strategies of the urban population of the RSFSR in the first post-war decade]. Ekaterinburg: UMTs UPI Publ., 2019. (in Russ.).

Konovalov A. B. [Evolution of the system of nomenklatura benefits and privileges during the period of “late Stalinism” (1945–1953)]. *Nomenklatura i nomenklaturnaya organizatsiya vlasti v Rossii XX veka* [Nomenklatura and nomenklatura organization of power in the 20th century Russia]. Perm: PGU Publ., 2004, pp. 161–179. (in Russ.).

Konovalov A. B. [Modernization of the system of nomenklatura benefits and privileges: the experience of the Khrushchev reforms (1953–1964)]. *Istoricheskiy yezhegodnik. 2007* [Historical Yearbook. 2007]. Novosibirsk: Ripel Publ., 2007, pp. 6–20. (in Russ.).

Kuznetsova N. V. [Prices and wages dynamics in the Lower Volga region amid the food crisis in 1946–1947]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International Relations], 2012, no. 1 (21), pp. 59–66. (in Russ.).

Mamyachenkov V. N. [Monetary incomes of workers of party bodies of the Sverdlovsk region in the 1950s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2009, vol. 15, no. 3, pp. 242–245. (in Russ.).

Mamyachenkov V. N. *Material'nyye usloviya zhizni semey promyshlennykh rabochikh Sverdlovskoy oblasti v 1953–1964 godakh: ot Stalina do Brezhneva: istoriko-ekonomicheskoye issledovaniye* [Material conditions of life of families of industrial workers in the Sverdlovsk region in 1953–1964: from Stalin to Brezhnev: a historical and economic research]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2010. (in Russ.).

Maslova O. L., Bagrova E. V. [Philosophy and evolution of inequality: Kuznets theory, criticism of Thomas Piketty, application of these theories for Russia]. *Integrirovannyye modeli sovremennykh informatsionnykh sistem v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki Rossii* [Integrated models of modern information systems in the digitalization of the Russian economy]. Orel: OGUeIT Publ., 2021, pp. 191–194. (in Russ.).

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. *WID.world WORKING PAPER SERIES*, no. 2017/09. (in English).

Poberezhnikov I. V. [Modernization in the history of Russia: trends and investigation problems]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 4 (57), pp. 36–45. (in Russ.).

Popov V. P. *Ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva. 1946–1953 gg.* [Economic policy of the Soviet state. 1946–1953]. Moscow; Tambov: Izd-vo TGTU Publ., 2000. (in Russ.).

Rogovin V. Z. *Stalinskiy neonep* [Stalin's neo-nep]. Moscow: B. i., 1994. (in Russ.).

Sedov V. V. *Mobilizatsionnaya ekonomika: sovetskaya model'* [Mobilization economy: Soviet model]. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 2003. (in Russ.).

Zhirnov E. [“We used the dacha, food, servants for free”]. *Kommersant Vlast'* [Kommersant Power], no. 47, 02.12.2002. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/353841> (accessed: 15.08.2021). (in Russ.).

Zubkova E. Yu. *Poslevoynnoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999. (in Russ.).

Для цитирования: Клинова М. А. Политика оплаты труда горожан РСФСР в 1946–1953 гг.: мобилизационный инструмент и фактор материального неравенства // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81.

For citation: Klinova M. A. The policy of remuneration of the RSFSR's urban dwellers in 1946–1953: a mobilization tool and material inequality factor // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81.

И. Л. Манькова

ТОБОЛЬСКИЙ АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ КАК АКТОР КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ В XVII В.

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-82-91

УДК 94(571)“16”

ББК 63.3(253.3)45

В ходе освоения Сибири русские создавали на колонизируемых землях аутентичное «жизненное пространство», опираясь на свои религиозные традиции и практики. В статье показана роль Тобольского архиерейского дома в формировании социокультурной среды на осваиваемой территории в соответствии с нормами христианского образа жизни. Под архиерейским домом понимается региональная институция Русской православной церкви, организовывавшая и контролировавшая духовную сферу жизни местного социума. Выполняя свою миссию, Тобольская кафедра, созданная в 1620 г., использовала многовековой опыт Русской православной церкви и вместе с тем отвечала на специфические вызовы, связанные с огромными масштабами подконтрольной территории и значительной удаленностью от центра, нехваткой священников и их неоднозначным моральным обликом, особенностями гендерного состава русских первооселенцев, разногласиями с местными воеводами по вопросу разграничения полномочий. Основными заботами сибирских архиереев XVII в. стали поддержание нравственного состояния общества, упорядочение церковной сферы, «печалование» о населении Сибири, включая ясачных. В течение XVII в. была создана система епархиального управления. Региональные особенности этой системы выразились в разнообразии принципов выделения десятинных округов и темпах замены светских десятильников духовными заказчиками (представителями духовенства). Организованный Тобольским архиерейским домом церковный суд являлся важным инструментом сдерживания «нестроений» как в среде духовенства, так и в мирском сообществе. Сложившийся на подведомственной территории православный ландшафт позволял удовлетворять духовные потребности местного социума. К концу XVII в. в епархии насчитывалось не менее 225 церквей, включая монастырские. Большинство из них размещалось в Западной Сибири, наиболее освоенной части епархии и приближенной к ее центру. Была решена проблема обеспечения приходов священниками, появились широко почитаемые региональные святыни. Христианизация коренного населения велась в основном силами монастырей. Используя разные формы воздействия на паству, Тобольский архиерейский дом оказывал большое влияние на религиозно-нравственное состояние местного социума и стал одним из ведущих акторов колониационного процесса.

Ключевые слова: *русская колонизация Сибири, Сибирская и Тобольская епархия, Тобольский архиерейский дом, десятины, десятильники, духовные заказчики, церковный суд, монастыри, христианизация*

Ранняя колонизация Сибири — сложный и многовекторный процесс интеграции обширных территорий Северной Азии в российское цивилизационное пространство. Укоренение на новых землях образа жизни, окрашенного православной религиозностью, являлось одним из важных маркеров этой интеграции, поскольку в эпоху Средневековья именно религиозное мировоззрение определяло жизненные стратегии людей, регламентировало этику и поведение в социуме. Развиваясь естественным путем, этот процесс имел организационное начало. К XVII в. в Русской

православной церкви сложились устойчивая иерархическая структура, принципы и практики регионального управления.¹

Сибирская и Тобольская епархия была создана в 1620 г. История Тобольского архиерейского дома XVII в. имеет обширную историографию. Она не раз становилась предметом внимания в контексте изучения истории Православной церкви в Сибири.² Можно выделить несколько направлений в исследованиях этой

¹ В первое время после учреждения в 1589 г. патриаршества в Москве существовало 14 епархий, включая Патриаршую область и четыре митрополии. См.: Зайцев Д. В. Епархия // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 500.

² См.: Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX в. Иркутск, 2006. Ч. 1; История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Русская Православная Церковь и старовере в Сибири в XVII—XVIII вв. // Вопросы истории Сибири в новое время. Новосибирск, 2012. Вып. 2. С. 29–45; и др.

темы: биографии и деятельность сибирских преосвященных;³ формирование архиерейской вотчины;⁴ структура, штат и финансовое обеспечение деятельности архиерейского дома;⁵ его вклад в развитие культуры.⁶ Значительный прорыв в этой теме был обеспечен публикацией двух сборников документов, включивших акты материалы, описи архиерейского имущества и вотчин, делопроизводственную документацию и литературные памятники.⁷ В современной историографии одной из самых обсуждаемых тем стали взаимоотношения светской и церковной властей.⁸

В статье мы намерены показать роль Тобольского архиерейского дома в создании социокультурной среды на осваиваемой территории в соответствии с нормами христианского образа жизни. Он будет представлен как региональная институция Русской православной церкви, которая организовывала и кон-

тролировала духовную сферу жизни местного социума. Акторный подход позволяет сфокусировать внимание на архиерейском доме как на участнике преобразований, движимом собственными мотивами и обладающим для этого соответствующим опытом.

Как известно, деятельность епархиальных архиереев регламентировалась каноническим правом, решениями Московских освященных соборов, а также распоряжениями высших светской и церковной властей. При назначении на кафедру преосвященные получали указы от верховной власти, определявшие основные направления их деятельности. Наказы первым сибирским архиереям были схожи с наказом первому казанскому архиепископу Гурию 1555 г.⁹ Они идентичны по описанию направлений деятельности преосвященных и близки по степени детализации выстраивания отношений с коренным населением и местными светскими властями. Аналогичность этих документов закономерна, поскольку исторические миссии первых казанских и сибирских преосвященных были одинаковыми — укоренение православия на недавно присоединенных землях с иноверным автохтонным населением.

К моменту принятия в конце 1620 г. решения о создании архиепископской кафедры в Тобольске русская колонизационная волна дошла до Енисея, а территория Западной Сибири уже была покрыта своеобразной сетью московского владычества, узлами которой являлись русские города-остроги, основанные в конце XVI — начале XVII в. В районах, пригодных для земледелия, рядом с городами образовывались сельские поселения.

Получая шаблонные по содержанию указы, сибирские архиереи сталкивались на месте с серьезными вызовами, связанными с огромными масштабами подконтрольной территории и значительной удаленностью от центра, нехваткой священников и их неоднозначным моральным обликом, особенностями гендерного состава русских первооселенцев, в котором существенно преобладали мужчины, разногласиями с местными воеводами по вопросу

³ См.: Абрамов Н. А. Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998; Архипова М. Д. Киприан Старорупшин — деятель Русской православной церкви и духовной культуры первой трети XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004; Будицкий П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 199–250; Он же. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625–1650 гг.) // Там же. С. 251–310; Никулин И., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015; и др.

⁴ См.: Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1983; Харина Н. С. Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012; Щербич С. Н. Воскресенская вотчина Тобольского Софийского дома в конце XVII — XVIII в. // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2013. № 1 (20). С. 104–111; и др.

⁵ См.: Никулин И. А., свящ. Структура Тобольского архиерейского дома в 90-е годы XVII в. // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 120–138; Он же. Существовали ли разряды в системе административно-территориального управления Сибирской епархии в XVII веке? // Церковь. Богословие. История: материалы IV междунар. науч.-богосл. конф. Екатеринбург, 2016. С. 187–191; Он же. Эволюция форм и размера царской руги Тобольскому архиерейскому дому в XVII в. // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 325–330; Харина Н. С. Система управления Тобольским архиерейским домом // В мире научных открытий. 2011. № 11.3 (23). С. 857–873; и др.

⁶ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973; Солодкин Я. Г. Сибирское летописание XVII — первой половины XVIII в.: спорные и малоизученные вопросы. Нижневартовск, 2018; и др.

⁷ См.: Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001.

⁸ См.: Силаева И. А. Взаимоотношения церковных и светских властей в Сибири XVII столетия в трудах Н. Н. Оглоблина // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 2 (106). С. 43–47; Солодкин Я. Г. К истории взаимоотношений церковных и светских властей в Сибири первой половины XVII в. // Вестн. ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2019. № 2. С. 84–88; и др.

⁹ См.: Наказ казанскому архиепископу Гурию 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 259–261. Единственный известный из наказов сибирским архиепископам — это наказ сибирскому архиепископу Макарию 1625 г. Опубл.: Тобольский архиерейский дом... С. 213–215. Скорее всего, он мало чем отличался от других.

разграничения полномочий. Преодолением их на протяжении XVII в. занимались восемь сибирских архиереев: архиепископы Киприан (1621–1624), Макарий (1624–1635), Нектарий (1636–1640), Герасим (1640–1650) и Симеон (1651–1664), митрополиты Корнилий (1664–1677/78), Павел (1678–1692) и Игнатий (1692–1700).

Согласно наказам, одной из важнейших функций архиереев являлось пастырское служение: поучать, чтобы духовенство «пребывало в благочинии», а миряне «жили во исправлении закона христианского по заповедям Божиим и святых апостол и святых отец». ¹⁰ Во время архиерейских служений сибирские преосвященные произносили проповеди, но это в основном происходило в Тобольске. Известно крайне мало фактов об их поездках по епархии. ¹¹ За весь XVII в. никто из них не побывал восточнее Тобольска. Единственным способом обращения преосвященных к подавляющему большинству паствы являлись «послания» — проповеди, оформленные в виде текстов. Самое раннее из известных нам архиерейских посланий относится к 1647 г. Оно было написано архиепископом Герасимом в связи с явлением Богородицы тюменской жительнице Марии Семеновой. Во видении Божья Матерь указала Марии сообщить в мир, «чтоб в городе и в уезде православные христиане... матерною и иною всякою неподобною лаею меж собою не лалялись и христианства своего не сквернили». ¹² Известие об этом видении получило широкий резонанс в Тюмени, а архиепископ Герасим откликнулся пространственным поучением о пагубности матерной брани. ¹³ Послание и рассказ о видении Марии были разосланы воеводам сибирских городов с указанием три дня собирать народ «от мала до велика» в соборную церковь и зачитывать им архиерейское поучение. ¹⁴ Сохранилось также послание архиепископа Симеона о необходимости соблюдения норм христианской жизни, направленное в апреле 1653 г. жителям Якутского острога. Поводом для него стали дошедшие до преосвященного слухи о несправедном

жизнь православного населения на реке Лене. ¹⁵ Известен и хорошо изучен цикл посланий митрополита Игнатия, в частности посвященных полемике со старообрядцами. ¹⁶

Архиерейские дома обладали еще одним рычагом воздействия на паству — правом суда по духовным делам. Санкции, налагаемые этим судом, были разнообразны — от сугубо церковных (отлучение от церкви, наложение епитимьи, отправка в монастырь для исправления, отрешение от должности, лишение сана) до обычных светских (денежные штрафы, физические наказания). Власти считали эти наказания не столько карательной, сколько воспитательной мерой. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану 1622 г. указывалось виновных по «духовным делам» «смирять по правилу святых отец, чтоб их ото всякого беззакония вперед унять». Рецидив «духовного преступления» влек за собой более суровое наказание. Но церковный суд не имел права на самые жесткие меры, которые могли применять к преступникам только светские власти. ¹⁷

К тому же сибиряки не всегда безоговорочно признавали за архиереем и его представителями право преследования за их «беззаконный», с точки зрения Церкви, образ жизни. Так, служилые люди уверяли архиепископа Киприана, что у них есть грамота, разрешавшая им привозить с Руси «жонок и девок», а в Сибири «продавать их в работу». ¹⁸ Архиепископ Симеон в 1653 г. просил царя дать ему указную грамоту, которая разрешала бы ему «пребеззаконные всякие дела ведать и унимать». ¹⁹ Свою просьбу он объяснил тем, что нарушители отказывались подчиняться пастырю, заявляя, что «мы де холопи государевы, а архиепископу до нас дела нет». ²⁰

Епархиальная система управления была нацелена на тотальный контроль над обществом, чему должно было способствовать создание сети десятичных округов. Еще первый

¹⁰ Тобольский архиерейский дом... С. 213, 214; Акты, собранные в библиотеках и архивах... С. 259.

¹¹ См.: Мангилёв П. И., прот. Никулин И. А., свящ. Русский архиерей XVII в. в поездке по епархии (на примере сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова)) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 216–227.

¹² Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 6. Л. 124–124об.

¹³ Там же. Л. 124об.–126.

¹⁴ Там же. Л. 124.

¹⁵ См.: Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань, 1875. С. 1–5.

¹⁶ См.: Никулин И., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский...; Панич Т. В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского и «Сибирские послания» Игнатия (Римского-Корсакова): опыт сравнительного анализа // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2021. № 34. С. 166–179.

¹⁷ См.: Тобольский архиерейский дом... С. 197.

¹⁸ Там же. С. 196.

¹⁹ Литературные памятники... С. 300, 301.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 400. Л. 412–413.

архиепископ Киприан, заступив на кафедру, озаботился этой проблемой. Традиционно десятины в епархиях соотносились с границами уездов или станом, а уездные города становились местами пребывания десятильников. На эти должности назначались архиерейские дети боярские. В обязанности десятильников входили надзор за деятельностью приходского духовенства, выявление нарушителей норм христианской жизни и морали, расследование духовных преступлений, проведение суда нижней инстанции по гражданским делам между «церковными людьми», сбор церковных налогов в софийскую казну и штрафов с мирян по решениям духовных судов. Злостные нарушители препровождались на архиерейский двор. Десятники выдавали венечные (разрешения на венчание), новичные (назначения причетников к приходским церквям) и похоронные памяти.²¹ Они регулярно объезжали подведомственные им территории «для церковных догматов и святительских духовных дел».

Вероятно, первоначально десятинные округа Сибирской епархии охватывали по несколько уездов. К середине XVII в. были образованы четыре десятины: Тюменская, Верхотурская, Березовская и Томская.²² Тобольск и ближайшая округа находились под прямым управлением аппарата архиерейского дома. Одновременно шел процесс расширения зоны ответственности Тобольской кафедры вслед за продвижением колонизационной волны на восток. К середине XVII в. русская колонизация дошла до Колымы и Анадыря.

Обширность епархии и разная степень освоенности ее западной и восточной частей отразились на дальнейшем процессе образования десятинных округов. Мы склонны считать, что на протяжении XVII в. не существовало единого принципа их выделения. Об этом свидетельствует «Роспись имянная кому в котором городе от духовного чину велено быть закащиками и ведать десятину» 1698 г.²³ Наряду с учетом светского деления принимались во внимание расстояния между населенными пунктами, плотность населения и количество церквей в отдельных районах. Из «Росписи» следует, что существовало 15 десятин. Так, на

территории Западной Сибири были выделены следующие десятинные округа: Верхотурье и Пелым с уездами, Туринск с уездом, Тара с уездом, Тюмень с уездом, Березов, Сургут, слободы по р. Исети, слободы по р. Пышме, слободы по р. Нице. Выделение «слободских» десятин явно было связано с тем, что к концу XVII в. эти районы были хорошо освоены, и существовала своеобразная «черезполосица» (соседние слободы могли относиться к разным уездам), поэтому при выделении десятин был применен географический подход. Тобольск с округой по-прежнему не выделялся в отдельную десятину. Светское административно-территориальное деление Сибири развивалось по пути структурирования в более крупные территориальные единицы — разряды, объединявшие несколько уездов. Однако в церковном делении наблюдается другая тенденция. Единственной десятиной, совпадавшей с границами разряда, была Томская, в которую входили Томск, Кетский, Нарымский и Кузнецкий остроги с уездами. Енисейский разряд был разделен на три десятины: Енисейск и Красноярск с уездами, Туруханск, Даурия (Иркутск, Нерчинск и Даурские остроги). Самостоятельными десятинами являлись Якутск с уездом и Илимск с уездом.²⁴ Разбросанность острогов на огромной территории Восточной Сибири и слабое представление епархиальных властей об их местонахождении приводили к путанице в приписке того или иного населенного пункта к конкретной десятине.²⁵

«Роспись» была составлена митрополитом Игнатием в ответ на грамоты царя Петра I и патриарха Адриана 1697–1698 гг. о назначении на должности десятильников только лиц «духовного чина». Такое решение было принято еще на церковном соборе 1675 г. Однако в Сибирской епархии «светские» десятильники сохранялись до упомянутых грамот, ставших реакцией не громкое дело об их масштабных злоупотреблениях.²⁶ На наш взгляд, длительность сохранения этого звена управления в Сибирской епархии во многом была порождена ее размерами и темпоральностью колонизационных процессов. Во-первых, в регионе должно было сконцентрироваться достаточное количество лиц духовного звания, пользовавшихся

²¹ См.: Флоря Б. Н. Десятники // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 449.

²² См.: Переписная книга Тобольского архиерейского двора 1651 г. // Тобольский архиерейский дом... С. 249.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1363. Л. 443.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1363. Л. 443.

²⁵ Древние церковные грамоты... С. 25, 53, 75–76.

²⁶ Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.

доверием архиерея и способных осуществлять церковно-административные функции. Во-вторых, «светские» десятильники были более мобильны, не обременены другими обязанностями, как приходские священники и настоятели монастырей.

В Сибирской епархии управленческие преобразования происходили медленнее, но в общем тренде Русской православной церкви: включение наряду с десятильниками в систему духовного суда и надзора за нравственным состоянием общества представителей черного и белого духовенства (заказчиков духовных дел и поповских старост),²⁷ а затем постепенная передача им функций десятильников и окончательная ликвидация этого института. Уже первый архиепископ Киприан стал привлекать к епархиальному управлению настоятелей монастырей. Так, отправляя в начале 1620-х гг. игумена Тимофея для организации монастыря в Мангазее, преосвященный поручил ему совместно с десятильником Василием Стоговым «ведать всякие наши духовные дела».²⁸ Обычной стала практика поручения архиереем ведения следствий по духовным делам старцам, управлявшим архиерейской Усть-Ницынской вотчиной.²⁹

В Восточной Сибири ситуация сложилась таким образом, что епархиальное руководство было вынуждено форсировать передачу всех управленческих функций представителям черного духовенства. Когда была образована Даурская десятина, то митрополит Павел одновременно с отправкой туда десятильника в 1683 г. назначил духовным заказчиком игумена Селенгинского Троицкого монастыря Феодосия. Владыка предписал ему «тамошних жителей русских людей, которые живут неисправно и не по-христиански, истинного нашего православия закона не держатца, разговаривать и от божественного писания поучать», а также надзирать за приходским духовенством. Глава епархии, по сути, делегировал игумену Феодосию свои пастырские полномочия на отдельной территории.

После отстранения в 1687 г. даурского десятильника А. Беляева его обязанности были

возложены на духовного заказчика игумена Феодосия.³⁰ Согласно наказу митрополита Игнатия, данному селенгинскому игумену Мисаилу в 1693 г., его полномочия по духовным делам тоже были дополнены функциями десятильника. Так, он получил право менять нерадивых церковных и часовенных старост, смирать священников-«безчинников» и определять их для исправления в монастырь, а в том случае, если наказание не возымеет силу, препровождать в Тобольск.³¹ Масштабы восточносибирских десятин подталкивали к тому, чтобы наделить и фискальными функциями духовных заказчиков, которые, в свою очередь, получили право назначать заказчиков из приходского духовенства для сбора митрополичьих налогов в отдаленных районах.³² Этот подход и был реализован митрополитом Игнатием по всей епархии в 1698 г.

В грамоте Петра I речь шла не о ликвидации института десятильников, а лишь о назначении на эти должности лиц духовного звания. Однако «Роспись» 1698 г. показывает, что это звено в системе епархиального управления было упразднено, и митрополит поручил руководство десятинами «заказчикам». В десятинных округах, охватывавших город и уезд, заказчиками назначались два лица: настоятель городского монастыря и священник соборной церкви. В Сургуте и Якутске монастырей не было, поэтому там заказчиками стали только соборные священники, а в Туруханской, Илимской и Даурской десятинах — только настоятели Туруханского, Киренского и Селенгинского Троицких монастырей. В Томской десятине было назначено три заказчика: архимандрит Алексеевского монастыря, протопоп Троицкого собора и священник Богоявленской церкви. В Тюмени и Березове должности заказчиков получили не соборные попы, а поповские старосты, служившие в Тюменской Спасской церкви поп Иван Васильев и в Березовской Воскресенской церкви поп Василий Климантов. Из этого следует, что для митрополита Игнатия были важны личности назначаемых заказчиков. Это предположение подтверждает и выбор заказчиков в «слободских» десятинах. Так, в ницынских слободах заказчиком стал священник Троицкой церкви митрополичьей Усть-Ницынской слободы Афанасий Филиппов, в пышминских слободах — священник из

²⁷ Заказчики духовных дел (духовные заказчики) — представители черного и белого духовенства, наделенные архиереем особыми полномочиями. Поповские старосты были учреждены собором 1551 г., они избирались из приходского духовенства, выполняли фискальные и надзорные функции в своей социальной группе.

²⁸ Миллер Г. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 309.

²⁹ СПбА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 10.

³⁰ См.: Там же.

³¹ См.: Там же. С. 47.

³² См.: Там же. С. 134.

Невьянского острога Иван Буцлов (а не настоятель Невьянского Богоявленского монастыря), в исетских слободах — игумен Рафайловского Троицкого монастыря Филарет (а не игумен более крупного Далматовского Успенского монастыря). В начале XVIII в. единицей внутри-епархиального деления вместо десятин стали духовные заказы, но настоятели монастырей оставались заказчиками окрестных церквей, что может свидетельствовать об эффективности практики вовлечения черного духовенства в управление.³³

Одной из самых острых проблем являлась нехватка приходских священников, без которых невозможно было наладить духовную жизнь православного человека. Вместе с тем, поначалу центральные власти даже рекомендовали архиепископу Киприану строить новые церкви только при крайней необходимости, «где без церкви быти немочно».³⁴ Эта рекомендация была продиктована в первую очередь финансовыми трудностями. Почти все ранние церкви были ружными, то есть их духовенство и причт находились на государственном содержании, поэтому увеличение количества священнических мест вело к новым казенным расходам в далекой Сибири.

Поскольку территория только осваивалась православным населением, то существовавшая в европейской части России практика приглашения и содержания священника приходской общиной была малоосуществима. Назначения священников из ссыльных также были редким явлением. Поэтому основным способом решения этой проблемы был перевод духовенства из других епархий по предписаниям из Москвы.³⁵ К концу XVII в. кадровые трудности были преодолены. Вакантные должности стали заполняться сыновьями священников, которые начинали с детства прислуживать отцам в церкви в качестве причетников, а затем рукополагались в священнический сан, а также путем продвижения по служебной лестнице церковнослужителей. Порой священники даже конкурировали за места при приходских храмах, почти все они

уже «кормились от церкви», то есть за счет приходской общины.³⁶

Остается открытым вопрос о количестве церквей и часовен в Сибирской епархии на протяжении XVII в. В именном указе Петра I от 18 февраля 1696 г. о даче жалованья сибирскому митрополиту упоминается, что по свидетельству митрополичьего стряпчего преосвященный получал доходы со 160 церквей.³⁷ Это количество церквей и стало фигурировать в литературе.³⁸ Однако наши подсчеты по приходо-расходной книге Тобольского архиерейского дома за 1696/97 г. показали, что в реальности действовало около 225 соборных, приходских и монастырских церквей, из которых 145 находились на территории Тобольского разряда.³⁹ В документе не отражено общее количество часовен, лишь отмечено, что в Тюмени, Верхотурье, Пелыме и Туринске с уездами находилась 141 часовня,⁴⁰ но, судя по сборам данных денег в митрополичью казну, часовни были и в Восточной Сибири. К тому времени церковные власти столкнулись с проблемой учета церквей для обложения налогами в архиерейскую казну.⁴¹ Еще сложнее обстояло дело с контролем за строительством часовен, которые стали активно возводить в новых поселениях, поскольку они вполне обеспечивали молитвенное общение, но обходились мирянам дешевле. Для строительства церкви или часовни необходимо было получить разрешение архиерея. Но население Восточной Сибири не особенно следовало этому правилу, видимо, в силу большой удаленности от Тобольска.

Приходские церкви и часовни составляли каркас православного ландшафта Сибири и служили фундаментом традиционного уклада жизни православного населения. При активном участии тобольских архиереев духовная жизнь местного социума становилась разнообразнее, а православный ландшафт сложнее. Важным показателем укоренения православных традиций на новых землях являлось обретение местных святых, что сибирские архиереи не только активно поддерживали, но порой и инициировали. Так, архиепископы Киприан и Нектарий многое сделали для

³³ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 19; Нечаева М. Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. С. 22.

³⁴ Тобольский архиерейский дом... С. 180.

³⁵ Подробнее см.: Манькова И. Л. Приходское духовенство в Сибири XVII в.: проблемы формирования и обеспечения // Образы аграрной истории IX–XVIII в. Памяти Н. А. Горской. М., 2013. С. 181–198.

³⁶ См.: Древние церковные грамоты... С. 49.

³⁷ ПСЗ. Изд. 1-е. № 1541. С. 235.

³⁸ Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Русская Православная Церковь и староверие... С. 30.

³⁹ РГАДА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 860. Л. 10–140б.

⁴⁰ Там же. Л. 10.

⁴¹ См.: Древние церковные грамоты... С. 46.

сохранения памяти о походе Ермака, героизации атамана и его сподвижников в провиденциалистском христианском духе.⁴²

Архиепископ Нектарий поддержал инициативу жителей Абалакского села построить Знаменскую церковь после видений вдове Марии Ивановой в 1636 г. и обретения чудотворной Абалакской иконы Знамения Божией Матери. При Тобольском архиерейском доме была составлена, а затем и дополнена первая редакция Сказания о явлении и чудесах этого образа. Митрополит Корнилий внес свою лепту в прославление чудотворной Абалакской иконы, став очевидцем нескольких чудес: избавления Тобольска от стихийного бедствия и исцеления самого митрополита. По его распоряжению был установлен ритуал ежегодного приношения чудотворного образа из Абалака в Тобольск.⁴³ Еще в начале своего архиерейского служения в Сибири он способствовал особому почитанию иконы-складня «Троица и Знамение Богородицы», найденной мальчиком на речке Бобровке в 1664 г. В связи с этим событием в Бобровском погосте вместо часовни была построена Знаменская церковь.⁴⁴ Митрополит Игнатий в 1694 г. свидетельствовал мощи праведного Симеона в селе Меркушино Верхотурского уезда, стал автором ранней редакции его жития, тем самым положив начало широкому почитанию святого.⁴⁵

Процесс укоренения православия в Сибири сопровождался вовлечением в эту религиозную систему иноверного автохтонного населения. Массовой принудительной христианизации в Сибири в XVII в. не проводилось, но известны случаи, когда служилые люди крестили полоняников с целью похолопления или женитьбы, что вряд ли было добровольно. Власти стремились пресечь эту практику. Царскими грамотами и наказами архиереям предписывалось исключительно добровольно крестить коренных жителей. Преосвященным поручалось «лучших держать при себе, обучать их всему христианскому закону и покоити их

как мочно», а остальных для крещения рассылать по монастырям.⁴⁶ Предполагался мягкий вариант религиозной конверсии, в том числе с помощью создания образа епархиального архиерея не только как просветителя, но и как защитника иноверцев, для чего в обязанность архиереев входило принятие челобитий от «татар» о притеснениях. Привлекательность православия поддерживалась и материальными стимулами, в частности освобождением новокрещеных от уплаты ясака и подарками при крещении.⁴⁷ При этом возникал риск формальной смены веры, что хорошо осознавалось епархиальным руководством. Поэтому новокрещенцам не разрешалось проживать совместно с некрещеными родственниками, велся надзор за соблюдением ими православных обрядов. Особую тревогу у сибирских архиереев вызывали бытовые контакты русских и иноверцев. Они считали, что новопоселенцы перенимают у тех привычки, несовместимые с христианскими правилами.⁴⁸

Не сохранилось свидетельств о пребывании на архиерейском дворе «лучших» иноверцев с целью крещения. Вероятно, это были единичные случаи. Основными же проводниками христианизации стали монастыри, где желавшие креститься должны были проходить катехизацию в течение шести недель. В 1653 г. ханты Северо-Западной Сибири даже обратились к царю с просьбой организовать монастырь в бывшей вотчине кодских князей Алачевых, чтобы у них была возможность креститься. Так было положено начало Кондинскому Троицкому монастырю.⁴⁹ В 1683/84 г. игумен Иона с братией в одной из челобитных так описывали ситуацию: «Прибегают в тот монастырь Великих государей ясашные остяки за старостью, которые ясаку платить не могут и они де крестят их в православную христианскую веру и во иноческий чин постригают Христа ради и душевного их спасения как и протчую братью, потому что тот монастырь построен по их остяцкому челобитью 14 городков».⁵⁰ К тому времени в обители проживали 10 хантов-

⁴² По инициативе архиепископа Киприана был составлен синодик ермаковым казакам и установлено их поминание в сибирских церквях. При архиепископе Нектарии архиерейским дьяком Саввой Есиновым была написана первая сибирская летопись.

⁴³ См.: Сказание о явлении и чудесах Абалакской иконы Богородицы // Литературные памятники... С. 167–179.

⁴⁴ См.: Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1906. С. 343, 344.

⁴⁵ См.: Мангилёв П. И. К истории текста Жития Симеона Верхотурского // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 293–301.

⁴⁶ См.: Тобольский архиерейский дом... С. 213.

⁴⁷ В последнее время тема вознаграждения за крещение рассматривается в русле концепции дарообмена. См.: Конов А. Ю., Поплавский Р. О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI – XVIII в.) // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2018. № 4 (43). С. 165–174.

⁴⁸ См.: Литературные памятники... С. 308.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 400. Л. 154–154об.

⁵⁰ Там же. Д. 1058. Л. 73.

монахов и около 20 хантов-бельцов.⁵¹ Большую роль в регулировании процесса христианизации играли местные светские власти, принимая челобитные от желавших креститься.

Оценить масштабы христианизации в Сибири XVII в. не представляется возможным, но о них можно судить по косвенным данным. Так, в марте 1690 г. старец Туруханского Троицкого монастыря Варсонофий с двумя вкладчиками провезли из Москвы через Верхотурье церковную утварь, 356 м сукна, 712 м холста, 2 000 ложек, 100 ножей и 1 000 гвоздей.⁵² Скорее всего, холст и сукно предназначались не только на одежду старцам, но и для крестильных рубах и на подарки новокрещенным. Судя по объему привезенного из Москвы скарба, можно предположить, что Туруханский монастырь, в конце XVII в. обладавший еще одной сибирской святыней — мощами праведного Василия Мангазейского, стал одним из центров крещения эвенков.

Таким образом, в течение XVII в. была создана система епархиального управления, позволявшая контролировать церковную сферу жизни и нравственное состояние общества на всей территории Сибири. Региональные особенно-

сти этой системы выразились в разнообразии принципов выделения десятичных округов и темпах замены светских десятильников духовными заказчиками (представителями духовенства). Институт церковного суда являлся важным инструментом сдерживания «нестроений» как среди духовенства, так и в мирском сообществе. Сформированный под руководством Тобольского архиерейского дома православный ландшафт позволял удовлетворять духовные потребности местного социума. Подавляющая часть церквей размещалась в наиболее освоенной и приближенной к епархиальному центру Западной Сибири. Была решена проблема обеспечения приходов священниками. В регионе появились широко почитаемые чудотворные и явленные иконы, а также сформированы культы местных святых — праведных Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского. Христианизация коренного населения велась в основном силами монастырей. Используя разные формы воздействия на паству, Тобольский архиерейский дом оказывал большое влияние на религиозно-нравственное состояние местного социума и стал одним из ведущих акторов колонизационного процесса.

Irina L. Mankova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *ilman.o8@mail.ru*

THE TOBOLSK BISHOP'S HOUSE AS THE ACTOR OF THE COLONIZATION OF SIBERIA IN THE 17TH CENTURY

In the course of the development of Siberia the Russians created an authentic “living space” on the colonized lands, relying on their religious traditions and practices. The article shows the role of the Tobolsk bishop's house in the formation of the socio-cultural environment in the territory under development in accordance with the norms of the Christian way of life. The “bishop's house” is understood as a regional institution of the Russian Orthodox Church, which organized and controlled the spiritual sphere of the life of the local society. The Siberian diocese was created in 1620. The bishops used the centuries-old experience of the Russian Orthodox Church and, at the same time, responded to specific “challenges”. These “challenges” were associated with the huge scale of the controlled territory and its considerable remoteness from the center, the lack of priests and their doubtful moral appearance, peculiarities of the sex composition of the first Russian settlers, disagreements with secular administrations on the issue of power-sharing. The main concern of the 17th century Siberian bishops was the maintenance of the moral state of society, regularization of the church sphere, as well as anxiety about the population of Siberia, including the indigenous people. During the 17th century a system of the diocesan administration was created. The regional features of this system were expressed in the variety of principles for the division on the tithing districts and the replacement rates of secular decans by spiritual customers (representatives of the white and black priests). The church court of the law, organized by the Tobolsk bishop's house, was an important tool for curbing “disorder” both among the clergy and in the secular community.

⁵¹ Там же. Л. 71.

⁵² Там же. Д. 953. Л. 72. Благодарим О. В. Семенова за предоставленные сведения.

The Orthodox landscape was formed on the territory under its jurisdiction to satisfy the spiritual needs of the local society. By the end of the 17th century, there were about 225 churches in the diocese, including monasteries. Most of them were located in Western Siberia, which was the most developed part of the diocese and closest to its center. The problem of providing parishes with priests was solved, and widely revered regional shrines appeared. The christianization of the indigenous population was carried out mainly by the forces of the monasteries. Using various forms of the influence on the society, the Tobolsk bishop's house exerted a great influence on the religious and moral condition of the local society and became one of the leading actors in the colonization process.

Keywords: *colonization of Siberia, Siberian and Tobolsk diocese, Tobolsk bishop's house, tithes, tithe collector, spiritual charterer, church court of law, monasteries, christianization*

REFERENCES

- Abramov N. A. *Gorod Tyumen': iz istorii Tobol'skoy yeparkhii* [The city of Tyumen: from the history of the Tobolsk diocese]. Tyumen: SoftDizayn Publ., 1998. (in Russ.).
- Arkipova M. D. *Kiprian Starorushanin — deyatel' Russkoy pravoslavnoy tserkvi i dukhovnoy kul'tury pervoy treti XVII v.: avtoref. kand. diss.* [Kiprian Starorushanin — a figure of the Russian Orthodox Church and spiritual culture of the first third of the 17th century: Abst. Diss. Cand.]. Voronezh, 2004. (in Russ.).
- Butsinsky P. N. [Siberian archbishops: Macarius, Nectarius, Gerasim (1625–1650)]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Tyumen: izd-vo Yu. Mandriki Publ., 1999, vol. 2, pp. 251–310. (in Russ.).
- Butsinsky P. N. [The opening of the Tobolsk diocese and the first Tobolsk archbishop Kiprian]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Tyumen: izd-vo Yu. Mandriki Publ., 1999, vol. 2, pp. 199–250. (in Russ.).
- Dulov A. V., Sannikov A. P. *Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoy Sibiri v XVII — nachale XX vekov* [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the 17th — early 20th centuries]. Irkutsk: izd-vo Irkutskogo gos. un-ta Publ., 2006, part 1. (in Russ.).
- Florya B. N. [Tithe collectors]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: TsNTs "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2006, vol. 14, pp. 449–450. (in Russ.).
- Istoriya Ekaterinburgskoy yeparkhii* [History of the Ekaterinburg diocese]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2010. (in Russ.).
- Kharina N. S. [The administration system of Tobolsk hierarchal house in XVII]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries], 2011, no. 11.3 (23), pp. 857–873. (in Russ.).
- Kharina N. S. *Tobol'skiy arkhierейskiy dom v XVII–60-ye gg. XVIII v.: Avtoref. kand. diss.* [The Tobolsk bishop's house in the 17th — 1760s century: Abst. Diss. Cand.]. Barnaul, 2012. (in Russ.).
- Konev A. Yu., Poplavskiy R. O. [The gift in the policy and practice of Siberian non-orthodox people Christianisation (based on materials for Western Siberia in the late 16th — 18th century)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 4 (43), pp. 165–174. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-165-174 (in Russ.).
- Literaturnyye pamyatniki Tobol'skogo arkhierейskogo doma XVII veka* [Literary monuments of the Tobolsk bishop's house of the 17th century]. Novosibirsk: Sib. khronograf Publ., 2001. (in Russ.).
- Mangilev P. I. [To the history of the text of Hagiography of Simeon of Verkhoturye]. *Problemy istorii Rossii* [Problems of the history of Russia]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2001, iss. 4: Eurasian borderlands, pp. 293–301. (in Russ.).
- Mangilev P. I., archpriest, Nikulin I. A., priest [The Seventeenth-Century Russian Hierarch Travelling through his Diocese: The Case of Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Siberia]. *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 2021, no. 2, pp. 216–227. DOI: 10.47132/1814-5574_2021_2_216 (in Russ.).
- Mankova I. L. [Parish clergy in Siberia of the 17th century: problems of formation and provision]. *Obrazy agrarnoy istorii IX–XVIII v. Pamyati N. A. Gorskoy* [Images of agrarian history of the 9th — 18th century. In memory of N. A. Gorskaya]. Moscow: "Indrik" Publ., 2013, pp. 181–198. (in Russ.).
- Nechaeva M. Yu. *Monastyri i vlasti: upravleniye obitelyami Vostochnogo Urala v XVIII v.* [Monasteries and authorities: management of the cloisters of the Eastern Urals in the 18th century]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1998. (in Russ.).
- Nikulin I. A., priest [Evolution of the Forms and Size of the Tsar's rhoga to the Tobolsk Bishop's House in the 17th century]. *Tserkov'. Bogosloviye. Istoriya* [Church. Theology. History], 2020, no. 1, pp. 325–330. (in Russ.).

Nikulin I., priest [The structure of the bishop's house in Tobolsk in the 17th century]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2014, no. 2 (8), pp. 120–138. (in Russ.).

Nikulin I., priest [Were there any ranks in the system of administrative-territorial administration of the Siberian Diocese in the 17th century?]. *Tserkov'. Bogosloviye. Istoriya. Materialy IV Mezhdunar. nauch.-bogoslav. konf.* [Church. Theology. History. Materials of the 4th International Sci. Theological Conf.]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya dukh. seminariya Publ., 2016, pp. 187–191. (in Russ.).

Nikulin I., priest. *Preosvyashchenny Ignatij (Rimskiy-Korsakov), mitropolit Sibirskiy i Tobol'skiy* [Right Reverend Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya dukh. seminariya Publ., 2015. (in Russ.).

Panich T. V. ["Spiritual Uvet" of Athanasius of Kholmogory and "Siberian epistles" of Ignatius (Rimsky-Korsakov): an experience of comparative analysis]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2021, no. 34, pp. 166–179. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-166-179 (in Russ.).

Pokrovsky N. N., Zolnikova N. D. [The Russian Orthodox Church and Old Belief in Siberia in the 17th–18th centuries]. *Voprosy istorii Sibiri v novoye vremya* [Questions of the history of Siberia in modern times]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2012, iss. 2, pp. 29–45. (in Russ.).

Romodanovskaya E. K. *Russkaya literatura v Sibiri pervoy poloviny XVII v. (Istoki russkoy sibirskoy literatury)* [Russian literature in Siberia of the first half of the 17th century (the origins of Russian Siberian literature)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-niye Publ., 1973. (in Russ.).

Shcherbich S. N. [Voskresensk votchina of the Tobolsk St. Sofia House at the end of the 17th–18th century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 1 (20), pp. 104–111. (in Russ.).

Shorokhov L. P. *Korporativno-votchinnoye zemlevladieniye i monastyrskiye krest'yane v Sibiri v XVII–XVIII vv.* [Corporate and patrimonial land tenure and monastic peasants in Siberia in the 17th–18th centuries]. Krasnoyarsk: izd-vo Krasnoyar. un-ta Publ., 1983. (in Russ.).

Silayeva I. A. [Church and secular authorities relationship in Siberia of the 17th century in the works of N. N. Ogloblin]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2019, no. 2 (106), pp. 43–47. DOI: 10.14258/izvasu(2019)2-07 (in Russ.).

Solodkin Ya. G. [To the history of relationships religious and mundane power in Siberian first half of the XVII century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2019, no. 2, pp. 84–88. (in Russ.).

Solodkin Ya. G. *Sibirskoye letopisaniye XVII – pervoy poloviny XVIII vv.: spornyye i maloizuchennyye voprosy* [Siberian chronicle writing of the 17th – first half of the 18th centuries: controversial and poorly studied issues]. Nizhnevartovsk: NVGU Publ., 2018. (in Russ.).

Zaitsev D. V. [Diocese]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: TsNTs "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2008, vol. 18, p. 500. (in Russ.).

Zolnikova N. D. *Sibirskaya prikhodskaya obshchina v XVIII veke* [Siberian parish community in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-niye Publ., 1990. (in Russ.).

Для цитирования: Манькова И. Л. Тобольский архиерейский дом как актор колонизации Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1(74). С. 82–91. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-82-91.

For citation: Mankova I. L. The Tobolsk Bishop's house as the actor of the colonization of Siberia in the 17th century // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 82–91. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-82-91.

В. А. Слугина

**ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИСЯЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
НАРОДОВ СИБИРИ В XVII В.***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-92-100

УДК 94(571)“16”

ББК 63.3(253)45

С начала XVII в. по указаниям центральной власти в отношении народов Сибири начинают применять практики приведения ясачного населения к присяге — шерти, которая фиксировала подданнический статус присягавшего по отношению к российскому монарху. Прецедент принесения присяги давал основание российской стороне апеллировать к ней в случае конфликтов или для их предотвращения при переговорах с представителями народов Сибири. На основании анализа делопроизводственных источников в настоящей статье выявлено, что, помимо пролонгации присяжных обязательств сибирских народов, которая осуществлялась через новое шертование по случаю смены российского монарха на престоле (а в отношении кочевых народов Сибири повторные присяги проводились и в случае смены предводителя их объединения), апелляции к присяжным обязательствам осуществлялись также при смене российского воеводы в российских городах через процедуру оглашения «жалованного слова» и в многочисленных практиках переговоров по случаю «измен» — вооруженных восстаний и побегов иноземцев на неподвластные российской власти территории. Возвращение к прежним мирным условиям сосуществования реализовывалось через процедуру повторного шертования. Автором установлено, что ко второй половине XVII в. обе стороны политической коммуникации — представители царской администрации и сибирские иноземцы — выработали устойчивые тактики поведения в отношении процедур пролонгации и возобновления действий присяг, однако интерпретировали значение этих шертей-присяг по-разному.

Ключевые слова: *присяга, шерть, подданство, народы Сибири, XVII в.*

В последнее двадцатилетие значительно возросло число работ, посвященных изучению правовой составляющей взаимоотношений российской власти с подвластным населением. Актуализированными оказались вопросы происхождения инструментов фиксации правовой связи между населением и правителем в Древней Руси, Российском государстве и империи. Вопросы установления форм политической зависимости, роль клятв верности и присяг в становлении института подданства на рубеже XVII–XVIII вв. получили проработку также в историко-юридической литературе, хотя в предшествующий период категория подданства рассматривались историками права преимущественно на материале XVIII–XIX вв. Трансформировалась и исследовательская повестка в изучении процессов инкорпорации народов Урала и Сибири в состав Российского государства: реализуются источниковедческие,

историко-юридические и историко-этнографические подходы к рассмотрению процессов политической коммуникации в регионе с концентрацией на договорных, дарообменных практиках, процедурах и правовых актах, фиксирующих подданническую связь сибирских иноземцев с российским монархом.¹

В историографии выработалась достаточная аргументация в пользу того, что институт подданства в Российском государстве начал формироваться с конца XVI — начала XVII в. и важнейшим инструментом установления и развития этого института была формализованная процедура приведения к присяге. Православное население России с начала XVII в. приводилось к крестному целованию, для неправославного населения была предусмотрена процедура шертования (приведение к присяге с использованием элементов вероисповедания присягавшего). И, как справедливо отмечают историки, в процессе колонизации территории Сибири в XVI–XVII вв. шертование наряду с ясачным обложением и взятием аманатов стало одним из базовых элементов админис-

*Слугина Виктория Александровна — к.и.н., н.с., Институт истории СО РАН; ассистент, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
E-mail: slugina881@gmail.com*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-39-60006 «Модели договорных отношений в российской практике инкорпорации неправославного населения Урала, Поволжья и Сибири (XVI–XVIII в.)» (рук. В. А. Слугина)

¹ Подробнее об историографии см.: Слугина В. А. Вопросы политической инкорпорации народов Урала и Сибири в Российское государство в XVI–XVII вв.: новейшая отечественная историография // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Междунар. молодеж. науч. шк.-конф. Новосибирск, 2020. С. 6–19.

тративной политики Российского государства по отношению к аборигенному населению.² Шертование являлось не только и даже не столько инструментом фиксации юридического статуса сибирских иноземцев (это реализовывалось также через установление форм повинности — ясачного обложения, военной службы), сколько идеологическим инструментом формирования лояльности местного населения к институтам российской власти.³ Очевидно, что такая лояльность не могла достигаться только военным принуждением и не появлялась одномоментно. Установление в сознании населения Сибири представления об их подданнической связи с российским монархом, олицетворявшим собой Российское государство в целом, было одним из базовых процессов длительной аккультурации.⁴ Этот процесс был итерационным (к присяге на подданство представителей этносоциальных элит Сибири приводили многократно, а суть устанавливаемых отношений публично оглашалась при каждой смене местного воеводы через декларацию определенных прав и милостей от государя — «жалованного слова») и сопровождался многочисленными конфликтами (не только военными, но и коммуникативными: иноземцы старались уклониться от присяги или прямо отказывались давать шерть). Эта сторона русско-аборигенной политической коммуникации XVII в. прослеживается через анализ распорядительной (царские указы сибирским воеводам, грамоты, извецавшие о смене российского монарха), отчетной (отчеты, отписки и челобитные воевод, служилых людей, челобитные и расспросные речи иноземцев) и учетной (шертовальные и крестоце-

ловальные книги) документации. Нормативные документы, отправляемые из Сибирского приказа, задавали определенный регламент проведения процедур пролонгации присяг и прямо указывали на необходимость повторных шертований, а документация, отправляемая из сибирских городов, достаточно подробно описывала обстоятельства исполнения/неисполнения этих указаний, причем через цитирование речей иноземцев доносились основания уклонения от шертования или причины нарушения сибирскими иноземцами формально взятых на себя обязательств подданства.

Целью статьи является характеристика практик и форм пролонгации подданнических (шертных) обязательств и выявление отношения к этим практикам со стороны субъектов политической коммуникации (сибирских иноземцев и представителей царской администрации). С опорой на результаты предшествующей историографии, подробно изучившей внешние и внутренние факторы, а также обстоятельства перехода различных народов Сибири «под высокую государеву руку», в настоящей работе акцент будет сделан на типологии практик повторных присяг народов Сибири, которые мы рассмотрим в качестве элементов конструирования и установления института подданства в Российском государстве в XVII в., определим функции этих процедур и их значение для обеих сторон политической коммуникации.

Разъяснения прав и обязанностей подданного

Уже с конца XVI в. в военно-фискальные административные функции сибирских воевод центральными властями была введена практика регулярного напоминания иноземцам об их политических обязательствах перед российским царем и его представителями. С 1599 г. вплоть до конца XVII в. в указы сибирским воеводам⁵ на занятие должности включался текст «жалованного слова».⁶ Эта статья наказа должна была публично оглашаться при смене воеводы в остроге небольшому числу специально приглашенных для этого князцов и «лучших людей» из проживавших

² См.: Шерстова Л. И. Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский (центральноазиатский) контекст // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 14; Первалова Е. В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Урал. ист. вестн. 2013. № 4 (41). С. 125; Конев А. Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI — начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 776.

³ См.: Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007. С. 134–139, 143–147, 158–159, 164–167; Шаблей П. С. Подданство в азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестн. Евразии. 2008. № 3. С. 108, 109, 117.

⁴ Проблема подданства российскому монарху и его восприятия кочевыми и полукочевыми народами урало-поволжских и центральноазиатских территорий Российской империи убедительно вписана в концепт аккультурации в коллективной монографии, см.: Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург, 2019. С. 6–8.

⁵ Эта статья отсутствовала в наказах европейским и казанским воеводам, хотя и встречалась формулировка «сказать» «государеву жалованье» / «государеву милость».

⁶ См.: Слутина В. А., Конев А. Ю. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формулы // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: к 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 191.

поблизости иноземцев. Во время зачитывания «жалованного слова» воеводам и служилым людям требовалось быть в парадной одежде и держать оружие для «устрашения». После оглашения необходимо было устроить пиршество из «государевых запасов». В наказе особо акцентировалось, что процедура и сам текст обращения исходят лично от монарха, а не от воеводы. «Жалованное слово» для иноземцев также служило подтверждением их пребывания в «вечном холопстве» у московского царя.⁷ Благодаря «жалованному слову» в представления о подданстве помимо явной экономической зависимости включались и определенные политические права, «дарованные» сибирским иноземцам: гарантии проживания на своих территориях, обещания защиты как от «немирных» соседей, так и от злоупотреблений сибирской администрации. Непременным условием получения всех этих царских «милостей» являлось исполнение условий шерти — присяги, о чем в «жалованном слове» напрямую напоминалось иноземцам: «И они б... жили в его царском жалованье... служили и прямили во всем по своей шерти, на чем государю шерть дали».

«Жалованное слово» как нарратив получило широкое распространение в Сибири: воеводы вносили его положения в наказные памяти приказчикам и ясачным сборщикам⁸ и, судя по отпискам служилых людей, эти декларации в каком-то виде все же доводились до местного населения как при первых контактах («жалованным словом» и подарками прельщали и призывали в подданство новые роды), так и регулярно при сборе в остроге/городе или в ходе переговоров после «измены».⁹

Сами тексты присяг — шертовальные записи, вероятнее всего, разрабатывались параллельно с формулярами крестоцеловальных записей в конце XVI — начале XVII в. С 1605 г. формуляры шертовальных записей стали частью общегосударственной практики приведения всего населения России к присяге на верность российскому монарху: православное население приводилось к крестному

целованию в церквях, а неправославное население — к шерти в местах их проживания или по приглашению в русских городах. Текст присяги — шертовальная запись — был очень близок по содержанию к тексту русской присяги — крестоцеловальной записи.¹⁰ В обоих текстах раскрывались понятия службы и верности российскому монарху, описывался порядок несения военной службы, предписывалось не выступать против правящей династии и ее представителей «скопом» и «заговором» (эти понятия из текстов присяг были перенесены и развиты в статье Соборного уложения 1649 г. «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать»¹¹). Но важно отметить, что для иноземцев принесение присяги все же имело не то же самое значение, что для православного населения целование креста. Шертовальная запись была единственным формальным документом, связывающим сибирских иноземцев с Российским государством. В тексте присяги размечались политико-географические пределы Российского государства, внедрялась идея о классификации аборигенного населения Сибири на «своих» и «чужих» — «ясачных» и «неясачных», «мирных» и «немирных», «воровских». Приведенным к шерти предписывалось действовать совместно с русскими служилыми людьми против соплеменников, если они «изменили». Таким образом транслировалась идея верховенства государственной идентичности (принадлежности к подданным — «государевым людям») над другими этнополитическими идентичностями и традициями аборигенного населения Сибири.

На протяжении XVI — начала XVIII в. царская администрация в коммуникации с сибирскими иноземцами синтезирует, объединяет и пересказывает, расставляя необходимые акценты, основные положения «жалованного слова» и текстов присяг. В сознании иноземцев это сочетание декларативной заботы монарха, даруемой взамен установления политико-экономической зависимости, нередко трактовалось как установление взаимных обязательств между монархом и его подданными, то есть договорных отношений.¹²

⁷ См.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI—XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 247; Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 15–17.

⁸ См., например: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4; Ф. 1177. Оп. 3. Д. 2339. Л. 24–26; Д. 2587. Л. 32–35.

⁹ См.: Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 154, 155; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 180, 198; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 303–308.

¹⁰ См.: Зуев А. С., Слугина В. А. «Служите мне, государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183–189.

¹¹ См.: Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 93, 94.

¹² См.: Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010.

Практики пролонгации подданства народов Сибири

Озабоченная проблемой подчинения иноземцев, обитавших в Сибири и на ее рубежах, российская власть стремилась определить те ситуации в русско-аборигенных отношениях, которые вызывали необходимость шертования и/или апелляции к шертным обязательствам. На основании анализа делопроизводственных документов удалось выявить следующий набор систематически используемых практик пролонгации подданных обязательств, применявшихся в Сибири XVII в.: 1) шертование «всех иноземцев» по случаю смены российского монарха; 2) шертование при смене правителя этнополитического объединения — новый вождь, а также его ближайшее окружение должны были дать согласие на сохранение своего подданства царю «по примеру предков» (эта практика имела место во взаимоотношениях России с кочевыми народами);¹³ 3) повторное приведение иноземцев к присяге после их «измен» и восстаний («возвращение» в подданство). Помимо трех выделенных принципов пролонгации шертных обязательств, российская сторона успешно сочетала шертование с институтом аманатства. Захват аманатов из числа «лучших людей» иноземцев вынуждал их родственников приезжать в русский город, выплачивать ясак и давать шерть.¹⁴ Сами аманаты также приводились к присяге.¹⁵

Смысл процедуры приведения сибирских иноземцев к шерти по случаю смены царствующей персоны очевиден: необходимо было известить иноземцев о смене монарха и закрепить в их сознании постоянство («вечность») нахождения в русском подданстве. Кроме того, как минимум со второй половины XVII в. именно через форму пролонгации подданных обязательств российская власть стремилась вести учет ясачных иноземцев, записывая в шертовальные книги имена приведенных к присяге.¹⁶ Процедурная составляющая присяги новому монарху была подробно

расписана в наказах сибирским воеводам: в острог необходимо было пригласить небольшое число князцов и «лучших людей», собрать их в съезжей избе и зачитать им текст шертовальной записи, образец которой специально рассылался из Сибирского приказа (допускалось использовать и «прежние» записи, актуализировав их), иноземцы также должны были подтвердить свои обязательства ритуальным действием «по своей вере». Затем в уезды необходимо было отправить служилых людей, чтобы они провели шертование на местах с фиксацией имен в шертовальных книгах, которые требовалось отправлять в Москву. В отличие от порядка обращения народов Сибири в «ясачных платежах» российскому государю, указы о проведении процедур пролонгации присяги новому монарху 1645–1646, 1676 и 1682 гг., отправленные из Москвы в сибирские уезды, не содержали требований выдавать иноземцам какие-либо подарки и жалование.¹⁷ Исключение, вероятно, делалось лишь в отношении тех, чья лояльность напрямую зависела от качества и количества подарков: в 1646 г. при шертовании Алексею Михайловичу томские служилые люди раздавали представителям киргизов, телеутов и орчаков подарки (сукно, мед, вино).¹⁸

Кочевые народы — алтайские телеуты и енисейские киргизы — рассматривали шертование новому монарху как акт пролонгации «союзного» договора между двумя правителями «государств», а не как акт подтверждения персонального подданства. Подобное представление проявлялось в аргументах, которые выдвигали телеутские и киргизские князцы, чтобы отказаться от личного шертования новому монарху. В 1647 г. в ответ на требование дать новую шерть на верность царю Алексею Михайловичу телеутский князец Кока сослался на шертование его послов, а киргизский князец Бехтен сказал, что он шертовал Михайлу Федоровичу всея Руси и готов служить «по той же шерти до своей смерти».¹⁹ В ответ на этот отказ из Сибирского приказа поступило распоряжение направить к князцам в улусы служилых людей и убедить их принять присягу, обещая взамен «царское жалование» и защиту от «недругов».²⁰ Для исполнения наказа в марте 1648 г. в киргизские улусы князцов

С. 67. См. также: Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 49, 50; Дополнения к актам историческим (ДАИ). СПб., 1867. Т. 10. С. 351.

¹³ См.: Khodarkovsky M. Where two Worlds met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London, 1992. P. 71.

¹⁴ См.: Сборник документов по истории Бурятии... С. 40, 41, 49.

¹⁵ См.: Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. документов. Л., 1936. С. 9, 231; Сборник документов по истории Бурятии... С. 53; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 249.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 55–256.

¹⁷ Там же. Стб. 137. Л. 233–244; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 153об.–156; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 31–32; Ф. 1121. Оп. 2. Д. 96. Л. 1–6.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 118, 124, 126, 147–150, 153.

¹⁹ Там же. Л. 158–159.

²⁰ Там же. Л. 160.

Бехтеня и Сенжи были отправлены томский сын боярский Степан Греченин и чатский мурза Бурлак Акулин. При разговоре со служилыми людьми князцы сослались на шертование Алексею Михайловичу их родственников и заверили, что не планируют изменять данной ранее шерти: «...дурна никакова не учинили, и впредь не думаем».²¹ В ответ на это служилые люди поясняли, что новая присяга нужна «для лутчие веры и укрепления» и царь за шертование, «видя их правду и раденье», выделит им жалование. Обещание государских подарков повлияло на позицию Бехтеня и Сенжи. В итоге они согласились шертовать и удостоверили свою присягу обрядом «питья золота».²²

Аргументы, изложенные киргизскими князцами, демонстрируют попытку избежать процедуры принятия на себя личных обязательств перед российским монархом. Киргизы ссылались на предшествующие присяги, которые считались, по их мнению, действительными вследствие отсутствия военных столкновений.

Практика пролонгации шерти, когда потомков призывали присягать по примеру предков, применялась в отношениях с южносибирскими кочевниками — телеутами и киргизами. Как и шертование новому монарху, эта процедура была необходима для предотвращения потенциальной измены новых правителей и для фиксации их личной лояльности российской власти. Российская сторона при проведении переговоров о шерти обязательно напоминала о бессрочной подвластности российскому государю и ссылалась на пример верной службы их предков. При этом служба предков выступала как некий образец лояльности, и верность «отцов» российскому монарху значительно преувеличивалась, поскольку фактически русско-телеутские и русско-киргизские отношения в XVII в. были преимущественно конфликтными. Напоминание о родовых традициях подданства могло реализовываться как в общих формулировках («И велели тем кыргызским князцам говорить всякими обычай, чтоб ему, великому государю, служили те князцы и были послушны по-прежнему, на чем деды и отцы их шертовали»),²³ так и конкретным упоминанием имен прародителей.²⁴

²¹ Там же. Л. 163.

²² Обычно это была водка или вино, в которые подсыпали порошка, наскобленного с золотого или бронзового предмета.

²³ Бутанаев В. Я. Указ. соч. С. 178; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 17.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 181; Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5.

В отношении других народов Сибири какой-либо четко артикулированной идейной аргументации в пользу отказа от пролонгации шертовальных — подданических обязательств новому монарху — нами выявлено не было. Даже в тех шертовальных книгах, в которых перечислялись имена или количество отсутствующих при шертовании иноземцев, в качестве причин отсутствия «у шерти» указывали факты нахождения населения на промыслах или переселения на «новые кочевья».²⁵ Можно предположить, что те народы, которые продолжительное время находились в ясачной зависимости, вполне лояльно относились к процедуре пролонгации шерти новому монарху, поскольку имели уже достаточный опыт общения с царской администрацией и ясачными сборщиками и им в принципе была знакома процедурная составляющая — торжественное оглашение «государевой» грамоты и фиксация имен в шертовальных книгах: аналогичным образом при смене воевод оглашалось «жалованное слово», а ясачных данников регулярно фиксировали поименно для составления ясачных книг. Сами служилые люди, проводившие шертование на местах, скорее всего, относились к этой процедуре предельно формально: через толмача зачитывали положения шертовальной записи собранным в волости иноземцам и затем просто записывали присутствующих (и родственников с их слов) в книги.

Практики возобновления подданства сибирских народов

Практика повторного приведения иноземцев к присяге после их «измен» и восстаний сложилась из типового предписания, содержащегося в наказах сибирским воеводам, — подавлять измены «ратным боем» и добиваться «добровольного» признания вины восставшими (в том числе благодаря давлению на них через аманатов).²⁶ После признания вины воеводы должны были огласить от имени царя прощение «измен» и повторно привести князцов «под высокую государеву руку» (иногда прямо упоминалась присяга-шерть). Этот принцип — организовывать военные походы для подавления возмущений, затем декларировать государево прощение и напоминать присяжные обязательства — транслировался воеводам и служилым людям, отправляемым

²⁵ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 172 об.–175, 256.

²⁶ См.: Кулешов В. А. Наказы сибирским воеводам в XVII веке: исторический очерк. Болград, 1894. С. 21.

для подавления конфликтов: «А велено их за измену войною пострастить с пощадою, чтоб они вперед в своих винах тебе, государю, добились челом, вину свою принесли и были бы под твоею государевою царскою высокою рукою по-прежнему в прямом холопстве на веки неотступны и покорны и не до конца разорены».²⁷

В литературе неоднократно обращалось внимание на размытость терминов «измена», «скоп», «заговор», «злой умысел», используемых как в Соборном уложении 1649 г., так и в административной и судебной практике XVII в.²⁸ Заметим также, что и в случае выступлений русского населения против представителей царской администрации в Сибири в политических делах о «слове и деле государевом» для подавления бунтов использовалась практика устрашения военным походом в сочетании с напоминанием о данной ранее присяге (крестоцеловании и шертовании).²⁹ В отношении сибирских служилых людей также фиксируется практика превентивного напоминания обязательств верной службы для предотвращения измен и бунтов. В 1685 г., реагируя на известия об измене якутских и албазинских казаков, Сибирский приказ направляет якутскому воеводе Матвею Кровкову распоряжение собрать всех служилых людей в приказной избе и зачитать им указ оставаться в верной службе. В этом указе служилым людям напоминаются положения крестоцеловальной записи и «жалованного слова»: дается отсылка к «давности» верной службы их отцов и их самих; напоминаются обязанности верно служить и исполнять приказы воевод, обещается выплата жалования за сообщения о бунтовщиках.³⁰ Городские восстания в европейской части Российского государства также фиксируют практику возобновления присяжных обязательств: старост и выборных людей Пскова при подавлении восстания в 1650 г. вынуждали признавать свою вину, взамен чего гарантировалось государево прощение. Отправленному для переговоров с псковичами епископу Рафаилу требовалось

добиться от зачинщиков признания вины и провести процедуру повторного крестного целования на верность Алексею Михайловичу.³¹ Таким образом, в XVII в. российские власти четко связывали политические выступления населения страны с клятвопреступлением — нарушением публично провозглашенных личных и коллективных обязательств перед российским монархом, закрепляемых крестоцелованием и шертью. Повторное принесение присяги уже после восстания означало для присягнувшего его возвращение в «прежнее» состояние «государева холопа» — подданного российского монарха — со всеми следовавшими из этого обязанностями и правами.

Во взаимоотношениях российской власти с народами Сибири в подавляющем большинстве случаев указанный выше принцип — смирение небольшим военным походом, последующее принесение «вины» представителями родоплеменных элит иноземцев и объявление новой присяги — действительно означал окончание преследований и возобновление прежних «мирных» ясачно-даннических отношений. Возвращение «под высокую государеву руку», по-видимому, могло происходить и без процедуры проведения шертования — достаточно было факта возобновления ясачного платежа бывшими изменниками. В челобитных, поданных тунгусами в Охотский острог в 1683 г.,³² прямо указывается на связь ясачного платежа с «государевым холопством»: «...пришел я холоп твой в Охотцкой острожек под твою великого государя царскую высокую руку с ясачным платежом в вечное холопство безменно».³³ В публичном признании прошлых «измен» сибирскими иноземцами было сразу несколько прагматических составляющих, осознаваемых обеими сторонами конфликта — русскими и иноземцами. Российская сторона посредством расспросов и допросов выясняла истинные причины восстаний (чаще всего это были злоупотребления служилых людей), выявляла зачинщиков, получала актуальную информацию о настроениях в ясачных волостях. Приносившие вину иноземцы, как правило, дополняли свои признательные речи различными просьбами — вернуть захваченных

²⁷ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в... С. 237.

²⁸ См.: Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 71–73, 93; Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 57, 58; Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучав А. И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность). М., 2016. С. 45.

²⁹ См.: Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 40.

³⁰ См.: ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 349.

³¹ См.: Документы Земского собора 1650 г. // Исторический архив. 1958. № 5. С. 140, 141.

³² Челобитные подавались в 1683 г. представителями нескольких тунгусских родов, участвовавших в нападении на стольника Данилу Бибикина в 1680 г. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 2293. Л. 13–20.

³³ Там же. Л. 13.

русскими пленников и отогнанный скот, отпустить или заменить аманатов.

В выстраивании взаимодействия с кочевыми народами порубежных территорий, которые оказывали серьезное военное сопротивление и не платили регулярный ясак, представители царской администрации после успешных для русской стороны военных кампаний настойчиво требовали от представителей местных элит подтверждать шерть и лично (а не через представителей) присягать на верность российскому монарху. В историографии неоднократно обращалось внимание на случаи манипуляции подобной практикой царского прощения «измен» телеутами, енисейскими киргизами, бурятами: в случае военного поражения князцы с легкостью соглашались признать свою неправоту и присягнуть монарху, но, как только военно-политическая обстановка в регионе менялась, иноземцы переставали следовать условиям шерти.³⁴ Как и в случае пролонгации шертных обязательств при смене российского монарха, кочевые народы трактовали процедуру шертования после военных действий как возобновление «союзных» отношений. Шерть интерпретировалась ими как «мирный договор», фиксирующий прекращение военных действий и установление статуса-кво, который подразумевал определение территорий влияния, обмен пленными, возврат захваченного вооружения и имущества. Несмотря на то что формально шертование проводилось по типовым текстам шертовальных записей, в которых не содержалось никаких обязательств русской стороны, князцы телеутской и енисейской «землиц» за счет посольских переговоров и направляемых воеводам и в Москву писем доносили до русской стороны свои собственные условия сохранения мирных отношений.³⁵

«Изменами» в представлении российской стороны считались не только открытые военные столкновения, но и случаи нарушения обязательств сибирских иноземцев не уезжать в «немирные земли». Формальной изменой считалось даже ненамеренное нарушение этого обязательства. В отписке сына боярского Павла Шульгина из Нерчинска в Енисейск (1675) сообщается, что несколько родов бурят, плативших ясак в Нерчинский острог, были захвачены монголами, а после того как братских людей

удалось вернуть на прежнюю территорию проживания, их повторно привели к шерти.³⁶

Сибирские воеводы достаточно подробно описывали «сыски» причин и обстоятельств многочисленных измен иноземцев и информировали Сибирский приказ о принятых мерах, прося решений о мере наказания виновных. При этом, по-видимому, значительную роль в определении формы наказания имели как раз «добровольность» признания своей вины и оценка реального вреда, полученного русской стороной вследствие измены. В отписке томского воеводы О. Щербатова 1647 г., поданной в Сибирский приказ, пересказываются допросные речи захваченных в телеутских улусах и привезенных в Томск чатских татар Коштя и Исечка. О. Щербатов в первом своем обращении напоминает им о нарушенном шертовании и спрашивает, почему за все годы проживания в телеутских улусах мурзы не попросили прощения за побег и к «государской милости не обратились».³⁷ После пыток мурзы признали свою вину и уверяли, что собирались приехать в Томск для шертования, однако были схвачены русскими служилыми людьми. На допросе захваченные татары неоднократно повторяли, что не договаривались о военном походе на русских с калмыками и не нападали на российские города и служилых людей. Другие чатские мурзы под предводительством мурзы Бурлака, вероятно, хорошо знали российский порядок обращения с «изменниками» и попросили отдать их вместе с их семьями и имуществом им на поруки. Воевода частично удовлетворил это челобитье: разрешил взять Коштя и Исечка на поруки мурзе Бурлаку, а захваченное имущество и других пленников оставил у себя, ожидая царского указа.³⁸

В отдельных случаях, когда царская администрация сталкивалась с серьезным сопротивлением либо «измена» ясачных иноземцев происходила «спонтанно» (не были выяснены истинные причины конфликта), воеводы концентрировались на силовых (военных) методах подавления восстаний. В нормативно-распорядительных документах служилым людям предписывалось наносить максимальный урон «изменникам» и захватывать как можно большее число аманатов. Необходимость вступать

³⁴ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 107; Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 27; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 77–102.

³⁵ См.: Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995. С. 173, 174.

³⁶ См.: Акты исторические (АИ). СПб., 1842. Т. 4. С. 539, 540. Требование повторно приводить к присяге служилых людей по аналогичному поводу — после возвращения из другой страны — приводит Г. Г. Тельберг. См.: Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 74.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 197.

³⁸ Там же. Л. 205.

с ними в переговоры и приводить «изменников» к повторной присяге в этих документах не артикулировалась.³⁹

Рассмотренная выше типология апелляций к практике шертования и регламенты проведения процедур пролонгации и возобновления подданства народов Сибири российскому монарху демонстрируют стремление русской стороны закрепить в сознании иноземцев представления о вечном характере их подданства российскому монарху (вне зависимости от смены царствующей персоны). Этот процесс происходил параллельно с трансформацией функционального назначения процедуры шертования (понятия, изначально заимствованного у тюрков). На протяжении XVII в. шерть превращалась из временного договорного акта в полноценную присягу на верность по аналогии с крестоцелованием, практиковавшимся для православного населения, и порядок действий российских властей в отношении изменников — нарушивших шерть иноземцев — был во многом аналогичен порядку разбирательств с клятвопреступниками-православными. Процедура возобновления подданнических обязательств после нарушения условий предыдущей присяги («измены») была достаточно проста: сибирским иноземцам требовалось публично признать свою вину (устно в присутствии мест-

ного воеводы или через челобитье на имя царя) и дать новую шерть ровно на тех же условиях, что и в предыдущий раз. После этого российская сторона, как правило, прекращала военные действия и удовлетворяла челобитья иноземцев о выдаче пленных. Имея представления об этом регламенте, сибирские народы успешно использовали переговоры о шерти для прекращения военных столкновений с русскими. Ключевым отличием повторных присяг от условий вступления в подданство впервые было то, что при первом шертовании (или даже без него, а просто через платеж ясака) сибирские народы переходили из категории «немирных иноземцев» в категорию «государевых холопов», а повторные присяги лишь подтверждали этот статус, не давая возможности сибирским народам пересмотреть условия такого подданства. Вне зависимости от того, какую в конечном счете шерть-присягу давали князцы — вынужденную или добровольную, фиктивную или «прямую», — давали ли ее вообще (или просто выплачивали ясак и предоставляли аманатов), сам факт вступления сибирских иноземцев в коммуникацию с представителями царской администрации рассматривался российской стороной как акт обращения «ясачного холопа» (пусть даже и временно «изменившего») к российскому монарху.

Viktoriya A. Slugina

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: slugina881@gmail.com

PRACTICES OF OBLIGATING THE PEOPLES OF SIBERIA BY THE OATH OF ALLEGIANCE IN THE 17TH CENTURY

At the beginning of the 17th century, Russia's central government ordered the peoples of Siberia to swear oaths of allegiance (*shert'*). The oath text determines that the one who takes the oath becomes a subject of the Russian monarch. The government appealed to the oath in case of conflicts with the peoples of Siberia or for avoiding such conflicts in negotiations. The Siberian peoples had to renew their oath whenever the tsar changed (and the nomadic peoples of Siberia had to renew their oath whenever their leader changed as well). The government also called on the oath when replacing governors in Russian towns, for which it introduced a special procedure — the proclamation of the “grand sovereign word”, or when negotiating with “traitors” (participants of armed rebellions and escapes of Siberian natives from their lands to territories beyond the control of Russia's authorities). The return to peaceful conditions of coexistence was realized through renewing the oath. The author found that, by the second half of the 17th century, both sides of political communication — representatives of the tsarist administration and Siberian foreigners — have developed stable tactics regarding the procedures for the renewal of oaths, but they interpreted the meaning of the oaths in different ways.

Keywords: *oath, shert', citizenship, peoples of Siberia, 17th century*

³⁹ См., например: ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 351, 352.

REFERENCES

- Aguzarov T. K., Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. *Ugolovno-pravovyye problemy okhrany vlasti (istoriya i sovremennost')* [Criminal-legal problems of power protection (history and modernity)]. Moscow: Prospekt Publ., 2016. (in Russ.).
- Boronin O. V. *Dvoyedannichestvo v Sibiri XVII — 60-ye gg. XIX v.* [Double tribute in Siberia the 17th — 60s of the 19th century]. Barnaul: Azbuka Publ., 2002. (in Russ.).
- Butanaev V. Ya. *Istoriya vkhozhdeniya Khakassii (Khongoraya) v sostav Rossii* [The history of the entry of Khakassia (Khongorai) into Russia]. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova Publ., 2007. (in Russ.).
- Fedorov M. M. *Pravovoye polozheniye narodov Vostochnoy Sibiri (XVII — nachalo XIX v.)* [Legal status of the peoples of Eastern Siberia (17th — early 19th century)]. Yakutsk: Kn. izd-vo Publ., 1978. (in Russ.).
- Imperskaya politika akkul'tratsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii)* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2019. (in Russ.).
- Khodarkovsky M. *Where two Worlds met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca; London: Cornell university Press, 1992. (in English).
- Konev A. Yu. [The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783 (in Russ.).
- Nikitin N. I. *Russkaya kolonizatsiya s drevneyshikh vremen do nachala XX veka (istoricheskiy obzor)* [Russian colonization from ancient times to the beginning of the 20th century (historical review)]. Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN Publ., 2010. (in Russ.).
- Perevalova E. V. [Shert, “bear oath” and sabre dance]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 4 (41), pp. 120–131. (in Russ.).
- Pokrovsky N. N. [Siberian materials of the 17th–18th centuries on the “word and deed of the sovereign” as a source on the history of social consciousness]. *Istochniki po istorii obshchestvennoy mysli i kul'tury epokhi pozdnego feodalizma* [Sources on the history of social thought and culture of the era of late feudalism]. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 1988, pp. 24–61. (in Russ.).
- Shablai P. S. [Citizenship in Asian Russia: historical meaning and political and legal conceptualization]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2008, no. 3, pp. 99–122. (in Russ.).
- Sherstova L. I. [Perceptions of the Russian power by aborigines in Siberia in the XVII century: Eurasian (Central Asian) context]. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2013, no. 1, pp. 8–17. (in Russ.).
- Slugina V. A. [Political incorporation of the peoples of the Urals and Siberia into the Russian state in the 16th–17th centuries: the latest Russian historiography]. *Aktual'nyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sb. materialov Mezhdunarod. molodezh. nauch. shkoly-konf.* [Proceedings of the International Youth School-Conference “Current Challenges of Historical Studies: Young Scholars’ Perspective”]. Novosibirsk: Novosibirskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2020, pp. 6–19. DOI: 10.25205/978-5-4437-1110-2-6-19 (in Russ.).
- Slugina V. A., Konev A. Yu. [“Zhalovannoye slovo” in orders to Siberian governors: to the question of the origin and evolution of the form]. *Aktual'nyye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arkhografii: K 90-letiyu N. N. Pokrovskogo* [Actual problems of national history, source studies and archeography: to the 90th anniversary of N. N. Pokrovsky]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2020, pp. 183–193. (in Russ.).
- Trepavlov V. V. *“Belyy tsar”*: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [“White Tsar”: the image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries]. Moscow: Vost. lit. Publ., 2007. (in Russ.).
- Umansky A. P. *Teleuty i russkiye v XVII–XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in the 17th–18th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye Publ., 1980. (in Russ.).
- Vershinin E. V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of Northwestern Siberia at the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy institut Publ., 2018. (in Russ.).
- Zalkind E. M. *Prisoyedineniye Buryatii k Rossii* [Accession of Buryatia to Russia]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo Publ., 1958. (in Russ.).
- Zuev A. S., Slugina V. A. [“Serve me, your sovereign the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich”. Russian oath and shert record of the mid-17th century]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical archives], 2011, no. 2, pp. 183–189. (in Russ.).

Для цитирования: Слугина В. А. Практики установления присяжных обязательств народов Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 92–100. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-92-100.

For citation: Slugina V. A. Practices of obligating the peoples of Siberia by the oath of allegiance in the 17th century // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 92–100. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-92-100.

Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко
**КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ
 О ЗЕМЛЕ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ.
 (НА ПРИМЕРЕ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-101-108

УДК 94(571)“16/17”

ББК 63.3(253)51

Статья посвящена рассмотрению практик разрешения споров о земле, возникавших в ходе колонизации Сибири Русским государством на рубеже XVII–XVIII вв., на территории Тарского Прииртышья. Изучение процесса освоения сибирских территорий требует учитывать специфику местной истории и народонаселения. В Тарском Прииртышье соседствовали татары, бухарцы и русские. Их взаимоотношения складывались в условиях конкуренции за одни и те же (главным образом земельные) ресурсы. В статье рассматриваются споры, происходившие между служилыми русскими, татарами (служилыми и ясачными) и русскими, самими татарами Тарского уезда. Причинами возникавших разногласий чаще всего становилось стремление обладать лучшими землями, которые зачастую принадлежали коренным жителям, необходимыми для налаживания хлебопашества, занятия скотоводством и иными видами хозяйственной деятельности. В ходе подобных противостояний посредником выступала местная администрация, становясь арбитром и принимая во внимание наличие законных прав на земли, отталкиваясь от ранее созданных учетных документов, прислушиваясь к свидетельствам очевидцев-старожилов. Обращение к помощи государства, особенно со стороны индигенного населения, является доказательством увеличения авторитета русской власти на фоне расширения колониционных процессов, протекавших в Сибири. Рассмотрение многочисленных практик разрешения споров о земле между жителями Тарского Прииртышья демонстрирует отсутствие жестких антагонизмов. Базовым источником для исследования является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.

Ключевые слова: споры о земле, Сибирь, Тарское Прииртышье, татары, русские, дозорные книги

В процессе колонизации восточных окраин, начатом Русским государством в конце XVI в., происходило хозяйственное освоение сибирских земель. На протяжении XVII в. территория Западной Сибири постепенно заселялась сначала военно-служилым, а со второй половины столетия — и крестьянским населением. Освоение огромных пространств, первоначально обусловленное развитием промыслового хозяйства со стороны прежде всего коренных жителей, постепенно уступило место

разворачиванию земледелия в связи с важностью обеспечения хлебом служилого сословия. Это способствовало переводу последнего на службу с пашни и росту потребности в расширении земельных владений. Данная проблематика хорошо изучена в рамках советской исторической науки. С. В. Бахрушиным была предложена концепция колонизации Сибири, включавшая промысловую, горно-металлургическую и аграрную волны.¹ В. И. Шунков исследовал хозяйственное, прежде всего земледельческое освоение Сибири.² Конкретно территория Прииртышья стала предметом изучения Н. Г. Аполловой,³ которая выявила роль различных слоев коренного и пришлого населения в освоении края. В последние десятилетия процессы колонизации окраин стали

Кабакова Наталья Васильевна — к.и.н., доцент кафедры философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (г. Омск)
 E-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Корусенко Светлана Николаевна — к.и.н., заведующая кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии, Омский государственный университет (г. Омск)
 E-mail: tomil65@rambler.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)» (рук. С. Н. Корусенко)

¹ О колониционных волнах С. В. Бахрушина и современном наполнении его подхода см.: Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н. «Волны» колониционной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI — начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 157–170.

² См.: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI — начале XVIII веков. М.; Л., 1946.

³ См.: Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976.

предметом ревизии советских исторических воззрений и привели к появлению новых подходов и оценок.⁴

На фоне общепринятого масштабного изучения процессов колонизации затушеванным остается внимание к проблематике практик разрешения споров, возникавших в процессе освоения земель. Исследователи касались этой темы с точки зрения оценивания фискальной политики царского правительства как угнетательской по отношению к коренным жителям Сибири и фрагментарно рассматривали земельные споры между русскими служилыми людьми и ясачным населением, а также служилыми татарами.⁵ Цель настоящей работы — выявить основания земельных споров и практики их разрешения на рубеже XVII–XVIII вв. у населения южной части Западной Сибири. Основным источником является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., в которой описаны владения жителей, приведены сведения об их правах на землю, а также подробно изложены коллизии противостояний по поводу этих прав.⁶ Документ включает споры между служилыми русскими, русскими и татарами (служилыми и ясачными) и самими татарами. В данной работе привлекались также сведения из иных источников, содержащих эксцессы по поводу прав на земли.

Тарское Прииртышье, вошедшее в состав Русского государства в конце XVI в., на протяжении последующих десятилетий активно осваивалось пришлыми с европейских территорий жителями. Богатый край располагал обширными ресурсами: плодородными почвами, перспективными для хлебопашества и скотоводства, реками, озерами и лесами для развития промыслов. Населявшие регион тюркские группы, укоренившиеся здесь задолго до прихода русских, имели приоритетное право на земли, получая солидные льготы от государства, требовавшего взамен исправной выплаты ясака. Земельные владения приобре-

тали все большую привлекательность для индигенного населения еще и потому, что давали возможность увеличивать помимо традиционного скотоводческого хозяйства, требовавшего обширных сенокосных угодий, распашку почв для производства зерновых культур. Подобный интерес местных жителей к земледелию обуславливался в числе прочего влиянием русских, жизнедеятельность которых была неразрывно связана с хлебопашеством. Служилые люди, призванные в Сибирь для строительства новых крепостей и обороны рубежей, вынуждены были трудиться на земле, поскольку поставки продовольствия на окраины страны оставались непостоянными. С течением времени данная деятельность для русских жителей приобретала все более интенсивный характер, вызывая необходимость увеличивать размеры земельных владений.

Несмотря на огромные пространства Тарского Прииртышья, количество плодородных почв, годных для хлебопашества, а также территорий для сенокосных и пастбищных мест было ограниченным в связи с наличием многочисленных болот, лесов и озер. Поэтому нередко русские и татары селились по соседству и имели общие границы владений. Так, сенные покосы тарчанина сына боярского Ивана Матвеева сына Бородихина располагались в межах позади сенного покоса служилого татарина Иткучука Чалбарова,⁷ пашня Гаврилы Александрова сына Пученкова соседствовала с пашенной заимкой Чурючейка Бехтемирова,⁸ земли, пустоши и лесные места Якова Иванова сына Макшеева простирались по «роспашу ясачного татарина Бикчурички Сургамышева».⁹ Совместно с татарами также селились бухарцы, которые со второй половины XVII в. активно стали приобретать земли и закреплять их за собой, а где-то совместно с ясачными и служилыми татарами пользовались угодьями различного назначения и даже вместе с ними вступали в споры с русскими.¹⁰

Татары изначально владели лучшими землями, чаще всего по праву старины. Нередко они опирались на него, обосновывая свое преимущественное право на те или иные территории. Например, в Дозорной книге содержится

⁴ См.: Побережников И. В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Урал. ист. вестн. 2018. № 4 (61). С. 72–80; Шерстова Л. И. Характер вхождения Сибири в состав России: обзор концептуальных подходов // Алтай — Западная Сибирь в XIX — начале XX вв.: население, хозяйство, культура. Горно-Алтайск, 2018. С. 94–107; Она же. Евразийская ментальность: сибирский аспект // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2020. № 68. С. 133–138.

⁵ См.: Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 99–103; Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 169.

⁶ Оригиналный текст см.: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Омск, 2020. Т. 3.

⁷ См.: Там же. С. 21.

⁸ См.: Там же. С. 23.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Перепись бухарцев Тарского уезда была проведена отдельно в 1701 г., оригинальный текст и его печатный вариант см.: Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск, 2011.

обращение татар Инцисских юрт Аялынской волости с челобитьем о предоставлении им документа — выписи на земли, которыми «с прошлых-де давних лет исстари владели деды и отцы их, и они владеют», включавшие пашни, сенные покосы, «звериные и рыбные ловли, и лисьи норы и всякия угодыя».¹¹ Случалось, что коренные жители не могли договориться о разграничении собственных владений, оспаривая их принадлежность между собой. Так, ясачные во главе с Миячкой Турметевым и другая группа татар — во главе с Аллагулкой Янбаевым из Кулларской волости просили местные власти урегулировать проблему, возникшую в их отношениях по поводу ведения рыбного и охотничьего промыслов. Спор был разрешен посредством обращения к «прежним данным и дачам» 1641 и 1665 гг. и к писцовым книгам Льва Поскочина 1684 г. Миячке Турметеву велено «владеть рыбными ловлями — озером Рахтовым, и речкою Рахтовкою, и запоры, опричь в той речке Рахтовке бобровых гонов, с татары с Аллагулком Янбаевым с товарищи вобче, а бобровыми гоны в той речке Рахтовке владеть Миячку Тюрметеву с товарищи, а татарину Аллагулку Янбаеву с товарищи до бобровых гонов в той речке Рахтовке дела нет».¹² Итогами просьб об определении законности исконного права на земли со стороны коренных жителей становилось предоставление им требуемых документов: выписей, крепостей, данных.

Документы конца XVII в. свидетельствуют о нередких случаях продаж, залогов служилыми и ясачными татарами собственных земельных владений русским. Например, сыну боярскому, жителю города Тары Якову Иванову сыну Макшееву принадлежало шесть десятин пашен и 15 десятин пустошей и лесных мест по поступной крепости ясачных татар Бикчурички и Елметки Сургамышевых из Темшеняковых юрт Аялынской волости.¹³ Еще один городской житель казак Микишка Матвеев сын Тулькой получил поступную на шесть десятин пашенной земли и 20 десятин «лесом порослой земли и пустоши» от служилого татарина Кутлуметки Курманова.¹⁴ Тарчанин Федька Андреев сын Терехов приобрел поскотинную землю на основании закладной ясачного татарина Тлевгелдычки Урусметева из Аялын-

ской волости.¹⁵ Литовской сотни казаку Ивашке Матвееву сыну Толмачеву из деревни Сеиткуловой Верхней принадлежали земли по купчим татар Башайки Берекетева и Алгачачки Каргачакова.¹⁶ Примеров переходов прав на земли на основании различных документов от коренного населения русским жителям на территории Тарского Прииртышья встречалось немало.

Обращает также на себя внимание и срок давности получения русскими земельных владений у татар. На момент составления Дозорной книги Тарского уезда — 1701 г. — период когда русские служилые владели землями, приобретенными у коренных жителей, мог составлять несколько десятилетий. Так, Федька Гаврилов сын Неклюдов получил земли у татар в 1655 г.,¹⁷ Ивашка Федоров сын Меркулов — в 1668 г.,¹⁸ Андрюшка Степанов сын Перфильев — в 1671 г.,¹⁹ Илюшка Лукьянов сын Мамизеров — в 1681 г.²⁰

Продавая и закладывая русским некоторые собственные исконные земли, татары тем не менее стремились закрепить за собой наиболее ценные угодыя. Яркий пример представлен в одном из документов конца XVII в., где описано длительное противостояние между татарами и русскими по поводу Киргапской луки — плодородного луга, раскинувшегося на правобережье Иртыша.²¹

Изначально эти земли принадлежали татарам, но, привлекаемые богатыми угодыями, сюда стали приходить служилые тарчане и самовольно устраивать здесь собственные сенокосы. Поскольку подлинные документы, способные подтвердить законность владения Киргапской лукой, были утрачены татарами во время страшного пожара в Таре в 1669 г., юртовские служилые Алейка Бехметев и Кучучка Тынмамметев «с товарищи» обратились с челобитьем к письменному голове Федору Коху с просьбой выдать им новые документы о правах на землю: челобитчики опасались, что «владеть стало не по чему и опасно».²² И действительно, спустя несколько дней в приказную избу поступила другая челобитная от тарского пятидесятника Оськи Богданова сына Кузнецова, конных казаков Ивашки и Сеньки

¹¹ Дозорная книга Тарского уезда 1701 года. С. 749, 750.

¹² Там же. С. 819.

¹³ См.: Там же. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 84, 85.

¹⁵ См.: Там же. С. 141, 142.

¹⁶ См.: Там же. С. 459.

¹⁷ См.: Там же. С. 74.

¹⁸ См.: Там же. С. 97.

¹⁹ См.: Там же. С. 68.

²⁰ См.: Там же. С. 134.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 925. Л. 1–57.

²² Там же. Л. 10, 13.

Максимова, Васьки Уразова меньшого с аналогичной просьбой — предоставить им права на владение Киргапской лукой. Подписную челобитную и отводную память на спорную землю получили все-таки татары на основании статей Соборного уложения 1649 г., в которых, во-первых, требовалось не посягать на земли иноземцев русскими людьми, а, во-вторых, решать спор в пользу того, кто первым подаст челобитье.²³

Но спустя 5 лет, в 1681 г., конфликт разгорелся с новой силой, когда русские казаки объявили, что будут владеть Киргапской лукой, поскольку у них имеется отводная на данные территории, выданная им на основании того, что служилые тарчане ранее селились на этих землях. Татары же ответили, что действительно временно пускали русских жить в Киргапской луке «по добродетели», когда на Тару нападали калмыки. В итоге вновь был вынесен вердикт о правоте татар, им выдан документ — крепость с государственной печатью на их владение землей.

Но, когда в 1684 г. составлялась писцовая книга Тары, в которой учитывались жители и их владения, переписчик Лев Поскочин «отдал» Киргапскую луку русским служилым, а подлинники документы, предоставленные татарами, скрыл. Далее коренные жители и истинные владельцы луки стали жаловаться в Сибирский приказ. Последовал «повальный сыск», в котором большинство свидетелей отдали приоритет во владении спорной территорией татарам, утверждая, что те жили здесь и обрабатывали данную землю «исстари». Угроза утраты приобретенных владений побудила русских тоже попытаться сохранить за собой Киргапскую луку. Казаки, подкупив свидетелей, также инициировали «повальный сыск», в итоге которого было вынесено решение о законной принадлежности спорной земли русским людям. После очередной жалобы юртовских служилых татар власти начали проводить допросы и очные ставки, сличения показаний свидетелей двух «повальных сысков». Наконец, в 1690 г., после 14-летнего противостояния, Киргапская лука была объявлена татарским владением.

Однако через 11 лет, в 1701 г., в ходе проведения новой переписи и составления Дозорной книги русские служилые еще раз попыта-

лись захватить земли татар Киргапских юрт. Но и это поползновение не увенчалось успехом, поскольку татары — потомки участников предыдущего противостояния потребовали от властей разобраться в ситуации. В результате было установлено, что при проведении предварительного досмотра казаки — претенденты на «пустые земли» — нарушили множество предписаний: в досмотре участвовали только близкие родственники самих русских служилых, «забыли» опросить татар, а сам досмотр проводили в январе, несмотря на то что «в зимнее время пашенных и непашенных земель мерить под снегом и межи и урочища описывать невозможно».²⁴

Исторические документы сохранили немало свидетельств того, что в случаях возникновения споров по поводу земельных владений между русскими и татарами решения принимались в пользу вторых. Даже в тех ситуациях, когда русские служилые хотели утвердить за собой «порозжие земли», проводился сыск, нацеленный на установление подлинной принадлежности каждой конкретной территории. Литовской сотни казак Федька Савин сын Тулянинов из деревни Евгаштиной долгое время пользовался под сеньные покосы и скотский выпуск луговыми землями, лежавшими рядом с его пашнями. Его челобитная на получение выписи, прикрепляющей нужный участок к владениям, была удовлетворена лишь после того, как служилые деревни подтвердили «по светлой Христовой евангельской заповеди Господней», что «лежит то луговое место впусе, а в даче и в отводе никому не бывало и не ясачных татар угоды».²⁵ Другие служилые той же деревни Евгаштиной Якушка Микитин сын Чинянин и Гришка Дмитриев сын Харламов вынуждены были дважды обращаться к властям с просьбой узаконить их земли, которые они обрабатывали. В 1699 г. они получили подписную челобитную с обязательным условием провести предварительный досмотр территории. Однако «сыск и доезд» осуществлены не были, поэтому казаки в 1701 г. во время проведения дозора вторично попросили закрепить за ними земли. Челобитчики получили выпись на участок после того, как досмотр установил, что «та земля лежала впусе, а в даче и в отводе никому не бывала и не ясачных татар угоды».²⁶

²³ См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 182, 184.

²⁴ Дозорная книга Тарского уезда 1701 года. С. 707–709.

²⁵ Там же. С. 423.

²⁶ Там же. С. 438–441.

Обращает на себя внимание то, что в подавляющем большинстве споров по поводу землевладения и землепользования между татарами и русскими не происходило непримиримого противостояния. Полагаясь на поддержку со стороны властей и чаще всего получая ее, татары шли на компромисс со своими соседями — русскими, договариваясь об общих границах, пользовании землями и ресурсами, совместном проживании, нередко соглашались делиться своими владениями. Так, ясачный татарин Кучугайка Девлеткеев из деревни Байтугановой пожаловался на тарского конного казака Микитку Бутакова и его братьев из деревни Бутаковой «в овладении пашенной земли и санными покосы». Кучугайка сообщал, что участок, купленный отцом Микитки, Федькой Григорьевым сыном Бутаковым, у ясачных татар и в котором у него, Кучугайки, имелся пай, продали в 1676 г. без его ведома и согласия. С момента сделки прошло 25 лет, неизвестно, пытался ли Кучугайка раньше вернуть свои владения, но только в 1701 г. он решил восстановить справедливость. В итоге же Кучугайка и братья Бутаковы поделили земли «полюбовно», определили межи, вырыв на границах яму и поставив столб.²⁷ По этим межам впредь надо было ориентироваться соседям при пользовании землями.

Похожая история случилась с отставным конным казаком из Тары Сенькой Мартыновым сыном Старчиковым, получившим в 1685 г. письмо, подписанное стольником и воеводой Карпом Павловым на «порозжие земли под Балчиковым мысом под двор и по скотину». Но в 1701 г. на эти же земли представил такое же письмо за подписью того же Карпа Павлова, но датированное двумя годами позже — 1687 г., Тохтагул Бугаев из Атацких юрт. Тохтагул утверждал, что спорные владения принадлежали изначально его отцу Бугаю Айдешеву, купившему их у Богдашки Кузнецова. По проведенному сыску и «сказкам понятых» (русских и татар) выяснено, что действительно исстари земля принадлежала Богдашке Кузнецову, который продал ее «Бугайкову дяде родному Айгучаку, а он-де, Айгучак, ту землю отдал ему, Бугайке». По принятому решению владения возвращены Тохтагулу Бугаеву, после чего он добровольно «поступился ему, Сеньке Старчикову, из той своей земли санных покосов на пятьдесят копен».²⁸

Противостояния по поводу принадлежности того или иного участка возникали не только между индигенным и пришлым населением, но и между самими русскими служилыми людьми. Тарчанин Якушка Богданов сын Бушев подал жалобу на атамана пеших казаков Василия Федорова сына Можайтинова о том, что последний перепахал его землю, сняв рожь и овес. В ходе разбирательства установлено, что Василий не знал об имеющихся у Якушки крепостях на землю, поэтому был вынесен вердикт о возмещении ущерба и была подписана мировая запись впредь друг на друга «не бить челом».²⁹ Тарские служилые казаки Левка Михайлов сын Ершев и Петрушка Григорьев сын Замызгин в результате спора о границах своих земельных владений заключили «полюбовный договор» о межах пашен и санных покосов: «А сверх тех вышеписанных полюбовных договорных меж им, Левке, и Гришке, и детям их, и сродичам в иные их земли и в межи не вступаться».³⁰

Случались между русскими служилыми сложные конфликты, длившиеся годами. Примером такой ссоры является коллизия между жителями деревни Кузнецовой тарским сыном боярским Иваном Васильевым сыном Свицерским и конными казаками братьями Кузнецовыми. Кузнецовы владели пашнями, которыми им поступился еще в 1681 г. ясачный татарин Тулубайка Берногулов. В то же время Ивану Свицерскому принадлежали земли по купчей татарина Кучуганки Баракова с 1689 г. и по данной 1697 г. Обоюдные претензии возникли между русскими служилыми из-за нечеткого определения границ приобретенных у татар владений. Во время проведения дозора в 1701 г. соседи-спорщики, «поговоря... меж собой полюбовно, помирились в том, что владеть им... пашенною и непашенною землею и санными покосы по полюбовной договорной меже», не нарушая ее и «не чиня убытка».³¹ Подобным же способом сумели Кузнецовы разрешить еще один спор, возникший у них с братьями Красноперовыми-Орловыми, также казаками из деревни Кузнецовой. Братьям Кузнецовым принадлежали земля и санные покосы, которыми поступился еще в 1681 г. все тот же ясачный татарин Тулубайка Берногулов. Но, поскольку запись об этом в писцовую книгу Льва Поскочина занесена не была,

²⁷ См.: Там же. С. 563, 564.

²⁸ Там же. С. 233–235.

²⁹ Там же. С. 136, 137.

³⁰ Там же. С. 188, 189.

³¹ Там же. С. 343–346.

участок в 1694 г. передали Красноперовым-Орловым в соответствии с поданным ими челобитьем. В 1701 г. спорящие стороны мирно определили межи своих владений и договорились впредь на земли друг друга не посягать.³²

При определении подлинной принадлежности земельных владений важную роль приобретали показания свидетелей. Так, серьезного разбирательства потребовало обращение тарского сына боярского Бориса Александрова сына Чередова, купившего в 1696 г. землю у конного казака Петрушки Васильева сына Зензина. В течение двух последующих лет Чередов сеял хлеб на приобретенном участке, но внезапно появился другой претендент — Петрушка Бутаков, утверждавший, что та же самая земля изначально принадлежала ему. В процессе расследования подробно допрашивались понятые-старожилы, внимательно изучались писцовые книги Льва Поскочина, рассматривались чертежи местности. Выяснилось, что Бутаков предоставил ложные сведения о своих владениях, уменьшая их для того, чтобы сократить выплату налогов казне, неверно информировал о границах земель, называя речку Малый Теврис заливом. В результате разбора Борис Чередов отстоял свои владельческие интересы и получил выписку на купленную им землю.³³

Однако случались казусы, когда получение документов на право владения землей могло быть произведено и без участия свидетелей-очевидцев, хотя для этого требовались основательные аргументы. История с тарским сыном боярским Иваном Васильевым сыном Свищерским из деревни Коюрлинской доказывает возможность таких ситуаций. В своей челобитной Свищерской утверждал, что во время поездки в деревню Кузнецову «для указыванья спорной своей земли» он «обронил» крепости, которые находились «в тороках у седла сумки», и утерял их. Но при этом у Ивана сохранились выписки с утраченных крепостей и мировые записи, заключенные по итогам разрешения спора о том, «кому по которым межам и урочищам владеть», нашлись подтверждения и в ранее составленных писцовых книгах Льва Поскочина. Поэтому просьба Ивана Свищерского была удовлетворена «без сыска» и опроса свидетелей, в приказной избе ему предоставили новые документы на владение землями.³⁴

Нередко при заключении сделок происходила путаница, чиновники могли предоставить неверные сведения, не учесть какие-либо важные нюансы, потерять документы, выдать одинаковые бумаги разным владельцам. Так, казак из Тары Митька Денисов сын Плотников являлся владельцем пашенных земель и пустошей на основании челобитья и по выписи с 1698 г., которой он лишился в результате пожара. Последовало обращение в приказную избе. В результате «досмотра» выяснилось, что точно такие же документы «за государственной Тарского города печатью» на эти земли имеются и у служилых татар Туралинских юрт Бекулучки Байметева, Сафарки Токмачикова, Иткучучки Тлеева «с товарищи», полученные в том же 1698 г. на основании их «старинного татарского владения». Татары утверждали, что ранее Митька их землю «отнимал», но все-таки, «поговоря полюбовно», они согласились сохранить за ним пашни, которые тот обрабатывал, да еще и выделили ему «из вышеписанных меж своего татарского владенья сенных покосов на триста копен».³⁵

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что на территории Тарского Прииртышья на рубеже XVII–XVIII вв. споры, касающиеся прав на землю, оставались весьма распространенным явлением. В условиях укрепления Российского государства в Западно-Сибирском регионе в ситуации установления новых имперских практик в утверждении собственности на земли определение таких прав приобретало наибольшую актуальность и остроту. Споры происходили как среди русских служилых, так и между русскими и татарами. Всего в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. описывается 10 конфликтных ситуаций, возникших между русскими, 5 — между русскими и татарами, 2 — между татарами. В большинстве случаев причинами противостояний становилось желание завладеть лучшими землями — в плане их выгодного местоположения, а также близости к району обитания претендентов на угодья. Жители Тарского Прииртышья стремились не только обеспечить наделами себя, но и гарантировать благополучие собственных потомков. Всего этого возможно было добиться, только узаконив права на земельные участки, поэтому и татары, и русские старались приобрести необходимые документы, утверждавшие их права на пашни,

³² См.: Там же. С. 346–348.

³³ См.: Там же. С. 596–608.

³⁴ См.: Там же. С. 348–351.

³⁵ Там же. С. 62–64.

сенокосы, луга и другие угодья. При этом нередко случалось, что на земли выискивалось несколько претендентов, что приводило местные власти к необходимости выступать в качестве посредника, регулировать возникавшие конфликты. В случаях, когда соискатели ссылались на право старины, объясняя свое стремление получить участок тем, что владение уже осуществлялось ими «исстари», либо утверждали, что земля никем не обрабатывается («порозжая»), чиновниками устанавливалось правило досмотра земель и опроса свидетелей-старожилов («сыска»). В ходе таких процедур выяснялась обоснованность претензий, осуществлялись объезды земель, записывались показания очевидцев. Весомую роль в разрешении споров имели письменные доказательства владения, если таковые были получены раньше, при этом обязательно определялась их подлинность.

Привлекают внимание и сами факты обращений со стороны коренного населения к русским властям, что, безусловно, обозначало признание ими авторитета Российского государства. Сложившиеся практики обеспечения прав земельных владений ясачных давали последним защиту на законодательном уровне, ограждая их как от излишних притязаний со стороны русских служилых, так и от произвола местных сибирских властей. Нельзя не отметить, что все-таки случаи притязаний и произвола имели место, но в ситуациях, когда коренное население настойчиво требовало

восстановить справедливость, ему это сделать удавалось. Обозначенная политика сибирских властей протекала в русле общегосударственных мер выстраивания взаимоотношений с индигенным населением, зафиксированных Соборным уложением 1649 г., где 16 глава закона безусловно ограждала коренных жителей от возможной утраты земельных владений: «...у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чувашей... всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупати и не менять и в заклад и здачею и в наем на многия годы не имати...»³⁶ В случае нарушения этого установления грозила «опала от государя».

С другой стороны, сами ясачные, сохраняя свои земли, нередко уступали отдельные участки русским, позволяли им селиться рядом, отдавая в пользование пашни и сенокосы. На протяжении второй половины XVII в. коренные жители передали русским немало своих угодий. Обстоятельства, побуждавшие их к подобным шагам, могли быть самыми разными — от явного и скрытого давления со стороны русских, стремившихся к увеличению размеров своих пашен и сенокосов, до банального желания получить прибыль, выручив деньги за проданную недвижимость. Какие мотивы двигали коренными жителями? Возможно, понимание необходимости выстраивания добрососедских отношений с русскими, много десятилетий назад прибывшими в Сибирь, поселившимися в этом краю, оберегавшими здесь мир и покой и также нуждавшимися в земельных ресурсах.

Natalia V. Kabakova

Candidate of Historical Sciences, Siberian State Automobile and Highway University (Russia, Omsk)

E-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Svetlana N. Korusenko

Candidate of Historical Sciences, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

E-mail: tomil65@rambler.ru

COLONIZATION PRACTICES CONCERNING LAND DISPUTE RESOLUTION
AT THE TURN OF THE 17TH–18TH CENTURIES
(BASED ON THE TARA AREA OF THE IRTYSH REGION DATA)

The article analyzes land dispute resolution practices that were used during the colonization of Siberia by the Russian state at the turn of the 17th–18th centuries in the Tara area of the Irtysh region. Studying the processes of exploration and absorption of Siberian territories requires careful attention to the specificity of the local history and population. Tatars, Siberian Bukharans, and Russians inhabited this region. Their relations were formed under conditions of competition for the same resources, mainly land. The article analyzes disputes occurring within the population of the Tara district: among service Russians; between Tatars (service and tribute-paying) and

³⁶ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ. соч. С. 188.

Russians; and among Tatars themselves. The most common cause of conflict was a desire to possess better lands, often belonging to indigenous inhabitants, which were necessary for organizing arable farming, animal husbandry, and other forms of economic and agricultural activity. During such disputes the local administration played the mediating role, it became an arbiter and took into account the presence of lawful claims of land ownership consulting earlier records and examining testimonies of witnessing old inhabitants. Recourse to the state for help, especially by the indigenous population, proves an increasing authority and legitimacy of the Russian power in the context of increasing colonization processes in Siberia. Examining numerous practices of land dispute resolution between inhabitants of the Tara area of the Irtysh region demonstrates an absence of severe antagonisms. The principal source for the present study is the 1701 Inventory Revision Book of the Tara area.

Keywords: land disputes, Siberia, Tara area of the Irtysh region, Tatars, Russians, Inventory Revision Books

REFERENCES

- Apollova N. G. *Khozyaystvennoye osvoyeniye Priirtysh'ya v kontse XVI — pervoy polovine XIX v.* [Economic development of the Irtysh region at the end of the 16th — first half of the 19th century]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (in Russ.).
- Bakhrushin S. V. [Siberian service Tatars in the 17th century]. *Bakhrushin S. V. Nauchnyye trudy* [Bakhrushin S. V. Scientific works]. Moscow: AN SSSR Publ., 1955, vol. 3, part 2, pp. 153–175. (in Russ.).
- Korusenko S. N. *Sibirskiye bukhartsy v nachale XVIII veka* [Siberian Bukharians at the beginning of the 18th century]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2011. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russ.).
- Sherstova L. I. [Eurasian mentality: Siberian aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2020, no. 68, pp. 133–138. DOI: 10.17223/19988613/68/19 (in Russ.).
- Sherstova L. I. [The nature of Siberia's entry into Russia: a review of conceptual approaches]. *Altay — Zapadnaya Sibir' v XIX — nachale XX vv.: naseleniye, khozyaystvo, kul'tura* [Altai — Western Siberia in the 19th — early 20th centuries: population, economy, culture]. Gorno-Altaysk: BNU RA “NII altaistiki im. S. S. Surazakova” Publ., 2018, pp. 94–107. (in Russ.).
- Shunkov V. I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI — nachale XVIII vekov* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 16th — early 18th centuries]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1946. (in Russ.).
- Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V., Shumkin G. N. [Colonization “tides” in the process of Developing the Eastern regions of Russia (16th — early 20th century)]. *Istoricheskiy kur'yer* [Historical Courier], 2019, no. 6 (8), pp. 157–170. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-13 (in Russ.).

Для цитирования: Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Колонизационные практики разрешения споров о земле на рубеже XVII–XVIII вв. (на примере Тарского Прииртышья) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 101–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-101-108.

For citation: Kabakova N. V., Korusenko S. N. Colonization practices concerning land dispute resolution at the turn of the 17th–18th centuries (based on the Tara area of the Irtysh region data) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 101–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-101-108.

С. В. Туров
**НАВОДНЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ
ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
(XVIII — НАЧАЛО XX в.)***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-109-115

УДК 94(571.1)“17/19”

ББК 63.3(253.3)5

Среди стихийных бедствий наводнения являются одними из самых опасных по масштабам и разрушительным последствиям. В статье предпринята попытка оценить их воздействие на поселения и хозяйственное освоение территории в Обь-Иртышской речной системе в пределах Западно-Сибирского региона в XVIII — начале XX в. Наводнения с высокой водой были связаны с весенними половодьями, но вода могла не спадать до осени или даже до ледостава. Среди подобных наводнений выделялись катастрофические с очень высоким уровнем. Положение осложнялось длительными многоводными циклами, когда частота и уровень наводнений увеличивались. Во время сильных и катастрофических наводнений затоплялись поселения, сельскохозяйственные угодья, погибал скот, разрушались или приходили в негодность жилища и хозяйственные постройки, надолго прерывались пути сообщения. На севере региона (Нижнее Приобье) во время катастрофических наводнений практически останавливался рыболовный промысел и резко сокращались возможности скотоводства в затопленной пойме. В зоне южной тайги во время многоводных циклов приходило в упадок пойменное земледелие. Население прибрежных местностей пыталось защититься от наводнений дамбами, но дамбы возводились не повсеместно и часто не выдерживали напора воды. Единственным действенным средством защиты от наводнений стало переселение на высокие речные берега. Так, наводнения 1912 и 1914 гг. спровоцировали массовое переселение жителей низменных берегов р. Иртыш в пределах Тобольской губернии. Власти способствовали переселению. Нечасто, но оказывалась помощь пострадавшим от наводнений. В этих условиях населению приходилось надеяться только на себя и божью помощь. Так, например, в г. Березове сложился культ св. Епифания, в день памяти которого принято было просить у вышних сил помощи в ликвидации последствий наводнения. Действенным средством в борьбе с наводнениями стали народные природоведческие знания. За долгую историю жизни на реке русское население выработало приметы, по которым судили об уровне предстоящего половодья. Среди просвещенной части местного населения бытовали представления о цикличности катастрофических наводнений.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, наводнения, гидротехнические сооружения, природоведческие знания, религиозные традиции, экологическая история*

В настоящее время в России ежегодно происходит от 40 до 70 только крупных наводнений. Наводнения угрожают территории около 500 000 кв. км. Территория в 150 000 кв. км периодически подвергается наводнениям с

аномально высоким уровнем (катастрофическим). На этих землях располагается 300 городов, десятки тысяч других поселений, большое количество промышленных предприятий и объектов инфраструктуры, около 7 млн га сельхозугодий. Ущерб от наводнений на данной территории может достигать в среднем 40 млрд руб. в год.¹ Исторические свидетельства о наводнениях: о нанесенном этим стихийным бедствием ущербе, о противостоянии стихии, а также об опыте прогнозирования наводнений — могут быть полезны на практике.

Дело в том, что и в прошлом населенные пункты тяготели к речным поймам. В Западной

*Туров Сергей Викторович — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: svtur57@mail.ru*

* Выявление источников по исследовательской теме в архивах РГАДА, РГИА, ГАРФ выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-59-22008 «Развитие Западной Сибири в XIX — начале XXI в.: социально-экологические аспекты» (рук. А. Н. Сорокин). Выявление источников в ГА Тюменской области, ГАТО в г. Тобольске выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-720018 «Интеллектуальный капитал как драйвер ускоренного развития Тюменского региона: от аграрно-сырьевой к постиндустриальной модели развития» (рук. А. Н. Сорокин). Выявление источников в ГА ХМАО — Югры выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (рук. М. Бассин)

¹ См.: Агеев С. В., Подрезов Ю. В., Тимошенко З. В. Анализ особенностей проявления природных опасностей весной 2018 года на территории Российской Федерации: ураганы, лесные пожары и наводнения // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2018. № 4. С. 108–116.

Сибири данная тенденция была выражена еще отчетливее ввиду того, что водораздельные пространства на юге региона носят лесостепной и степной засушливый характер, а на севере от огромных болотных массивов пойму отделяет иногда всего несколько километров урмана (хвойного леса). Между тем именно в речных поймах на юге располагались лучшие пахотные земли, а на севере — выпасы и сенокосы, а также охотничьи угодья.

Все это требует внимания к наводнениям как к важнейшему фактору природно-хозяйственных взаимосвязей. Однако за исключением небольшой статьи Е. А. Панишева о наводнениях в Тобольске в XVII–XX вв., которая носит описательный характер, без анализа всех аспектов взаимодействия данного природного феномена и хозяйственной структуры города и окрестностей, специальных работ на данную тему и обозначенный период нет.² Даже в фундаментальном труде Н. А. Миненко, посвященном природопользованию сибирского крестьянства в XVIII — первой половине XIX в., влиянию на крестьянское хозяйство наводнений не уделено должного внимания. Автор только отметила, что наводнения наносили заметный ущерб иртышским земледельцам в середине XIX в. и проиллюстрировала это несколькими свидетельствами современников, извлеченными из периодической печати.³ Таким образом, в данной статье впервые предпринята попытка не только оценить ущерб от наводнений и изучить соответствующие адаптивные практики, но и выявить роль наводнений в складывании стратегии заселения и хозяйственного освоения пойменных пространств региона.

Наводнения случаются в Западной Сибири чаще всего во время весеннего половодья. В XVIII в. наводнения с особенно высоким уровнем отмечены в 1736, 1762, 1781 гг.⁴ Помимо указанных выше наводнений происходили катастрофические поднятия вод: «Большие воды, которые нередко потопляют почти весь нижний посад города (Тобольска — С. Т.). Замечательнейшие из них были в 1784, 1794, 1799, 1800 гг. Жителям причиняют чувстви-

тельнейшее разорение. Самое большое возвышение вода имела от обыкновенной однатцать аршин семь с половиною вершков».⁵ Хроника наводнений с высокой водой XIX — начала XX в. выглядит следующим образом: 1810, 1811, 1812, 1818, 1822, 1824, 1837, 1845, 1847, 1851, 1854, 1857, 1858, 1866, 1879, 1884, 1908, 1912 гг.⁶

В XIX в. особенно разрушительным было наводнение 1859 г., когда вода в Иртыше у Тобольска поднялась на 14,7 м.⁷ В начале XX в. катастрофическое поднятие вод в Зауралье произошло в 1914 г.⁸ Памятные по своим последствиям наводнения получали имена. Наводнение 1794 г. именовалось Никольским, так как случилось на Николу вешнего (9 мая).⁹ Наводнение 1825 г. носило название «Ледяница», так как совпало с ледоходом. Наводнение 1845 г. называлось Воскресенским.¹⁰

Урон, наносимый хозяйству наводнениями, был ощутимым: «1736 г. бысть в Сибири река Иртыш так наводнена, что весь нижний посад г. Тобольска, то есть подгорье потоплен тою водой. И таковой прежде не бывало даже 96 лет тому назад».¹¹ Выше по Иртышу, в Южном Зауралье, в 1736 г. «потопило хлебного припасу много числом, скота — пятьсот пятнадцать лошадей, рогатого — пятьсот тридцать, овец — восемьсот тридцать три».¹² В 1788 г. только в верховьях р. Туры под воду ушли 168 десятин пашни.¹³

В апреле 1792 г. случилось катастрофическое наводнение в Томске: «...от затору плавающего по реке Томь льда, стеснившегося против самого города Томска, потоплено было на нижнем посаде церковей каменных и деревянных четыре, верхняя и нижняя расправы, нижний земский суд, полиция, два гостиные двора каменный и деревянный, мясной ряд, обывательских домов 1200, питейных домов 9. ...потонуло людей женского пола 3 человека; разного скота, как то лошадей, коров, телят, свиней и овец 49; куриц — 60; повредило

⁵ РГИА Ф. 1293. Оп. 168. Д. 44. Л. 1–2.

⁶ См.: Турбин К. Указ. соч. С. 3; Юферов Е. Разлив рек Тобольской губернии в 1914 году // Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск, 1915. С. 14.

⁷ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 601. Л. 8.

⁸ См.: Юферов Е. Указ. соч. С. 14–16.

⁹ См.: Турбин К. Указ. соч. С. 3.

¹⁰ См.: Юферов Е. Указ. соч. С. 14.

¹¹ Писаревский Е. Л. Материалы для истории метеорологических наблюдений в Тобольской губернии и многолетние средние метеорологических элементов некоторых мест в Тобольской губернии и г. Омска. Тобольск, 1911. С. 1.

¹² РГАДА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 135. Л. 106.

¹³ Там же. Ф. 248. Оп. 111. Д. 736. Л. 540б.

² См.: Панишев Е. А. Наводнения в истории Тобольска // Северо-Западная Сибирь в контексте российской истории (XIX–XX вв.). Тюмень, 2017. С. 44–47.

³ См.: Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1991. С. 12.

⁴ См.: Турбин К. О наводнениях в долине р. Иртыша // Ежегод. Тобол. Губерн. музея. Тобольск, 1908. Вып. 18. С. 3.

домов с разным строением — 20. Совсем разнесло таковых же домов с имевшимся при них строением — 8».¹⁴

В 1829 г. «от сильного ледохода от остановки льда ниже г. Томска на р. Томь» затопило всю нижнюю часть города.¹⁵ В 1845 г. в результате наводнения в Омске и окрестностях погибло много скота.¹⁶

Катастрофическим стало половодье 1854 г., «когда наводнение постигло все города, стоящие при реках Иртыше, Тоболе, Ишиме и Туре, а именно: Петропавловск, Ишим, Курган, Тобольск и все села и деревни, находящиеся близ означенных рек и притоков их».¹⁷

Во время катастрофического наводнения 1859 г. только в Тобольском уезде, вверх по Иртышу от Тобольска, были затоплены все населенные пункты на луговом берегу. Лишь на ярах (нагорный берег) оставались незатопленные селения: «...при этом затопило все сенокосные луга, хлебопахотные поля и сенокосы, все загородки, у некоторых же крестьян унесло дома со всеми пристройками».¹⁸ В Тобольске от наводнения пострадало 500 домов. В Тюмени 300 домов оказались под водой. Тобольский тракт затопило на протяжении 12 верст. Сообщение с губернской столицей было прервано. В Тюменском уезде «уничтожено значительное количество хлебопахотных земель, частью засеянных озимым хлебом. Размыло много гатей, унесло и повредило несколько мостов, задних крестьянских дворов, огородов и пастбищ. Наконец, вода залилась и в самые деревни...» В Ялуторовске и Туринске были затоплены пригороды. В Кургане вода залила значительную часть города. Город был отрезан от почтового тракта, на котором мосты и гати оказались под водой. Курган практически оказался на острове, Тобол разлился на 7–12 верст. Окрестные селения также были затоплены. Вода разрушила плотины водяных мельниц, «мельничные водяные амбары» превратились в руины.¹⁹

В наводнение 1862 г. затопило в Тобольске все береговые улицы, Пятницкую и Монастырскую стрелки, Отрясихинское, Подчувашское, Подшлюзное предместья — всего до 500 домов. Потопило поля, к этому времени уже засе-

янные, и луга, принадлежавшие Бегишевской волости. В Ялуторовском округе от разлива вод р. Тобол затопило дорогу из Ялуторовска в Тобольск на протяжении трех верст. В Тюмени ушли под воду в «заречном предместье» нижние этажи около 300 домов.²⁰

В 1866 г. во время наводнения на р. Томи в одной только д. Банновой Мунгатской волости Кузнецкого округа «от ледового затора затопило 20 домов, испортило и унесло скотные дворы, хлевы и гумна».²¹ В 1871 г. 23–30 апреля в г. Верхотурье р. Тура затопила полностью строения на берегу. Речки Неромка и Актай, впадающие в Туру, тоже вышли из берегов, все мосты были снесены.²² В 1872 г. в ночь с 28 на 29 апреля произошло наводнение в Томске. Река Томь затопила низменные районы города.²³

Во время катастрофического наводнения 1914 г. от Тобольска до устья на Иртыше происходило следующее: «На левой луговой стороне..., а частью и на низких местах правого берега, селения совершенно затоплены. Вода доходит до уровня окон домов... Пашни и луга затоплены...» В нижнем течении Тобола, «ниже Ялуторовска, в первых числах мая вода пошла валом и затопила прибрежные селения Ялуторовского и Тюменского уездов..., разлившись в ширину на 10 верст». Повсеместно в Среднем и Южном Зауралье были залиты пашни и луга, вода при этом очень медленно сходилась. Из городов серьезнее других пострадал Курган. Под водой оказались 431 дом и около 600 хозяйственных построек. В Тобольске было залито 228 домов на 6 улицах. В Ялуторовске на улице Береговой пострадало 100 дворов. Убытки от наводнения в целом по губернии исчислялись 1 300 000 руб. Пострадали дороги. Так, например, в Тюменском уезде на Тобольском тракте между д. Велижанской и с. Созоново сообщение было возможно только на лодках.²⁴

Из приведенных выше материалов видно, что помимо материального ущерба наводнения серьезно и надолго блокировали или осложняли дорожное сообщение. Яркий пример тому затруднения, которые испытали будущий император Александр Николаевич и члены его свиты в путешествии по Сибири

¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 66. Л. 109–110.

¹⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 1–10б., 6.

¹⁶ См.: Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 57.

¹⁷ Турбин К. Указ. соч. С. 3.

¹⁸ ГАТО в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 10. Д. 4. Л. 33.

¹⁹ Там же. Оп. 16. Д. 2. Л. 32–33.

²⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 23. Д. 1409. Л. 112–114.

²¹ Там же. Оп. 27. Д. 1317. Л. 2.

²² Там же. Оп. 32. Д. 1558. Л. 10–11.

²³ Там же. Оп. 33. Д. 1679. Л. 18.

²⁴ См.: Юферов Е. Указ. соч. С. 8–14.

весной 1837 г. 31 мая наследник престола прибыл в Тюмень, а днем 1 июня отправился в Тобольск. Однако сначала пришлось преодолеть р. Туру, которая неизменно разлилась весной 1837 г., на 7 верст, а затем пришлось переправляться через 7 широких заливов, образованных разлившимся Тоболом.²⁵ На севере региона весенние разливы были куда грандиознее. Так, по свидетельству К. Носилова, в 1883 г. во время разлива на Нижней Оби местами не видно было берегов и однажды ему случилось переехать поперек реки до 30 верст.²⁶

Особенно много проблем доставляли наводнения, во время которых высокая вода держалась аномально долго: «...вода большая в Туре реке начала убывать и в берега входит августа с 28 числа... [1751 г. — С. Т.]».²⁷ Катастрофическими были последствия подобных наводнений на севере края, где разлившаяся вода так и не входила в берега вплоть до ледостава. Погибало большое количество скота, а уцелевших животных нечем было кормить. Пастбища и сенокосы были затоплены. Заготовить сено на зиму в достаточном количестве не представлялось возможным.²⁸

Для рыбаков Нижней Оби были свои последствия: «В годы высокого стояния воды, когда берега соров [заливов — С. Т.] затоплены, лов бывает неудачен, так как, во-первых, погода препятствует постановке сетей; во-вторых, рыба широко расходится, и в каждом данном месте ее трудней поймать; в-третьих, течение, быстрота воды, не позволяет ставить сети. Поэтому при высоком стоянии воды добывается лишь ничтожное количество рыбы».²⁹ Затем наступало время летнего неводного лова, который тоже не радовал результатами: «Весенняя рыбная ловля всюду была очень неудачна, а начать ловлю обыкновенным летним способом, т. е. неводами, не было никакой возможности, потому что и к концу июля все берега, способные для этой ловли, находятся еще под водою [наводнение 1845 г. — С. Т.]».³⁰ Положение осложнялось тем, что «время про-

изводства рыболовного промысла сокращалось еще больше и совпадало с временем сбора кедрового ореха и началом сенокосения».³¹

До некоторой степени хозяйственные потери компенсировались охотой на речных островах: в половодье здесь собирались в большом количестве зайцы, не успевшие покинуть быстро уходящую под воду пойму. Еще в XVIII в. тобольский губернатор Д. И. Чичерин считал охоту на «зверя по заливным островам важной статьей продовольствования» населения Обского Севера.³² В конце XIX в. на охоту «по заливным островам» отправлялись с ружьями и собаками. Остров полностью окружался сетями, и начиналась бойня, до определенной степени охотников оправдывало то, что зайцы все равно были обречены, поскольку большинство островов постепенно затапливались водами реки.³³

Оставшиеся незатопленными острова после зачистки их от зайцев служили прибежищем скоту. Во время наводнения, как уже отмечалось, скотные выпасы на луговом берегу надолго уходили под воду. Приходилось использовать высокий лесной берег, но здесь скот не мог полноценно пастись из-за бурелома и нападений медведей. Так, в 1924 г. на р. Лозьве близ д. Першино на лесном выпасе только один медведь за раз задрал 11 голов крупного рогатого скота.³⁴ Единственным убежищем для скота становились обширные речные острова. Коровы перебирались на эти острова самостоятельно, вплавь, когда появлялась первая трава. Например, рядом с. Селиярово Сургутского уезда в половодье оставался только один остров, поросший хвойным лесом, 3 км длиной. Напротив д. Ляминой Тундринской волости во время наводнения оставались на Оби два острова с характерными названиями Коровий и Конный.³⁵ Близ с. Малый Атлым находились два острова Большой и Овечий.³⁶

Особенно тяжелые условия для хозяйственной структуры региона складывались во время так называемых многоводных циклов. На реках европейской части страны многоводные циклы длятся 3–4 года, а в Обь-Иртышской

²⁵ Расторгуев Е. И. Посещение Сибири в 1837 году его императорским высочеством государем наследником цесаревичем. СПб., 1841. С. 9.

²⁶ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 211. Л. 94.

²⁷ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3513. Л. 6.

²⁸ См.: Абрамов Н. А. Празднование в г. Березове святителю Епифанию, епископу кипрскому // Город Тюмень. Тюмень, 1998. С. 508, 509.

²⁹ Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 365, 366.

³⁰ Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь. Тюмень, 1999. С. 54.

³¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 259. Л. 170.

³² ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 16: 1762–1765 гг. № 12025.

³³ См.: Яковлев (Богучарский) В. Я. Очерки промысловой охоты в северных округах Тобольской губернии // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 352, 353.

³⁴ ГАТО в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 31. Л. 47.

³⁵ ГА ХМАО — Югры. Ф. 43. Оп. 1. Д. 595. Л. 34.

³⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 889. Л. 72.

системе — 5–8 лет.³⁷ Так, например, в 1840-х гг. в Омске на протяжении пяти лет дважды наблюдались паводки с высокой водой.³⁸ Еще один многоводный цикл, по-видимому, пришелся на первую половину 1860-х гг. В это время, например, в с. Новом Новосельской волости Тобольского уезда воды Иртыша «постоянно затопляли, уродовали и засыпали песком хлеботородные нивы». В итоге резко сократилась площадь запашки, к середине 1860-х гг. только самые зажиточные из местных крестьян засеивали не более 8–12 десятин, а затем и эти хозяева забросили пашню.³⁹ Жители прибрежных поселений пытались обезопасить себя от наводнений. В некоторых селениях на Иртыше, в частности в д. Новоселовой Демьянской волости Тобольского округа, имелись земляные валы вдоль берега. В наводнение 1914 г. новоселовцы укрепили эти сооружения. «Но сильной прибылью воды и бурей 19 мая вал прорвало и затопило деревню. К счастью, люди не пострадали».⁴⁰

Под напором половодий жителям приходилось переселяться на высокий берег. Так, в свое время переселилась на высокий яр Иртыша, близ устья р. Тары, жители деревни Черняева. В 1905 г. еще «видны были остатки срубов и бревен на месте прежнего расположения» на луговом берегу. Село Евуцинское было перенесено с правого низменного берега Иртыша на высокий увал левого берега. На прежнем месте расположения остался только крест, там, где раньше стояла церковь.⁴¹

Наводнения 1912, 1914 гг. спровоцировали массовое переселение на незатопляемые места. В 1912–1913 гг. от жителей 36 деревень, располагавшихся на Иртыше выше и ниже Тобольска в пределах Тобольского, Тарского, Ишимского и Тюменского уездов, поступили прошения о переселении. После наводнения 1914 г. к ним присоединились жители еще 77 населенных пунктов. Переселение было разрешено, и даже была оказана некоторая поддержка от казны, но дело шло медленно.⁴² Власти редко и неохотно оказывали помощь

страдавшему от наводнений населению. Для XIX в. известен только один случай, когда в 1867 г. пострадавшим от наводнения жителям Тобольской губернии были выделены пособия.⁴³

В силу указанных обстоятельств в деле преодоления печальных последствий наводнений сибирякам приходилось уповать на божью помощь. Так, согласно преданию, бытовавшему в г. Березове, в первой половине XVII в. выдался год с катастрофически высоким уровнем воды в р. Оби и Сосьве, причем высокая вода держалась практически до наступления зимы. В результате березовцы не смогли заготовить на зиму сено. Весной положение дел не улучшилось. В мае еще лежал снег и лед с рек не сошел. Начался массовый падеж скота от бескормицы. Горожане решили обратиться к высшим силам. Из Воскресенского собора вынесли иконы, и в церковном дворе отслужили молебен. Согласно преданию, перестал идти снег, небо очистилось от облаков, проглянуло солнце и установилась ведренная погода. Вскоре на Сосьве и Оби начался ледоход. Вышеописанный молебен состоялся 21 мая в день памяти св. Епифания. Так сложилась в Березове традиция ежегодно отмечать день памяти этого святого в ознаменование чудесного обретения ведренной погоды. Со временем традиция утасла.

Однако в 1846 г. вновь случилось наводнение. Уже в феврале–марте пришлось кормить скот ветками кустарников (гальником), но в апреле и этот корм иссяк, так как образовавшиеся на льду проталины не позволяли рубить кустарник на противоположных от города берегах Сосьвы и Вогулки. На корм пошли запасенные для бань березовые веники когда закончились и они, скот перевели на кедровую хвою, сдобренную мукой. От такого рациона скот начал массово падать.

Березовцы вспомнили о святителе Епифании и провели молебен, а заодно решили обновить икону святителя из местного собора. Новый образ заказал московским иконописцам березовский купец А. А. Нижегородцев. Такая ревностная забота о родном приходе делает честь А. А. Нижегородцеву, но в результате сибирская иконописная традиция лишилась весьма оригинального сюжета. Дело в том, что группа прихожан предполагала заказать икону в следующем виде: «...пред Спасителем,

³⁷ См.: Кузин П. С. Циклические колебания стока рек северного полушария. Л., 1970; Он же. Режим рек южных районов Западной Сибири, Северного и Центрального Казахстана. Л., 1953.

³⁸ См.: Белов И. Указ. соч. С. 57.

³⁹ См.: Кузнецов Е. Село Новое // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 46. С. 329.

⁴⁰ Юферов Е. Указ. соч. С. 8.

⁴¹ См.: Турбин К. Указ. соч. С. 1.

⁴² См.: Юферов Е. Указ. соч. С. 16.

⁴³ РГАДА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 416.

изобразив его на облаках небесных, написать стоящего на земле святителя Епифания, и позади его, вдали, представить падающий с неба снег, а с противной стороны — выходящее из-за туч солнце; внизу же иконы должны были быть в виду город и река Сосва, освобождающаяся ото льда». ⁴⁴ В 1891 г. в Березове вновь пало много скота по причине катастрофического наводнения и вновь состоялся молебен святителю Епифанию. ⁴⁵

Просвещенная часть сибирского общества с давних пор по понятным причинам интересовалась особенностями речного стока в Обь-Иртышской системе. И. Г. Гмелин, побывавший в Тобольске в 1734 г., свидетельствует, что «жители [г. Тобольска — С. Т.] выдают за общую истину, что такое наводнение, которое затопляет весь город, случается каждые десять лет». ⁴⁶ Как сообщает П. А. Словцов, на стене тобольского Покровского храма был отмечен уровень наводнения 1784 г., «слышшего большим». В начале XX в. тобольская интеллигенция по-прежнему живо интересовалась проблемой наводнений и считала это явление циклическим: «Общее поверье при этом, что высокая вода бывает подряд 2 года». ⁴⁷ Тобольский губернский лесничий А. А. Дунин-Горкавич писал: «По наблюдениям, в течение десятилетия выпадает один год большеводья». ⁴⁸ Е. Юферов также полагал, что каждые 10 лет случается катастрофическое наводнение. ⁴⁹ Ишимский купец Н. Черняковский в начале 1840-х гг. писал, что на р. Ишим «лет через 40 и даже через 18 бывают особенные наводнения (1738, 1784, 1824, и в настоящем 1842 г.). Последнее замечательно тою особенностью, что вода прибыла внезапно и с чрез-

вычайной скоростью и убыла так же. В прочие наводнения она прибывала с медленною постепенностью». ⁵⁰

Простой народ подобными вычислениями не занимался, но твердо верил в приметы. Так, считалось, что большие снежные «навесы» на крутых берегах рек бывают перед наводнениями. Быстрый подъем воды из проруби в день Богоявления во время освящения рек и озер также связывали с бурным половодьем. Пасмурная новогодняя ночь сулила большую воду весной. Снежный день 1 января также обещал наводнение. Вьюга на Крещение — к большой воде. Если на Егорьев день (23 апреля) резко придет вода в реке, то наводнение неминуемо. ⁵¹ Наблюдатель, укрывшийся за инициалами «Г. З.», засвидетельствовал: «Многие, как можно припомнить, приметы старых людей были в преддверии наводнений у нас в Тобольске 1854 и 1857 гг.». ⁵² О том, что народные приметы часто совпадали с ожиданиями, писал в начале XX в. Е. Юферов: «...большой разлив рек не был неожиданностью для населения потому, что оно, зная приметы, заранее предвидит наводнение...» ⁵³

Таким образом, ответом на разрушительные наводнения в Западной Сибири явился сложный комплекс хозяйственных адаптивных практик в поселенческой и агропромышленной структуре. Хозяйственная адаптация сопровождалась накоплением эмпирических знаний и одухотворением природно-хозяйственных взаимосвязей. Все это в совокупности обеспечило успешную хозяйственную колонизацию и устойчивое развитие наиболее заселенной территории региона — пойменных пространств.

Sergei V. Turov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: svtur57@mail.ru

FLOODS IN WESTERN SIBERIA IN THE CONTEXT OF NATURAL AND ECONOMIC RELATIONSHIP (18TH — EARLY 20TH CENTURY)

In terms of scale and devastating consequences, floods are the most dangerous thing among natural disasters. The article is an attempt to assess their impact on the settlements and economic development in the Ob-Irtysh river system within the West Siberian region in the 18th — early

⁴⁴ Абрамов Н. А. Указ. соч. С. 508–510.

⁴⁵ См.: Путинцев М. Ответ на статью «Историческая справка по поводу торжества в г. Березове» // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 13–14. С. 296.

⁴⁶ Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 149.

⁴⁷ Турбин К. Указ. соч. С. 6, 8.

⁴⁸ РГИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 259. Л. 170.

⁴⁹ См.: Юферов Е. Указ. соч. С. 14.

⁵⁰ Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Ч. 2. С. 233.

⁵¹ См.: Г. З. Приметы русского мужичка, касательно наводнений, или смолных годов // Тобольские губернские ведомости. 1558, № 16. С. 336; Скалозубов Н. Л. Народный календарь // Ежегод. Тобол. Губерн. музея. 1902. Вып. 13. С. 118, 120.

⁵² Г. З. Указ. соч. С. 336.

⁵³ Юферов Е. Указ. соч. С. 8

20th centuries. Floods which had high waters were associated with spring floods, but the water could not subside until the fall or even before the ice break. There were also catastrophic ones with a very high level. In addition, some complications such as long high-water cycles accrued at the time when the level and frequency of flooding increased. During severe and catastrophic floods settlements and agricultural land were flooded, livestock died, houses and outbuildings were destroyed or rendered unusable, and communication routes were interrupted for a long time. In the north of the region (Lower Ob region) during catastrophic floods, fishing trade was almost stopped and the opportunities for cattle breeding in the flooded floodplain were sharply reduced. Floodplain agriculture fell into decay during high-water cycles in the southern boreal forest area. The population of coastal areas tried to protect themselves from flooding with storage dams, but they were not built everywhere and often could not withstand the pressure of water. The only effective means of flood defense was relocation to high river banks. Therefore, the floods in 1912 and 1914 years provoked the relocation of the Irtysh River low-cost residents of the Tobolsk province. The authorities facilitated this relocation. Assistance was provided to flood victims, even though not so often. In these conditions, the population often had to rely only on themselves and God's help. Thus, for example, in the city of Berezov the cult of St. Epiphanius was formed. On his Memorial Day people asked the higher forces for help in eliminating the consequences of the flood. But the most effective tool in combating floods was folk natural science knowledge. Over the long history of life on the river, the Russian population has developed omens, which helped them to judge the level of the upcoming flood. Among the enlightened part of the local population, there were ideas about the cyclical nature of catastrophic floods.

Keywords: *Western Siberia, floods, hydraulic structures, natural science knowledge, religious traditions, environmental history*

REFERENCES

- Abramov N. A. [Celebration in the city of Berezov to St. Epiphanius, Bishop of Cyprus]. *Gorod Tyumen': iz istorii Tobol'skoy yeparkhii* [Tyumen city: from the history of the Tobolsk diocese]. Tyumen: SoftDizayn Publ., 1998, pp. 508–510. (in Russ.).
- Ageev S. V., Podrezov Yu. V., Timoshenko Z. V. [The analysis of peculiarities of manifestation of natural hazards in the spring of 2018 in territory of the Russian Federation: hurricanes, forest fires and floods]. *Problemy bezopasnosti i chrezvychaynykh situatsiy* [Safety and emergencies problems], 2018, no. 4, pp. 108–116. (in Russ.).
- Castren M. A. *Puteshestviye v Sibir'* [Journey to Siberia]. Tyumen: izd-vo Yu. Mandriki Publ., 1999. (in Russ.).
- Kuzin P. S. *Rezhim rek yuzhnykh rayonov Zapadnoy Sibiri, Severnogo i Tsentral'nogo Kazakhstana* [Regime of the rivers of the southern regions of Western Siberia, Northern and Central Kazakhstan]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1953. (in Russ.).
- Kuzin P. S. *Tsiklicheskiye kolebaniya stoka rek severnogo polushariya* [Cyclic fluctuations in the flow of rivers in the northern hemisphere]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1970. (in Russ.).
- Minenko N. A. *Ekologicheskiye znaniya i opyt prirodopol'zovaniya russkikh krest'yan Sibiri v XVIII — pervoy polovine XIX v.* [Ecological knowledge and experience of nature management of Russian peasants of Siberia in the 18th — first half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. (in Russ.).
- Panishv E. A. [Floods in the history of Tobolsk]. *Severo-Zapadnaya Sibir' v kontekste rossiyskoy istorii (XIX–XX vv.)* [North-Western Siberia in the context of Russian history (19th–20th centuries)]. Tyumen: TyumGU Publ., 2017, pp. 44–47. (in Russ.).
- Yakovlev (Bogucharsky) V. Ya. [Essays on commercial hunting in the northern districts of the Tobolsk province]. *Tobol'skiy sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the 19th — early 20th century]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1998, pp. 333–357. (in Russ.).
- Zinner E. P. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII veka* [Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the 18th century]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1968. (in Russ.).

Для цитирования: Туров С. В. Наводнения в Западной Сибири в контексте природно-хозяйственных взаимосвязей (XVIII — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 109–115. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-109-115.

For citation: Turov S. V. Floods in Western Siberia in the context of natural and economic relationship (18th — early 20th century) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 109–115. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-109-115.

А. Т. Жанисов, С. З. Раздыков

КАЗАХИ В ЗОНЕ ИРТЫШСКОГО ФРОНТИРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ*

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-117-116-124

УДК 94(574)“17/18”

ББК 63.3(5Каз)5

В статье рассматриваются процессы трансформации в XVIII–XIX вв. хозяйственной деятельности казахов, оказавшихся в зоне влияния иртышского фронта. Авторы понимают под иртышским фронтиром территорию, на которой в Новое время расположилась цепь российских военных укреплений в пограничных с казахами землях. В статье приводятся предположения образования и краткая история укрепленной военной линии на Иртыше, которая стала плацдармом для распространения российского влияния в Степном крае и Средней Азии. Раскрываются причины возникновения в иртышской фронтальной зоне конфликтных ситуаций между казахами-скотоводами и пограничными властями. Большое внимание уделено последствиям введения царской администрацией ограничений на перекочевку казахов-скотоводов в прилегающих к Иртышской линии землях. Рассматриваются факты «перелазов» казахов на правобережье реки, которые в первую очередь были обусловлены потребностями коневодческих хозяйств казахов Прииртышья. Потребность в пастбищах, расположенных в Кулундинской и Барабинской степях, стала одной из основных причин перехода на постоянное пребывание части казахов на правобережье Иртыша и принятия ими российского подданства. Прослеживаются особенности изменения хозяйства казахов, выразившиеся в переходе к полuosедлому скотоводству, в освоении сенокосения и земледелия. Авторы приводят примеры культурного взаимодействия и взаимовлияния между казахским и русским этносами.

Ключевые слова: *фронтир, Иртыш, казахи, русские, казаки, скотоводы, военная линия, крепости*

В работах российских исследователей последних десятилетий, посвященных вопросам колонизации Российской империей Сибири, достаточно широко используется концепция фронта. Концепция американского историка Ф. Дж. Тёрнера, экстраполированная, со значительной степенью адаптации, на историю колонизационных процессов в Российской империи, стала активно использоваться для выделения особых порубежных зон первичного закрепления колонистов на землях к востоку от Урала. Необходимо отметить, что концепт «фронтир» не имеет в настоящее вре-

мя общепризнанного определения, поэтому, в зависимости от специализации и целевых установок исследователя, понимается по-разному. Как было отмечено А. С. Хромых, рассмотревшим вопрос применения понятия «фронтир» к изучению истории Сибири, вероятность многовариантности его трактовки была изначально заложена самим автором концепта Ф. Дж. Тёрнером, который отмечал эластичность данной категории.¹ Такое положение позволяет рассматривать процесс колонизации с разнообразных, порой не характерных для традиционной историографии позиций. Значительное расширение поля применения данного концепта российскими исследователями способствовало тому, что сейчас выделяются типы/виды, этапы/стадии, признаки/характер и другие аспекты фронта в процессе колонизации азиатской части России.²

Жанисов Асет Темирханович — к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
E-mail: janissou@mail.ru

Раздыков Сакен Зейнулович — к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
E-mail: rasdikov@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. ИРН гранта — АР09562202

¹ См.: Хромых А. С. К вопросу о применении понятий «колониализация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 111.

² Более подробно см.: Иванова Л. М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 410. С. 72–76. Ведущие теоретико-методологические подходы российских исследователей к использованию данной категории при изучении процессов колонизации Сибири изложены в работах: Резун Д. Я.,

Что касается казахстанской исторической традиции освещения процесса колонизации Степного края, концепт «фронтир» не столь популярен, а отношение к нему в большей степени осторожное. Казахские исследователи не согласны с отдельными трактовками данной концепции, согласно которым фронтирные зоны формируются на относительно незаселенных землях. Особое акцентирование внимания некоторых авторов на столкновении в таких зонах двух неравнозначных по уровню развития культур, в котором аборигенным культурам отводится роль отстающего аутсайдера, также не способствует популяризации данного концепта среди казахстанских исследователей. Российские исследователи Р. Г. Буканова и А. А. Шарипов подчеркивают: «Реакция казахстанских исследователей понятна. На наш взгляд, необходимо в своих исследованиях больше опираться на исторические факты, рассматривая концепцию Тёрнера лишь как общий подход к изучению пограничных явлений. Тогда применяемая концепция, в рамках которой, впрочем, можно и нужно изучать процессы, происходящие за линией фронта, будет наиболее жизнеспособна и плодотворна».³

В настоящей статье мы используем данную категорию как достаточно удачный теоретико-методологический конструкт, позволяющий фокусировано рассмотреть процессы взаимодействия двух обществ, культур (без маркировки по признакам «передовая» и «отсталая») на конкретной географически определяемой территории. В нашем понимании иртышский фронтир — территория, на которой располагалась цепь российских военных укреплений, выдвинутая в Новое время в пограничные с казахами земли. Такое понимание фрон-

тира согласуется с определением, которое было предложено российским исследователем проблем присоединения и хозяйственно-го освоения Сибири Д. Я. Резуном, фронтир это — «создание цепи или отдельных быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов».⁴ Образованная в XVIII в. иртышская фронтирная зона привнесла изменения во все сферы жизнедеятельности казахов: хозяйство, социальную организацию, культуру. В нашем исследовании основным предметом рассмотрения является влияние Иртышской линии на хозяйственно-экономическую жизнь казахов, населявших прилегающие к фронтирной зоне территории.

Образование иртышской фронтирной зоны. Планомерное проникновение в казахские степи Российская империя стала предпринимать с начала XVIII в. К этому времени Россия стала одним из крупных игроков на геополитической арене, активно включившись в колониальный раздел Евразии. Одним из приоритетов в деле расширения территориальных владений империи было продвижение в восточном направлении.

Освоение Степного края началось с продвижения и закрепления вдоль речных долин. Если по западному рубежу проникновение осуществлялось по р. Урал, то восточная линия границы была проведена по р. Иртыш. Колонизация Прииртышья имела свои отличительные особенности. Русская колонизация вверх по течению Иртыша была инициирована «исключительно по военно-политическим видам и соображениям Правительства».⁵ К моменту появления первых укреплений Иртышской линии эти территории являлись зоной активного противостояния двух кочевых этносов — казахов и джунгаров. Казахи были вытеснены джунгарами с правобережья Иртыша. При этом, пребывая в перманентном состоянии противоборства в течение XVII — первой половины XVIII в., казахи и джунгары представляли собой довольно грозные военно-политические образования, что почти на сто лет стало сдерживающим фактором в расширении территориальных владений Российской империи в южном направлении. Вплоть до второго десятилетия XVIII в. крайним пунктом российских владений на Иртыше являлась Чернолуцкая

Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. URL: <http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html> (дата обращения: 06.06.2021); Побережников И. В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Урал. ист. вестн. 2018. № 4 (61). С. 72–80; Зубков К. И. Фронтир как исследовательская парадигма // Там же. С. 63–71; Буканова Р. Г., Тынчинских З. А., Муратова С. Р. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Там же. С. 89–95. Историография российских исследований «фронтирной» тематики на материалах Сибири достаточно подробно освещен в работе Л. М. Ивановой. См.: Иванова Л. М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 410. С. 72–76.

³ Буканова Р. Г., Шарипов А. А. Концепция фронта как познавательный инструмент в изучении истории российско-казахстанских отношений в XVIII–XIX вв. // Науч. ведом. БелГУ. Сер.: История. Политология. 2018. Т. 45, № 2. С. 328.

⁴ Резун Д. Я. Быть тут острогу и слободе // Родина. 2000. № 5. С. 76.

⁵ Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 5.

слобода, расположенная в 50 верстах ниже места впадения р. Омь в Иртыш.⁶ В это время контакты между первыми сибирскими колонистами и кочевниками к югу от указанной слободы ограничивались меновой торговлей и эпизодическими посольскими миссиями. Вверх по течению Иртыша проникали также вольнопромышленники для добычи соли из степных озер, но постоянных русских стационарных поселений в этих местах еще не было.

Инициированная первым сибирским губернатором М. П. Гагариным военно-разведывательная экспедиция 1715 г. под началом подполковника И. Д. Бухгольца стала первой попыткой продвижения и закрепления в Прииртышье официальной российской власти. В последующем за короткое время военные укрепления, укомплектованные служилыми казаками, протянулись до верховьев Иртыша. Уже к 1720 г. функционировали пять основных опорных пунктов: Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости, между которыми были построены промежуточные форпосты. К 1745 г. между Омской и Усть-Каменогорской крепостями насчитывалось уже более 20 различных военных укреплений.⁷ Иртышская военная линия стала своеобразной демаркационной линией, отгородившей «внутренние» области Российской империи от кочевников казахов.

Историк сибирского казачества XIX в. Ф. Усов отмечает: «Не достигнув главной цели — овладение золотыми россыпями Бухары, экспедиции эти имели, однако, большое значение: русская граница распространилась по Иртышу вглубь киргизской (казахской — А. Ж., С. Р.) степи до Усть-Каменогорска, а через это получилось оградить наши молодые колонии в Барабинской степи и южных частях Томской губернии, а также, возникнувшее вскоре, горнозаводское дело в Алтае; положено начало к упрочению нашего влияния в киргизской степи. Близкое соседство со Средней Азией облегчило наши последующие обширные завоевания и территориальные приобретения в этой стране».⁸ Иртышская линия имела характерные признаки фронтальности,

которые, по И. В. Побережникову, проявляются в заметной милитаризации и «в размещении здесь фортификационных сооружений, оборонительных линий, регулярных воинских частей, поселениях иррегулярных формирований».⁹

После образования иртышского фронта во взаимоотношениях между российской администрацией и казахскими родоплеменными группами наступил новый этап, насыщенный противоречивыми событиями, сыгравшими значительную роль в дальнейшей истории региона.

Ограничительные меры сибирской администрации и «перелазы» казахов-скотоводов на правобережье Иртыша. В истории казахов Среднего жуза вторая четверть XVIII в. характеризуется интенсивной внутренней миграцией. Эти процессы были вызваны освобождением земель от джунгаров. Происходит повторное заселение территорий современного Северо-Восточного и Восточного Казахстана различными казахскими родовыми группами. В этих условиях Иртышская военная линия обозначила предельные восточные рубежи продвижения казахов, преградив тем самым путь на столь желанные для кочевников-скотоводов луговые долины Кулунды и Барабы. В 1755 г. был увеличен численный состав местных воинских подразделений Иртышской линии, и в том же году казахам было запрещено переходить на правобережье Иртыша.¹⁰ Первые годы после введения запрета выдались чрезвычайно сложными для военных подразделений Иртышской линии, о чем свидетельствуют рапорты и приказы пограничных командиров: «Бригадиру Крафту. Киргиз-кайсаки во многом числе приближаются к Иртышской линии со скотом. Делают нападения на русских. Наступают и с турками и копыями и с зажженными фитилями. У Каряковского форпоста была ружейная стрельба с обеих сторон. 1755 — февраль».¹¹

Территории, прилегающие к Иртышу, входили в традиционный посезонный цикл кочевания казахов Среднего жуза и представляли важность для полноценного функционирования скотоводческих хозяйств. Поэтому стычки по периметру Иртышской линии были

⁶ См.: Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Составил есаул Н. Г. Путинцев. Омск, 1891. С. 2.

⁷ См.: Зюзов В. Г. Из истории сибирского казачьего линейного войска (на основе материалов отдела редких книг и рукописей Восточно-Казахстанского областного этнографического музея) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. Вып. 3. С. 18–22.

⁸ Усов Ф. Указ. соч. С. 9.

⁹ Побережников И. В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 13, № 4 (96). С. 196.

¹⁰ См.: Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 42, 43.

¹¹ ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 12.

Иртышская военная линия (1755 г.)

▲ крепость • форпост

//// места выпаса казаками лошадей на правом берегу Иртыша

вызваны хозяйственно-экономическим фактором, попытками казахов в определенные сезоны года (чаще всего в осенне-зимний период) занять приречные территории по левому берегу, а также выйти к степным просторам на правом берегу Иртыша. Как отмечал в своих воспоминаниях российский офицер XIX в. И. Ф. Бабков, «при проведении границы в среде кочевых племен весьма трудно соблюсти, чтобы эта граница вполне обеспечивая экономические интересы кочевников, в то же время, удовлетворяла бы в полной мере и видам государственным. Направление государственной границы зависит от политических соображений, и ввиду важности интересов государственных, приходится по необходимости жертвовать местными интересами».¹²

Специфика организации процесса хозяйственной деятельности у казахов Среднего жуза во многом исходила из потребностей коневодства. По сути, необходимость обеспечения лошадей обширными пастбищами и достаточными водными источниками и вызывала летние перекочевки казахов. Одной из особенностей выпаса лошадей было то, что они круглогодично содержались отдельно от других видов

скота. В качестве зимних стойбищ — кыстау, как правило, выбирались места, удобные для пастбы овец, требующих свободных от снега пастбищ, пусть даже со скудным травостоем. Лошадь же, напротив, нуждалась в пастбищах с густой высокой травой, а ее способность добывать подножный корм (тебеневка) позволяла табунам прокормиться и в местах с глубокими снежными отложениями. Просторы Кулундинской и Барабинской степей на восточном берегу Иртыша, сочетающиеся с лесными массивами Южной Сибири, были удобны для зимнего выпаса лошадей.

Как было отмечено еще разработчиками теории хозяйственно-культурных типов, они находятся в сложных балансовых корреляционных связях с природными комплексами,¹³ которые напрямую влияют на эффективное функционирование традиционной системы жизнеобеспечения. Поэтому ограничительные меры, вводимые пограничными властями, не могли сдержать поток скотоводов в этом направлении. В случаях, когда казахи самовольно переходили Иртыш, колониальной администрацией было дано распоряжение: «...пойманные в степи на здешней стороне

¹² Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. Разграничение с Западным Китаем в 1869 г. СПб., 1912. С. 334.

¹³ См.: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 9.

киргис-кайсаки, покуда табуны все за реку Иртыш перегнаны не будут,... то оных за такое их самовольство при их старшинах приказать высечь плетьюми, отдать старшинам с расписками с таким подтверждением, чтоб впредь такого перегону не чинили».¹⁴ Тем не менее «перелазы» казахов не прекращались. Перегоны табунов на правый берег нередко позволяли казахам избежать массового падежа лошадей, что подтверждают сведения военных Иртышской линии. Так, в журнальной записке русского офицера Г. Ребкова приводится объяснение казахского султана Султанбета о причинах перегона лошадей на правобережье Иртыша: «Солтанмамбет солтана, сын ево Урус солтан и прочие старшины на вопрос словесно объявили, значит под сим. На просьбу их о допуске и кочевке в близости Российских крепостей объявлено было, что они на здешнюю Российскую сторону табунов своих не перегоняли, и с российскими людьми ссор и драк так, как в прошлом году было, отнюдь не чинили. На что они объявили, что в прошедшую ни каким образом невозможно было им киргисцам, миновать, дабы на здешнюю сторону табунов своих не перегоняли, ибо у них в улусах на степи иней весьма глубокий были, и за тем лошади их корму доставать не могли, и весьма многое число от бескормицы и от стужи у них лошадей и скота попадало. И только те одни лошади спаслись от упадку, кой в внутреннюю Российскую сторону перегоняемы были, а ежели не такая в корму нужда была, то б они табунов своих на здешнюю и перегонять не стали бы».¹⁵

Казахи в исследуемый нами период еще не осознавали, что в степи наступили другие времена. Простому кочевнику-казаху было сложно понять, почему он не имеет права перегонять свой скот на столь необходимые ему пастбища. Вследствие этого они порой обращались за разрешением на перегон своих табунов на правобережье Иртыша к казахским правителям, единственным в их глазах легитимным представителям власти в степи. К примеру, в 1760 г. воинскими разъездами были пойманы казахи, имевшие при себе ярлыки с печатью хана Среднего жуза Аблая, разрешавшие им кочевать на восточной стороне реки: «...ваши кирги-кайсаки близ реки Иртыш, через оную реку Иртыш выше Ямышева и Семипалатной крепостей и во близости Шульбинского заво-

да на здешнюю российскую сторону воровски переезжают. И хотя нашими воинскими разъездными командами усматриваются и назад высылаются для промыслов на здешнюю российскую сторону им, киргисцам дозволение от вас, почтейнешего Аблай салтана, дано, а некоторые якобы имеют за печатью вашу ярлыки...»¹⁶ Как показали позже материалы, собранные российскими военными и исследователями, в казахском обычном праве не было никаких положений, запрещающих или осуждающих тайный переход через военную линию.¹⁷

Во второй половине XVIII в. вдоль Иртыша возникает так называемое десятиверстное пространство, ставшее в дальнейшем одним из источников обострения земельной проблемы в регионе. 31 декабря 1765 г. по крепостям была разослана специальная инструкция генерал-поручика Шпрингера, в которой требовалось не допускать казахов в десятиверстную полосу.¹⁸ Означенное пространство, состоящее из приречных лесов и заливных лугов, было желанно как для казахов (для организации зимних стойбищ), так и для служилых казаков (для сенокосения). Доступ к этим местам кочевники могли получить только с разрешения военно-пограничного начальства. Новые ограничения, вступившие в силу с образованием десятиверстной полосы, еще больше усугубили конфликтную ситуацию. К концу 1760-х гг. тайные переходы, нападения на военную линию, приводившие к большим кровопролитиям, участились. Безусловно, такое положение не могло устраивать обе стороны. Поэтому как со стороны сибирских властей, так и со стороны казахских владетелей предпринимались попытки урегулировать обострившиеся взаимоотношения. Казахские султаны и главы родовых групп вели переговоры, активную переписку с пограничными властями, чтобы получить разрешение на кочевание в Прииртышской зоне. В итоге царское правительство решило допустить казахов, принявших российское подданство, на восточную сторону Иртыша с условием уплаты ренты. На российскую сторону допускались конские табуны с табунщиками не далее 25–30 верст от Иртыша и не ближе 40 верст к крестьянским поселениям.¹⁹

¹⁶ Там же. Л. 86–87.

¹⁷ См.: Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998. С. 109.

¹⁸ См.: Крафт И. И. Указ. соч.

¹⁹ См.: Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 46.

¹⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 1770б.

¹⁵ Там же. Д. 83. Л. 1590б.–1600б.

Таким образом, несмотря на ограничительные меры, введенные сибирской администрацией, приток казахского населения на правобережье Иртыша не прекращался, а проблема урегулирования миграционного движения кочевников оставалась одной из наиболее острых в течение еще длительного времени.

Трансформация хозяйственного уклада казахов в зоне иртышского фронта. Процессы аккультурации. К началу 1770-х гг. часть казахов стала переходить во «внутренние» земли на постоянное пребывание. Первоначально там селились казахи, бежавшие от барымты или от наказания за какое-либо преступление. Отличительной чертой формировавшихся первых аулов было их объединение, не базирующееся на кровнородственных связях, как это было общепринято в степи. Позже на российскую сторону стали переходить и султаны с подвластными им родами. Одной из причин массового переселения казахов на российскую сторону было то, что после причисления их к верноподданым они получали определенные льготы. В частности, они, в отличие от казахов, вошедших в состав внешних округов, освобождались от выплаты ясака.²⁰ Со временем перешедшие на восточную сторону Иртыша казахские родовые группы стали переходить на полуоседлое скотоводство, которое подразумевает не только наличие постоянных зимовок, но и длительное пребывание на зимовках в течение всего года, сокращение радиуса кочевания. В первой четверти XIX в. казахское население было зафиксировано как постоянно проживающее в Курганском, Ишимском и Омском округах Тобольской губернии.²¹ Так, только на землях Омского округа в 1824 г. кочевали 408 юрт с общим числом проживающих в 1552 человека.²² Ограничения, введенные на передвижения со скотом на определенных территориях, привели к тому, что среди этих родовых групп возникало стремление обособить в свое пользование отдельные земли. Эти обособления относились в первую очередь к пастбищам для мелкого скота и зимовкам.²³ Одним из характерных признаков перехода от кочевого/полукочевого скотоводства к полу-

оседлому скотоводству становится сенокосение. Царские власти всячески содействовали распространению и укоренению среди казахов данного занятия: «Дабы-де их самих к кошению сен привлекать, а скота и лошадей их от трудного зимнего корму отвыкать и изнежить по несколько сена на оных вблизи их строения и границ живущих старшин здешними командами за настоящую зарплату поставлено было».²⁴ Во второй половине XVIII — начале XIX в. сенокосение еще не связывалось с оседлостью (заготовив сено на зимовки, скотоводы возвращались за ним только к началу зимы). К середине же XIX в. в связи с сокращением маршрутов кочевков, возрастанием производственного значения зимовок казахи-скотоводы стали строить хлева (землянки) для молодняка и мелкого скота в виде ям, обложенные земляным валом с настилом (крышей) из камыша, или крытые хлева из плетня и «плитового камня».²⁵ В прилинейных районах Прииртышья казахи заимствовали некоторые приемы стойлового содержания скота у русского населения. Можно отметить, что процессы аккультурации проявляются раньше и более заметны именно у приграничных казахов. Автор работы о казахах Среднего жуза С. Б. Броневский писал, что «волости, кочующие близ линии, научились у русских косить сено и лучше строить дворы для скота, чем много сберегают его зимой».²⁶

Интересное описание организации зимников приводит в одном из своих путевых очерков исследователь XIX в., генерал-лейтенант А. К. Гейнс. «Киргизское семейство жило пока в юртах, — пишет он, — разбитых близ самой зимовки, которая не была еще совершенно готова. Зимовка состоит из большой скирды сена, запаса кизяка и просторного загона для скота, сделанного из тростника и обложенного землей. Все это обнесено плотною изгородью из тростника. В середине оставлено место для юрты. Когда грянут холода, юрта будет перенесена сюда и снизу обсыпана снегом или землею».²⁷ Мы видим здесь несколько новых

²⁰ См.: Броневский С. Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. № 121. С. 181.

²¹ См.: ЦГА РК. Ф. 20300 из РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 29. Л. 8–8об.

²² См.: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 312. Л. 35–51.

²³ См.: Чермак Л. К. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. 1908. № 39–40. С. 5–11.

²⁴ Казахско-русские отношения в XV–XVIII вв.: сб. материалов и документов. Алма-Ата, 1961. С. 630.

²⁵ Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Зап. Зап.-Сиб. отдела РГО. Омск, 1894. Кн. 7, вып. 1. С. 1–18.

²⁶ Броневский С. Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 41–43. С. 360.

²⁷ Гейнс А. Г. Киргизские очерки // Военный сборник. 1866. Т. 1. С. 116.

явлений: переход к стойловому содержанию скота в течение зимы и развитие сенокосения. Специфика таких хозяйств во многом определялась благоприятными для стойлового или кошарного содержания скота естественными и хозяйственно-экономическими условиями — обилием пойменных сенокосов и, с другой стороны, близостью сибирских рынков, которые в это время предъявляли большой спрос на казахский скот.

Земледелие прививалось среди казахов плохо, но все же его факты уже стали фиксироваться. В определенной степени распространению земледелия среди казахов способствовало и русское крестьянство. Переселенцы-самовольцы, не имея на первых порах земельного участка, не могли самостоятельно осуществлять посевы. В поисках выхода из этого трудного положения они приходили в аулы, где договаривались с казахами о посеве исполу или из одной четверти при условии предоставления земли, лошадей и семян. Иногда такой издольщик вступал в соглашение не с одним, а с группой хозяйств и производил для них посев «из части». Эти крестьяне привносили в казахские аулы навыки земледельческого труда.²⁸

Повседневное общение с казахами имело в определенной степени воздействие и на уклад жизни русского населения, о чем свидетельствуют документы сибирской администрации и историческая литература того периода. Например, известный исследователь азиатской части Российской империи XIX в. Н. М. Ядринцев утверждал: «Заимствование инородной культуры, обычаев и языка русскими на востоке составляет несомненный факт».²⁹ Русские крестьяне осваивали опыт организации и ведения скотоводческого хозяйства казахов, например, содержание скота на подножном корму в зимних условиях, когда не хватало сараев и сена для стойлового содержания скота. Кроме того, крестьяне пользовались опытом казахов-скотоводов в выборе зимовки (места с небольшим снежным покровом и защищенные от бурнов). Влияние соседства казахов на культуру казаков Иртышской военной линии ярко описано исследователем нравов и обычаев сибирских народов Г. Н. Потаниным. Так, он пишет: «Как на левом, так и на правом берегу Иртыша, к линии примыкают киргизские кочевья,

так что здешние казаки окружены киргизами и находятся под их исключительным влиянием. Почти все население говорит киргизским языком, нередко предпочитая его, легкости ради, родному языку. Для многих это — колыбельный язык, потому что няньками и стряпками здесь бывают киргизки... Киргизские привычки простираются и на одежду и пищу казаков. Подобно кочевнику, иртышский казак любит носить широкие плисовые шаровары, халат из бухарской парчи или саранджи и лисью шапку, называемую по-киргизски борьк. Иртышский казак — страстный охотник до киргизских национальных блюд... Кроме этих внешних черт, иртышские казаки заимствуют от киргизов многие предрассудки, понятия и убеждения. Казак, как и киргиз, считает за стыд сесть на коня без нагайки, надеть холщевые шаровары и проч.»³⁰ Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что в регионе происходило активное культурное взаимодействие, которое находило отражение в повседневной жизни населения.

Таким образом, в зоне влияния иртышского фронта происходила трансформация основ жизнедеятельности казахов, сильнее всего просматривающаяся в хозяйственном укладе. Традиционное скотоводческое хозяйство казахов Прииртышья раньше и интенсивнее чем в центральной части казахской степи, стало приобретать новые формы. В одних районах региона сохранялись характерные черты полукочевого, в других наблюдались признаки полуседлого скотоводства. Ко второй половине XIX в. подобные процессы седентаризации затронули уже всю территорию казахов Степного края.

* * *

Изучение источников по рассматриваемому периоду позволяет утверждать, что появление иртышского фронта оказало существенное влияние на трансформацию хозяйственной деятельности казахов в XVIII–XIX вв. С момента образования Иртышской военной линии здесь отмечается активное взаимодействие между кочевниками и сибирской администрацией. Первоначально мы наблюдаем обострение конфликтов между казахами и пограничными властями. Такая ситуация сложилась из-за желания первых использовать в качестве пастбищ луговые долины Прииртышья и из-за

²⁸ См.: ЦХАФ АК РФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 74–119.

²⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 32.

³⁰ Потанин Г. Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 111, 112.

ограничительных мер на выпас скота на этих территориях, наложенных второй стороной. Источники этого периода изобилуют сведениями о многочисленных попытках казахов перейти со скотом на правобережье Иртыша. В итоге, руководствуясь в первую очередь хозяйственно-экономическими интересами, часть прилинейных казахов стала принимать

российское подданство, что позволило им селиться на землях к востоку от Иртыша. Со временем относительная ограниченность пастбищных территорий и процессы хозяйственно-культурного взаимодействия казахов с русским крестьянским, казачьим населением приводили к оседанию большей части казахов «внутренних» округов.

Asset T. Zhanisov

Candidate of Historical Sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan)
E-mail: janissov@mail.ru

Saken Z. Razdykov

Candidate of Historical Sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan)
E-mail: rasdikov@mail.ru

THE KAZAKHS IN THE ZONE OF THE IRTYSH FRONTIER:
TRANSFORMATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
OF KAZAKHS-CATTLE BREEDERS IN THE MODERN TIMES

The article examines the processes of transformation of the economic activity of the 18th–19th centuries Kazakhs, who were in the zone of influence of the Irtysh frontier. The ‘Irtysh frontier’ is understood as a territorial zone where in modern period a chain of Russian military fortifications was located in the lands bordering with the Kazakhs. The article provides the prerequisites for the formation and a brief history of the fortified military line on the Irtysh, which became a springboard for the spread of Russian influence in the Steppe Territory and Central Asia. It also reveals the reasons for conflict situations between Kazakhs-cattle breeders and border authorities. A particular attention is paid to the consequences of the colonial administration restrictions on the migration of Kazakh herders in the lands adjacent to the Irtysh line. The authors consider the facts of “climbs” of the Kazakhs on the right bank of the river, which in the first place was due to the needs of horse breeding farms of the Irtysh Kazakhs. The need for pastures located in the Kulundinsky and Barabinsky steppes became one of the main reasons for the transition to permanent residence on the right bank of the Irtysh of a part of the Kazakhs and their adoption of Russian citizenship. The features of the change in the economy of the Kazakhs, expressed in the transition to semi-sedentary cattle breeding in the development of haymaking and agriculture, are traced. The authors give examples of cultural interaction and mutual influence between the Kazakh and Russian ethnic groups.

Keywords: *frontier, Irtysh, Kazakhs, Russians, Cossacks, cattle breeders, military line, fortresses*

REFERENCES

- Andreev I. G. *Opisaniye Sredney ordy kirgiz-kaysakov* [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Gylym Publ., 1998. (in Russ.).
- Andrianov B. V., Chebokarov N. N. [Economic and cultural types and problems of their mapping]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1972, no. 2, pp. 3–16. (in Russ.).
- Bukanova R. G., Sharipov A. A. [Frontier conception as a cognitive tool in studying the history of Russian-Kazakhstan relations in the XVIII–XIX century]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political science], 2018, vol. 45, no. 2, pp. 326–332. DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-326-332 (in Russ.).
- Bukanova R. G., Tychinskikh Z. A., Muratova S. R. [Peculiarities of frontier in Ural and Western Siberia in 16th–18th centuries]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 89–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95 (in Russ.).
- Ivanova L. M. [The Siberian frontier: the study of the issue in the Russian historical science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 410, pp. 72–76. DOI: 10.17223/15617793/410/11 (in Russ.).

Khromykh A. S. [To the question of the application of the concepts of “colonization” and “frontier” in the study of the history of Siberia]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: Sb. materialov III region. molodezhnoy nauch. konf.* [Historical research in Siberia: problems and prospects: Collection of materials of the 3rd regional youth sci. conf.]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2009, pp. 108–113. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Asian Russia: frontier, modernization]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2011, vol. 13, no. 4 (96), pp. 191–203. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russ.).

Rezun D. Ya. [Let there be a stockaded town and a settlement here]. *Rodina* [Motherland], 2000, no. 5, pp. 76–78. (in Russ.).

Rezun D. Ya., Shilovsky M. V. *Sibir', konets XVI — nachalo XX veka: frontir v oblasti etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th — early 20th century: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2005. Available at: <http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html> (accessed: 06.06.2021). (in Russ.).

Zubkov K. I. [Frontier as a research paradigm]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71 (in Russ.).

Zyuz V. G. [From the history of the Siberian Cossack line troops (based on materials from the department of rare books and manuscripts of the East Kazakhstan Regional Ethnographic Museum)]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy III nauch.-prakt. konf.* [Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of the 3rd sci. and practical conf.]. Barnaul: izd-vo Barnaul'skogo peduniversiteta Publ., 1998, iss. 3, pp. 18–22. (in Russ.).

Для цитирования: Жанисов А. Т., Раздыков С. З. Казахи в зоне иртышского фронта: трансформация хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов в новое время // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 116–124. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-116-124.

For citation: Zhanissov A. T., Razdykov S. Z. The Kazakhs in the zone of the Irtysh frontier: transformation of economic activities of Kazakhs-cattle breeders in the modern times // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 116–124. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-116-124.

В. Н. Разгон

**АДАПТАЦИЯ «СТОЛЫПИНСКИХ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА АЛТАЕ
(ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 г.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-125-136

УДК 94(571.15)“19”

ББК 63.3(253.3)533-210.6

Посредством анализа базы данных, сформированной на основе информации из подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в статье раскрывается проблема использования переселенцами, прибывшими в период Столыпинских реформ в Алтайский округ из разных регионов европейской части страны, хозяйственного опыта, аккумулированного на прежнем месте жительства. Установлено, что предшествующий экономический опыт определял выбор переселенцами форм землепользования: общинной или подворно-наследственной. Наибольшие успехи в занятиях земледелием на Алтае демонстрировали переселенцы из Новороссии, имевшие опыт хозяйствования на более крупных участках земли. Наименьшие размеры посевов имели мигранты из промысловых губерний (Нечерноземье, Предуралье) и районов с животноводческой специализацией (Прибалтика). Выходцы из Новороссии — региона, лидировавшего в стране по ввозу сельхозорудий и машин, — превосходили мигрантов из других регионов по уровню оснащенности своих хозяйств усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем. Наибольшие показатели обеспеченности молочным скотом в расчете на одно хозяйство и уровня концентрации молочного скота в крупных хозяйствах были зафиксированы у переселенцев из прибалтийских и западных губерний — самых развитых районов товарного скотоводства в стране. Предшествующим хозяйственным опытом во многом определялись степень вовлеченности и содержание промысловых занятий переселенцев на Алтае.

Ключевые слова: *сельскохозяйственная перепись, база данных, экономический опыт, крестьянство, переселенцы, аграрные миграции, Столыпинские реформы, экономическое районирование, Алтайский округ, Сибирь*

Статус одного из ключевых вопросов в изучении переселенческого движения в современной историографии приобрела проблема адаптации переселенцев к новой природно-климатической и социокультурной среде обитания.¹ Важным аспектом данной проблемы является вопрос о том, каким образом в процессе адаптации переселенцами использовался хозяйственный и социальный опыт, приобретенный на прежнем месте жительства.

¹ См.: Шелегина О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX в. (к постановке проблемы). Новосибирск, 2005; Чуркин М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006; Ноздрин Г. А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX — начале XX века // Адаптационные механизмы и процессы в традиционных и трансформирующихся обществах. Новосибирск, 2007. Вып. 2. С. 20–38; Разгон В. Н. Стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Алтайском округе в период Столыпинских реформ // Былые годы. 2018. № 50 (4). С. 1774–1783.

В советской историографии основной акцент делался на изучении воспроизводства крестьянами-мигрантами в местах водворения общественных отношений, в которые они были втянуты на родине: социального расслоения и капиталистической эксплуатации.² В ряде исследований были также поставлены вопросы о влиянии переселений на трудовые традиции крестьян, развитие кустарных промыслов в сибирской деревне.³ В современной литературе обращается внимание на воздействие миграций на инновационные процессы, происходившие в сельскохозяйственном производстве,

² См.: Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции // Северная Азия. 1930. № 1/2. С. 56–75; № 3/4. С. 153–164; Соловьева Е. И. Характер переселенческих хозяйств Западной Сибири в период проведения Столыпинской реформы // Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1964. С. 217–231.

³ См.: Горьковская З. П. Влияние переселения на трудовые традиции крестьянства Сибири в эпоху капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 110–125; Бочанова Г. А. Влияние переселений на традиции в обрабатывающей промышленности в Сибири // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1982. С. 73–88.

Разгон Виктор Николаевич — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
E-mail: vrazgon@rambler.ru

перестройку традиционной культуры производства и экономического строя крестьянского хозяйства Сибирского региона.⁴

В настоящей статье для конкретизации представлений об использовании мигрантами приобретенного на родине опыта организации экономической деятельности в новой среде обитания рассматриваются особенности хозяйственной адаптации переселенцев, прибывавших в период столыпинских реформ на Алтай из разных регионов Европейской России. Для исследования хозяйственной адаптации автор анализирует сведения, содержащиеся в базе данных крестьянских хозяйств Алтайского округа, сформированной на основе подворных анкет сельскохозяйственной переписи 1917 г.⁵ Алтайский округ, издавна привлекавший переселявшихся в Сибирь крестьян своими благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями, являлся одним из важнейших регионов водворения переселенцев, направлявшихся в азиатскую часть Российской империи в период Столыпинской аграрной реформы. С 1907 по 1914 гг. сюда переселились около 735 тыс. чел.,⁶ что составило примерно треть от общего миграционного потока.

В целом используемая база данных включает сведения об 11,6 тыс. крестьянских домохозяйств, в том числе 4 072 старожильческих и 7 564 переселенческих, отобранных на основе случайной 5 %-й выборки из общего числа хозяйств, подворные анкеты которых сохранились в фонде Алтайской земской управы Государственного архива Алтайского края⁷ (сохранившиеся анкеты охватывают более 2/3 от общего числа учтенных в результате переписи 1917 г. крестьянских хозяйств региона). Хозяйства переселенцев столыпинского периода составили около четверти от общего числа попавших в выборку крестьянских хозяйств (2,7 из 11,6 тыс.), что примерно соответствует удельному весу столыпинских мигрантов в об-

щей численности населения региона. Распределение учтенных в базе данных хозяйств столыпинских переселенцев по регионам выхода отражает долю каждого из них в миграционном потоке: 1 112 хозяйств (41,0 %) крестьян-мигрантов, прибывших из Центрально-Черноземного района, 494 (18,2 %) — из губерний Малороссии, 476 (17,5 %) — из Новороссии, 230 (8,5 %) — из Поволжья, 152 (5,6 %) — из Приуралья, 93 (3,4 %) — из западных губерний, 41 (1,5 %) — из центральных нечерноземных губерний, 12 хозяйств (0,5 %) — из Прибалтики.

Для определения специфики адаптации к условиям хозяйствования в новой природно-климатической и социальной среде обитания выходцев из различных регионов европейской части страны автором использовался историко-сравнительный метод. Для определения соотношения различных видов землепользования, структуры и уровня технической оснащенности хозяйственных занятий, характера имущественного расслоения переселенцев применялись методы компьютеризованного статистического анализа.

В Сибири институт частной крестьянской собственности на землю не был введен, поэтому переселенцы, водворявшиеся в Алтайском округе, получали в наделы земельные участки на правах общинного либо подворно-наследственного пользования. Как следует из табл. 1, общинное пользование землей наибольшее распространение получило среди мигрантов, прибывших на Алтай из традиционных районов распространения общинного крестьянского землевладения — губерний Центра страны (как черноземных — 74,6 % от всей наделной земли, так и нечерноземных — 83,6 %), Приуралья (77,7 %), Поволжья (64,2 %), а подворно-наследственное — среди мигрантов, переселившихся из регионов с преобладанием подворного владения землей: Украины, Белоруссии, Прибалтики. Выходцами из регионов с подворно-наследственным владением землей была представлена и немногочисленная часть переселенцев, которые на основании принятого правительством 10 марта 1911 г. положения «Об отводе переселенцам отрубных и хуторских участков в частную собственность» зафиксировали выделенные им участки в «единоличное владение».

Вместе с тем следует отметить, что мигранты, прибывшие из основных районов распространения общинного землевладения —

⁴ См.: Белянин Д. Н. Столыпинская аграрная реформа в Сибири // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2012. № 1 (17). С. 14–18; Никулин П. Ф. К вопросу о модернизационно-экономических факторах развития сельскохозяйственного производства в Сибири в начале XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2015. № 1 (33). С. 10–14; Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул, 2013.

⁵ См.: Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.: база данных. Барнаул, 2009. № госрегистрации 2009620044.

⁶ См.: Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Указ. соч. С. 72.

⁷ ГААК. Ф. 233. Алтайская губернская земская управа.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 Г.

Виды земле- пользования	Регионы								Столыпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально- Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Общинное										
Дес., %	74,6	52,9	50,8	65,4	76,8	72,2	83,3	48,4	63,5	89,4
Хоз-в, %	77,2	59,8	59,9	71,1	82,7	77,6	77,8	57,1	69,6	91,8
Подворно-наследственное										
Дес., %	25,4	45,6	48,9	34,6	22,2	27,8	16,7	51,6	36,1	10,6
Хоз-в, %	22,8	38,8	39,6	28,9	17,3	22,4	22,2	42,9	30,0	8,2
В том числе:										
<i>Отрубное</i>										
Дес., %	77,7	93,2	91,7	95,2	62,7	87,9	19,7	79,9	87,3	82,1
Хоз-в, %	80,4	89,3	91,6	95,3	69,2	76,4	50,0	66,7	86,3	82,6
<i>Хуторское</i>										
Дес., %	1,5	1,3	0	0	10,3	1,2	0	20,1	1,0	2,3
Хоз-в, %	1,1	1,2	0	0	7,7	11,8	0	33,3	1,3	1,6
<i>Чересполосное</i>										
Дес., %	20,8	5,5	8,3	4,8	27,0	10,9	80,3	0	11,7	15,6
Хоз-в, %	18,5	9,5	8,4	4,7	23,1	11,8	50,0	0	12,4	15,8
Единоличное										
Дес., %	0,0	1,5	0,3	0,0	0	0	0	0	0,4	0
Хоз-в, %	0,0	1,4	0,5	0,0	0	0	0	0	0,4	0

центральных, поволжских и приуральских губерний, после переселения увеличили долю подворно-наследственного пользования землей: если на их родине накануне Столыпинской реформы она не превышала 3%,⁸ то в Сибири возросла до 17–25% (у переселенцев из центральных губерний), 22% (у выходцев из приуральских губерний) и 35% (у мигрантов из Поволжья) (см. табл. 1). Отчасти в этом нашел отражение опыт выхода из общины и укрепления земли в личную собственность (для последующей продажи), полученный крестьянами-мигрантами на прежнем месте жительства в процессе подготовки к переселению. Распространению подворного землепользования в переселенческих поселках Сибири способствовало применение установленного ГУЗиЗ принципа первоочередного землеустройства ходаческих партий, соглашавшихся на установление на выделяемом им

переселенческом участке порядка подворного землепользования, а также приоритетная выдача ссуд переселенческим обществам, принимавшим решение о внутринадельном размежевании.⁹ Имело значение и стремление части переселенцев получить свои наделы в подворно-наследственное пользование из опасения их сокращения при последующем притоке новых мигрантов. Для зажиточных крестьян предпочтительность подворно-наследственного пользования землей определялась их хозяйственными интересами, которые обеспечивались гарантией сохранения трудовых и финансовых затрат на повышение качества используемой земли и введение улучшенных способов ее обработки. О том, что стремление к подворному пользованию чаще проявлялось

⁸ См.: Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1973. С. 106.

⁹ См.: Минжуренко А. В. Внутринадельное размежевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. — 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 44, 45.

у представителей зажиточной части переселенцев, свидетельствует то обстоятельство, что средний земельный надел у переселенцев-общинников в Алтайском округе составил 27,3 дес. на одно хозяйство, а у мигрантов, закрепивших земли в подворно-наследственное пользование, 36,0 дес., то есть на 32 % больше.

Перенос на новое место жительства экономического опыта, связанного с выбором форм землепользования, проявился и в том, что вселение на отрубные и хуторские участки и разверстание наделных земель на хутора и отруба в рамках внутринаделного размежевания, проводившегося в Сибири в период реализации Столыпинской реформы, наиболее широкое распространение получили у переселенцев из губерний с подворным землевладением: доля отрубных и хуторских участков в земельных наделах, полученных в подворно-наследственное пользование выходцами из западных губерний, составляла 89,1 %, Украины — 94,5 %, Прибалтики — 100 %, тогда как у переселенцев из общинных губерний соответствующий показатель составлял лишь от 19,7 % (губернии Нечерноземья) до 79,2 % (Центрально-Черноземный район). И наоборот, чересполосное использование закрепленных в подворное распоряжение земельных наделов в наибольших размерах было зафиксировано у выходцев их районов с господствующим общинным землевладением.

Анализ данных табл. 1 также показал, что переселенцы из регионов с преобладающим подворно-наследственным землепользованием крестьян (Украина, Белоруссия, Прибалтика), вопреки прежнему опыту, в Сибири расширили практику общинного пользования землей: если в Украине и Белоруссии доля подворного пользования доходила до 3/4 от общего землепользования крестьян,¹⁰ а в Прибалтике общинного землевладения не было вообще, то в Сибири выходцы из этих регионов около половины предоставленных им в наделы земель использовали на общинном праве. Причислившиеся в старожильческие селения переселенцы подчинялись сложившимся в них общинным порядкам землепользования, а многих мигрантов, водворявшихся на переселенческих участках (в особенности из числа «позднеприбывших»), не удовлетворяло качество земельных угодий, отводимых им в наделное пользование, поэтому они надеялись

на их улучшение в случае нового передела. Неслучайно из обследованных в 1912 г. 447 переселенческих общин 208 (47 %) провели общине, а 40 (9 %) — частичные переделы земли.¹¹ Возможности укрепления переселенцами земельных наделов в индивидуальное (отрубное и хуторское) пользование на основе внутринаделного размежевания ограничивались нехваткой землемеров и недостатком кредитных денежных ресурсов, выделяемых государством на его проведение.¹² Община использовалась переселенцами и в качестве организационной формы объединения трудовых усилий и денежных ресурсов для строительства объектов социально-бытовой инфраструктуры в местах водворения.

Как следует из данных табл. 2, средний посев на одно хозяйство у столыпинских переселенцев (7,8 дес.) в 1,3 раза превосходил соответствующий показатель старожильческих хозяйств (5,9 дес.). Отчасти это объясняется отводом им земель, менее плодородных по сравнению с занятыми старожилами на правах первозаселенцев: почти треть мигрантов, прибывших на Алтай в период Столыпинских реформ, была расселена в Кулундинской степи, ранее считавшейся правительственными экспертами непригодной для ведения земледелия из-за засушливости климата. Вместе с тем это может рассматриваться и как одно из проявлений хозяйственной стратегии переселенцев, ориентированной на первоочередное вложение материальных средств и трудовых усилий в земледелие как отрасль, обеспечивавшую быстрый оборот капиталовложений. Расширение посевов во многом обеспечивалось за счет более интенсивной эксплуатации переселенцами отведенных им в наделы пахотных угодий: в 1917 г. ими засевалось 53,9 % всей имевшейся в их распоряжении пахотной земли, тогда как старожилами — только 45,2 %, а остальная часть оставлялась под залежь и пар. Максимальное вовлечение в хозяйственный оборот пахотных земель призвано было обеспечить переселенцам возможность зарабатывания в короткий срок средств, необходимых для обеспечения семьи и дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства.¹³

¹¹ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 235.

¹² См.: Белянин Д. Н. Итоги внутринаделного размежевания в Западной Сибири в начале XX в. // Известия АлтГУ. 2010. № 4-1 (68). С. 41, 42.

¹³ Подробнее об этом см.: Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Указ. соч. С. 242–246.

¹⁰ См.: Дубровский С. М. Указ. соч. С. 106.

Таблица 2

РАЗМЕР ПОСЕВОВ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ — ВЫХОДЦЕВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 Г.

Показатели	Регионы выхода								Столыпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально-Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Посев, в среднем на 1 хоз-во, дес.	6,7	8,0	13,2	7,9	5,4	6,6	5,3	2,6	7,8	5,9
Хоз-в без посева, %	10,1	9,7	6,5	17,0	19,7	12,8	19,5	41,7	11,7	12,4
Хоз-в с посевом:										
до 4 дес.	32,6	24,7	17,4	22,2	55,3	29,8	34,2	30,8	31,0	36,7
от 4 до 12 дес.	40,9	44,7	33,8	40,9	24,3	40,4	39,0	15,4	37,3	38,3
от 12 до 25 дес.	14,1	17,2	28,2	16,1	2,0	12,8	4,9	7,7	15,4	10,9
более 25 дес.	2,3	3,9	14,1	4,4	0	2,1	2,4	0	4,6	1,7
Доля посева в пахотных землях, %	47,0	50,3	67,3	53,1	57,1	42,5	52,9	69,0	53,9	45,2
Доля залежи и пара, %	53,0	49,7	32,7	46,9	42,9	57,5	47,1	31,0	46,1	54,8

Как показывает анализ результатов переписи, размер посевов и уровень технической оснащенности сельскохозяйственных занятий крестьян-мигрантов, водворявшихся на землях Алтайского округа, во многом определялись предшествующим переселению хозяйственным опытом. Так, наибольший размер посевов при проведении переписи был зафиксирован у переселенцев из губерний Новороссии, имевших на прежнем месте жительства опыт хозяйствования на сравнительно более крупных, чем у крестьян из других регионов выхода, земельных участках:¹⁴ в среднем они засевали на Алтае по 13,3 дес. на одно хозяйство (а переселившиеся из Таврической, Херсонской губерний и Кубанской области даже больше: соответственно 16,3 дес., 17,6 дес. и 19,9 дес.), что в 1,7 раза выше среднего показателя для столыпинских переселенцев (7,8 дес.) (см. табл. 2). Самым большим у мигрантов данной региональной группы был и показатель доли засеваемой земли в пахотных угодьях: 67,3 % против 53,9 % в среднем по всем хозяйствам столыпинских переселенцев. Среди переселенцев из Новороссии была самой низкой, в сравнении

с другими региональными группами мигрантов, доля беспосевных хозяйств — 6,5 % и, наоборот, самой высокой — доля хозяйств высших посевных групп: дворы с посевами от 12 до 25 дес. составляли 28,2 % от общего числа, более 25 дес. — 14,1 %, при средних значениях этих показателей в целом по столыпинским переселенцам в 15,4 % и 4,6 %.

Особенно значительными размерами посевов отличались хозяйства переселившихся из Новороссии на Алтай немецких колонистов: средний размер занятых под посевами земельных участков в хозяйствах мигрантов этой национальной группы (18,7 дес.) был в 2,4 раза больше среднего для столыпинских переселенцев показателя и в 1,4 раза выше аналогичного показателя по региональной группе. Зафиксированный в табл. 2 высокий размер посева у переселенцев с Поволжья (9,5 дес. на 1 хозяйство) также во многом определяется повышенными показателями переселившихся из этого региона немецких колонистов (16,1 дес. на 1 хозяйство).

Наименьшая площадь засеваемой земли в расчете на одно хозяйство была зафиксирована у переселенцев из губерний Прибалтики, Нечерноземья и Приуралья: соответственно 2,6, 5,3 и 5,4 дес., что в 3 и 1,5 раза меньше среднего показателя. У переселенцев из этих регионов была самой высокой доля хозяйств без

¹⁴ Так, в Херсонской и Таврической губерниях в пользовании у крестьян находилось в 2 раза больше пахотной земли (в расчете на душу мужского пола с учетом арендованных земель), чем в губерниях Малороссии и Черноземного центра страны (Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009. Прил. 8).

Таблица 3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ХОЗЯЙСТВАХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРУПП
СЕЛЬХОЗИНВЕНТАРЯ И МАШИН В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 Г.

Показатели	Регионы								Столыпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально- Черноземный	Малороссии	Новороссии	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Хоз-в с усовершенствованным инвентарем и сельхоз машинами, % от общего числа	27,4	34,8	54,8	31,3	11,8	32,9	19,5	7,7	32,7	37,0
Усовершенствованных орудий и сельхозмашин на 1 хоз-во	0,60	0,66	1,44	0,78	0,22	0,68	0,54	0,08	0,75	0,88
Усовершенствованных орудий и сельхозмашин на 10 дес. посева	0,91	0,82	1,09	0,98	0,40	1,05	1,01	0,33	0,96	1,49
Хоз-в с пропашным инвентарем, в % от общего числа	60,3	66,2	72,5	56,5	36,2	60,6	31,7	53,8	60,6	61,4
Пахотных орудий на 1 хоз-во	0,69	0,78	1,17	0,73	0,38	0,72	0,37	0,54	0,77	0,68
Пахотных орудий на 1 работника	0,89	0,97	1,35	1,03	0,64	0,92	0,52	1,0	0,99	0,95
Пахотных орудий на 10 дес. посева	1,04	0,98	0,89	0,92	0,70	1,10	0,69	2,27	0,98	1,15
Хоз-в с сохами, %	1,44	0,20	0,21	0,43	4,61	0	0	0	0,96	9,1
Сох на 10 дес. посева	0,02	0,003	0,002	0,005	0,09	0	0	0	0,01	0,16
Хоз-в, использовавших многолемешные плуги, %	6,3	5,9	12,0	10,4	0,7	2,1	0	0	6,8	3,8
Многолемешных плугов на 10 дес. посева	0,09	0,08	0,10	0,14	0,02	0,03	0	0	0,09	0,07
Хоз-в, использовавших буккеры с сеялками, %	1,9	3,6	25,8	3,9	0	3,2	2,4	0	6,5	0,7
Буккеров с сеялками на 10 дес. посева	0,03	0,05	0,21	0,05	0	0,05	0,05	0	0,09	0,001
Хоз-в с сеялками, %	0,45	1,01	5,25	1,30	0	0	2,44	0	1,5	0,37
Сеялок на 10 дес. посева	0,01	0,01	0,04	0,02	0	0	0,05	0	0,02	0,007
Хоз-в с жатками, %	16,5	27,9	44,1	20,9	4,6	19,1	9,8	0	22,8	22,4
Жаток на 10 дес. посева	0,24	0,32	0,34	0,29	0,09	0,28	0,18	0	0,29	0,40
Хоз-в с молотилками, %	6,3	3,8	7,1	5,2	2,0	10,6	7,3	0	5,7	7,0
Молотилок на 10 дес. посева	0,09	0,04	0,05	0,06	0,03	0,14	0,14	0	0,07	0,11
Хоз-в с веялками, %	14,9	15,4	31,7	17,0	7,2	22,3	14,6	0	17,8	23,0
Веялок на 10 дес. посева	0,22	0,18	0,25	0,22	0,13	0,32	0,28	0	0,23	0,38

посевов и малопосевных (с размером посева до 4 дес.): соответственно 72,5 %, 53,7 % и 75 % (при среднем значении для хозяйств столыпинских мигрантов в 42,7 %) (см. табл. 2). Если слабая вовлеченность в земледелие выходцев из Прибал-

тики объясняется их обусловленной прежним хозяйственным опытом специализацией на занятиях животноводством (обеспеченность хозяйств этой группы переселенцев крупным рогатым скотом в 1,5 раза превосходила средний

Таблица 4

СКОТОВОДСТВО В ХОЗЯЙСТВАХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 Г.

Показатели	Регионы выхода								Столыпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально- Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западные	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Хоз-в с КРС, % от общего числа	88,0	87,2	90,1	86,5	80,3	91,4	87,8	83,3	87,5	92,4
Голов КРС на 1 хоз-во	3,8	3,8	4,7	4,2	3,0	4,4	3,8	6,1	4,0	6,1
Хоз-в с коровами, % от общего числа	85,7	83,6	89,3	84,8	79,6	91,4	87,8	83,3	85,2	90,6
Коров на 1 хоз-во	2,0	1,8	2,3	2,1	1,6	2,5	2,1	3,0	2,0	3,1
Группировка хоз-в по количеству коров:										
Бескоровные, % от общего числа хоз-в	14,3	16,4	10,7	15,2	20,4	9,6	12,2	23,1	14,8	9,4
Хоз-ва с 1 коровой:										
% от общ. числа хоз-в	36,2	32,0	28,8	31,8	42,1	24,5	34,1	30,7	33,2	23,5
в них содержится коров, %	18,4	18,0	12,6	15,4	26,9	9,8	16,1	11,1	16,7	7,5
Хоз-в с 2-3 коровами:										
% от общ. числа хоз-в	34,9	40,1	42,4	40,0	26,3	40,4	39,0	23,1	37,4	35,1
в них содержится коров, %	41,9	52,1	43,3	47,6	39,1	37,2	41,4	22,2	44,1	27,0
Хоз-в с 4-5 коровами:										
% от общ. числа хоз-в	9,8	9,1	11,8	9,1	9,2	19,1	4,9	7,7	10,0	16,6
в них содержится коров, %	21,5	21,6	22,1	19,8	25,2	31,2	10,3	13,9	21,7	23,2
Хоз-в с 6 и более коровами:										
% от общ. числа хоз-в	4,8	2,4	6,3	3,9	2,0	6,4	9,8	15,4	4,6	15,5
в них содержится коров, %	18,7	8,3	22,0	17,2	8,8	21,8	32,2	52,8	17,5	42,3

показатель для столыпинских переселенцев) (табл. 4), то у переселенцев из нечерноземных и приуральских губерний — сложившейся еще на родине практикой заработка за счет занятия кустарными промыслами.

Как показывает анализ полученных при проведении переписи сведений, характеризующих техническую оснащенность земледельческого производства в Алтайском округе, переселенцы столыпинского периода, находившиеся в большинстве своем на начальной стадии вживания в новую среду обитания, в целом уступали старожилам по оснащенности своих хозяйств усовершенствованными орудиями и сельхозмашинами: в расчете на одно хозяйство в 1,2, на 10 дес. посева — в 1,6 раза (табл. 3). Вместе с тем крестьяне-мигранты, сталкивавшиеся с проблемой освоения целинных и залежных земель, превосходили ста-

рожилов по количеству орудий для вспашки земли на одно хозяйство и одного работника, занятого в посевных работах (табл. 3). И хотя формально хозяйства мигрантов имели более низкий, чем старожильские, средний показатель фондовооруженности этого вида земледельческих работ, выражающийся в количестве пропашных орудий на единицу посева (0,97 против 1,15 на 10 дес. посева), в использовании переселенцами столыпинского периода пропашном инвентаре практически отсутствовали наиболее примитивные орудия вспашки — сохи: если у старожилов их доля составляла 13,7%, то у переселенцев — только 1,2% от общего числа имевшихся у них орудий для вспашки почвы. Сколько-нибудь заметную роль сохи играли в обработке полей лишь у переселенцев — выходцев из регионов, в которых они имели более широкое распростране-

ние¹⁵ — приуральских и центрально-черноземных губерний (табл. 3).

Необходимость подъема большого массива целинных земель обусловила концентрацию в хозяйствах переселенцев столыпинского периода до 50 % всех учтенных в Алтайском округе в ходе переписи наиболее производительных орудий для вспашки земли — буккеров с сеялками (при том что удельный вес хозяйств столыпинских мигрантов среди общего числа домохозяйств, учтенных в базе данных, не превышал 25 %). Доля дворов, имевших данный вид орудий для вспашки земли, у столыпинских мигрантов составляла 6,5 % (а среди хозяйств с пропашным инвентарем — 10,8 %), а у старожилов — 0,7 (1,2) %. При проведении земельных работ переселенцы более широко, чем старожилов, использовали и такой вид усовершенствованных орудий для вспашки почвы как многолемешные плуги (см. табл. 3).

Наибольший уровень оснащенности земельных хозяйств усовершенствованным пропашным инвентарем демонстрировали выходцы из Новороссии, превосходившие другие региональные группы переселенцев по размерам посевных площадей: 25 % их хозяйств обрабатывали землю с помощью буккеров, а 12 % хозяйств использовали многолемешные плуги (при соответствующих средних показателях по столыпинским переселенцам в 6,5 % и 6,8 %), поскольку практика использования усовершенствованного пропашного инвентаря и сеялок у мигрантов из Новороссийского района сложилась еще на родине. По данным переписи 1910 г., губернии Новороссии являлись наиболее обеспеченными железными орудиями для вспашки почвы с явным преобладанием железных плугов над сохами; в Екатеринославской и Херсонской губерниях, Донской и Кубанской областях была сконцентрирована почти половина всех сеялок, использовавшихся в сельском хозяйстве страны.¹⁶ Согласно статистике железнодорожных перевозок сельскохозяйственных машин и орудий за 1900–1913 гг., введенной в научный оборот М. А. Давыдовым, Новороссийский район лидировал в масштабах страны по поставкам сельхозмашин и орудий: в разные годы на него приходилось в весовом выражении от 18,4 до 28,3 % от

общего объема машин и орудий, полученных всеми регионами страны.¹⁷

Как следует из данных табл. 3, выходцы из еще одного региона со значительным распространением усовершенствованных орудий для обработки почвы¹⁸ — Поволжья — для распашки полей в Алтайском округе больше использовали многолемешных плугов, чем буккеров: по количеству буккеров на 10 дес. посева они в 4,2 раза уступали переселенцам из Новороссии, но по применению многолемешных плугов в 1,4 раза превосходили их.

Выходцы из новороссийских губерний, составлявшие самую экономически развитую региональную группу переселенцев из водворившихся на Алтае в столыпинский период, превосходили мигрантов из других регионов и по показателям, характеризующим использование усовершенствованного инвентаря, применявшегося при уборке урожая (лишь по количеству молотилок и веялок на единицу посева они несколько уступали выходцам из нечерноземных и западных губерний, у которых средний размер посева был соответственно в 2 и 2,5 раза меньше). Данная региональная группа переселенцев превосходила старожилов по показателям, характеризующим уровень оснащенности пахотных и посевных работ усовершенствованным инвентарем, но имела более низкие показатели фондовооруженности работ, проводившихся на заключительной стадии земледельческого цикла — уборке урожая (количество жаток, молотилок, веялок на 10 дес. посева). Это свидетельствует о том, что даже переселенцам из региона с самым высоким в стране уровнем применения усовершенствованных сельхозорудий и машин не удалось к 1917 г. достичь равного со старожилами Алтая уровня технической оснащенности всех стадий земледельческих работ.

Зафиксированные при проведении переписи средние показатели обеспеченности столыпинских переселенцев молочным скотом и в целом КРС оказались в 1,5 раза ниже, чем у старожилов (табл. 4). Для сибирских старожилов скотоводство традиционно являлось приоритетным занятием в силу его более высокой прибыльности по сравнению с земледелием, развитие которого в течение длительного времени сдерживалось действием Челябинского тарифного перелома (1896–1913), увеличившего стоимость

¹⁵ См.: Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 527–529.

¹⁶ См.: Он же. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. СПб., 2016. С. 512, 513.

¹⁷ См.: Там же. С. 516.

¹⁸ См.: Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 528.

вывоза хлеба из Сибири. Доходность занятий животноводством для старожилов обеспечивалась сосредоточением в их пользовании наиболее богатых сенокосных и пастбищных угодий, а в начале XX в. после ввода в действие Транссибирской магистрали молочное животноводство в регионе получило новый импульс к развитию, вызванный повышением спроса на сибирское масло на мировых рынках.

Самые высокие показатели, характеризующие включение переселенцев в наиболее товарную и развитую в Сибирском регионе отрасль животноводства — скотоводство, были зафиксированы при проведении переписи у переселенцев из Прибалтики, западных губерний и Новороссии. У выходцев из западных губерний оказалась наименьшей доля хозяйств без крупного рогатого скота, коров и с одной коровой, а у переселенцев из Прибалтики — одного из самых развитых районов товарного скотоводства в стране¹⁹ — самые высокие из всех региональных групп мигрантов показатели обеспеченности крупным рогатым скотом и коровами в расчете на одно хозяйство. Выше среднего значения данные показатели были и в хозяйствах переселенцев из Новороссии, что определялось отмечавшимся ранее более высоким уровнем их общей зажиточности.

Самым высоким уровнем концентрации производства молока в крупных скотоводческих хозяйствах выделялись переселенцы из Прибалтики: в хозяйствах с числом коров 6 и более было сосредоточено до половины (52,8 %) имевшегося у них поголовья молочного скота, что было почти в три раза выше соответствующего среднего показателя для столыпинских переселенцев (17,5 %). В хозяйствах с 4 и более коровами у мигрантов, прибывших из новороссийских губерний, содержалось 44,1 % всего молочного стада, из западных губерний — 53 %, из прибалтийских — 66,7 %, при среднем показателе по хозяйствам столыпинских переселенцев в 39,2 % (табл. 4).

Связь районов выхода и вселения выражалась в использовании принесенных переселенцами производственного опыта и трудовых традиций не только в земледелии и скотоводстве, но и в промыслах. В ходе проведения переписи наибольший уровень вовлеченности в промысловые занятия был зафиксирован у переселенцев из приуральских и нечернозем-

ных центральных губерний, в которых кустарные промыслы традиционно имели широкое распространение. Выше среднего уровня показатель занятости в промыслах оказался и у выходцев из поволжской деревни, а ниже — у мигрантов из менее промысловых западных губерний, Украины и Прибалтики (табл. 5).

В переселенческом потоке, направлявшемся в Алтайский округ из центральных нечерноземных губерний, были представлены в основном промысловики-специалисты по обработке животного сырья (кожевники, сапожники, овчинники, шерстобиты, пимокаты, шубники, шорники); а среди переселенцев из лесистых западных и приуральских губерний — специалисты по обработке древесного сырья (плотники, столяры, бондари, колесники, смолокуры и др.). Аналогичную связь между распространением в Сибири разных видов промыслов и региональной принадлежностью переселенцев отмечали и исследователи развития промыслов в Сибири во второй половине XIX в.²⁰

Среди промысловиков — выходцев из центрально-черноземных губерний, Украины и Новороссии — основных земледельческих регионов Европейской России — до трети от общего числа занятых в обрабатывающих промыслах составляли работники профессий, связанных с обслуживанием сельскохозяйственного производства (кузнец) и переработкой сельхозпродукции (маслодел, мельник, сыровар, хлебопек). В составе переселенцев из этих регионов наиболее высокой была доля промысловиков, имевших заработок за счет найма на сельскохозяйственные работы в хозяйствах старожилов и более обеспеченных мигрантов. Среди занимавшихся промыслом переселенцев из нечерноземных центральных губерний — традиционного центра текстильного производства — были распространены профессии, связанные с изготовлением одежды (портной, швея).

Как следует из данных табл. 5, практически все региональные группы переселенцев демонстрировали гораздо более низкий, чем старожилы, уровень вовлеченности в традиционные для Сибирского региона добывающие промыслы (охоту, пчеловодство, рыболовство, сбор дикоросов), что отражает незавершенность процесса адаптации их к новой природно-географической среде обитания.

¹⁹ См.: Островский А. В. Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2014. С. 179–181.

²⁰ См.: Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 84.

Таблица 5

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОМЫСЛОВЫХ ЗАНЯТИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ

Показатели	Регионы								Стольпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально-Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Доля хозяйств с промыслами, %	19,2	16,4	17,9	22,2	29,6	16,0	29,3	8,3	19,4	14,5
Доля промысловиков среди трудоспособного населения обоих полов, %	6,1	6,1	6,1	8,1	11,2	5,4	11,5	4,2	6,6	4,9
Доля занятых в с.-х. найме (от общего числа лиц с промысловыми занятиями), %	37,8	51,5	42,5	21,7	23,7	44,4	6,3	0	36,1	14,5
Доля занятых в обрабатывающих промыслах и торговле, %	40,8	32,7	40,6	55,1	57,6	27,8	68,8	100,0	44,1	31,4
Распределение занятых в различных видах обрабатывающих промыслов, %:										
деревообработка	29,6	27,6	30,6	41,7	53,1	60,0	18,2	0	33,5	41,6
обработка животного сырья	24,5	20,7	22,2	13,9	21,9	20,0	45,4	0	22,5	14,9
обслуживание земледелия и переработка с.-х. продукции	31,6	34,5	38,9	16,7	9,4	0	9,1	100	27,8	30,2
швейное дело	9,2	13,8	5,6	16,6	6,3	0	27,3	0	11,3	8,4
другие	5,1	3,4	2,7	11,1	9,3	20,0	0	0	4,9	4,9
Доля промысловиков, занятых в добывающих промыслах, %	1,1	0	0	1,5	0	0	0	0	0,6	21,3

Таким образом, рассмотрение хозяйственной деятельности переселенцев из различных регионов Европейской России, водворившихся на Алтае в период Стольпинских реформ, показывает, что ее содержание и масштабы во многом определялись предшествующим переселению хозяйственным опытом. Им определялся, в частности, выбор форм землепользования: закрепление выделяемых на Алтае земель в общинное пользование наибольшее распространение получило среди крестьян-мигрантов, прибывших из традиционных районов общинного крестьянского землевладения, а в подворное — из районов с преобладающим подворно-наследственным землевладением.

Самые высокие показатели среднего размера посева и концентрации производства зерновых в крупных хозяйствах при проведении сельскохозяйственной переписи были зафиксированы у выходцев из губерний Новороссии (в особенности у немецких колонистов),

имевших на прежнем месте жительства опыт организации земледелия на более крупных, чем в других земледельческих центрах европейской части страны, земельных участках, а наименьший размер посевов — у переселенцев из промысловых губерний Нечерноземья и Приуралья и специализирующихся на занятиях животноводством мигрантов из прибалтийских губерний. Переселенцы из Новороссии — края, лидировавшего среди регионов страны по ввозу сельскохозяйственного инвентаря и машин, — демонстрировали и на Алтае самый высокий уровень технической оснащенности своих земледельческих хозяйств из всех региональных групп мигрантов.

У переселенцев из прибалтийских и западных губерний — наиболее развитых районов товарного скотоводства в стране — при проведении переписи были зафиксированы наибольшие из всех региональных групп мигрантов показатели вовлеченности в самую товарную в Сибири отрасль животноводства — молочное

скотоводство — и наивысшая концентрация молочного скота в крупных хозяйствах.

Предшествующим хозяйственным опытом во многом определялись масштабы и содержание промысловых занятий переселенцев в Алтайском округе: крестьяне-мигранты, прибывавшие из регионов с широким развитием

кустарных промыслов, имели более высокие показатели, характеризующие включенность в промысловые занятия на новых местах жительства, распространенность тех или иных видов кустарных промыслов обуславливалась промысловой специализацией районов выхода переселенцев.

Viktor N. Razgon

Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: vrazgon@rambler.ru

ADAPTATION OF THE STOLYPIN REFORMS SETTLERS IN THE ALTAI OKRUG
(ON THE MATERIALS OF THE 1917 ALL-RUSSIAN AGRICULTURAL CENSUS)

Based on the analysis of the database compiled of information extracted from the household questionnaires of the 1917 All-Russian agricultural census, the article addresses the problem of the use of economic experience accumulated in the former places of residence by migrants who arrived in the Altai okrug during the implementation of the Stolypin reforms from different regions of the European part of the country. It is established that previous economic experience determined the choice of land use forms by immigrants (communal or farmstead-hereditary). The greatest success in farming in the Altai region was demonstrated by migrants from Novorossiya, who had experience in cultivating relatively larger plots of land than in other areas of European Russia, and migrants from regions with the spread of crafts (non-chernozem provinces, the Urals) and areas with livestock specialization (the Baltic region) had crops of the smallest size. Migrants from Novorossiya — the region that was the country's leader in the import of agricultural equipment and machinery — surpassed migrants from other regions in the use of improved agricultural equipment. The highest indicators in numbers of cows per farm and the level of concentration of dairy cattle in large farms were recorded during the census among migrants from the Baltic and Western provinces — the most developed areas of commercial cattle breeding in the country. The previous economic experience largely determined the degree of involvement of migrants in handicrafts in the Altai okrug and their specialization as well.

Keywords: *agricultural census, database, economic experience, peasantry, settlers, agrarian migrations, Stolypin reforms, economic zoning, Altai region, Siberia*

REFERENCES

- Belyanin D. N. [Results of plots delimitation inside a community in Western Siberia in the beginning of XXth century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2010, no. 4-1 (68), pp. 38–47. (in Russ.).
- Belyanin D. N. [Stolypin's reform in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2012, no. 1 (17), pp. 14–18. (in Russ.).
- Bochanova G. A. [The impact of migrations on traditions in the manufacturing industry in Siberia]. *Trudovye traditsii sibirskogo krest'yanstva (konets XVIII — nachalo XX vv.)* [Labor traditions of the Siberian peasantry (late 18th — early 20th centuries)]. Novosibirsk: NGPI Publ., 1982, pp. 73–88. (in Russ.).
- Churkin M. K. *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.: determiniruyushchiye faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Migrations of peasants from the chernozem center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries: determinants of migration mobility and adaptation]. Omsk: OmGPU Publ., 2006. (in Russ.).
- Davydov M. A. *Dvadsat' let do Velikoy voyny. Rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty years before the Great War. The Russian modernization of Witte-Stolypin]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2016. (in Russ.).
- Davydov M. A. *Vserossiyskiy rynek v kontse XIX — nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [All-Russian market in the late 19th — early 20th centuries and railway statistics]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2010. (in Russ.).
- Dorofeev M. V. *Krest'yanskoye zemlepol'zovaniye v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Peasant land use in Western Siberia in the second half of the 19th century]. Tomsk: TGU Publ., 2009. (in Russ.).

Dubrovsky S. M. *Sel'skoye khozyaystvo i krest'yanstvo Rossii v period imperializma* [Agriculture and peasantry of Russia in the period of imperialism]. Moscow: Nauka Publ., 1973. (in Russ.).

Gorkovskaya Z. P. [The influence of resettlement on the labor traditions of the Siberian peasantry during the period of capitalism]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma* [The peasantry of Siberia during the period of the decline of feudalism and the development of capitalism]. Novosibirsk: NGPI Publ., 1980, pp. 110–125. (in Russ.).

Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1983. (in Russ.).

Minzhurenko A. V. [Land demarcation in the resettlement settlements of Western Siberia during the Stolypin agrarian reform]. *Agrarnyye otnosheniya i zemel'naya politika tsarizma v Sibiri (konets XIX v. — 1917 g.)* [Agrarian relations and the land policy of Tsarism in Siberia (the end of the 19th century — 1917)]. Krasnoyarsk: KGPI Publ., 1982, pp. 40–54. (in Russ.).

Nikulin P. F. [On the factors of economic modernization in the development of agricultural production in Siberia in the early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2015, no. 1 (33), pp. 10–14. (in Russ.).

Nozdrin G. A. [Terms and mechanisms of adaptation of migrants in Siberia in the late 19th — early 20th centuries]. *Adaptatsionnyye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh* [Adaptation mechanisms and practices in traditional and transforming societies]. Novosibirsk: Sibirskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2007, iss. 2, pp. 20–38. (in Russ.).

Ostrovsky A. V. *Zhivotnovodstvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Animal husbandry of European Russia in the late 19th — early 20th century]. Saint Petersburg: Poltorak Publ., 2014. (in Russ.).

Razgon V. N. [Strategy of economic adaptation of unauthorized migrants in the Altai region during the period of Stolypin reforms]. *Bylye gody* [Bylye Gody — Russian Historical Journal], 2018, no. 50 (4), pp. 1774–1783. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1774 (in Russ.).

Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaya K. A. *Stolypinskiye migranty v Altayskom okruge. Pereseleniye, zemleobespecheniye, khozyaystvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya* [Stolypin migrants in the Altai district. Resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka Publ., 2013. (in Russ.).

Shelegina O. N. *Adaptatsionnyye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII — nachale XX v. (k postanovke problemy)* [Adaptation processes in the culture of life support of Siberia's Russian population in the 18th — early 20th century (on the problem definition)]. Novosibirsk: "Sibirskaya nauchnaya kniga" Publ., 2005. (in Russ.).

Slastukhin F., Cheshikhin G. [Settlement and the process of capitalization of agriculture in Siberia before the Revolution]. *Severnaya Aziya* [North Asia], 1930, no. 1/2, pp. 56–75; no. 3/4, pp. 153–164. (in Russ.).

Solovieva E. I. [The nature of resettlement farms in Western Siberia during the Stolypin reform]. *Predposylki Oktyabr'skoy revolyutsii v Sibiri* [Preconditions of the October Revolution in Siberia]. Novosibirsk: B. i., 1964, pp. 217–231. (in Russ.).

Solovieva E. I. *Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyi period* [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1981. (in Russ.).

Для цитирования: Разгон В. Н. Адаптация «столыпинских» переселенцев на Алтае (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 125–136. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-125-136.

For citation: Razgon V. N. Adaptation of the Stolypin reforms settlers in the Altai okrug (on the materials of the 1917 All-Russian agricultural census) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 125–136. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-125-136.

О. Ю. Никонова, А. А. Тимофеев
**ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА И МИГРАЦИЯ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ
ЧЕЛЯБИНСКЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-137-146

УДК 94(470.5)“18/19”

ББК 63.3(235.55)531

На основе статистических материалов в статье проанализирована проблема взаимовлияния строительства Великого Сибирского пути и роста городского населения на примере уездного Челябинска. Вопрос изучен через призму модернизационных изменений в Российской империи, в особенности с точки зрения влияния миграции. Охарактеризован историографический ландшафт, сложившийся на пересечении тем истории железнодорожной инфраструктуры, модернизации и города. Выявлены изменения в численности таких социальных групп горожан, как купцы, крестьяне, мещане и ремесленники. Демографический прирост в Челябинске происходил преимущественно за счет крестьянства. В составе этой миграционной группы большую роль играли переселенцы в Сибирь, влияние которых на население города началось еще до строительства железной дороги. После запуска железнодорожной станции Челябинск приток крестьян в город усилился, часть переселенцев по разным причинам выбирала местом проживания уездный город. Исследование не выявило прямой связи между строительством железной дороги и демографическими изменениями в других социальных группах: мещан, купцов и ремесленников. Также анализ не показал различий между модернизационной динамикой Челябинска и других уральских городов, выбранных для сравнения: Оренбурга, Уфы, Троицка, Златоуста, Кургана. Авторы пришли к выводу, что рост населения в Челябинске является маркером общих социально-демографических тенденций, связанных с урбанизацией в Российской империи, и был обусловлен комплексом факторов.

Ключевые слова: *Транссибирская железная дорога, Челябинск, миграция, урбанизация, модернизация, рост населения*

Челябинск, являющийся сегодня административным центром одноименной области и обладающий населением более 1 млн человек, сформировался как важный транспортно-логистический центр к концу XIX в. Вот как характеризует его стремительное развитие справочник 1914 г.: «Находясь в узле трех железнодорожных линий — Самаро-Златоустовской, Пермской и Сибирской, Челябинск представляет самый бойкий и населенный из уездных городов Оренбургской губ. До проведения железных путей это был жалкий рус-

ско-башкирский городишко самого заурядного, захолустного типа. Став затем на линии двух дорог, соединивших Европу с Азией, и узловой станцией на богатый Урал, Челябинск стал быстро расти и расширяться, украсился новыми домами, общественными учреждениями и, сделавшись крупным торговым центром, привлек множество пришлого торгового купечества».¹ Описание превращения Челябинска в бойкий центр торговли после прохождения через него железной дороги неоднократно встречаются в путевых заметках и очерках современников.² Тезис о связи социально-экономического взлета города с Транссибирской магистралью прочно утвердился в историографии.³ Попробуем его верифицировать, рассмотрев пример миграции, которая

Никонова Ольга Юрьевна — д.и.н., доцент, заведующая кафедрой «Отечественная и зарубежная история», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Тимофеев Александр Анатольевич — к.и.н., доцент кафедры «Отечественная и зарубежная история», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

E-mail: a_timofeev@inbox.ru

* Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № АААА-А20-120072890030-2, проект № FENU-2020-0021)

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. СПб., 1914. Т. 5. С. 490.

² См., напр.: Дореволюционный Челябинск в слове современников. Челябинск, 2011.

³ См.: Тимофеев А. А. Великая Сибирская магистраль: последствия железнодорожного строительства на Южном Урале (1891–1914 год). Челябинск, 2011; Миненко Н. А., Анкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006. С. 33; Алеврас Н. Н. Челябинск в XVIII — начале XX века: социально-демографические процессы // Вестник ЧелГУ. 2000. № 1 (11). С. 20–35. Этот же тезис транслируется в публичное пространство благодаря научно-популярным изданиям.

считается одновременно причиной и признаком модернизационных процессов.⁴

Дискуссия о роли железнодорожного транспорта в истории стран и территорий была спровоцирована работой Р. Фогеля.⁵ В историографии взаимосвязь железнодорожного строительства и модернизации анализировалась в трудах по истории железных дорог и модернизации в позднеимперский период.⁶ В 1970–1990-е гг. появились исследования, посвященные особенностям модернизации рубежа XIX–XX вв. в городах Российской империи,⁷ где высказывалась идея о необходимости комплексного рассмотрения железнодорожного строительства, миграции и урбанизации. Ученые обратили внимание на многообразие модернизационных моделей, отмечали усиление крестьянской миграции в города,⁸ изучали влияние железнодорожного строительства на колонизируемые территории.⁹ В работах сибирских историков значительное место занимает анализ деятельности Комитета Сибирской железной дороги как организатора пере-

селенческого движения.¹⁰ Отметим, что труды по истории колонизации фокусируются преимущественно на принимающих территориях,¹¹ а внимание урбанистов привлекают в первую очередь столичные города Российской империи — Москва и Санкт-Петербург. Предположим, что модели взаимодействия мигрантов с «принимающей» и «транзитной» территорией были различными, а воздействие железнодорожного фактора на небольшие провинциальные города могло отличаться от столичных образцов. В связи с этим реконструкция влияния железнодорожной дороги на «транзитный» уездный город позволит сделать картину модернизации Российской империи более полной, учитывающей региональные особенности и локальные варианты.

В исследовании использованы источники статистического характера: материалы первой имперской переписи населения 1897 г., издания Оренбургского губернского статистического комитета, памятные книги и адрес-календари Оренбургской губернии. Для решения задач сравнительно-исторического изучения привлекались статистические сведения по Оренбургской, Уфимской и Тобольской губерниям. Анализ проводился с применением методов социальной истории и исторической демографии.

Железная дорога и демографическая статистика

За счет миграции прирост населения Оренбургской губернии в конце XIX в. — начале XX в. был значительно выше, чем в среднем по России (табл. 1). Крестьянское переселение

⁴ См.: Crossan R.-M. Guernsey, 1814–1914. Migration and modernisation. Woodbridge, UK, 2007. P. 2.

⁵ См.: Fogel R.W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964. Подробнее о дискуссии см.: Donaldson D., Hornbeck R. Railroads and American economic growth: a “market access” approach. URL: <http://www.nber.org/papers/w19213> (дата обращения: 15.09.2021).

⁶ См.: Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975; Сигалов М. Р., Ламин В. А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, 1988; Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000; Зубков К. И. Пространственно-географический фактор российских модернизаций // Урал. ист. вестн. 2000. № 5–6. С. 105–122; Лейбович О. Л. Социокультурный контекст отечественных модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 88–103; Побережников И. В. Вступая в XX столетие // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 13–47; Orte der Moderne. Erfahrungswelten des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt; New York, 2005; Тимофеев А. А. Указ. соч.; Шенк Ф. Б. Поезд в современность: мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016.

⁷ См.: Hamm M. The City in Late Imperial Russia. Bloomington, 1986; Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley; New York; Los Angeles; London, 1985; Bater J. St. Petersburg: Industrialization and Change. London, 1976; Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990; Дорожкин А. Г. Урбанизация в дореволюционной России в трактовке немецкоязычной историографии конца XX в. // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 1, № 1. С. 93–99.

⁸ См.: Anderson B. A. Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton, 1980; Рынцунский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (взаимоотношение города и деревни в соц.-экон. строе России). М., 1983; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1; и др.

⁹ См.: Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX века). Хабаровск, 1973. С. 147–151.

¹⁰ См.: Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013. С. 81–103; Канн С. К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131; Он же. Комитет Сибирской железной дороги во главе работ по изучению Сибири в конце XIX — начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 257–266; Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги как орган регионального управления // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX — первой трети XX вв. Томск, 1994. Вып. 2. С. 41–49; Он же. Участие Комитета Сибирской железной дороги во Всемирной выставке 1900 года в Париже // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. Вып. 1. С. 167–176. Библиографию по этой теме см.: Ижендеев А. Ю. Организация регионального управления транспортом России (на материалах Сибирской железной дороги и Томского округа путей сообщения в конце XIX — начале XX вв.): автореф. дисс. ... к.и.н. Томск, 2011. С. 7.

¹¹ См., напр.: Кабузан В. М. Указ. соч.; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

Таблица 1

Численность населения Российской империи и Оренбургской губернии в 1897 и 1912 гг., чел.*

Год	Оренбургская губерния	Российская империя
1897	1 609 388	129 142 100
1912	2 444 214	173 000 000
% прироста населения с 1897 по 1912 гг.	51,9	33,9

* Составлено по: Брокгауз и Ефрон: энцикл. словарь. СПб., 1898; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1902 год. Оренбург, 1903; РГИА. Библиотека, II отд. Оп. 1. Д. 62.

сформировало мощный миграционный поток еще в дореформенный период¹² и сохранило свое значение после отмены крепостного права и строительства Транссибирской магистрали.¹³ В северной части губернии, где располагался Челябинский уезд, миграционный транзит был обусловлен не только передвижением крестьян-переселенцев, но и активным развитием ярмарочной торговли.

Как утверждает локальная историография, появление на окраине Челябинска железнодорожной станции стимулировало модернизационные процессы. Признаками изменений в социальной сфере были трансформации в сословных группах крестьян, купцов и ремесленников — экономически активного населения, привлеченного в Челябинск выгодами от появления железной дороги. Попробуем оценить влияние миграции, используя статистику численности населения и учета переселенцев. Посмотрим на город в динамике и в сравнении. Сравнение проведем по двум группам: в первой группе Челябинск будет сравниваться с губернским центром Оренбургом и главным городом-конкурентом в сфере экономической активности — Троицком, во второй — с двумя другими городами — железнодорожными станциями на Транссибирской магистрали —

¹² Вопрос о переселенческом освоении Южного Урала в первой половине XIX в. см. подробнее: Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). М., 1984; об освоении в пореформенный период см.: Смирнова В. Е. Переселенческое движение на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX века // III Емельяновские чтения: миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2008. С. 35–37.

¹³ По данным Н. А. Тихонова, Оренбургская губерния принадлежала к крупным переселенческим направлениям империи. См.: Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). М., 1978. Прил. 1.

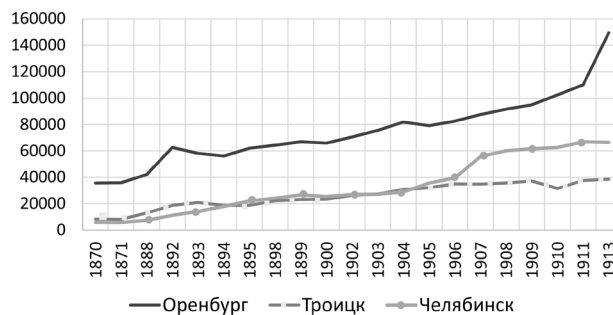

Рис. 1. Количество жителей Оренбурга, Троицка и Челябинска в 1870–1913 гг.,* душ об. п.

* Составлено по: Обзор Оренбургской губернии... [по годам]: приложение ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Оренбург, 1871–1915. Изд. литопр.

Златоустом и Курганом. Динамика роста численности населения трех городов Оренбургской губернии представлена на рис. 1, где видно, что существенные расхождения в темпах роста населения Челябинска и Троицка приходятся на начало XX в.

Начальная дата избранного периода (1870) обусловлена появлением первого издания данного вида (ранее издавались памятные книжки и адрес-календари, статистические сведения в которых не были унифицированы). Конечная дата (1913) — год, предшествовавший началу Первой мировой войны.

Кривые численности Челябинска и Троицка пересекаются между 1904 и 1905 гг. и после этого расходятся. Однако в период с 1892 по 1904 гг. город, получивший железнодорожную станцию, и город, оставшийся в стороне от магистрали, демонстрируют схожую демографическую динамику. Кривые роста населения Челябинска и Оренбурга также схожи вплоть до 1911 г.¹⁴

Сравним демографическую динамику в городах, являвшихся железнодорожными пунктами на Великом Сибирском пути: в Челябинске (станция открыта в 1892 г.), Златоусте (станция открыта в 1890 г.) и Кургане (станция открыта в 1893 г.) (рис. 2).

Демографические показатели Златоуста, особенностью которого было наличие казенных заводов, изменялись плавно, а кривые демографического роста торговых городов Челябинска и Кургана схожи и показывают рост с начала XX в. При этом Челябинск, имевший почти одинаковое с Курганом количество

¹⁴ Анализ статистических данных, фиксирующих процессы естественной прибыли/убыли населения, не выявил существенных различий между тремя городами, следовательно, естественное движение населения не могло сильно влиять на разницу в демографической динамике трех городов.

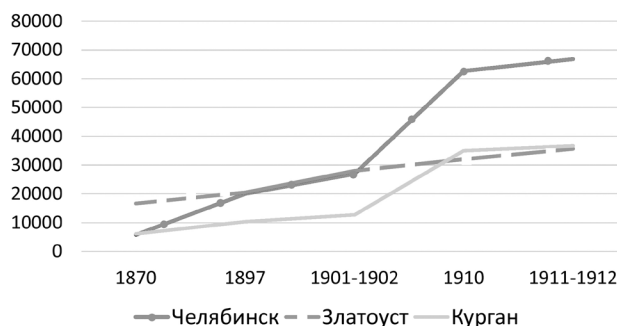

Рис. 2. Изменение количества жителей Челябинска, Златоуста, Кургана в 1870–1912 гг.,* *душ. об. п.*

* Составлено по: Обзор Тобольской губернии за 1870 год. Тобольск, 1871. Ведомость литеры Б; Обзор Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск, 1898. С. 30; Обзор Тобольской губернии за 1901 год. Тобольск, 1902. С. 44. Ведомость № 9; Обзор Тобольской губернии за 1910 г. Тобольск, 1911. С. 40. Табл., литеры Б/2; Обзор Тобольской губернии за 1911 г. Тобольск, 1913. С. 41. Табл. о кол-ве наличного населения... губернии за 1911 год; Обзор Тобольской губернии за 1912 г. Тобольск, 1913. С. 33. Табл. 6; Обзор Уфимской губернии за 1870 год. Уфа, 1871. С. 63. Ведомость литеры А; РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 75. Л. 5; РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 212. Л. 1–25; РГИА. Библиотека, II отд. Оп. 1. Д. 62; Обзор Уфимской губернии за 1902 год. Уфа, 1903; Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа, 1914; Обзор Оренбургской губернии за 1897 год. Оренбург, 1899. С. 1; Обзор Оренбургской губернии за 1902 год. Оренбург, 1903. С. 76–78; Обзор Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1911. С. 96–98; Обзор Оренбургской губернии за 1911 год. Оренбург, 1913. С. 71–74.

жителей в 1870 г., стал опережать уездный центр Тобольской губернии еще до строительства Транссибирской магистрали.

Привлечем еще один показатель — средний ежегодный прирост населения (табл. 2).

Согласно статистике, периоды наибольшего среднего прироста населения, когда Челябинск стал опережать по этому показателю другие города из группы сравнения, приходятся на 1893–1895 и 1905–1907 гг., что хронологически совпадает с запуском челябинской железнодорожной станции, периодами Русско-японской войны и первой русской революции, а также началом активного переселения крестьян в результате столыпинских реформ.

Характеристика миграционных потоков

Согласно переписи населения 1897 г., количество жителей Челябинска, родившихся в других губерниях Российской империи, было существенно выше, чем число таковых в Оренбурге, Троицке или Уфе. При этом процент временно пребывавших совпадает с данными по этой категории в других городах —

Таблица 2

СРЕДНИЙ ГОДОВОЙ ПРИРОСТ НАЛИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГА, ТРОИЦКА И ЧЕЛЯБИНСКА В 1870–1913 ГГ.*

Год	Оренбург, <i>душ. об. п.</i>	Троицк, <i>душ. об. п.</i>	Челябинск, <i>душ. об. п.</i>	Оренбург, %	Троицк, %	Челябинск, %
1	2	3	4	5	6	7
1870	35 623	8 298	5 811			
1871	35 778	8 153	5 836	0,4	-1,7	0,4
1888	42 123	13 022	7 340	1,0	2,8	1,4
1892	62 534	18 778	11 174	10,4	9,6	11,1
1893	58 089	20 871	14 161	-7,1	11,1	26,7
1894	56 115	18 758	18 049	-3,4	-10,1	27,5
1895	61 946	18 691	21 993	10,4	-0,4	21,9
1898	64 357	22 132	24 194	1,3	5,8	3,2
1899	66 839	23 128	26 657	3,9	4,5	10,2
1900	65 906	23 293	25 505	-1,4	0,7	-4,3
1902	70 491	26 299	26 963	3,4	6,3	2,8
1903	75 485	27 410	27 267	7,1	4,2	1,1
1904	81 796	30 821	28 891	8,4	12,4	6,0
1905	79 195	32 140	35 494	-3,2	4,3	22,9
1906	82 609	34 932	39 625	4,3	8,7	11,6
1907	87 426	34 755	55 619	5,8	-0,5	40,4
1908	91 653	35 622	60 166	4,8	2,5	8,2
1909	94 979	37 109	61 594	3,6	4,2	2,4
1910	102 485	31 512	62 654	7,9	-15,1	1,7
1911	110 099	37 559	66 850	7,4	19,2	6,7
1913	149 538	38 487	66 987	16,5	1,2	0,1

* Составлено по: Обзор Оренбургской губернии за 1870 г. Оренбург, 1871. С. 89. Табл.; ведомость литеры а; Обзор Оренбургской губернии за 1871 г. Оренбург, 1872. С. 57. Табл.; ведомость литеры а; Адрес-календарь и справочная книжка по Оренбургской

Продолжение табл. 2

губернии за 1888 год. Оренбург, 1888. С. 7; Списки населенных мест Оренбургской губернии, с общими об ней сведениями. Оренбург, 1892; Обзор Оренбургской губернии за 1893 год. Оренбург, 1894. С. 68. Ведомость № 10; Обзор Оренбургской губернии за 1894 год. Оренбург, 1895. С. 72; Ведомость № 13; Обзор Оренбургской губернии за 1895 год. Оренбург, 1896. С. 62; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1895 год; Обзор Оренбургской губернии за 1898 год. Оренбург, 1899. С. 34; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1898 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1899 год; Статистический обзор Оренбургской губернии по вероисповеданиям за 1899 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1902 год. Оренбург, 1903. С. 45; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по вероисповеданиям за 1902 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1903 год. Оренбург, 1904. С. 42; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1903 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1904 год. Оренбург, 1905. С. 46; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1904 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1905 год. Оренбург, 1906. С. 49; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1905 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1906 год. Оренбург, 1907. С. 48; Приложение № 2. Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1906 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1907 год. Оренбург, 1908. С. 43. Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1907 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1908 год. Оренбург, 1909. С. 40. Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1908 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1909 год. Оренбург, 1910. С. 42; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1909 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1911. С. 72; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1910 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1911 год. Оренбург, 1912. С. 44; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1911 год; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1913 год. Оренбург, 1915. С. 43; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губернии по сословиям за 1913 год.

железнодорожных центрах — Уфе и Златоусте (табл. 3). Отметим, что среди мигрантов Челябинска преобладали пермяки, жители Вятской, Казанской и Пензенской губерний, в то время как другие города Оренбургской

губернии облюбовали уроженцы Уфимской, Казанской и Самарской губерний.¹⁵ К 1897 г. транзитный статус города привел к тому, что соотношение местных уроженцев и выходцев из ближних и дальних местностей в нем стало

Таблица 3

КОЛИЧЕСТВО МИГРАНТОВ В ГОРОДАХ ОРЕНБУРГСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЙ
ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 г., душ об. п./ % к общему числу жителей

Город	Общее число жителей	Местные	Из других уездов Оренбургской или Уфимской губерний	Из других губерний	Из других государств	Временно пребывавшие в месте переписи	Иностранные подданные
Оренбург	72 425	32 955	10 700	28 611	159	1 894	485
	100 %	45,5 %	14,77 %	39,5 %	0,22 %	2,6 %	0,67 %
Верхнеуральск	11 095	7 393	435	3 260	7	269	7
	100 %	66,6 %	3,9 %	29,4 %	0,06 %	2,4 %	0,06 %
Орск	14 016	8 884	891	4 139	48	296	201
	100 %	63,4 %	6,4 %	29,5 %	0,34 %	2,1 %	1,43 %
Троицк	23 299	10 356	3 725	9 193	25	613	64
	100 %	44,45 %	15,99 %	39,5 %	0,11 %	2,6 %	0,27 %
Челябинск	19 998	9 910	860	9 205	23	708	16
	100 %	49,6 %	4,3 %	46 %	0,12 %	3,54 %	0,08 %
Уфа	49 275	18 528	16 747	13 932	68	2 077	114
	100 %	37,6 %	33,99 %	28,3 %	0,14 %	4,2 %	0,23 %
Златоуст	20 502	16 442	1 448	2 596	16	869	33
	100 %	80,2 %	7,1 %	12,7 %	0,08 %	4,2 %	0,16 %

* Составлено по: Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 28. С. 1, 2; Там же. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 1. С. 1; Тетрадь 2. С. 2.

¹⁵ См.: Алеврас Н. Н. Социодемографический портрет Челябинска 1897 года // Челябинск неизвестный. Челябинск, 2003. Вып. 3. С. 85.

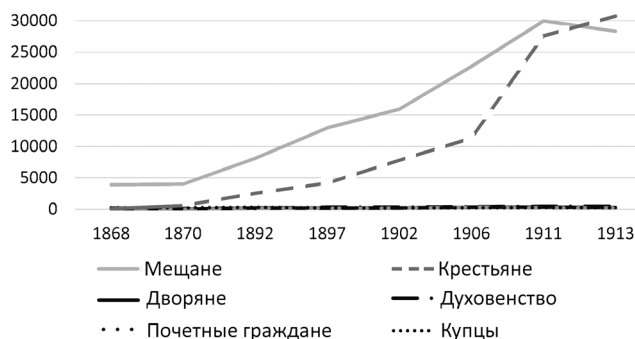

Рис. 3. Соотношение численности различных сословных категорий населения Челябинска в 1868–1913 гг., *душ об. п.*

* Составлено по: Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год. Оренбург, 1869. С. 15; Обзор Оренбургской губернии за 1870 г.: прил. ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Оренбург, 1871. Изд. литограф. Ведомость литеры а; Адрес-календарь г. Оренбурга на 1894 г. и справочная книжка по Оренбургской губернии. Оренбург, 1893. С. 54, 55; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1899 год. Оренбург, 1898. С. 2–5; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 28. С. 53, 54; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1908 год. Оренбург, 1908. Прил. № 2; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1902 год. Оренбург, 1903; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1911 год. Оренбург, 1913; Ведомость о распределении жителей по сословиям.

примерно равным. Можно утверждать, что к моменту переписи Челябинск наполовину был городом мигрантов.

Очевидно, что город еще до превращения в железнодорожный центр демонстрировал социальную динамику, характерную для модернизирующихся обществ. Согласно историографии, в конце XIX в. среди городских обывателей преобладали мещане, второй по численности группой были крестьяне.¹⁶ Челябинск по данным переписи 1897 г. вписывался в эту картину,¹⁷ так же, как Оренбург и Троицк. Количественный рост групп мещан и крестьян в Челябинске начался за два десятилетия до строительства железной дороги.

Проверим тезис о том, что мигранты состояли преимущественно из представителей крестьян-переселенцев и экономически мотивированных групп населения: крестьян, купцов и ремесленников.

Анализ статистических сведений по купцам и ремесленникам и их сравнение в трех городах не демонстрируют влияния на эти группы

¹⁶ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 120, 121; Титова А. Л. Словная и профессиональная структура городского населения Курской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 110.

¹⁷ См.: Алеврас Н. Н. Социодемографический портрет Челябинска... С. 80, 81.

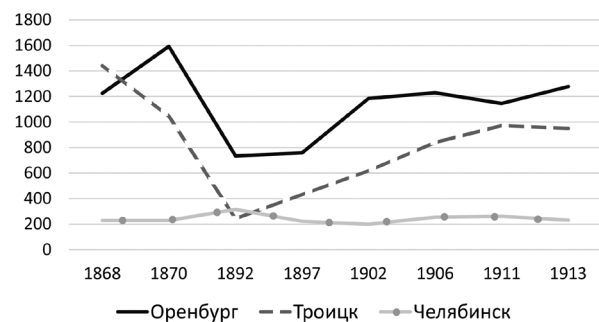

Рис. 4. Изменение численности купечества в Оренбурге, Троицке и Челябинске в 1868–1913 гг., *душ об. п.*

* Составлено на основе источников рис. 3.

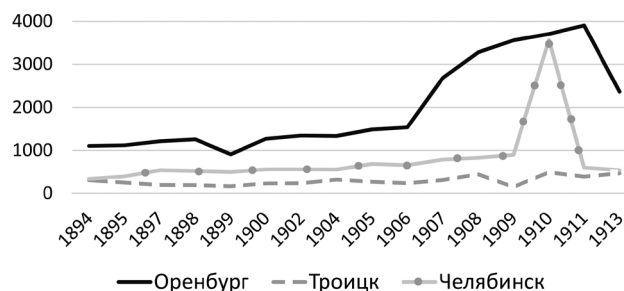

Рис. 5. Численность ремесленников (без учеников) в Оренбурге, Челябинске и Троицке в 1894–1913 гг., *душ об. п.*

* Составлено на основе источников рис. 3, а также: Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. Табл. 10.

в Челябинске факта открытия железнодорожной станции (рис. 4 и 5).

Рост численности мещан было бы неправильно связывать только с миграционными процессами, так как это было динамичное сословие, пополнявшееся за счет вертикальной социальной мобильности.¹⁸ Прирост крестьянского населения городов историография приписывает фактору миграции. Из трех городов первой группы сравнения только Челябинск в 1911 г. «окрестьянивается»: кривая роста численности крестьянства догоняет и пересекает пошедшую на убыль линию мещан (рис. 3). В этом же году по приросту крестьян Челябинск стал опережать другие города первой группы сравнения (рис. 6).

Посмотрим на крестьянский миграционный приток более внимательно. Переселение крестьян из европейской части России в Оренбургскую губернию началось задолго до строительства Транссибирской магистрали и особенно активно происходило после отмены крепостного права. По мнению В. Е. Смирновой,

¹⁸ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 120, 121.

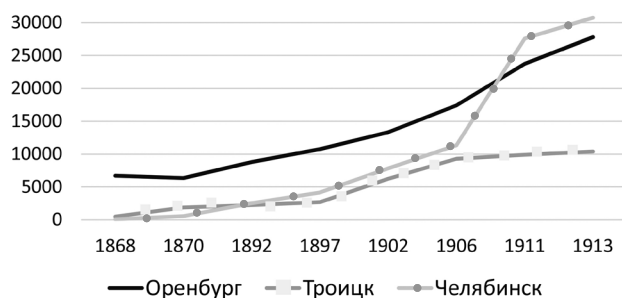

Рис. 6. Рост численности крестьян в Оренбурге, Троицке и Челябинске в 1868–1913 гг., *дущ об. п.*

* Составлено на основе источников рис. 3.

после 1896 г.¹⁹ переселенцы стали предпочитать водному и гужевому пути движение по железной дороге через Челябинск. Мотивы переселения крестьян были различными. В Челябинский уезд и его центр перемещались пострадавшие от голода 1891–1892 гг. и 1911–1912 гг. Преобладание среди переселенцев крестьян из «голодных» губерний упомянуто в отчетах Оренбургского губернатора за 1892 г.²⁰ Выбор Челябинского уезда определялся земледельческим характером последнего и был необычайно массовым, что привело его в начале XX в. к наибольшей после Оренбургского уезда плотности населения.²¹ Так как с 1887 г. неурожай и голод преследовали крестьян и в Оренбургской губернии, а Челябинский уезд был в числе наиболее пострадавших,²² усиливался отход крестьян из деревни. В Челябинске железная дорога требовала множество рабочих рук, что привело к концентрации мигрантов близ полосы железнодорожного отчуждения.²³

Через Челябинск шел и поток переселенцев в Сибирь, который стабильно увеличивался.²⁴

Взаимодействие основной массы переселенцев с городом ограничивалось территорией переселенческого пункта и его окрестностей. Этот тезис подтверждается статистикой: годы наибольшего ежегодного прироста населения Челябинска не совпадают с пиковыми показателями переселенческого движения через город (за исключением 1907 г.). Однако часть переселенцев в Сибирь по разным причинам выбирала местом проживания уездный город. Важным было наличие в Челябинске крупного переселенческого пункта с возможностью размещения и лечения переселенцев.

Таким образом, статистика населения в городах сравнения не всегда демонстрирует чувствительность демографических показателей к появлению железной дороги. Это подтверждает тезис Б. Н. Миронова о различных причинах роста численности городов на рубеже XIX–XX вв.²⁵ Точки расхождения демографической динамики Челябинска с другими городами приходятся на начало XX в. и не совпадают ни со временем открытия железнодорожной станции, ни с началом массового переселения крестьян в Сибирь в эпоху реформ П. А. Столыпина. В то же время сравнение ежегодного прироста населения в трех городах показывает, что в Челябинске пик данного показателя приходится на годы, когда происходили важные события, связанные с железной дорогой — ее открытие, переселение или перемещение по ней больших масс людей. Возможно, скачки прироста, продолжавшиеся каждый раз в течение трех лет, фиксируют приток населения из окрестных мест, в том числе приезжавшего на определенные строительные и обслуживающие работы.

¹⁹ См.: Смирнова В. Е. Челябинский переселенческий пункт (конец XIX века — 1920-е годы) // Вестник ЧелГУ. 2000. № 1 (11). С. 47.

²⁰ См.: Обзор Оренбургской губернии за 1893 год. Оренбург, 1894. С. 20, 68.

²¹ См.: Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1911. С. 2, 72.

²² См.: Обзор Оренбургской губернии за 1891 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Оренбург, 1892. С. 2, 3, 47.

²³ См.: Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб., 1900. С. 121.

²⁴ См.: Смирнова В. Е. Указ. соч. С. 47; Челябинский переселенческий пункт. СПб., 1910. С. 5.

²⁵ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 289.

Olga Yu. Nikonova

Doctor of Historical Sciences, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Alexander A. Timofeev

Candidate of Historical Sciences, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: a_timofeev@inbox.ru

RAILWAY AND MIGRATION IN THE COUNTY CITY OF CHELYABINSK
IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

Based on statistical documents, the article seeks to problematize the impact of the Great Siberian Way construction on the growth of urban population using the county city of Chelyabinsk as an example. The case is approached through the prism of modernization changes in the Russian Empire, with a special focus on migration processes. After a detailed survey of the current historiographical terrain encompassing histories of railway infrastructure, modernization and the city itself, the authors turn to statistics. The data reveals noticeable changes in the numbers of such social groups of citizens as merchants, peasants, burghers, and artisans. However, as it is argued by the authors, the increased net inflows of people to Chelyabinsk were mainly due to the peasantry. Within this group the most effective and flexible were migrants heading to Siberia, whose conversion into the local city dwellers had been started well before the construction of the railroad. After opening the traffic via Chelyabinsk railway station, the influx of peasants intensified, many of them chose the county town as their place of residence. The study did not find any statistically significant correlation between the railroad construction and the demographic changes in other social groups — burghers, merchants and artisans. Nor there was any principal difference in the modernization dynamics of Chelyabinsk and other Ural towns selected for comparison — Orenburg, Ufa, Troitsk, Zlatoust, and Kurgan. The authors conclude that the population growth is a sure sign of Chelyabinsk's involvement in a general socio-demographic trends associated with urbanization in the late Russian Empire, and was due to a complex of factors, of which the railroad was important but not a priority. The authors concluded that population growth in Chelyabinsk is a sure sign of general socio-demographic trends associated with urbanization in the Russian Empire, and it resulted from a complex of factors.

Keywords: Trans-Siberian Railway, Chelyabinsk, migration, urbanization, modernization, population growth

REFERENCES

- Alevras N. N. [Chelyabinsk in the 18th — early 20th centuries: socio-demographic processes]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2000, no. 1 (11), pp. 20–35. (in Russ.).
- Alevras N. N. [Sociodemographic portrait of Chelyabinsk in 1897]. *Chelyabinsk neizvestnyy* [Chelyabinsk unknown]. Chelyabinsk: Tsentr istoriko-kul'turnogo naslediya g. Chelyabinska Publ., 2003, iss. 3, pp. 80–93. (in Russ.).
- Anderson B. A. *Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1980. (in English).
- Bater J. *St. Petersburg: Industrialization and Change*. London: Edward Arnold & Co, 1976. (in English).
- Bradley J. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley; New York; Los Angeles; London: University of California Press, 1985. (in English).
- Brower D. R. *The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. (in English).
- Crossan R.-M. *Guernsey, 1814–1914. Migration and modernisation*. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2007. (in English).
- Donaldson D., Hornbeck R. *Railroads and American economic growth: a “market access” approach*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w19213> (accessed: 15.09.2021) (in English).
- Dorevolyutsionnyy Chelyabinsk v slove sovremennikov* [Pre-revolutionary Chelyabinsk in the word of contemporaries]. Chelyabinsk: Tsentr istoriko-kul'turnogo naslediya g. Chelyabinska Publ., 2012. (in Russ.).

Dorozhkin A. G. [Urbanization in pre-revolutionary Russia in the interpretation of German-language historiography of the end of the 20th century]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific bulletin. Series: History. Political science. Economics. Information technologies], 2007, vol. 1, no. 1, pp. 93–99. (in Russ.).

Fogel R. W. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. (in English).

Hamm M. *The City in Late Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. (in English).

Izhendeev A. Yu. *Organizatsiya regional'nogo upravleniya transportom Rossii (na materialakh Sibirskoy zheleznoy dorogi i Tomskogo okruga putey soobshcheniya v kontse XIX — nachale XX vv.): Avtoref. kand. diss.* [Organization of regional transport management in Russia (based on the materials of the Siberian Railway and the Tomsk District of Communications in the late 19th — early 20th centuries): Abst. Diss. Cand.]. Tomsk, 2011. (in Russ.).

Kabuzan V. M. *Kak zaselyalsya Dal'niy Vostok (vtoraya polovina XVII — nachalo XX veka)* [How the Far East was settled (second half of the 17th — early 20th century)]. Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1973. (in Russ.).

Kann S. K. [Committee of the Siberian Railroad at the head of the work on the study of Siberia in the late 19th — early 20th century]. *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom osvoyenii Aziatskoy Rossii XVII — nachala XX veka: sb. materialov region. nauch. konf.* [The role of the state in the economic and socio-cultural development of Asian Russia in the 17th — early 20th century: collection of materials of the regional sci. conf.]. Novosibirsk: II SO RAN Publ., 2007, pp. 257–266. (in Russ.).

Kann S. K. [The Committee of the Siberian Railroad (1892–1905) — management establishment for the national project]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2008, no. 3, pp. 129–131. (in Russ.).

Leibovich O. L. [Sociocultural context of domestic modernizations]. *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [Experience of Russian modernizations of the 18th–20th century]. Moscow: Nauka Publ., 2000, pp. 88–103. (in Russ.).

Minenko N. A., Apkarimova E. Yu., Golikova S. V. *Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII — nachale XX veka* [Everyday life of the Ural city in the 18th — early 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 2006. (in Russ.).

Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachala XX vv.): Genезis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [A Social History of Imperial Russia (18th — early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and a state of law]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2000, vol. 1. (in Russ.).

Orte der Moderne. Erfahrungswelten des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2005. (in German).

Poberezhnikov I. V. [Entering the 20th century]. *Ural v panorame XX veka* [The Urals in the panorama of the 20th century]. Ekaterinburg: "SV-96" Publ., 2000, pp. 13–47. (in Russ.).

Remnev A. V. [Committee of the Siberian Railway as a body of regional management]. *Khozyaystvennoye osvoyeniye Sibiri: Voprosy istorii XIX — pervoy treti XX vv.* [Economic development of Siberia: Issues of the history of the 19th — the first third of the 20th centuries]. Tomsk: TomGU Publ., 1994, iss. 2, pp. 41–49. (in Russ.).

Remnev A. V. [Participation of the Committee of the Siberian Railway in the 1900 World's Fair in Paris]. *Khozyaystvennoye osvoyeniye Sibiri: istoriya, istoriografiya, istochniki* [Economic development of Siberia: history, historiography, sources]. Tomsk: izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1991, iss. 1, pp. 167–176. (in Russ.).

Remnev A. V., Suvorova N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskiye i natsional'nyye stszenarii vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th — early 20th century]. Omsk: ID "Nauka" Publ., 2013. (in Russ.).

Ryndzyunsky P. G. *Krest'yane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX veka: (Vzaimootnosheniye goroda i derevni v sotsial'no-ekonomicheskom stroye Rossii)* [Peasants and the city in capitalist Russia in the second half of the 19th century: (The relationship between the city and the countryside in the socio-economic system of Russia)]. Moscow: Nauka Publ., 1983. (in Russ.).

Schenk F. B. *Poyezd v sovremennost': mobil'nost' i sotsial'noye prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog* [Russia's journey into the modern age: mobility and social space of Russia in the age of railways]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. (in Russ.).

Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii [Siberia within the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. (in Russ.).

Sigalov M. R., Lamin V. A. *Zheleznodorozhnoye stroitel'stvo v praktike khozyaystvennogo osvoyeniya Sibiri* [Railway construction in the practice of economic development of Siberia]. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 1988. (in Russ.).

Smirnova V. E. [Chelyabinsk resettlement point (end of the 19th century — 1920s)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2000, no. 1 (11), pp. 47–53. (in Russ.).

Smirnova V. E. [Migration movement in the Southern Urals in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *III Yemel'yanovskiye chteniya: migratsionnyye protsessy i mezhetnicheskiye vzaimodeystviya v Uralo-Sibirskom regione: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [3rd Emelyanov readings: migration processes and interethnic interactions in the Ural-Siberian region: materials of the All-Russian sci. and practical conf.]. Kurgan: KGU Publ., 2008, pp. 35–37. (in Russ.).

Solovieva A. M. *Zheleznodorozhnyy transport Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Railway transport in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: "Nauka" Publ., 1975. (in Russ.).

Tarasov Yu. M. *Russkaya krest'yanskaya kolonizatsiya Yuzhnogo Urala (Vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX v.)* [Russian peasant colonization of the Southern Urals (second half of the 18th — first half of the 19th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1984. (in Russ.).

Tikhonov B. V. *Pereseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. (po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoy statistiki)* [Migration in Russia in the second half of the 19th century (based on the 1897 census and passport statistics)]. Moscow: Nauka Publ., 1978. (in Russ.).

Timofeev A. A. *Velikaya Sibirskaya magistral': posledstviya zheleznodorozhnogo stroitel'stva na Yuzhnom Urale (1891–1914 god)* [The Great Siberian Railway: the consequences of railway construction in the Southern Urals (1891–1914)]. Chelyabinsk: ITs YuUrGU Publ., 2011. (in Russ.).

Titova A. L. [Class and professional structure of urban population of Kursk province in late XIX — early XX centuries]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific bulletin. Series: History. Political science. Economics. Information technologies], 2013, no. 1 (144), iss. 25, pp. 109–115. (in Russ.).

Ural v panorame XX veka [The Urals in the panorama of the 20th century]. Ekaterinburg: "SV-96" Publ., 2000. (in Russ.).

Zubkov K. I. [Spatial & geographic factor of Russian modernization]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2000, no. 5–6, pp. 105–122. (in Russ.).

Для цитирования: Никонова О. Ю., Тимофеев А. А. Железная дорога и миграция в уездном городе Челябинске в конце XIX — начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1(74). С. 137–46. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-137-146.

For citation: Nikonova O. Yu., Timofeev A. A. Railway and migration in the county city of Chelyabinsk in the late 19th — early 20th century // Ural Historical Journal, 2022, no.1(74), p. 137–146. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-137-146.

О. К. Ермакова

**КОНТРАКТЫ С ИНОСТРАНЦАМИ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-147-154

УДК 94(470)“18”

ББК 63.3(2)521.1

Статья посвящена качественно новому этапу развития договорных отношений между российским государством и частными лицами — иностранцами, переход к которому стал очевиден в эпоху Александра I. На основе источниковедческого анализа контрактов с иностранцами, опирающегося на методы дипломатики, автор показывает, что в первой четверти XIX в. восприятие договора представителями властных структур (даже если государство не выступало контрагентом) характеризовалось осознанием необходимости четкого соблюдения условий, недопустимости нарушения, а также признанием доминирующей роли контракта над конкретными обстоятельствами (в том числе такими, что делали бессмысленным для казны дальнейшее исполнение договора). В качестве иллюстрации выбраны соглашения с горными инженерами и администраторами, приглашенными на уральские заводы в начале XIX в. Для сравнения проанализированы не только государственные контракты, но и частноправовые акты трудового найма, заключенные предпринимателем немецкого происхождения Андреем Кнауфом с другими иностранцами, нанятыми им в период управления Златоустовскими заводами на правах аренды. Сделан вывод о том, что в исследуемую эпоху контракт уже нельзя было считать своего рода «фикцией» (выражение В. Живова), каковым он во многом являлся в царствование Петра I, когда только вошел в массовое употребление в связи с активным привлечением иноземцев в Россию. Укрепление юридической силы контрактов обеспечило наемным иностранным специалистам начала XIX столетия довольно устойчивый правовой статус, а эволюция отношения власти к договорным обязательствам свидетельствовала о сближении российской и западной правовых культур.

Ключевые слова: *контракт, договорные отношения, иностранные специалисты, правовая культура, дипломатика*

Ричард Уортман, рассуждая о правовом сознании в России XVIII в., называет право «идеалом и украшением российской политической культуры», а также приводит слова В. Живова о «недейственности» закона, предназначенного «не для приведения в действие, а для выполнения “идеологической функции”», и о том, что право являлось «“культурной фикцией”, возвеличивавшей мифический имидж монарха».¹ Представляется, что подобные утверждения применимы не только к сфере законодательства и его исполнения, но и к договорному праву в случаях, когда одним из контрагентов выступало государство. Пользуясь выражением В. Живова, точно так же

можно сказать, что контракт с частным лицом (иностранцем) являлся своего рода фикцией, особенно в эпоху Петра I.² Только задача ставилась не столь символическая, как возвышение образа государя, а более практическая. Договор нужен был для того, чтобы заполучить на русскую службу квалифицированных специалистов из Западной Европы. В то же время вопрос имиджа и здесь играл роль: только на условиях найма по контракту иностранцы соглашались приезжать, а значит, Россия должна была соответствовать их представлениям о государстве, в котором соблюдается принцип «обязательности договоров». В течение XVIII столетия отношение к контракту

¹ Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 24. Подробнее рассуждения В. Живова см.: Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

² О позиции государственных структур по отношению к контрактам с иноземцами в XVIII в., «динамике» контракта (соблюдении и нарушении с обеих сторон) и начальном этапе эволюции формуляра см. подробнее: Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59; Она же. Индустриальная идентичность Урала и правовая культура: на стыке западноевропейских и российских традиций (XVIII — середина XIX в.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2020. № 454. С. 131–136.

со стороны власти постепенно менялось, и можно наблюдать, как уже в царствование Екатерины II усовершенствовались тексты с точки зрения формуляра и содержания, что говорило и о повышении юридической силы договоров. Первая четверть XIX в. демонстрирует качественно новый статус контракта, превратившегося в реально работавший гарант прав обеих сторон.

Сложная международная ситуация в Европе начала XIX в. обострила отношения между российским государством и находившимися на его территории (или въезжающими в его пределы) иностранными подданными. Повышение подозрительности к иноземцам было вполне объяснимо и выражалось в ужесточении правил въезда в империю и введении ряда законодательных актов, обязывавших иностранцев принять присягу в том, что они не имеют отношения и не питают симпатий к недружественным России европейским правительствам (в частности, к французскому). Тщательно составлялись списки проживавших в разных частях страны иностранцев, а также проводились проверки их документов. Предпринятые меры привели к высылке определенного количества иностранных подданных за рубеж. Однако параллельно происходили и другие процессы. Для России по-прежнему оставался важным западноевропейский опыт в различных сферах деятельности, особенно же в условиях военной угрозы возросла необходимость переоснащения армии и создания с этой целью новых оружейных производств. Поэтому, ориентируясь прежде всего на немецких выходцев, оказавшихся в трудном положении из-за последствий наполеоновских вторжений, российские посредники осуществили масштабную вербовку мастеров по изготовлению оружия. Более того, именно на протяжении первой четверти XIX в. отчетливо наблюдалось (несмотря на общее недоверие к «чужим») улучшение отношения государства к личности иностранца, возникновение диалога между властными структурами и зарубежными специалистами. Очевидным становится и изменение представлений администраций разного уровня о сути договорных отношений, о юридической силе контракта, что свидетельствовало об эволюции правосознания и наметившемся сближении российской и западной правовых культур.

Наглядной иллюстрацией обозначенных тенденций может служить взаимодействие го-

сударства с иностранными техническими специалистами, работавшими в начале XIX в. на уральских горных заводах. В данном случае показательны договорные отношения не только между властью и иноземцами, но и контракты, где обе стороны представлены иностранцами, поскольку именно такие правоотношения предшествовали фактам масштабной вербовки иностранцев-оружейников на казенные фабрики в данный период. Речь идет, в частности, о найме предпринимателем Андреем Кнауфом (московским купцом немецкого происхождения) соотечественников для работы на Златоустовском заводе, управляемом им на правах аренды. Однако в 1811 г. завод снова перешел в казну, а потому горному начальству пришлось решать вопрос о дальнейшем исполнении еще не завершившихся договоров, заключенных А. Кнауфом с иностранными мастерами, брать на себя издержки, связанные с выплатой жалования, и заботу о дальнейшей судьбе контрактеров. Из источников следует, что правительство было заинтересовано в продолжении службы иностранными специалистами в Златоусте. Назначенный управляющим Златоустовскими заводами Клейнер получил от министра финансов указание «особенно иметь внимание к иностранцам, дабы их удержать при заводе собственными их выгодами и пользой заводов».³ По списку на заводе значилось 53 иноземца.⁴

Наиболее ценные иностранные кадры представляли собой фабрикант Давид Гильгер из Данцига и бывший прусский горный советник и «директор фабрик» Александр Эверсман. С обоими А. Кнауф заключил контракты на управление принадлежавшими ему заводами. Д. Гильгеру он пообещал часть прибыли, а А. Эверсману — высокое жалование. Первый из названных администраторов успел вступить в должность управляющего и к тому же оказать большую милость соотечественникам, повысив иностранным мастерам жалование, отчего впоследствии у А. Кнауфа образовались дополнительные долги.⁵ Александр Эверсман, напротив, к моменту передачи заводов в казну еще не приступил к административным обязанностям, а занимался лишь «устройством самодувных печей».⁶ С источниковедческой и историко-правовой точек зрения представляют

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 20б.

⁴ Там же. Л. 3–5.

⁵ Там же. Л. 102об.

⁶ Там же. Л. 6–6об.

интерес контракты, зафиксировавшие взаимные права и обязательства предпринимателя и нанятых им управленцев. Рассмотрим в качестве примера договор Андрея Кнауфа с Давидом Гильгером, заключенный в 1811 г.

В преамбуле договора сделано уточнение о том, что все ранее заключенные контракты теряют силу, а дальнейшая деятельность Д. Гильгера будет осуществляться на представленных в новом соглашении условиях. В первом пункте обозначены должностные обязанности и юридические основания работы контрагера как управляющего заводами (такowymi служили выданные ему доверенности), а также прописано обязательство регулярно предоставлять А. Кнауфу отчеты.⁷ Последнее — характерная особенность взаимодействий между наемными иностранцами и частными заводчиками. Например, зарубежные специалисты, работавшие на предприятиях Демидовых, аналогичным образом вели переписку с заводладельцами или их поверенными и подавали подробные отчеты (что также являлось одной из их обязанностей, согласно контрактам).⁸ Детально расписан доход Д. Гильгера от продажи заводских изделий, в зависимости от размера годовой выручки. Обозначен срок контракта — 5 лет. Одна из статей разъясняет порядок рассмотрения споров в рамках контракта: «Если по сему контракту паче чаяния оказываются будут какия либо сомнения или недоумения то оба контрактующия сим обязываются выбрать из посторонних людей со общаго согласия безпристрастных посредственников и решением их довольными быть не доведя дела ни под каким предлогом до разбирательства присудственных мест, буде же однако ж кто из них в противность сего поступить то предварительно он должен платить в приказ общественного призрения пени пять тысяч рублей в пользу бедных».⁹ Определены права и обязанности наследников в случае смерти А. Кнауфа или Д. Гильгера в течение срока контракта. Специальным пунктом устанавливалось, что за шесть месяцев до окончания контракта стороны должны решить, желают ли они продолжать сотрудничество и продлевать договорные отношения. Заключительная статья содержит информацию об удостоверительных знаках (подписи сторон), распределении и хранении экземпляров под-

линник оставался у Д. Гильгера, а копия — у А. Кнауфа), а также необходимости «записи в Маклерскую книгу».¹⁰ По-видимому, Андрей Кнауф, как представитель купечества (к тому же иностранного происхождения), полагал, что подобного рода сделка нуждается в заверении маклером. Во-первых, это была абсолютно европейская практика, а во-вторых, маклеры в России в некотором смысле выполняли роль нотариусов.¹¹

Договор между А. Кнауфом и Д. Гильгером — яркий пример частного акта. По классификации С. М. Каштанова, это частный акт договорного вида (акт трудового найма).¹² Надо заметить, что частноправовые акты между иностранцами традиционно отличались неизменным вниманием к деталям, что вполне объяснимо: контрагенты преследовали цель максимально подробно оговорить условия сделки и избежать возможных споров.¹³ Причем детальная проработка касалась прежде всего, коммерческих вопросов.

Давид Гильгер, вероятно, перешел на заводу А. Кнауфа ввиду неудавшейся (или оказавшейся ненужной) перестройки казенного Ижевского завода, куда он и был изначально приглашен российским правительством. В 1806 г. российский консул в Данциге, статский советник Л. Трефурт, сообщил министру финансов о находящемся при фабрике стальных изделий в Данциге немецком фабриканте Давиде Гильгере, отличавшемся отменным искусством и знанием дела. Изделия Д. Гильгера пользовались большим спросом как в Европе, так и в России. Л. Трефурт узнал о поступившем фабриканту приглашении от британского консула переселиться в Англию и, в свою очередь, предложил Д. Гильгеру поехать в Россию на более выгодных условиях.¹⁴ Договор был

¹⁰ Там же. Л. 35об.

¹¹ См.: Лизунов П. В. Зарождение маклерства в России // Материалы III науч. чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Lizunov.pdf (дата обращения: 09.04.2021).

¹² См.: Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 151, 152.
¹³ Например, договор 1742 г. между иноземцем «шведской нации» Йоганном Фридрихом Гиришбергером и Санкт-Петербургским купцом, армянином Филипом Макзимовым представлял собой развернутый текст, определявший права участников контракта и их наследников в связи с совместным устройством железоделательного завода на Олонце. Споры должны были рассматриваться «добрым посредством через честных, добрых и совестных людей», а составлен договор в присутствии двух свидетелей. При этом один экземпляр контракта «компанейщики» передали в Берг-коллегию, так как действовали в рамках Берг-привилегии и нуждались в дозволении высшего горного ведомства на строительство заводов. РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 16. Л. 30–32об.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–10.

⁷ Там же. Л. 33.

⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 887. Л. 17–190б.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 340б.

подписан в 1807 г. в Петербурге. Целесообразно сравнить этот государственный контракт с частным договором Д. Гильгера с А. Кнауфом с позиций дипломатического анализа внутренней формы документов.

Обратимся к анализу формуляров обоих актов. Договоры начинаются с указания места и даты их заключения. Данный элемент условного формуляра, именуемый *datum*, в дипломатике традиционно относится к конечному протоколу акта.¹⁵ Однако перемещение этого компонента в начало текста являлось характерной чертой контрактов XIX в.¹⁶ Далее в первых статьях рассматриваемых актов обнаруживаем различия. В частном договоре между Д. Гильгером и А. Кнауфом после *datum* сразу следует статья договорного типа, относящаяся к диспозиции (*dispositio*) и определяющая характер устанавливаемых отношений — «учинено сие условие между...», после чего перечисляются контрагенты. Разделение на интитуляцию и инскрипцию в данном случае явно отсутствует. Условно контрагент № 1 — «московский первой гильдии купец и завододержатель Андрей Андреев сын Кнауф», контрагент № 2 — «иностранный фабрикант Давыд Петров сын Гильгер».¹⁷ За идентификацией участников сделки следует смысловое продолжение упомянутой выше договорной статьи, где продолжается мысль, о сути заключенного условия: «...в том, что все между ими состоящая условия и контракты, разумея тут и условие в разсуждении заведения иностранными мастерами фабрики, сим уничтожены так как будто они никогда не состояли, а на место того условлено...»¹⁸ С одной стороны, данную систему оборотов (пользуясь терминологией грамматически-дипломатического членения текста акта)¹⁹ справедливо отнести к диспозиции (то есть распоряжениям по существу дела), поскольку грамматически здесь

присутствует прямое указание на содержание заключенного «условия». В то же время, если пользоваться юридически-тематическим принципом и анализировать смысловое содержание данного компонента, можно расценить его как преамбулу (*arenga*), тем более что в общей структуре контракта он предваряет основную часть, содержащую новые условия договорных отношений (что очевидно и с документоведческой точки зрения: после данного абзаца следуют пронумерованные пункты, излагающие условия найма на следующие пять лет).

Что же касается преамбулы государственного контракта Д. Гильгера, она носит вполне классический характер, поскольку содержит юридическую ссылку на основание заключения договора — «согласно с Высочайшим соизволением со стороны казны».²⁰ В остальном первая статья соглашения схожа с договором фабриканта с А. Кнауфом. После *datum* следует диспозитивное «заключен сей договор», далее — упомянутая *arenga* и перечисление контрагентов. При этом, в отличие от частного договора с А. Кнауфом, где у обоих участников сделки указаны статусные характеристики, в данном случае чины и звания расписаны только применительно к одной стороне, которую представляет Андрей Федорович Дерябин, «обер-берг-гауптман 4 класса, горный начальник заводов Гороблагодатских, Камских, Пермских и банковских Богословских и управляющий Дедюхинскими соляными промыслами», тогда как Давид Гильгер назван просто «иностранцем».²¹

Основная часть текста казенного договора в целом структурно выстроена по тем же общим принципам, что и частный контракт с А. Кнауфом. Первые три пункта посвящены обязанностям Давида Гильгера, которые, однако, прописаны более подробно. Миссия Д. Гильгера в отношении государственных заводов состояла из двух этапов. Первый — вербовка иностранных мастеров за границей. В данной части договора в качестве исполнителя фигурирует третье лицо — оружейный мастер, иностранец Август Карл Поппе, совместно с которым Д. Гильгер должен был выполнить задачу по поиску и найму специалистов. Из текста не ясно, был ли заключен отдельный договор с А. К. Поппе, но содержится указание на

¹⁵ См.: Каштанов С. М. Указ. соч. С. 170.

¹⁶ См., напр.: ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75. Л. 108; Ф. 212. Оп. 1. Д. 742. Л. 4; Д. 5592. Л. 8.

¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 33. С. М. Каштанов приводит наблюдения западных дипломатистов о том, что некоторые договоры лишены интитуляции, а потому в таких случаях участников следует обозначать как «контрагент № 1» и «контрагент № 2». При этом он замечает, что в русских частных актах субъектом интитуляции можно считать лицо, «обозначению которого предшествуют слова «се аз» <...>, тогда другой контрагент становится субъектом инскрипции». См.: Каштанов С. М. Указ. соч. С. 183. Однако в нашем случае действительно отсутствуют указания на то, кто является инициатором создания документа, а кто адресатом.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 33.

¹⁹ См.: Каштанов С. М. Указ. соч. С. 192.

²⁰ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

²¹ Там же.

обязательственные отношения: «А. К. Поппе, которой **обязался** [выделено нами — Е. О.] вообще с Гильгером набирать работников...» Прописаны предполагаемые территории для осуществления вербовки, а также финансовое обеспечение путешествия. Кроме того, назван ожидаемый срок возвращения контрагтера — конец 1807 г.²² Фактически же Д. Гильгер вернулся из Европы только весной 1809 г., вызвав в Россию 134 иностранных мастера. То обстоятельство, что выполнение миссии по вербовке специалистов затянулось, тем не менее не вызвало санкций за нарушение контракта и не воспрепятствовало признанию заслуг Давида Гильгера Александром I — уже в мае 1809 г. императорским указом жалование фабриканта было обращено в пенсион.²³

Ко второму этапу своей миссии на казенных заводах Д. Гильгер должен был приступить после завершения вербовки оружейников и прибытия на Урал. Подчиняясь общим указаниям А. Ф. Дерябина, иностранный фабрикант «в звании управителя» обязывался осуществлять надзор за вновь организуемой инструментальной фабрикой, содействовать её устройству, «чтобы соответствовала цели своей и приносила пользу». Также Д. Гильгеру следовало прилагать старания для организации труда работников фабрики и контролировать качество производимых ими изделий. К его же компетенции относились проверка надлежащего хранения товаров и наблюдение за правильным ведением бухгалтерии (для чего ему выделялись специальные помощники). В целом же Д. Гильгеру надлежало приложить все усилия к тому, чтобы фабрика «пришла в хорошее состояние и сделалась совершеннее», а также в точности выполнять все распоряжения А. Ф. Дерябина.²⁴

Вернемся к договору фабриканта с А. Кнауфом и сравним перечень обязанностей контрагтера в случае частного найма. Подробных разъяснений в тексте не содержится, но сделан ряд акцентов. Вероятно, это связано с тем, что перед нами не первичное «условие». В первом пункте говорится, что Давид Гильгер «продолжает заниматься главным управлением всеми его Кнауфа заводами».²⁵ В первую очередь подчеркивается, что «по должности

Главногоуправляющего обязуется он во всех делах поступать честно, справедливо и добропорядочно, ничего противозаконного не делать...» Данный фрагмент больше напоминает элемент условного формуляра *sanctio*, включающий обязательство не нарушать контракт. Традиционно такой компонент входил в завершающую часть акта. Здесь же он перенесен в одну из первых статей диспозиции, а финал документа не содержит условий, касающихся обоюдного обязательства сторон соблюдать договор. Конкретизированы следующие должностные обязанности Д. Гильгера: правильно вести счета, предоставлять А. Кнауфу по его требованию отчеты, минимум раз в год объезжать и инспектировать все заводы и в целом «всемерно стараться о пользе Кнауфа и умножении доходов со вверенных его управлению заводов». Представляется, что последнее требование при известной относительности можно считать «формулой».²⁶ В государственном контракте Д. Гильгера аналогичным образом присутствует условие об общем старании, направленном на извлечение пользы и процветание фабрики. Пожалуй, мы не найдем в этих или иных договорах единой формулировки такого рода пунктов. Однако смысл остается неизменным, тогда как данное утверждение не подкрепляется разъяснением какой-либо схемы оценки этих «стараний вообще». Вероятно, таковым мог бы служить подсчет прибыли за время управления заводами наемным администратором или факты, свидетельствующие о росте производственных мощностей и т. п. Текст контракта не дает конкретики в этом отношении, а потому и последующая оценка эффективности его выполнения, по-видимому, оставалась на усмотрение высшего горного начальства или заводовладельцев.

Как и в соглашении Д. Гильгера с А. Кнауфом, договор фабриканта с казенным ведомством продолжается смысловым блоком условий, содержащих обязанности нанимателя (и одновременно — права иностранца). В государственном контракте соответствующие статьи сформулированы в виде обязательств

²² Там же. Л. 24–25.

²³ См.: Селивановский Н. С. Первые иностранцы на Ижевском оружейном заводе // Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции. 2011. № 3 (13). С. 39.

²⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–25об.

²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 33.

²⁶ Наиболее дробные части статьи (элементы и характеристики, по методологии С. М. Каштанова) делятся на реалии, формулы и описания. «Реалии — имена лиц и названия географических объектов. Формулы — устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой. Описания — отступающие от «типичных» формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия» (Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 30).

А. Ф. Дерябина как представителя со стороны казны. Речь идет о жаловании Д. Гильгера (2500 рублей ассигнациями), а также о праве получения им 10 % прибыли ежегодно, обеспечении жильем и материалами для строительства собственного дома, предоставлении казенного капитала на строительство фабрики и обеспечении инструментами. Данный блок статей «закольцован» пунктом, вновь касающимся обязанностей Д. Гильгера, в котором он обещает выполнять поручения А. Ф. Дерябина не только по инструментальной фабрике, но и по оружейному заводу, если таковые возникнут.²⁷

Следующие три статьи государственно-контракта Д. Гильгера относятся к вопросам «динамики» контракта (срока действия, продления, расторжения) и статуса контрагента. Установлено, что договор заключается на 10 лет. По истечении данного периода жалование Д. Гильгера должно было перейти в пожизненный пенсион. Если же стороны договорятся о пролонгировании соглашения, то наряду с названной пенсией иностранцу следует назначить новое содержание. Казна имела право досрочно расторгнуть контракт, если по прошествии трех лет организуемая фабрика «будет в полном действии». При этом вознаграждение Д. Гильгера надлежало также оставить ему в качестве пенсионера. Если бы иностранец в течение срока контракта пожелал вступить в действительную казенную службу, то все проработанное время следовало зачесть ему в счет службы, а чин даровать в соответствии с занимаемой должностью по горной части. Содержание Д. Гильгера в этом случае не подлежало уменьшению. Договор завершается статьей, сочетающей в себе два элемента условного формуляра — *sanctio* и *corroboratio*. Первый заключается во взаимном обещании сторон в точности и «без всякого упущения» соблюдать контракт, а второй — в описании удостоверительных знаков: «в уверение чего два равных списка изготовлены обеими договорившимися сторонами подписаны и разменяны».²⁸ Как видим, государственный контракт не нуждался в удостоверении посредниками вроде маклерских контор, как в случае частноправового соглашения с А. Кнауфом.

В отличие от Д. Гильгера, Александр Эверсман приехал в Россию не на государственную

службу по контракту, а по частному приглашению Андрея Кнауфа. Контракт был заключен на выгодных условиях на срок 4 года. А. Эверсман наделялся широкими полномочиями, фактически имел право действовать как владелец и заводчик. Все финансовые расчеты могли производиться только с его предписания. А. Эверсману назначалось жалование в 700 голландских червонцев в год, при этом один червонец принимался за три рубля серебром. Кроме того, ему предоставлялась квартира с отоплением, освещением и прислугой, а также был дан переводчик.²⁹ Однако вскоре выяснилось, что А. Кнауф не в состоянии выполнить взятых на себя обязательств, а после перехода заводов в казну Александр Эверсман не замедлил обратиться в Департамент горных и соляных дел с ходатайством о выплате ему жалования, обещанного бывшим заводовладельцем.³⁰ После тщательного разбирательства и переговоров с А. Кнауфом Эверсман получил часть требуемых им денег от казны. Знания и опыт прусского горного советника ожидаемо оказались востребованы на казенных предприятиях. На него, как когда-то на Д. Гильгера, возложили миссию по найму иностранных мастеров теперь уже для новой Златоустовской оружейной фабрики. Несмотря на многие трудности, А. Эверсман более чем успешно справился с поставленной задачей, в результате чего в Златоусте образовалась крупная немецкая диаспора. Усилия Александра Эверсмана удостоились щедрого вознаграждения как в карьерном плане (он получил должность директора фабрики), так и в материальном, а также статусном. Жалование составляло 6000 рублей, дополнительно назначалось 3000 рублей столовых. В марте 1817 г. А. Эверсмана наградили орденом Святой Анны 2-й степени. В октябре 1817 г. он получил увольнение в отставку по болезни. Несмотря на то что А. Эверсман не выслужил полных пяти лет, ему был назначен пенсион в размере полного оклада.³¹

Опыт службы по контрактам Давида Гильгера и Александра Эверсмана демонстрирует, что властные структуры и их представители, выступая контрагентами, не только четко

²⁷ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 26–27.

²⁸ Там же. Л. 28–28об.

²⁹ См.: Куликовских С. Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.). Челябинск, 2006. С. 37; РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 3, 6–6об.

³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 31–31об.

³¹ См.: Куликовских С. Н. Указ. соч. С. 36–45.

соблюдали договоры с иностранцами, но и дополнительно поощряли наемных администраторов. Более того, в первой четверти XIX в. подобное отношение распространялось не только на наиболее ценных и высококвалифицированных специалистов, но и на рядовых мастеров. Степень уважения к контракту видна из ситуации, сложившейся в связи с неясным положением иностранцев, нанятых А. Кнауфом, а затем перешедших «в наследство» казне. Директор Департамента горных и соляных дел, высказывая свое мнение по этому вопросу Министерству финансов, утверждал, что до принятия дальнейших решений всех иностранцев следует оставить на заводах на прежних условиях со всеми выгодами, которые они ранее получали. Свою позицию он аргументировал двумя доводами. Во-первых, судя по характеристикам, почти все мастера «суть люди сведущие в ремеслах весьма полезных для заводов», а во-вторых, «потому, что изменение в том сопряжено с одной стороны с нарушением контрактов, на основании коих вероятно они Кнауфом в Россию вызваны, а с другой совершенным для них разстройством по новости их здесь пребывания».³² Очевидно, что представители русской горной администрации заботились не

только о соблюдении государственных договоров, но и вообще воспринимали контракт как таковой (пусть и заключенный частным заводчиком) как юридически значимый документ, реальный гарант прав и привилегий сторон.

Изменение статуса контракта в представлении российских административных элит обуславливалось комплексом факторов. К таковым можно отнести общее повышение внимания к принципам законности, имиджевые стратегии (вспомним слова Александра I, приведенные А. С. Бурмакиным в Горном журнале, о том, что России — государству столь обширному и богатому, ничего не стоит хорошо содержать 200 семейств иностранцев),³³ развитие коммуникативных практик и выстраивание диалога между властью и подданными (или не подданными, но служащими русскому государю частными лицами — иностранцами). Постепенно правосознание представителей властных структур в данном аспекте сближалось с мировоззрением их контрагентов — иностранных специалистов, которые, по-видимому, могли чувствовать себя более уверенно, защищенно и привилегированно, чем их соотечественники, служившие российским монархам в предшествующий период.

Olga K. Ermakova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ermakovaok@mail.ru

CONTRACTS WITH FOREIGNERS IN THE FIRST QUARTER
OF THE 19TH CENTURY RUSSIA: DEVELOPMENT OF CONTRACTUAL RELATIONS
AND EVOLUTION OF LEGAL CONSCIOUSNESS

The article is devoted to a qualitatively new stage in the development of contractual relations between the Russian state and private individuals — foreigners, the transition to which became obvious in the era of Alexander I. On the basis of deep source analysis founded on the methods of diplomatics, the author demonstrates that in the first quarter of the 19th century the perception of a contract by representatives of power structures (even if the state did not act as a counterparty) was characterized by an awareness of the need for strict compliance with the conditions, the inadmissibility of violation, as well as the recognition of the dominant role of the contract over specific circumstances (including those that made the further execution of the contract meaningless for the treasury). As an illustration, the author selected agreements with mining engineers and administrators invited to the Ural factories in the early 19th century. For comparison, the paper analyzes not only government contracts, but also private-law acts of employment concluded by a German-born entrepreneur Andreas Knauf with other foreigners hired by him during the management of the Zlatoust plants on a leasehold basis. It is concluded that in the epoch under study, the contract could no longer be considered as a kind of “fiction” (V. Zhivov’s expression), which it really was in many ways during the reign of Peter I, when it just entered into mass use due to the active attraction of foreigners to Russia. The strengthening of the legal force of contracts

³² РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 7–70б.

³³ См.: Бурмакин А. С. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. Т. 4. С. 251.

provided hired foreign specialists at the beginning of the 19th century with a fairly stable legal status, and the evolution of the government's attitude to contractual obligations indicated the convergence of Russian and Western legal cultures.

Keywords: *contract, contractual relations, foreign specialists, legal culture, diplomatics*

REFERENCES

- Ermakova O. K. [Contracts with foreign specialists in Russia at the beginning of the XVIII century: the origin of the source and the formation of the variety of acts]. *Istorija: fakty i simvolj* [History: Facts and Symbols], 2018, no. 4 (17), pp. 52–59. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-52-59 (in Russ.).
- Ermakova O. K. [The industrial identity of the Urals and legal culture: at the intersection of Western European and Russian traditions (the 18th to mid-19th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no. 454, pp. 131–136. DOI: 10.17223/15617793/454/15 (in Russ.).
- Kashtanov S. M. *Očerki russkoy diplomatiki* [Essays on Russian diplomatics]. Moscow: Nauka Publ., 1970. (in Russ.).
- Kashtanov S. M. *Russkaya diplomatika* [Russian diplomatics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1988. (in Russ.).
- Kulikovskih S. N. *Zlatoustovskaya shkola avtorskogo holodnogo ukrashennogo oruzhiya. Stanovlenie i razvitie (1815–1860 gg.)* [Zlatoust school of authorial cold decorated weapons. Formation and development (1815–1860)]. Chelyabinsk: YuUrGU Publ., 2006. (in Russ.).
- Lizunov P. V. [The origin of brokerage in Russia]. *Materialy III Nauchnyh chteniy pamyati professora V. I. Bovykina* [Materials of the 3rd Scientific Readings in memory of professor V. I. Bovykin]. Available at: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Lizunov.pdf (accessed: 09.04.2021). (in Russ.).
- Selivanovskiy N. S. [The first foreigners at the Izhevsk arms factory]. *Idnakar. Metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* [Idnakar. Methods of historical and cultural reconstruction], 2011, no. 3 (13), pp. 27–43. (in Russ.).
- Wortman R. S. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The development of a Russian legal consciousness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. (in Russ.).
- Zhivov V. M. [History of Russian Law as a Semiotic Linguistic Problem]. *Zhivov V. M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Zhivov V. M. Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, pp. 187–305. (in Russ.).

Для цитирования: Ермакова О. К. Контракты с иностранцами в России первой четверти XIX в.: развитие договорных отношений и эволюция правосознания // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 147–154. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-147-154.

For citation: Ermakova O. K. Contracts with foreigners in the first quarter of the 19th century Russia: development of contractual relations and evolution of legal consciousness // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 147–154. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-147-154.

О. Н. Яхно

**НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ПИТАНИЯ
В РУССКОЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-155-163

УДК 94(470)“18/19”

ББК 63.3(2)531

Статья посвящена анализу предпосылок, путей и способов утверждения научного подхода к организации питания в русской массовой гастрономической культуре. Отмечается, что этот процесс берет свое начало на рубеже XIX–XX вв. Он опирался на стремительное развитие фундаментальных исследований в области биологии, биохимии, физиологии человека, клинической медицины, микробиологии. Благодаря их достижениям удалось обосновать основные положения рационального питания, сохраняющие свое значение до сегодняшнего дня. Оно должно, во-первых, по калорийности соответствовать энергозатратам организма. Во-вторых, быть сбалансированным по составу и качеству белков, жиров, углеводов, витаминов, минеральных веществ. В-третьих, учитывать состояние здоровья, пол, возраст, профессиональные занятия и климатические условия проживания человека. Эти идеи активно пропагандировались в печати и в кулинарных книгах, издаваемых массовыми тиражами. Их распространению способствовало увеличение численности так называемого среднего класса, представители которого были достаточно образованы и располагали средствами, чтобы использовать научный подход в организации питания. Отмечается, что имеющиеся документальные источники не позволяют оценить масштабы внедрения такого подхода в повседневную практику. Но даже сама постановка вопроса о необходимости научного отношения к процессу питания свидетельствовала о наметившемся векторе изменений в массовой гастрономической культуре. В заключение делается вывод, что обозначенные подходы легли в основу эталонной модели организации питания советской эпохи.

Ключевые слова: *гигиена питания, гастрономическая культура, кулинарное искусство, организация питания, здоровая пища, вегетарианство*

Сегодня естественным считается, что пища должна обладать по крайней мере двумя качествами. Во-первых, быть вкусной, доставлять удовольствие и, во-вторых, быть здоровой, максимально удовлетворять все физиологические потребности человека. Неслучайно на упаковках продуктов указываются их состав, калорийность, содержание белков, жиров, углеводов, витаминов, микроэлементов. Даже блюда в ресторанных меню все чаще характеризуют такими же показателями. Очевидно, что это проявление «научного подхода» к организации питания. Как правило, под ним понимают использование знаний, наработанных в области биологии, физиологии, медицины, генетики, для определения оптимального набора пищевых продуктов, призванного обеспечить нормальное развитие и функционирование человеческого организма с учетом его индивидуальных особенностей.

В традиционном обществе ничего подобного не наблюдалось. Привилегированные

классы ориентировались на обильное, порой расточительное потребление сытной и вкусной пищи. А для основной части населения проблема заключалась в обеспечении себя минимумом продуктов, достаточным для поддержания жизненных сил. Такое отношение к пище хорошо иллюстрирует высказывание французского крестьянина, зафиксированное в одном тексте XVII в.: «Был бы я королем, я бы жир ложками хлебал».¹

И только с началом перехода к буржуазному обществу и становления современной науки ситуация стала меняться. Наметилось понимание, что питание должно быть организовано с учетом гигиенических и медицинских знаний. Впервые подобные рекомендации появились в конце XVI в., например, в вышедшей в Англии книге с удивительно современным названием — «Сборник правил по диетическому питанию и здоровью».² Распространение «научно-медицинского взгляда» на питание во Франции связывают с публикацией книги Ж. А. Брилье-Саварена «Физиология

Яхно Ольга Николаевна — к.и.н., с.н.с. центра социальной истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: mrsyakhno@mail.ru

¹ Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009. С. 202.

² См.: Похлебкин В. В. Кухня века. М., 2000. С. 17.

вкуса»³ в первой четверти XIX в. Есть мнение, что в русской массовой гастрономической культуре научный подход к питанию оформился только в советское время. А его зримым воплощением стала «Книга о вкусной и здоровой пище», вышедшая в 1939 г. выдержавшая ряд переизданий.⁴ Однако понимание необходимости использовать научные знания при определении оптимального с точки зрения функционирования организма набора пищевых продуктов сформировалось в России гораздо раньше. И это сразу же оказало заметное влияние на кулинарное искусство и гастрономическую культуру в целом.

Внедрение научного подхода в практику организации питания обеспечил стремительный прогресс в изучении жизненных процессов, происходящих в организме человека. Он опирался на фундаментальные достижения второй половины XIX в. в области биологии, биохимии, физиологии, клинической медицины, микробиологии. Они заложили основы экспериментальной гигиены как отдельной отрасли медицинской науки, изучающей воздействие внешних факторов на здоровье человека и разрабатывающей мероприятия по профилактике заболеваний. Весомый вклад в ее становление и развитие внесли российские ученые. Важную роль в этом сыграла организация кафедр гигиены в Петербургской Военно-медицинской академии и Московском университете. Их деятельность дополняли исследования, проводившиеся в Казанском, Варшавском и Киевском университетах. Практическим применением результатов гигиенической науки занимались лаборатории по исследованию пищевых продуктов, созданные в Одессе и Петербурге, а также специализированные учреждения санитарно-гигиенического и эпидемиологического надзора. В 1879 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр «О принятии мер к охранению народного здравия». Во многих городах были образованы санитарные комиссии и была введена должность санитарного врача. Они следили за соблюдением санитарно-гигиенических предписаний, призванных предотвратить распространение поварных болезней. В сфере их компетенции

также входил контроль за качеством реализуемых в торговле продуктов питания.⁵

Накопление практического опыта и логика исследовательского поиска вели к дифференциации единой гигиенической науки. В результате в последней четверти XIX в. выделилось специальное направление, получившее название гигиены питания. Тогда же определилась цель ее исследования — создание научных основ рационального (оптимального, сбалансированного) питания и санитарной охраны пищевых продуктов на всех этапах их производства, оборота, потребления. В теоретическом плане гигиена питания занимается изучением физиологических и биохимических процессов переваривания и усвоения пищи, механизма обмена веществ в организме. В практической части — регламентацией мероприятий по санитарно-эпидемиологической (гигиенической) экспертизе качества и безопасности пищевых продуктов, определением нормы физиологических потребностей в питательных веществах и энергии.⁶

Уже на стадии становления полученные гигиеной питания результаты широко использовались в лечебной практике, санитарном деле, высшем и среднем медицинском образовании, при разработке нормативных документов. В числе последних особое место принадлежало закону «Об обеспечении доброкачественности пищевых и вкусовых продуктов и напитков», принятому в 1912 г. В полном объеме его тогда не удалось реализовать. Но заложенные в законе подходы сыграли ключевую роль при определении основ советской политики в сфере государственного контроля за производством и оборотом пищевых продуктов.⁷

В другом направлении — в разработке принципов оптимального питания — имелись свои достижения. Благодаря фундаментальным исследованиям удалось обосновать его основные положения, сохраняющие свое значение вплоть до сегодняшнего дня. Питание должно, во-первых, по калорийности соответствовать энергозатратам организма. Во-вторых, быть сбалансированным по составу и качеству белков, жиров, углеводов, витаминов, минеральных веществ. В-третьих, учитывать

³ См.: Павловская А. В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Ч. 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и международные коммуникации. 2015. № 4. С. 28.

⁴ См.: Сохань И. В. Особенности русской гастрономической культуры // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 347. С. 65.

⁵ См.: Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006. С. 109, 110.

⁶ См.: Королев А. А. Гигиена питания. М., 2014. С. 6.

⁷ См.: Пивоваров Ю. П. Гигиена и основы экологии человека. М., 2004. С. 15–17.

состояние здоровья, пол, возраст, профессиональные занятия и климатические условия проживания человека.

Эти положения широко использовались для разработки стандартов, регламентирующих потребление пищи, для категорий населения, ограниченных условиями проживания и деятельности, требующих специального ухода. К ним относились солдаты, арестанты, пансионеры лечебных и учебных заведений, призреваемые благотворительных учреждений и т. д. Разработка стандартов питания для этих категорий населения сопровождалась дискуссиями, иногда принимавшими острый характер. В качестве примера можно привести обсуждение вопроса о «кормлении учащихся народных школ». К нему была масса претензий по качеству и организации приема пищи. Отмечалось, что это негативно сказывается на здоровье и умственном развитии подрастающего поколения. Одни настаивали, что все дело в недостатке финансирования, которое невозможно увеличить в силу ограниченности средств. Другие считали, что проблема решаема, нужно только подойти к ней системно и с учетом новейших научных данных об обмене веществ в организме, о калорийности и полезности различных продуктов, разработать обязывающие нормы пищевого довольствия. Утверждалось, что такой подход без особого увеличения затрат позволяет заметно повысить качество питания учащихся. Так, собственно, и происходило на практике.⁸

Разумеется, обязательные предписания и стандарты питания касались достаточно узкого круга лиц. На массовую гастрономическую культуру они почти не оказывали влияния. В повседневной жизни даже в городах большинство населения продолжало руководствоваться традиционным подходом к выбору продуктов питания, их хранению, рецептам приготовления и организации приема пищи, обустройству кухни и т. д.⁹ Однако и здесь в конце XIX в. наметились заметные подвижки. Бурное развитие капиталистического уклада вело к появлению так называемого среднего класса, разделяющего ценности и идеалы буржуазного общества. С одной стороны, уровень

образования позволял их представителям оценить практическую полезность научных знаний и необходимость их использования для организации качественного питания. С другой — они располагали определенным достатком, чтобы пойти ради этого на дополнительные расходы. В результате в обществе, прежде всего в городах, оказалось достаточное количество людей, заинтересованных и способных обеспечить себя вкусной, питательной и здоровой пищей. Даже самое общее сопоставление цен на продовольственные товары¹⁰ с доходами предпринимателей, лиц свободных профессий, специалистов и служащих, чиновников, отдельных категорий высококвалифицированных рабочих говорит о том, что они располагали средствами для приобретения научно сбалансированного набора продуктов.¹¹

В этом отношении показательна хозяйственная записная книжка Е. Я. Корольковой, представительницы известного екатеринбургского купеческого семейства, хранящаяся в фондах Свердловского областного краеведческого музея. В нее заносились все денежные траты. Сами братья Корольковы владели продуктами магазинами. А вот жена одного из них практически ежедневно покупала различные виды хлеба, как минимум раз в неделю приобретались молочные продукты, яйца, рыба, мясо, масло (сливочное и растительное). Довольно часто приобреталось пиво. Употреблялись сезонные овощи и фрукты, делались заготовки.¹² Разумеется, семьи, способные приобретать такой набор продуктов, составляли заметно меньшую часть городского населения. Но именно они определяли образцы потребительского поведения, которым стремились следовать менее обеспеченные и менее образованные горожане.

Появление массового субъекта, способного воспринимать новации научно обоснованного подхода, сразу же было зафиксировано средствами массовой информации. В первую очередь это относилось к журналам по домоводству и для семейного чтения, выходившим тысячными тиражами. Они предназначались для широкого круга читателей, как говорилось, для тех «небогатых, но образованных

⁸ См.: Супрунов М. Н. Научные основы питания. Опыт применения их: согласованный с требованиями физиологии и диететики. Обед на три-четыре копейки из одного или двух блюд. СПб., 1909. С. 6, 7.

⁹ См.: Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбург. Городское застолье. Екатеринбург, 2021. С. 5–11.

¹⁰ См.: Молоховец Е. И. Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. М., 2002. (Репр. 1907). С. 11, 12.

¹¹ См.: Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906–1914. М., 2017. С. 73–75, 437.

¹² См.: Записная книжка Корольковой Е. Я. с записями хозяйственных расходов. 1909–1911. С/м 24940/10. Ф. 56. Оп. 1.

людей», которые способны оценить «практичность» предлагаемых советов.¹³ В таких журналах, как «Семьянин», «Женщина», «Хозяйка», «Женское дело», «Хозяйство и домоводство», периодически печатались материалы, дающие представление о рациональном питании, роли витаминов и питательных веществ в жизненных процессах. Одновременно со ссылками на достижения современных врачей, физиологов, гигиенистов давались советы по правильному подбору пищевых продуктов для детей и взрослых, режиму питания, выбору различных диет. Подобные сюжеты все чаще появлялись на страницах столичных и провинциальных газет, располагавших массовой читательской аудиторией. Даже в рекламе тех или иных пищевых продуктов начинает использоваться «научно-медицинская» аргументация: «Молочная мука Нестле пользуется свыше 40 лет на всем земном шаре громадным успехом и рекомендуется медицинскими авторитетами как лучшее питательное средство».¹⁴ Или другой пример: «Боржом предохраняет от упорных заболеваний желудочно-кишечных и печени, отложений песка и камней в желчных и мочевых путях, проявлений расстройства обмена веществ, подагры, ожирения и диабета».¹⁵ Настойчивая реклама «правильных» с научной точки зрения продуктов вызывала неоднозначное отношение. Поэтому она, как и следование новомодным диетам, становилась предметом многочисленных насмешек: «... вместо пасхального окорока можно бы ввести во всеобщее употребление угощать гостей овсянкой “Геркулес”. А вместо рождественского гуся предлагать питательные шоколадные галеты. А поросенка заменить пиллюлями от инфлюэнции».¹⁶

Более системно к изложению новой парадигмы питания подходила научно-популярная литература. Как правило, ее авторами были или профессиональные медики-гигиенисты, или общественники-просветители, искренне считавшие, что будущее за рациональной организацией питания. Это добавляло убедительности их аргументам. Как часто это бывает при пропаганде новых базовых принципов, многие просветители придерживались радикальных взглядов.

Типичным примером такого подхода являлась просветительская деятельность Д. В. Кан-

шина — сына сделавшего огромное состояние рязанского помещика, крупного чиновника по финансово-экономической части, мецената. В 1885 г. он подготовил и издал «Энциклопедию питания».¹⁷ В ней обосновывалась необходимость создания новой, основанной на научных знаниях гастрономической культуры. Этим, по его мнению, должна была заниматься специальная наука — «пищеведение». Для практического продвижения разработанных ею идей вслед за Ж. А. Брилье-Савареном строились планы организации Академии питания. В ней предлагались следующие отделы и комитеты: «1) Пищевой календарь, 2) Механика питания, 3) Статистика питания, 4) Религиозные понятия о питании, 5) Философия питания, 6) История питания, 7) Изящные искусства и питание, 8) Военное, тюремное и общественное питание, 9) Литература, терминология и библиография, 10) География питания». Предполагалось, что она будет включать не «гастрономов», а «ученых... людей науки», может быть, слабых в «гастрономических познаниях», но «сильных своими знаниями в своих специальностях, которые бы они приложили к нашему питанию и через это вывели бы весь род человеческий из того невежества, в котором он находится по самому важному своему органическому и экономическому отправлениям».¹⁸ Стоит заметить, что похожий подход был реализован в советское время при организации Института питания АМН СССР.

Аналогичные идеи содержались в журнале «Наша пища», издаваемом Д. В. Каншиным в 1891–1896 гг. В программной редакционной статье, опубликованной в первом номере, обосновывалась необходимость развития науки о питании как основы разработки оптимального пищевого рациона. Особо подчеркивался просветительский характер журнала. В связи с этим заявлялось, что наши физиологи и гигиенисты Ф. Эрисман, Б. Якоби, И. Сеченов и др. открыли многие законы питания, выработали нормы пищевого довольствия. И цель издания — на основе их изысканий «дать читателю возможность сознательно отнестись к таким важным вопросам, как выбор пищи».¹⁹ В структуре журнала выделялись разделы, посвященные нормативно-правовому регулированию, организации общественного питания, научным достижениям в области медицины

¹³ См.: Семьянин. 1894. Янв. Т. 1. С. 175.

¹⁴ Слово Урала. 1908. 27 марта.

¹⁵ Аполлон. 1909. № 1. С. 22.

¹⁶ Шуг. 1896. № 4. С. 3.

¹⁷ Каншин Д. В. Энциклопедия питания. СПб., 1885.

¹⁸ Там же. С. 386.

¹⁹ Наша пища. 1891. № 1. С. 3.

и физиологии человека, вопросам заготовок и хранения продуктов, ведению домашнего хозяйства, а также широкая библиография. Материалы каждого номера иллюстрировались изящными рисунками. Собственно кулинарному искусству журнал уделял заметно меньшее внимание. Тем не менее пропаганда последних открытий в области гигиены и физиологии человека, представлений о важности учета научных данных о питательных свойствах различных продуктов, а также зависимость качества питания от уровня материального достатка играли важную просветительскую роль.

Последняя тема также широко обсуждалась в изданиях, популяризовавших здоровый образ жизни. Отмечалось, что неравенство в доходах порождает две проблемы. Состоятельный класс потребляет избыточное, несбалансированное по составу питательных веществ количество пищи. В результате многие его представители склонны к тучности, подвержены заболеваниям, которых можно избежать при рациональном питании. С другой стороны, низкодоходные слои населения вынуждены довольствоваться «грубыми и дешевыми сортами» плохо приготовленной пищи, что в конечном счете негативно сказывается на их физическом и умственном состоянии.

Отсюда следовали рекомендации. Состоятельному классу предлагалось проявлять умеренность в пище, ограничивать ее потребление, руководствуясь научными данными о «качественном и количественном составе отдельных питательных веществ», необходимых и достаточных для поддержания нормальной жизнедеятельности организма. С рекомендациями лицам, имеющим низкие доходы, дело обстояло сложнее. Было понятно, что качественно улучшить питание они могут лишь в случае повышения своего благосостояния. Поэтому все сводилось к надеждам на «благоприятную экономическую обстановку» и пожеланию относиться «научно» к подбору и приготовлению пищевых продуктов исходя из имеющихся возможностей.²⁰

Высказываемые взгляды складывались в своеобразную дискуссию о том, что такое здоровое питание и какие количественные параметры его характеризуют. Вместе с тем все соглашались, что какого-то единого стандарта здесь быть не может. Отсюда следовал важный

вывод: потребность в пище должна определяться в зависимости от возраста, рода занятий, уровня физической нагрузки, состояния здоровья.²¹ В многочисленных публикациях разъяснялись «главнейшие методы определения количества пищи для лиц различных категорий», рассчитывались нормы, которые позволяют поддерживать высокую работоспособность и сохранять здоровье.²²

Конечно, активная пропаганда в прессе и в научно-популярной литературе новой парадигмы питания еще не означала ее широкого распространения в повседневной практике. Дело в том, что печатная информация (как и любая другая) далеко не всегда становится знанием, а знание — убеждением, побуждающим к практическим действиям. Поэтому есть основания утверждать, что материалы прессы, популяризовавшие научный подход к организации питания, скорее отражали представления авторов, редакторов и издателей о должном, чем реальную картину. Но, с другой стороны, газеты и журналы не могли игнорировать запросы своих читателей. В первую очередь они публиковали то, что вызывало общественный интерес или было оплачено, как в случае с рекламными объявлениями. Учет данного обстоятельства позволяет сделать вывод о растущей востребованности сведений, как «правильно», «научно обоснованно» организовать питание. И это, судя по всему, был не только абстрактный интерес. Многие публикации на тему питания представляли собой конкретные рекомендации. Можно предположить, что они так и воспринимались читателями и по крайней мере выборочно использовались в повседневной жизни.

Вывод о востребованности советов и рекомендаций, как организовать питание семьи вкусной, но в то же время здоровой пищей, подтверждает наблюдавшееся увеличение спроса на кулинарные книги, универсальные и специальные (посвященные детскому, диетическому, лечебному питанию и пр.). Они издавались огромными для своего времени тиражами. В качестве примера можно назвать сборник кулинарных рецептов и советов Е. И. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам». Эту книгу часто называют кулинарной энциклопедией конца XIX — начала XX в., она выдержала 29 изданий общим тиражом

²⁰ Гигиена питания // Будьте здоровы. 1895. № 11. С. 161; Скучная пища // Здравие семьи. 1905. № 1. С. 2.

²¹ См.: Биллоус А. Философия и гигиена еды. СПб., 1899.

²² Мунк И. Питание масс: в общедоступном изложении. Библиотека «Народного здравия». СПб., 1902. С. 4, 5.

300 тыс. экземпляров. Большими тиражами издавались и переиздавались другие универсальные кулинарные книги. Такая востребованность объяснялась тем, что, наряду с рецептами блюд и вариантами меню, они включали советы по выбору и хранению продуктов, обустройству кухни, организации приемов гостей и т. д. Все эти книги были рассчитаны на массового пользователя. По словам той же Е. Молоховец, в своей книге она стремилась объяснить хозяйкам, как «суметь при небольшом состоянии и умеренном расходе иметь постоянный хороший, вкусный, здоровый и разнообразный обед благодаря разумной экономии».²³

Подобные пассажи встречались практически во всех кулинарных книгах. Это только добавляло им популярности, поскольку приобретались они не для семейного чтения, а с практическими целями, как пособие по ведению домашнего хозяйства. Почти все кулинарные книги декларировали, что содержащиеся в них «указания, рецепты и советы» основаны на «строго научной основе». Особо подчеркивалась научная обоснованность рекомендуемых меню обедов. Утверждалось, что они «рассчитаны и составлены таким образом», чтобы обеспечить «в совершенно достаточном количестве» необходимые для человеческого организма питательные вещества.²⁴ Для большей убедительности своих рекомендаций многие авторы кулинарных книг ссылались на последние достижения в области физиологии человека и гигиены питания. Конечно, это делалось с разной степенью детализации. В отдельных случаях в кулинарные книги даже включались специальные разделы, содержащие сведения о биохимических процессах, происходящих в живых организмах, потребностях человека в питательных веществах, врачебной помощи при пищевых отравлениях, предпочтительном составе продуктов питания при различных заболеваниях и т. д.²⁵

Практиковались и другие подходы к обоснованию взаимосвязи здоровья и питания. Так, свою книгу кулинарных рецептов Е. И. Молоховец дополнила специальным изданием, содержащим сведения о различных врачебных средствах. В предисловии к ней отмечалось, что «по причине громадного пространства на-

шей империи нет никакой возможности иметь в каждой местности врача. К тому же наше государство так обширно, что в одной местности можно достать все лекарства, в другой — ровно ничего, что случается и в дороге».²⁶ И первоначальная цель Е. Молоховец помочь молодым хозяйкам постепенно переросла для нее в миссию, так как хозяйка должна «заботиться не только о своей семье, прислуге, крестьянах, но и о благосостоянии всех ближних вообще, как семьянинка своего дома и гражданинка великой семьи человечества».

Рецепты и меню, предлагаемые кулинарными книгами, учитывали традиционное разделение русского стола в соответствии с религиозным циклом на постный (растительно-рыбно-грибной) и скоромный (молочно-яично-мясной).²⁷ Но в сравнении с поваренными книгами предшествующего периода в них появляется одно важное дополнение: в текст включались специальные разделы, посвященные вегетарианскому питанию. Это было сделано в ответ на запросы наиболее «продвинутых» пользователей кулинарных книг. Разумеется, развитие вегетарианского движения, его морально-этические и философские основания — тема отдельного исследования.²⁸ В данном случае важно подчеркнуть, что в своих подходах к организации питания оно широко использовало научную аргументацию. Адепты вегетарианства утверждали, что отказ от мясной пищи благотворно влияет на состояние здоровья.²⁹ Подобные выводы подкреплялись рассуждениями о перспективах развития человека как биологического вида. Известный ученый-ботаник А. Бекетов настаивал, что в конце XIX в. исчезла необходимость «в развитых мышцах». Машины и механизмы вполне могут взять на себя тяжелый физический труд. Следовательно, исчезает необходимость в пище, «которая более всего способствует грубости нравов и развитию мускулов». Поэтому нужно заменить прежний смешанный (мясо-растительный) стандарт питания на новый, вегетари-

²⁶ Молоховец Е. Молодым хозяйкам собрание гигиенических и гомеопатических врачебных средств от различных болезней взрослых и детей. СПб., 1880. С. 4.

²⁷ См.: Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: историко-этнографический атлас. Екатеринбург, 2003. С. 83.

²⁸ См.: Зарубина Н. Н. Вегетарианство в России: индивидуальный выбор против традиций // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9, № 2. С. 137–154; Смирнова Г. Е. Вегетарианство в России: история и современность // Материалы II межд. симпозиума. История еды и традиции питания народов мира. М., 2016. Вып. 2. С. 123–136.

²⁹ См.: Самый полный вегетарианский стол. М., 1895; Белков В. Полная вегетарианская кухня. СПб., 1914.

²³ Молоховец Е. И. Подарок молодым хозяйкам. С. 7.

²⁴ Образцовая кухня и практическая школа домашнего хозяйства. М., 1991. Репр. 1892. С. 4.

²⁵ См.: Там же. С. 545–582, 586–604.

анский.³⁰ В распространении вегетарианства он видел действенный способ создания высоко нравственного человека. Ссылаясь на особое положение России, чьи «громадные земли до тех пор не могут и не будут служить человечеству», пока борьба с «мясоедными варварами Западной Европы минует окончательно и она перестанет угрожать России, осуждая ее в запущении столь огромных плодородных земель, пока Русь не будет в состоянии мирно возделывать свои поля».³¹

Но все же для последователей вегетарианства, в основном придерживавшихся либеральных взглядов, медико-биологические аргументы играли подчиненную роль. По их мнению, отказ от животной пищи был привлекателен по своим общественным последствиям. Утверждалось, что вегетарианство позволяет сгладить социальное неравенство. Бедным оно «необходимо из-за своей дешевизны и питательности», а богатым — «чтобы промыть все яды трупов, накопившиеся в перекормленном организме».³² Во многих случаях для подтверждения своих взглядов сторонники вегетарианства ссылались на зарубежные авторитеты, чьи работы активно переводились на русский язык.³³ Современники хорошо сознавали общественно-политическую подоплеку вегетарианского движения. По словам заведующего Гигиеническим институтом Московского университета профессора Ф. Ф. Эрисмана, его участники в первую очередь выражали несогласие с российской действительностью. В результате наблюдалась следующая картина: «Одни примыкают к вегетарианизму вследствие чисто-этических соображений; у других вегетарианский образ жизни принимает известную религиозную окраску; третьи бросаются в его объятия вследствие неудовлетворенности существующими условиями жизни; четвертые надеются при «рациональном» способе питания получить исцеление от различных физических недугов. При этих условиях понятно, что проявления вегетарианизма под-

час бывают довольно странны, эксцентричны и даже уродливы и что нередко несообразная форма, в которую облекается вегетарианское учение, затемняет его внутренний смысл».³⁴ Особенности российского вегетарианства ожидаемо вызывали негативную реакцию в традиционно-консервативных кругах. Его представители являлись излюбленной мишенью в фельетонах и карикатурах. Иногда они даже обвинялись в неблагонадежности как люди, поощряющие фарисейство и разжигающие в «обществе рознь при помощи пустого вопроса о пище, из-за недружелюбного отношения к большинству человечества».³⁵

Разумеется, в кулинарных книгах ничего не говорилось о преимуществах или недостатках вегетарианского питания. Включение этих разделов в кулинарные книги носило прагматический характер: если есть платежеспособный спрос на издания, содержащие рецепты вегетарианской кухни, то его нельзя игнорировать. Поэтому они просто фиксировали, что «многие в настоящее время начали по разным причинам и с разной целью придерживаться вегетарианства».³⁶ Затем перечислялись ограничения, которое оно накладывает на употребление в пищу различных продуктов, и предлагались рецепты вегетарианских блюд. Имеющиеся в наличии документальные источники не позволяют оценить, как часто к ним обращались читатели кулинарных книг. Впрочем, то же можно сказать о масштабах сознательного использования в повседневной практике рецептов приготовления пищи и меню обедов, разработанных с учетом «новейших научных данных».

Но даже сама постановка вопроса о необходимости перехода к модели здорового, сбалансированного питания и активная пропаганда этой идеи на страницах печати и в кулинарных книгах говорят о многом. Можно с уверенностью утверждать, что на рубеже XIX–XX вв. научное отношение к процессу питания становится важным компонентом русской гастрономической культуры. Именно тогда обосновывается необходимость дифференциации питания в соответствии с физиологией человека, возрастом, состоянием здоровья, физическими нагрузками, климатическими условиями и временем года.

³⁰ См.: Бекетов А. Питание человека // Вестн. Европы. 1878. № 8. С. 568.

³¹ Там же. С. 569.

³² Северова Н. Б. Поваренная книга для голодающих. Посвящается пресыщенным. СПб., 1911. С. 1.

³³ См.: Вильямс Г. Этика пищи, или Нравственные основы безубойного питания для человека: собр. жизнеописаний и выдержек из соч. выдающихся мыслителей всех времен: пер. с англ.: со вступ. ст.: «Первая ступень» Л. Н. Толстого. М., 1893; Кингсфорд А. Научные основания вегетарианства или безубойного питания. М., 1893; Моэс-Оскрагелло К. Природная пища человека. М., 1896.

³⁴ Эрисман Ф. Ф. Вегетарианизм перед лицом современной науки // Новости и биржевая газета. 1893. № 356–357. 28–29 дек.

³⁵ Енько П. Зло вегетарианства. СПб., 1893. С. 15.

³⁶ Молоховец Е. И. Подарок молодым хозяйкам. С. 909.

Разрабатываются рекомендации по оптимальному рациону и режиму питания для различных категорий людей. Предлагаются рецепты приготовления блюд и меню обедов, рассчитанные с учетом калорийности пищи и содержания в ней питательных веществ и т. д. Правда, как «руководство к действию» подобные советы и рекомендации были актуальны все же для немногих. Но это не отменяет главного: количество приверженцев научного отношения к организации питания росло. Оно сопровождалось дискуссиями, порой перехо-

дившими в обсуждение морально-нравственных и философских оснований гастрономической культуры. Тем не менее решающую роль в распространении рационального отношения к пище играла научная аргументация. И обозначенные тогда подходы легли в основу эталонной модели питания советской эпохи. Неслучайно сталинская «кулинарная библия» — «Книга о вкусной и здоровой пище» — и по своему содержанию, и даже по структуре повторяла лучшие аналоги дореволюционного времени.³⁷

Olga N. Yakhno

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *mrsyakhno@mail.ru*

A SCIENTIFIC APPROACH TO NUTRITION IN THE RUSSIAN GASTRONOMIC CULTURE AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

The article offers an analysis of the backgrounds, ways and means for the formation of a scientific approach to nutrition in the Russian popular gastronomic culture. The origin of this process goes back to the turn of the 19th–20th centuries. It relied on the rapid development of the fundamental research in the fields of biology, biochemistry, human physiology, clinical medicine, and microbiology. The results of these studies laid ground for the foundation of a rational nutrition theory that remains relevant to this day. First of all, rational nutrition should match energy consumption of a human body in terms of calories. Second, it should be balanced in terms of the composition and quality of proteins, fats, carbohydrates, vitamins, and minerals. Third, it is necessary to take into account the health status, sex, age, professional occupations and climatic conditions of a person's residence. These ideas were actively promoted in printed media and the broadly circulated recipe books. Their propagation was facilitated by a rapid growth of the so-called middle class, the members of which were fairly educated and sufficiently well-off to be able to adopt a scientific approach to nutrition. The author noted that the available documentary sources were insufficient for the assessment of the scale of this approach assimilation in the everyday practice. Nonetheless, even the very fact of raising an issue of the need for a scientific approach to the process of nutrition was an indication of the emerging vector of change in the popular gastronomic culture. The author concludes that these developments laid the foundation for the reference model of Soviet period nutrition.

Keywords: *food hygiene, gastronomic culture, culinary art, nutrition model, healthy food, vegetarianism*

REFERENCES

- Chagin G. N. *Narody i kul'tury Urala v XIX–XX vv.: istoriko-etnograficheskiy atlas* [Peoples and cultures of the Urals in the 19th–20th centuries: historical and ethnographic atlas]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2003. (in Russ.).
- Korolev A. A. *Gigiyena pitaniya: uchebnik dlya studencheskikh uchrezhdeniy vysshego obrazovaniya* [Food Hygiene: A Textbook for Student Institutions of Higher Education]. Moscow: ITs "Akademiya" Publ., 2014. (in Russ.).
- Mikityuk V. P., Yakhno O. N. *Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga. Gorodskoye zastol'ye* [Everyday life of Ekaterinburg. City feast]. Ekaterinburg: Izd-vo OOO Universal'naya tipografiya "Al'fa print" Publ., 2021. (in Russ.).
- Minenko N. A., Apkarimova E. Yu., Golikova S. V. *Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII — nachale XX veka* [Everyday life of the Ural city in the 18th — early 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 2006. (in Russ.).

³⁷ См.: Яхно О. Н. Кулинарные книги как источник реконструкции гастрономической культуры // Урал. ист. вестн. 2019. № 1 (62). С. 113–120.

- Montanari M. *Golod i izobiliye. Istoriya pitaniya v Evrope* [Hunger and Abundance. History of nutrition in Europe]. Saint Petersburg: "Alexandriya" Publ., 2009. (in Russ.).
- Pavlovskaya A. V. [Gastrosophy: the science of food. Formulation of the problem. Part 1]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhdunarodnyye kommunikatsii* [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2015, no. 4, pp. 23–38. (in Russ.).
- Pivovarov Yu. P. *Gigiyena i osnovy ekologii cheloveka* [Hygiene and the basics of human ecology]. Moscow: ITs "Academiya" Publ., 2004. (in Russ.).
- Pokhlebkina V. V. *Kukhnya veka* [Cuisine of the century]. Moscow: "Polifakt: Itogi veka" Publ., 2000. (in Russ.).
- Rossiia nakanune velikikh potryaseniy: *Sotsial'no-ekonomicheskii atlas. 1906–1914* [Russia on the Eve of Great Upheavals: A Socio-Economic Atlas. 1906–1914]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2017. (in Russ.).
- Smirnova G. E. [Vegetarianism in Russia: history and modernity]. *Materialy II mezhdunarodnogo simpoziuma. Istoriya yedy i traditsii pitaniya narodov mira* [Materials of the 2nd International Symposium. The history of food and nutritional traditions of the peoples of the world]. Moscow: Tsentr po izucheniyu vzaimodeystviya kul'tur Publ., 2016, iss. 2, pp. 123–136. (in Russ.).
- Sokhan I. V. [Features of Russian gastronomic culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2011, no. 347, pp. 61–68. (in Russ.).
- Yakhno O. N. [Cookbooks as a source of the gastronomic culture reconstruction]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2019, no. 1 (62), pp. 113–120. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-113-120 (in Russ.).
- Zarubina N. N. [Vegetarianism in Russia: individual choice versus tradition]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologia istorii* [Historical Psychology & Sociology], 2016, vol. 9, no. 2, pp. 137–154. (in Russ.).

Для цитирования: Яхно О. Н. Научный подход к организации питания в русской гастрономической культуре рубежа XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 155–163. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-155-163.

For citation: Yakhno O. N. A scientific approach to nutrition in the Russian gastronomic culture at the turn of the 19th–20th centuries // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 155–163. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-155-163.

А. С. Иванов, В. В. Рашевский
**СЕВЕР В «БОЛЬШИХ» И «ВЕЛИКИХ» НАРРАТИВАХ
 ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-164-172

УДК 929

ББК 72.31

В исследовании на основе анализа серии биографических интервью предпринята попытка представить проработку социально-культурного понятия «Север» как части социально обусловленного процесса, структурирующего биографии участников профессионального коллектива геологов, а также включить память коллектива геологов в широкий социокультурный контекст эпохи. Анализ различных типов повествований («больших» и «великих») геологического освоения позволяет авторам проследить создание цепи взаимосвязанных рассказов, соединяющих нас с сообществом исторического происхождения и совокупностью их опыта. Абстрактные образы Севера как территории прогресса и опережающего развития в рассказах рядовых геологов вытесняются метафорой «стройки через всю жизнь», которая объединяет их индивидуальный северный опыт, привязывая его к строениям, организациям и фигурам прошлого и настоящего. Фигурой памяти, встраивавшей «большие» нарративы участников геологического освоения в пирамиду нарративов всероссийской памяти, является Ф. К. Салманов. Представленная им *grand*-версия нарративов выходит за рамки Севера. Постсоветские тексты пронизаны мотивами эмансипации геологического сообщества, а сам Салманов представлен в них в качестве создателя профессионального сообщества, обладающего не только северным, но и уникальным общесибирским опытом. Использование геологом практик переключения масштабов знаменует шаги на пути превращения «большого» нарратива Ф. К. Салманова в «великую» историю национального масштаба, текстов на службе настоящего и будущего геологического сообщества и всей страны.

Ключевые слова: геологи, большая нефть, нарративы, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Ф. К. Салманов

Введение

В сентябре 1957 г. в Сургуте высадились первые геологоразведчики во главе с Ф. К. Салмановым, была образована Юганская партия структурно-поискового бурения, которая подчинялась Новосибирскому геологическому тресту. В 1958 г. на ее базе была организована Сургутская нефтегазразведка. В сентябре 1959 г.

была образована Сургутская нефтегазразведочная экспедиция (далее — СНРЭ), первым руководителем которой был назначен Ф. К. Салманов. Геологоразведчик является одним из первооткрывателей нефти в Западной Сибири, признанным специалистом в области наук о Земле, а также почетным жителем города Сургута и северных округов. СНРЭ открыла первые месторождения нефти в Среднем Приобье, в числе которых Мегионское, Усть-Балыкское, Западно-Сургутское и др.

История геологических открытий и становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса относится к числу тем, хорошо изученных в историографии. Здесь необходимо выделить работы историков тюменской школы: Н. Ю. Гавриловой, В. П. Карпова, Г. Ю. Колевой, М. В. Комгорт.¹

Авторами, прибегающими к использованию инструментария имагологии, выделен ряд групп историко-географических и социально-психологических образов Севера/Сибири/

Иванов Александр Сергеевич — к.и.н., с.н.с. лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: 88d@bk.ru

Рашевский Василий Викторович — заведующий, Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф. К. Салманова», Сургутский краеведческий музей (г. Сургут); м.н.с. лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: vasilij_bftv87@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Тюменской области, проект № 20-49-720017 «Открытие «Большой нефти» в нарративах и исторической памяти тюменских геологов: дискурсивные практики и коммеморативные паттерны» (рук. И. Н. Стась)

¹ См.: Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации / Карпов В. П. [и др.]. Тюмень, 2011; Комгорт М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1920–1960-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2020.

Арктики. Идентифицированные авторами образы отличают универсализм и, с некоторыми оговорками, положительные коннотации, осмысливаемые в различных комбинациях в интегративном мотиве «северного притяжения» (М. Г. Агапов, В. П. Клюева)² и «мифологеме героического преобразования края» (О. Н. Стафеев).³ Содержание имеющихся в историографии работ ставит вопрос о необходимости локализации и контекстуализации выявляемых образов применительно к отдельным историческим периодам и сообществам с целью их правильного прочтения, декодирования и понимания.

В середине 2000-х гг. исследователи также стали говорить о второй волне нарративного поворота или второй волне нарративного анализа. В центре внимания здесь оказалось соотношение «больших» и «малых» историй (*small and big stories*) в практиках анализа. Появление концепции «малых» рассказов (историй), представляемых как своего рода «формула противоядия» от засилья давней традиции «больших»⁴ и «великих»⁵ нарративов, — это составная часть большого шага в рамках второй волны «нарративного поворота», знаменующая переход от изучения повествования как текста (первая волна) к изучению повествования в контексте.⁶ Теоретическая база для исследования данных групп нарративов представлена в работах М. Фини, А. Георгакопулу («малые» нарративы),⁷ М. Фримана («большие»),⁸ Ж. Лиотара («великие»).⁹

² См.: Агапов М. Г., Клюева В. П. «Север зовет!»: мотив «северное притяжение» в истории освоения российской Арктики // Сибир. ист. исслед. 2018. № 4. С. 6–24.

³ См.: Стафеев О. Н. Образ Севера Западной Сибири эпохи индустриализации в трудах мемуаристов // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 274–281.

⁴ Big stories — классические личные биографии / биографические интервью, включающие все этапы жизненного пути индивида.

⁵ Grand stories — особого вида нарративы легитимации/делегитимации и эмансипации, субъектом в которых выступает нация / народ / страна, в то время как акторы памяти, занимающиеся их распространением, как правило, вовлечены в принятие решений, определивших жизнь многих тысяч и даже миллионов индивидов.

⁶ См.: Georgakopoulou A. Thinking big with small stories in narrative and identity analysis // Narrative Inquiry. 2006. No. 1. (vol. 16). P. 123.

⁷ См.: Ibid. P. 122–130; Fina M. D., Georgakopoulou A. Analyzing Narrative: Discourse and Sociolinguistic Perspectives. Cambridge, 2013; Georgakopoulou A. Narrative performances: a study of modern Greek storytelling. Amsterdam; Philadelphia, 1997.

⁸ См.: Freeman M. Life “on holiday”? In defense of big stories // Narrative Inquiry. 2006. No. 1. (vol. 16). P. 131–138; Idem. Telling stories. Memory and narrative // Memory: histories, theories, debates. New York, 2010. P. 263–277.

⁹ См.: Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis, 1984.

В целях контекстуализации представляемого информантами прошлого нами также использован метод биографического структурирования, предложенный немецкими исследователями В. Фишером и М. Гоблирш.¹⁰ Настройки биографического структурирования дифференцированы и варьируются от случайных разговоров между незнакомыми людьми до биографических самопрезентаций, что позволяет использовать этот теоретический концепт для переключения в широком поле между «большими» и «великими» нарративами, координируя работу с разными типами повествований. Выбранная нами исследовательская оптика позволяет на основе серии биографических интервью представить проработку социально-культурного понятия «Север» как части социально обусловленного процесса по структурированию биографий участников профессионального коллектива геологов, а также включить память коллектива геологов в широкий социокультурный контекст эпохи.

Основой исследования является серия биографических интервью, собранная нами в 2010–2014 гг. Устные нарративы принадлежат сотрудникам Сургутской нефтеразведочной экспедиции, рассказы охватывают период конца 1950-х — середины 1960-х гг. Особое внимание уделено письменным нарративам начальника экспедиции Ф. К. Салманова.¹¹

«Север» в «больших» устных нарративах геологов

Автобиографическая память и нарратив схожи: то, каким образом мы помним, и то, каким образом мы говорим, пропитано конвенциями со схематической или даже стереотипной подачей личного прошлого, полученной из бесчисленных источников, многие из которых внешние по отношению к нашему личному опыту. Нарративы, с которыми мы имеем дело, представляют собой в значительной части совокупность конвенционных клише (в том числе образов), которые воспроизводятся информантом «по памяти».¹² Пространство

¹⁰ См.: Fischer W., Goblirsch M. Konzept und Praxis der narrativ-biographischen Diagnostik // Sozialpädagogische Diagnostik und Fallverstehen in der Jugendhilfe. Weinheim; München, 2004. S. 49–59; Idem. Biographical structuring: Narrating and reconstructing the self in research and professional practice // Narrative Inquiry. 2006. No. 1. (vol. 16). P. 28–36.

¹¹ См.: Стафеев О. Н. Воспоминания Ф. К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 166–169.

¹² Freeman M. Telling stories. Memory and narrative. P. 265.

нарративов очерчивается тем самым совокупностью социальных конвенций, принятых в геологическом сообществе, а также тем, кому доверено право говорить от имени этого сообщества. В нашем случае это мужчины и женщины (геологи), относящиеся к отраслевым ветеранским организациям.

Выявленные исследователями и обозначенные нами выше образы Севера в рассказах представителей геологического сообщества подчинены определенному паттерну. В первые моменты появления на тюменском Севере люди сталкиваются с иным климатом и северной природой.¹³

Так характеризует свои впечатления инженер по бурению Андрей Николаевич Стрельченко: «Я родился на Украине, там вырос. После учебы были на выбор Тюмень, Ханты-Мансийск и Омск, я выбрал Тюмень. По распределению попал в Покровскую партию, позже был переведен инженером по бурению в Березово.

Климат на Украине и у нас здесь, конечно, нельзя и сравнить. Там даже зимой почти снега может не быть, а здесь сугробы порой с человеческий рост. Погода такая порой непредсказуемая была. Как-то по работе был в Ханты-Мансийске, а мне нужно было к семье в Березово. А там снег, ветер такой зарядили, да на несколько дней подряд, что ни туда, ни оттуда паромы не ходили. Пришлось ждать, пока все утихнет, две недели почти ждал, и лишь потом теплоход пошел вниз, так я смог попасть в Березово».¹⁴

Непредсказуемость природы символизирует здесь неопределенность профессионального будущего и в то же время необходимость найти себя в новых природно-климатических («сугробы с человеческий рост») и пространственно-географических («пришлось ждать, пока все утихнет», «теплоход пошел вниз») условиях пространства Севера, адаптироваться к новой среде.

Следующим этапом стала адаптация к условиям социальной среды Севера. Рассказ главного геолога СНРЭ Е. А. Теплякова фиксирует неожиданное столкновение с разделением социального пространства на «правовой центр» и отведенную для ссыльных периферию: «Сургут, он же складывался [исторически], да

и сейчас местные жители говорят: Сургут — это Сургут, а Черный Мыс — это Черный Мыс. Разделен был тогда Саймой, мостишко такой был деревянный по Сайме. И жизнь разная была в Сургуте и в Черном Мысу. В Сургуте это считалось испокон веков жили свои люди, из поколения в поколение. А Черный Мыс... приезжие были, большинство из ссыльных... советская власть, я имею в виду и Райком партии, и Райисполком, были в самом Сургуте».¹⁵

В этом рассказе показателен тот факт, что северные территории описываются как край с непривычной конфигурацией населения и зональностью его размещения. В этом контексте можно говорить, что Север воспринимался геологами скорее не как «край маргиналов», а как пространство разнообразия, территория, где они сталкивались с новыми формами конфигурации населения, режимами расселения и зональности.

Ознакомившись с «расстановкой сил на местах», геологоразведчики, как и представители других сообществ мигрантов, приступали к решению повседневных задач, связанных с обеспечением выживаемости своих семей. Достижение результата порождало различные образы и обеспечивалось на двух уровнях.

Во-первых, это было обеспечение личной и семейной «продовольственной безопасности». Процесс этот происходил в условиях конца 1950-х — первой половины 1960-х гг. с их нарастающим дефицитом в городах и «сельскохозяйственными неурядицами» на селе, превращением определенных продуктов в неофициальные, но устойчивые маркеры положения человека в системе социальных связей.¹⁶ Е. А. Тепляков рассказывал: «Почти все, кто в экспедиции работал, за исключением немногих, увлекались грибами, ягодой — брусникой, черникой, клюквой поменьше, потому что надо было далеко и за болото ходить. Любители были и шишкарки. В общем, они себя обеспечивали всем. Благо, богатства Сибири были не только в недрах — нефть и газ, но и природные, которые испокон веков были. Природа здесь уникальная, и это нужно ценить».¹⁷ Именно природа Севера давала возможность не стать пассажиром «колбасной электрички», в которую нужно было еще попасть. И именно

¹³ Гололобов Е. Сибирский Север: динамика образа — от *Barren Grounds* к *Northern Plain* // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 1. С. 137–152.

¹⁴ ПМА. Интервью Стрельченко А. Н. Тюмень, 2014.

¹⁵ ПМА. Интервью Теплякова Е. А. Тюмень, 2012.

¹⁶ См.: Лебина Н. Историк и антропологический поворот: общее и сугубо частное // *Пассажиры колбасного поезда: этюды к картине быта российского города: 1917–1991*. М., 2019. С. 11.

¹⁷ ПМА. Интервью Теплякова Е. А. Тюмень, 2014.

это и нужно было ценить северянам 1960-х гг. В той же модальности прочитываются и нарративы других геологоразведчиков, где рассуждения о природе перешлетаются с «продовольственными мотивами» (Гильманова Э. М.).¹⁸

Во-вторых, постоянные сложности геологи испытывали не только в области продовольственного снабжения, но и в части жилищного строительства (отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий было причиной более половины увольнений геологов из СНРЭ в конце 1950-х гг.).¹⁹ Поэтому нарративы о первых годах пребывания на Севере фактически в каждом случае имеют в центральной своей части фрагмент, который можно назвать «воспоминания о самострое». ²⁰ Г. П. Титова рассказывает: «Когда приехали в Нефтеюганск в 1962 г., то жить было негде, а скоро подступала зима. Вместе с другими семьями стали строить засыпные дома. Все трудились, старшие дети помогали: ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. Благо, сибирская природа нам тут помогала со строительным материалом, быстро и качественно возвести свой дом». ²¹

Наиболее ярко эта тенденция проявилась в воспоминаниях геолога И. И. Пискулиной: «А начинать надо было с нуля... Где-то за месяца полтора-два мы собрали дом-то себе. Мы всю жизнь строились. Эти руки ничего не боятся, они все делали. И топор, и лом, все тут побывало, и бревна, и все было в этих руках. Я ничего не боялась». ²² В устных нарративах рядовых геологов выявляемые исследователями образы Севера как региона, «переходящего в новое состояние», ²³ региона «северного коллективизма» ²⁴ (коллективное «мы»), «новых людей», закаленных Севером, «индустриальных сибиряков-освоенцев» ²⁵ находят выражение в метафоре «стройки через всю жизнь», в чем также отражается «кочевой» характер геологической профессии.

Вместе с тем окончание периода адаптации в отдельных биографических рассказах связано с оседанием на Севере и начальным эта-

пом признания заслуг со стороны государства. Именно такую комбинацию мы находим в финальной части интервью Е. А. Теплякова: «Потом в 1959 г. летом дали нам квартиру — полдома. Были домики, как салмановский точно (как дом Ф. К. Салманова — А. И., В. Р.), пополам разделенный... Наш был домик на две долины. В одной половине мы жили, в другой половине Мордоренко Володя — начальник геофизической партии». ²⁶

Нарратив Е. А. Теплякова интересен не только фиксацией рубежного перехода жизни конкретного геолога в новое состояние, но и тем, что он фиксирует первый «начальственный опыт», который остальные геологи пережили позднее (основные домостроительные работы были завершены к 1959 г.). Но более всего рассказ Ефграфия Артемьевича примечателен тем, что в нем приводится отсылка к образцу того, что на сегодняшний день считается «домом геолога начала 1960-х гг.», — дому начальника Сургутской нефтеразведочной экспедиции Ф. К. Салманова, в котором он проживал с 1957 по 1961 г.

Именно вокруг этого дома сложился Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф. К. Салманова» Сургутского краеведческого музея. Комплекс дает нам явное описание геологической идентичности, которая кроется в физическом ландшафте, а сохранение именно этого деревянного дома с двускатной крышей дает образец места, «где жили настоящие геологи», и намек на время «настоящих героев», когда Салманов и его команда выступали акторами истории.

Также строения комплекса представляют нам геологическую версию Севера, поскольку Дом Салманова был сохранен в качестве образа всего доиндустриального прошлого северного города. Понимание эксклюзивности геологической версии прошлого усилится, если мы учтем тот факт, что предметы, представленные в доме, были отобраны мнемоническим актором (Сургутский краеведческий музей), который ежегодно 13 сентября проводит церемонию, приуроченную к годовщине высадки десанта геологов-первопроходцев 1957 г., с участием преимущественно членов ветеранских организаций, поддерживающих связь с музеем.

Наименование мест памяти служит средством отстаивания реальности и тем самым правоты («правдивости») определенной версии

¹⁸ ПМА. Интервью Гильмановой Э. М. Сургут, 2013.

¹⁹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 160.

²⁰ Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958–1972 гг.). Нефтеюганск, 2004.

²¹ ПМА. Интервью Титовой Г. П. Нефтеюганск, 2012.

²² Люди РФ. Он нашел нефть. Фарман Салманов (2018) [интервью с И. И. Пискулиной]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zr2vzosOfCg> (дата обращения: 20.05.2021).

²³ Стафеев О. Н. Образ Севера Западной Сибири... С. 274.

²⁴ Агапов М. Г., Клюева В. П. Указ. соч. С. 12.

²⁵ Стафеев О. Н. Образ Севера Западной Сибири... С. 276.

²⁶ ПМА. Интервью Теплякова Е. А. Тюмень, 2012.

прошлого, а следовательно, и настоящего.²⁷ Поскольку создание мест памяти публично санкционировано (проговорено), то любая подобная локация оказывается сопричастна к конструированию нарративов и даже «карт национальной идентичности»,²⁸ так как люди, находящиеся там, оказываются во «власти места». Как отмечает американский специалист в области публичной истории Д. Хейден, «власть места — это власть обычных городских ландшафтов воспитывать публичную память граждан, охватывать общее время в форме общей территории».²⁹

Выбор «начальственного» дома и фиксация его облика как образца дома геолога не были случайными. Именно к Салманову, а точнее к идеям, положениям и образам, зафиксированным в его письменных нарративах геологического освоения тюменского Севера, сегодня апеллируют как его сподвижники и последователи,³⁰ так и представители профессионального исторического сообщества. Самым ярким примером исторических исследований могут служить работы О. Н. Стафеева, в которых большая часть образов Севера/Сибири выстроена на основе салмановских нарративов.³¹

От «большого» к «великому»: письменные нарративы Фармана Салманова

Восприятие Севера разнится не только от профессионального коллектива к коллективу, но и от положения того или иного автора воспоминаний в нем, масштаба его личности. Многоуровневость масштабов исторического опыта находит прямое отражение в практиках нарратива. Описываемые авторами события второй половины XX в. сознательно или несознательно включаются ими в глобальный контекст, что порождает необходимость использовать прием переключения масштабов от глобального к региональному и локальному.³² Переключение масштабов опыта служит

изменению статуса и положения отдельных нарративов, представляет собой шаги на широком поле от «больших» к «великим» историям. В нашем исследовании совокупность письменных нарративов, сохранившихся в виде опубликованного эпистолярного наследия первооткрывателя сибирской нефти Ф. К. Салманова, может служить примером подобного «большого путешествия».

В книге «Сибирь — судьба моя» (1988) — первом «большом» письменном нарративе Ф. К. Салманова — при осмыслении северных опытов заметны «отеческие» коннотации, отмечающие намерение автора перевести свои жизнеописания в позицию «великих» нарративов. На страницах книги на тот момент заместитель министра геологии СССР определяет место геологических нарративов в иерархии памяти: «За десятилетия работы в Западной Сибири твердо убедился. <...> Так было, так есть и так будет до тех пор, пока существуют сложные регионы, пока есть трудные, горячие участки, которые и в мирное время называют передним краем».³³ Описываемые автором события (возможно неосознанно) включаются в глобальный контекст войн и потрясений последнего столетия. Военные аллюзии выполняют здесь функцию встраивания в пирамиду победных нарративов. Подобное видим и в нарративе фронтовика-геолога А. П. Панова: «Здесь, на Севере, набирала обороты борьба за сибирскую нефть. Трудиться нужно было на совесть, на благо Родины. Народ был закален войной, не боялся испытаний, многих не пугали трудности климата, невзгоды, сложности работы и быта, потому многие и ехали».³⁴ В данных суждениях Север представляется как место важнейшей битвы на переднем крае, имеющей ключевое значение для судеб Родины. Это не единственная отсылка к военным опытам.

Ф. К. Салманов косвенно (от противного) соотносит себя с «отцами-командирами» Второй мировой войны: «Первые в моей трудовой жизни руководители, возглавлявшие Плотниковскую партию, относились ко мне свысока: беспрестанное подшучивание, насмешки. Таков был стиль обращения в этом коллективе. Руководители считали себя строгими начальниками, не в меру любили изображать из себя этаких суровых фронтовиков “отцов-командиров”: с первого же знакомства на “ты”

²⁷ См.: Hodgkin K., Redstone S. Introduction: contested pasts // Memory, history, nation: contested pasts. New York, 2003. P. 11.

²⁸ Ibid. P. 11.

²⁹ Hayden D. The power of place: urban landscapes as public history. Massachusetts, 1995. P. 9.

³⁰ См.: Маслова О. Фарман Салманов: «В любые времена нас называли первопроходцами» // Новостной портал «Ugra-News». URL: https://ugra-news.ru/article/farman_salmanov_v_lyubye_vremena_nas_nazyvali_pervoprokhodtsami/ (дата обращения: 20.05.2021).

³¹ См.: Стафеев О. Н. Образ региона. Индустриальное освоение Севера Западной Сибири в общественном сознании // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 360–370.

³² См.: Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018. С. 8, 9, 14, 15.

³³ Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. М., 1988. С. 121.

³⁴ ПМА. Интервью Панова А. П. Сургут, 2010.

и по фамилии...»³⁵ Автор полагает, что только ветеранам-фронтовикам с их героическим опытом было бы позволительно «тыкать» подчиненным и нарушать правила межличностной коммуникации. В то же время, используя инструментарий переключения масштабов, геологоразведчик сравнивает себя с другими «отцами» нефтегазового освоения Севера, показывая свое происхождение — «хорошего отца» из «геологического простонародья». Все это служит закреплению позиций геологических нарративов в пирамиде памяти — как подвига мирного времени, не равного, но сопоставимого с подвигами Второй мировой войны, а также статуса самого Салманова как хорошего руководителя регионального уровня. Характерно, что в приведенном выше «отеческом» эпизоде произошло увеличение масштаба (путем перехода от аллюзий глобальной войны к уровню региональных руководителей). Итоги его пребывания в должности заместителя министра в Москве (1987–1991) и общенационального наследия было подводить еще рано.

Новый подход к переоткрытию своего «стабильного я» произойдет уже в постсоветский период. Чтобы изменить статус своих текстов, Ф. К. Салманову приходится отойти от описания повседневных практик отдельных геологических коллективов и своей роли в их функционировании, представить геологов в качестве новой общности, к созданию которой он имел непосредственное отношение. Книгам воспоминаний Ф. К. Салманова конца 1990-х — начала 2000-х гг. в той или иной степени присущ «профессиональный креационизм» — как саморепрезентация автора в качестве создателя профессионального сообщества, обладающего уникальным северным/сибирским опытом, который имел решающее значение для послевоенных судеб всей страны. С первых страниц «Жизни как открытия» (2003) мы видим стремление говорить от имени народа: «Геологи — народ особый! Закалку на прочность проходят — будь здоров! Особенно те, кто работал на Тюменском Севере: они закалку прошли жесточайшими морозами и беспощаднейшим гнусом приобских широт».³⁶ С позиций концепции grand-нарративов Ж. Лиотара нарративы Салманова этого периода могут быть прочитаны также как акт

эмансипации социальной группы со стороны носителя прогресса. В этом смысле важно помнить, что к моменту написания мемуаров Салманов был известным ученым — исследователем недр Среднего Приобья, доктором геолого-минералогических наук (1972),³⁷ своими «спекуляциями» в нарративах среди прочего легитимировавшим научный дискурс «большой нефти»,³⁸ а также борющимся с «неверием “авторитетов”-скептиков».³⁹

Важнейшая тенденция, характерная для салмановских нарративов постсоветского периода, — масштаб уменьшения, переход к масштабам общегосударственной и даже межгосударственной оптики. Наиболее рельефно эта динамика показывает себя при анализе практики использования автором регионимов «Сибирь» и «Север».

Проведенный нами на основе методики Л. Н. Мазур⁴⁰ контент-анализ указанных смысловых единиц показывает, что если в книге «Сибирь — судьба моя» (1988) Ф. К. Салманов использует в различных контекстах единицу «Север» на 17% чаще, чем «Сибирь» (104 против 86), то в книге «Жизнь как открытие» на смену «Северу» приходит «Сибирь», употребляемая в тексте 2003 г. в два раза чаще (334 против 155). Подобная практика переключения масштабов, конечно же, неслучайна и связана с осознанием Салмановым роста значимости и масштаба своей личности, для которой «Север» становится лишь одним из эпизодов и одной из площадок, на которой разыгрывались сцены жизненного пути, на котором автору лишь необъятная Сибирь представляется достаточной для демонстрации значимости сотворенных великих дел. Направленность этого процесса определилась уже в 1990-е гг. В вышедшей в 1997 г. книге «Кто толкает Россию к энергетической катастрофе» Ф. К. Салманов, говоря об итогах своей общественно-политической деятельности, отмечает: «Я обладал достаточно большими властными полномочиями и постарался внести посильный вклад в развитие дорогой мне сибирской земли».⁴¹ Через несколько лет

³⁷ См.: Он же. Закономерности распределения и условия формирования залежей нефти и газа в мезозойских отложениях Среднего Приобья: автореф. дис. ... д-ра геол.-мин. наук. Новосибирск, 1972.

³⁸ Lyotard J.-F. Op. cit. P. 33.

³⁹ Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. С. 121.

⁴⁰ См.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 164–180.

⁴¹ Салманов Ф. К. Кто толкает Россию к энергетической катастрофе. М., 1997. С. 38.

³⁵ Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. С. 38, 39.

³⁶ Он же. Жизнь как открытие. М., 2003. С. 10.

эти размышления будут включены в книгу «Жизнь как открытие» (2003).⁴²

Калибровка масштабов может быть понята в контексте превращения Салманова в одного из патриархов-создателей ТЭК России. На страницах книги 2003 г. автор уверенно рассуждает с позиции человека, заботившегося «о судьбах многих тысяч людей, связанных с делом, которое стало нашей общей целью: поиск и добыча нефти и газа».⁴³ Ф. К. Салманов фиксирует и защищает основные достижения героического прошлого геологов, размышляет «о причинах многих наших бед в прошлом и настоящем».⁴⁴ Салманова также занимают думы не только о настоящем геологической профессии, но и о будущем: «Что же ждет наших детей и внуков? Куда мы вообще идем? Что мы за такой невезучий народ, что, не успев справиться с одной бедой, тут же сами навлекаем на себя еще большую? Так и живем почти весь двадцатый век, вначале создаем себе трудности, а потом их героически преодолеваем».⁴⁵

В последних книгах Салманова речь идет не только о будущем геологии, нефтегазового комплекса и России в целом (причем России как некой трансграничной сущности, соединяющей части СНГ). Венцом мемуарного творчества Ф. К. Салманова становится вышедшая в 2006 г. книга с говорящим названием «Я — политик: раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны».⁴⁶

Автор выходит за пределы Севера, на общесибирский и национальный уровень: раскрывая ключевые образы Севера, Салманов делает это на ином уровне. Если для рядовых геологов и даже начальства среднего звена (например, Е. А. Теплякова) их северный опыт может быть описан в виде формулы «что я/мы сделала/и на Севере», то для Салманова его северный вояж отличается иным уровнем восприятия — «как меня/нас изменил Север». Уже в тексте 1988 г. читаем: «Как-то услышал я такую фразу: “Люди преобразуют Север — Север преобразует людей”».⁴⁷ Для салмановских текстов также характерен другой уровень обобщения и абстрагирования при описании основных северных образов. Рисуя образы «суровой и неуютной» сибирской природы,

Ф. К. Салманов вплетает в свои рассуждения «дух сибиряка», «дух, [который] необязательно должен родиться в Сибири, он может развиваться где угодно, но должен соответствовать Сибири, войти в ее общую атмосферу сопутствующим движением».⁴⁸ Поэтому сибиряк, по Салманову, это в том числе «совместимость человеческой души с природным духом».⁴⁹

Практики нарративизации северного опыта геологического освоения показывают, что участниками освоения создается цепь взаимосвязанных рассказов, которая выполняет функцию нитей, связующих магистралей, соединяющих нас с сообществом исторического происхождения и совокупностью их впечатлений.

Коллектив геологов в своих нарративах репрезентирует образы Севера на двух различных уровнях: на уровне «нарративного базиса», платформе «больших» отраслевых нарративов, где образы рождаются в ходе проговаривания формулы «чего я/мы достигли на Севере», и на уровне «нарративной надстройки», благодаря которой происходит дополнительное осмысление на более высоком уровне абстрагирования и обобщения, с позиции «как я/мы преобразованы Севером», что явно заметно уже в «большом» тексте Ф. К. Салманова конца 1980-х гг.

Привязка геологических нарративов к конкретно-историческим реалиям конца 1950-х — начала 1960-х гг. позволяет скорректировать выявленные исследователями образы применительно к отдельному профессиональному сообществу. В рассказах геологов природа Севера предстает скорее не как «суровый, но по-своему красивый край»,⁵⁰ а как средство выживания и обретения личной и семейной автономии от формальных и неформальных институтов и сетей хрущевской эпохи.

Знакомство с северными реалиями не вызвало у геологов этой местности ощущение «края маргиналов», скорее они воспринимали ее как «край разнообразия», характеризующийся непривычной конфигурацией населения и зональностью расселения. Также необходимо отметить, что в историях рядовых геологов абстрактные образы Севера как территории прогресса и опережающего развития вытесняются метафорой «стройки через всю

⁴² Он же. Жизнь как открытие. С. 481.

⁴³ Там же. С. 480.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 472.

⁴⁶ Салманов Ф. К. Я — политик: раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны. М., 2006.

⁴⁷ Он же. Сибирь — судьба моя. С. 121

⁴⁸ Он же. Жизнь как открытие. С. 147.

⁴⁹ Там же. С. 148.

⁵⁰ Агапов М. Г., Клюева В. П. Указ. соч. С. 17.

жизнь», которая объединяет их индивидуальный северный опыт путем привязки к одним и тем же объектам (строениям), организациям и фигурам (личностям) прошлого и настоящего.

Человеком, встраивавшим «большие» нарративы участников геологического освоения в пирамиду нарративов всероссийской памяти, являлся Ф. К. Салманов. Обладая статусом первооткрывателя сибирской нефти, он объединил в своем лице актора индустриального прогресса и фигуру памяти, связавшую локальные сети профессионального сообщества с внешним миром. Салмановским нарративом была предложена своеобразная программа описания «жизней на Северах», включающая все ключевые эпизоды (сюжеты) пути от прошлого к будущему трудовых коллективов нефтегазовой северной провинции позднесоветской эпохи.

Салмановский нарратив во многом формирует повестку «больших» нарративов других геологов, превращая их истории в рассказы спод-

вижников и последователей. Основой повестки, представленной Салмановым, становится версия значимых для всего профессионального сообщества отношений и событий, внутри которой отдельные члены сообщества проживают самые значимые события своих жизней.

Постсоветская *grand*-версия салмановских нарративов выходит за рамки дискурсивных контекстов, в которых протекают «реальные жизни» отдельных геологов. Мотивы эмансипации геологического сообщества, переоткрытие себя в качестве создателя профессионального сообщества, обладающего уникальным северным/сибирским опытом, и использование практик переключения масштабов знаменуют шаги на пути превращения «большого» нарратива Ф. К. Салманова в «великую» историю национального масштаба, арену обещаний яркого будущего и одновременно вестника грозных потрясений на службе настоящего и будущего геологического сообщества и всей страны.

Alexander S. Ivanov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: 88d@bk.ru

Vasily V. Rashevsky

Director, Memorial complex of pioneer geologists “House of F. K. Salmanov”, Surgut Museum of Local History; Tyumen State University (Russia, Surgut; Tyumen)

E-mail: vasilij_bfmv87@mail.ru

THE NORTH IN THE “BIG” AND “GRAND” NARRATIVES
OF GEOLOGICAL EXPLORATION

Based on the analysis of a series of biographical interviews, the article attempts to present the elaboration of the socio-cultural concept of “North” as part of the socially determined process of structuring the biographies of members of the professional team of geologists, to include the memory of the team of geologists in the broad socio-cultural context of the era. The analysis of various types of narratives (“big” and “grand”) of geological exploration allows the authors to trace the creation of a chain of interconnected stories that connect us with the community of historical origin and the totality of their experiences. The article shows that the abstract images of the North, in the stories of ordinary geologists, as a territory of progress and advanced development, are replaced by the metaphor of “construction through whole life”, which connects their individual northern experiences, linking them to buildings, organizations and figures of the past and present. F. K. Salmanov was a figure of memory who integrated the “big” narratives of the participants of geological exploration into the “pyramid” of narratives of All-Russian memory. His “grand” version of the narratives goes beyond the “North”. The post-Soviet texts are imbued with the motives of the emancipation of the geological community, and Salmanov himself is represented in them as the creator of a professional community with not only northern, but a unique Siberian experience. The geologist’s use of scale-switching practices marks steps towards transforming the “big” narrative of F. K. Salmanov’s contribution to the “grand” history on a national scale, and texts in the service of the present and future of geological community and the entire country.

Keywords: *geologists, Big oil, narratives, West Siberian oil and gas complex, F. K. Salmanov*

REFERENCES

Agapov M. G., Klyueva V. P. [‘The North is calling!’: the ‘northern attraction’ motif in the history of the Russian arctic development]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2018, no. 4, pp. 6–24. DOI: 10.17223/2312461X/22/1 (in Russ.).

- Fina M. D., Georgakopoulou A. *Analyzing Narrative: Discourse and Sociolinguistic Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. (in English).
- Fischer W., Goblirsch M. Biographical structuring: Narrating and reconstructing the self in research and professional practice. *Narrative Inquiry*, 2006, vol. 16, iss. 1, pp. 28–36. DOI: 10.1075/ni.16.1.06fis (in English).
- Fischer W., Goblirsch M. Konzept und Praxis der narrativ-biographischen Diagnostik. *Sozialpädagogische Diagnostik und Fallverstehen in der Jugendhilfe*. Weinheim; München: Juventa Verlag, 2004, pp. 49–59. (in German).
- Freeman M. Telling stories. Memory and narrative. *Memory: histories, theories, debates*. New York: Fordham University Press, 2010, pp. 263–277. (in English).
- Freeman M. Life “on holiday”? In defense of big stories. *Narrative Inquiry*, 2006, vol. 16, iss. 1, pp. 131–138. DOI: 10.1075/ni.16.1.17fre (in English).
- Georgakopoulou A. *Narrative performances: a study of modern Greek storytelling*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 1997. (in English).
- Georgakopoulou A. Thinking big with small stories in narrative and identity analysis. *Narrative Inquiry*, 2006, vol. 16, iss. 1, pp. 122–130. DOI: 10.1075/ni.16.1.16geo (in English).
- Gololobov E. [The Siberian North and the dynamics of an image: from Barren grounds to a Northern plain]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 137–152. DOI: 10.15826/qr.2017.1.216 (in Russ.).
- Hayden D. *The power of place: urban landscapes as public history*. Massachusetts: The MIT Press, 1995. (in English).
- Hodgkin K., Redstone S. Introduction: contested pasts. *Memory, history, nation: contested pasts*. New York: Routledge, 2003, pp. 1–21. (in English).
- Karpov V. P., Koleva G. Yu., Gavrilova N. Yu., Komgort M. V. *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy proyekt: ot zamysla k realizatsii* [West Siberian oil and gas project: from concept to implementation]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2011. (in Russ.).
- Komgort M. V. *Otkrytiye Zapadno-Sibirskoy neftegazonosnoy provintsii (1920–1960–ye gg.): doct. diss.* [Discovery of the West Siberian oil and gas province (1920–1960s): Diss. Doc.]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN, 2020. (in Russ.).
- Konrad S. *Chto takoye global'naya istoriya?* [What is global history?]. Moscow: NLO Publ., 2018. (in Russ.).
- Lebina N. [Historian and anthropological turn: general and purely private]. *Lebina N. Passazhiry kolbasnogo poyezda: Etyudy k kartine byta rossiyskogo goroda: 1917–1991* [Lebina N. Passengers of a sausage train: sketches for a picture of a Russian city's life: 1917–1991]. Moscow: NLO Publ., 2019, pp. 7–20. (in Russ.).
- Liotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. (in English).
- Mazur L. N. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Historical research methods]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2010. (in Russ.).
- Salmanov F. K. *Zakonomernosti raspredeleniya i usloviya formirovaniya zalezhey nefti i gaza v mezozoysskikh otlozheniyakh Srednego Priob'ya: avtoref. doc. diss.* [Distribution patterns and conditions for the formation of oil and gas deposits in the Mesozoic sediments of the Middle Ob region: Abst. Diss. Doc.]. Novosibirsk, 1972. (in Russ.).
- Stafeev O. N. [F. K. Salmanov's memoirs as a resource on the history of West Siberian oil and gas industry in 1960s–1980s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2007, no. 294, pp. 166–169. (in Russ.).
- Stafeev O. N. [Image of region: industrial developing of the North of Western Siberia in public consciousness]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2008, no. 20, pp. 360–370. (in Russ.).
- Stafeev O. N. [The image of the North of Western Siberia in the era of industrialization in the writings of memoirists]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: Sb. materialov III region. molodezhnoy nauch. konf.* [Historical research in Siberia: problems and prospects: Collection of materials of the 3rd regional youth sci. conf.]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2009, pp. 274–281. (in Russ.).

Для цитирования: Иванов А. С., Рашевский В. В. Север в «больших» и «великих» нарративах геологического освоения // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 164–172. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-164-172.

For citation: Ivanov A. S., Rashevsky V. V. The North in the “big” and “grand” narratives of geological exploration // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 164–172. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-164-172.

Е. А. Кочеткова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОМЫШЛЕННЫХ ЛЕСАХ СИБИРИ
СРЕДИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СССР В КОНЦЕ 1940-х — 1991 гг.***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-173-180

УДК 94(57)“1940/1991”:630

ББК 63.3(2)6+65.03(2)6

В статье анализируются представления о промышленных лесах Сибири среди специалистов лесной отрасли в контексте колонизации восточных районов страны. Особое внимание уделено восприятию специалистами освоения лесных ресурсов Сибири, а именно их ожиданиям в отношении промышленного лесопользования и оценкам заготовок древесины. Работа основывается на анализе профессиональных публикаций о «старых» (в основном Северо-Западного и отчасти Уральского регионов) и «новых» (Сибирский регион) лесах в периодических изданиях и институциональных сборниках. Автор ставит вопрос о значении, которое советские специалисты придавали восточным лесам в контексте промышленного развития. В работе показано, что лесопромышленники во многом воспроизводили государственную риторику «целинных» земель, видя в новой колонизации возможности для решения проблемы лесоснабжения отрасли, которая обозначилась в исследуемый период. Освоение лесных ресурсов и лесопромышленное строительство с помощью новейших технологий были одними из наиболее важных задач, которые ставили специалисты начиная с конца 1940-х гг. Многие специалисты отрасли надеялись, что рубки в новых районах позволят начать новую страницу в освоении лесов, что означало применение рационального и комплексного подхода к лесозаготовкам и создание безотходной переработки древесины. Это должно было минимизировать риски и потери, характерные для лесозаготовки в старых промышленных районах. Однако нехватка финансирования и инфраструктурные трудности, в том числе осложненный доступ к лесным массивам, воспринимались специалистами как перенос «старых» проблем в «новые» районы. С течением времени энтузиазм конца 1940–1950-х гг. сменился беспокойством среди некоторых специалистов лесозаготовительной отрасли, которые критиковали практики промышленного лесопользования в новых районах.

Ключевые слова: *лес, лесозаготовки, Сибирь, колонизация, модернизация, освоение*

После войны среди специалистов лесной отрасли сложились два важных представления, отражающих специфику отношения к промышленным лесам Сибири в контексте колонизации восточных районов Советского Союза. С одной стороны, среди специалистов было распространено представление о том, что леса восточных районов страны являются национальным богатством, освоение которого поможет решить проблемы, связанные с быстрым сокращением запасов промышленной древесины на северо-западе страны. С другой стороны, продвижение в край «зеленого золота» оказалось более сложной задачей, чем ожидалось в начале колонизации во второй половине 1940-х гг.: в основном лесные мас-

сивы были удалены от развитой инфраструктуры, что существенно удорожало процесс их освоения. Специалисты, работавшие в системе министерских и других институтов, регулярно публиковали статьи в профессиональных лесных журналах. В данной работе на основе профессиональных статей и отчетов центральных периодических изданий и сборников будет рассмотрено, как менялись представления специалистов (ученых, лесозаготовителей и инженеров) о сибирских промышленных лесах в контексте эксплуатации природных ресурсов восточных районов СССР в 1940–1980-е гг. Проблема освоения природных ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока затрагивалась во многих работах, однако лесной сектор и история развития лесозаготовительной отрасли как в контексте колонизации восточных районов, так и в СССР в целом все еще содержит много лагун. В историографии советской лесной отрасли в основном исследуются такие вопросы, как промышленное строительство, региональное распределение мощностей лесной промышленности и система управления лесами, однако мало исследован

Кочеткова Елена Алексеевна — PhD, доцент, н.с., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
E-mail: ekochetkova@hse.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук № МК-2936.2021.2 «“Зеленая держава”: лесные ресурсы в структуре советской экономики в 1945–1991 гг.»

вопрос о советских лесах как о воображаемом пространстве.¹ Труды Б. Барра, С. Нильссона и А. Швиденко, Ф. Прайда, С. Брейна, И. Р. Шегельмана, О. И. Кулагина, Н. Савчук посвящены проблеме лесопользования и освоения, а также размещению и функционированию лесопромышленных предприятий в разных регионах СССР после войны.²

Образ лесоресурсного изобилия был широко распространен в СССР после войны. Практически во всех публикациях, посвященных советским лесам и лесной промышленности в целом, выпущенных в СССР, о лесных ресурсах писали как о национальном богатстве и достоянии советского народа.³ Часто подчеркивалось, что леса необъятны, что это живое, обновляющееся наследие, а размеры лесов отдельных регионов сравнивались с масштабами территорий других стран. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. леса в СССР составляли 34 % мировых запасов, включая 58 % мировых запасов хвойной древесины. В Восточной Сибири находилось около 3/5 запасов древесины страны.⁴

¹ См. подробнее: *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago, 2015.

² См.: Barr B. *Regional Variation in Soviet Pulp and Paper Production* // *Annals of the Association of American Geographers*. 1971. Vol. 61, № 1. P. 45–64; Idem. *The Forest Sector of the Soviet Far East: A Review and Summary* // *Soviet Geography*. 1989. Vol. 30, № 4. P. 283–302; Barr B., Braden K. *The Disappearing Russian Forest: A Dilemma in Soviet Resource Management*. Lanham, 1988; Nilsson S., Shvidenko A. *The Russian Forest Sector: A Position Paper for the World Commission on Forests and Sustainable Development*. August, 1997. P. 6; Pryde P. *Conservation in the Soviet Union*. London, 1972; Brain S. *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh, 2011. См. также работы о более раннем периоде: Bonhomme V. *Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929*. Boulder, CO, 2005; Moran D. *Lesniki and Leskhozy: Life and Work in Russia's Northern Forests* // *Environment and History*. 2004. Vol. 10, no. 1. P. 83–105; Татаринцов В. П. *Лесной комплекс: состояние и перспективы развития*. М., 1989; *Лесопромышленный комплекс: состояние, проблемы, перспективы*. М., 2000; *Лесостроительство*. Архангельск, 2003; Шегельман И. Р., Кулагин О. И. *О вкладе лесного сектора в экономику СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)* // *Научный журнал КубГАУ*. 2012. № 78 (04). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/04/pdf/43.pdf> (дата обращения: 30.06.2021); Савчук Н. *Социально-экологические проблемы хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона: 1950–1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук*. Ангарск, 2007; Пушмин П. П. *Развитие лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности в Восточной Сибири в 1946–1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Иркутск, 2004; Тимошенко А. И. *Государственная политика формирования и закрепления наследия в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность*. Новосибирск, 2009; и др.

³ См.: Тимофеев Н. В. *Лесная индустрия в юбилейном году* // *Лесная промышленность*. 1970. № 4. С. 1.

⁴ См.: Jensen R., Shabad T., Wright A. *Soviet Natural Resources in the World Economy*. Chicago, 1983. P. 442; Kochetkova E. *In-*

При этом, однако, хотя руководство страны регулярно подчеркивало индустриальное значение лесов, лесная промышленность с самого начала оставалась, по выражению исследователей Б. Барра и К. Брендон, «бедным родственником» советской экономики.⁵ Эта отрасль, кроме отдельных направлений, таких как производство целлюлозы и бумаги, получала мало финансирования на протяжении всего периода. После войны многие специалисты писали о парадоксальной ситуации, сложившейся в лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслях, признавая кризис снабжения промышленности древесиной. Как подчеркивал Ю. Д. Абатуров, это был вызов, происходящий из неправильного представления о ресурсном богатстве, когда даже некоторые специалисты считали, что леса в СССР неисчерпаемы. Обусловленная этим неверным отношением длительная и хаотичная, как писали некоторые специалисты, эксплуатация лесов Северо-Запада привела к истощению ресурсной базы.⁶ На фоне, как многим казалось, необъятных лесов восточных районов кризис снабжения промышленных предприятий древесиной в европейской части страны выглядел реальной угрозой. Это подкреплялось прогнозированием ускоренной модернизации промышленности, вследствие чего все чаще стали говорить об угрозе исчезновения лесов из-за увеличивающейся нагрузки на природные ресурсы. Во многом это связывалось с темпами и достижениями научно-технического прогресса и расширявшегося промышленного производства. В послевоенный период древесины, особенно в связи с быстрым развитием лесохимии, использовалась в качестве базового материала для изготовления широкой линейки продукции, включая востребованную в космической отрасли специальную бумагу для записи спутниковых сигналов, также картон, одежду и другие изделия. Целлюлозно-бумажное производство было стратегически важным направлением: из целлюлозы производили военные товары, такие как порох и резина для авиации; в то же время в условиях развития массового потребления все более востребованными становились бумага, картон и

dustry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the mid-1950s to the 1960s // *Environment and History*. 2018. Vol. 24, № 3. P. 323–347.

⁵ См.: Barr B., Braden K. *Op. cit.* P. 231.

⁶ См.: Абатуров Ю. Д. *Лесные ресурсы СССР: состояние и охрана. Обзор на основе отчетов и диссертаций из фондов ВНИИЦ, а также публикаций за 1980–1985 гг.* М., 1985. С. 3.

строительные материалы.⁷ По этой причине в данный период как специалистами, так и чиновниками на разных уровнях многократно воспроизводилась идея о необходимости эффективного использования лесных ресурсов, главная цель которого заключалась в обеспечении постоянной ресурсной базы для производства. Создание такой базы подразумевало не только лесовосстановление, но и продвижение в восточные районы страны.

Ожидаемый рост промышленного и индивидуального потребления сырья поставил вопрос о поисках альтернативных решений проблемы сырьевой базы, связанной с длительными рубками в старых лесопромышленных районах страны. В этом смысле движение на Восток совпадало с политическими интересами: так, в 1956 г. на XX съезде КПСС констатировалась важность передислоцирования рубок к источникам сырья в Восточную Сибирь. Политическое решение, таким образом, подкреплялось представлениями ученых и промышленников, создавая консенсус по поводу необходимости продвижения в глубь «зеленой тайги». Действительно, ожидания перемен в объемах рубок привели к изменениям внутри лесозаготовительной отрасли. Например, в период между 1960 и 1970 гг. объем рубок в малооблесенных районах в европейской части РСФСР снизился на 17 млн куб. в год.⁸ В течение последующего десятилетия доля азиатской части страны в общем объеме рубок выросла на 6 %, соответственно, снизившись в европейской части. Таким образом, перемещение рубок в новые районы не означало интенсификации лесозаготовок в целом, но реализовывало принцип сообщающихся сосудов: уменьшение рубок в одной части страны — левее Урала — должно было привести к увеличению заготовок в другой части.

Идея освоения безграничных лесных пространств восточной части страны в промышленном масштабе не была новой: план развития лесной промышленности на 1921–1941 гг. предполагал, что основные мощности лесной промышленности должны были быть сконцентрированы не только на Севере, Северо-Западе и Урале, но и в Сибири и на Дальнем Вос-

токе. Тогда же было предложено использовать опыт Швеции и других стран по производству на одном предприятии бумаги, пиломатериалов и фанеры, то есть по созданию комплексных предприятий.⁹ Смысл этого предложения заключался в том, чтобы производить там, где непосредственно находились ресурсы, чтобы избежать затрат на транспортировку древесины. Частично эти устремления были реализованы в течение 1920–1930-х гг., когда был построен ряд крупных целлюлозно-бумажных предприятий вблизи источников ресурсов в северо-западной части страны, таких как Сясьский, Кондопожский, Вишерский, Балахнинский комбинаты, хотя в целом ресурсы восточнее Сибири все еще оставались своего рода неизведанной землей для производителей. В 1943 г. все леса кроме колхозных были разделены на несколько категорий, среди них были выделены леса общего экономического назначения, и в этом смысле восточные леса ожидали экономического освоения.¹⁰

Новый и более мощный виток интереса к сибирским и дальневосточным лесам появился в хрущевское время, и леса нового района должны были стать частью экономического развития страны. Характерен в этом отношении, например, язык детального описания ресурсов Западной Сибири — первого тома монографии по природным условиям и ресурсам в СССР, выпущенного Институтом географии АН СССР в 1963 г. В нем транслируется распространенное в то время утверждение о том, что «строительство коммунизма в нашей стране требует все более полного использования природных условий — учета и вовлечения в хозяйственный оборот всех естественных ресурсов».¹¹ Еще один пример — изданная в 1964 г. монография Т. К. Петрова, где говорится о том, что «успешное создание материально-технической базы коммунизма неразрывно связано с рациональным и активным вовлечением в хозяйственный оборот богатейших природных ресурсов нашей страны, в том числе наших лесов, раскинувшихся на необъятных просторах».¹² Тогда же в духе времени появилось выражение

⁷ Подробнее о разнообразии продуктов лесохимической промышленности см.: Куковеров М. А. Лесохимическая промышленность региона: вчера, сегодня, завтра // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2002. № 3 (18). С. 29–37.

⁸ См.: Судьев Н. Г. Лесным ресурсам — комплексное использование // Лесная промышленность. 1973. № 5. С. 2.

⁹ См.: Eronen J. Soviet Pulp and Paper Industry: Factors Explaining Its Areal Expansion // *Silva Fennica*. 1982. Vol. 16, № 3. P. 269.

¹⁰ См.: Lamer M. Growth, Output and Input of Soviet Timber // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1957. Bd. 78. P. 306.

¹¹ Западная Сибирь: Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1963. С. 5.

¹² Петров Т. К. Лес и его значение для народного хозяйства СССР. М., 1964. С. 3.

«лесная целина», которое часто использовали в публикациях в профессиональных журналах. Сибирь, в частности, представлялась как неизведанная зеленая земля, куда отправляли лесоустроителей, представлявших лесными разведчиками. Если до войны было известно всего 49 % всех лесов,¹³ то к концу 1950-х гг. на лесной карте СССР уже не оставалось «белых пятен»: практически все леса были «приведены в известность».¹⁴ Например, с 1940-х гг. работала Московская экспедиция Центрального аэрофотоустроительного треста Всесоюзного объединения «Леспроект» — особенно тщательно они обследовали обширные территории Прибайкалья, где был распространен сибирский шелкопряд, с которым боролись несколько десятилетий.

В то же время это было не просто экстенсивное колониальное движение: многие специалисты рассчитывали, что интенсификация рубок за Уралом должна была быть организована иначе, нежели в традиционном промышленном регионе в предыдущие десятилетия. Продвижение на восток, таким образом, должно было открыть чистый лист в практиках промышленных рубок с тем, чтобы прекратить захламление лесов и, как указывали специалисты, нерациональное использование отходов лесозаготовки и лесопиления.¹⁵ Леса восточных районов страны, таким образом, должны были выполнять функцию служения народу, что, говоря языком эпохи, было необходимо для успешного «движения к коммунизму» и создания материальной базы для этого.

Во многих профессиональных публикациях отмечалось, что долгие и неупорядоченные рубки лесов европейской части страны в ходе их длительной эксплуатации велись без учета принципа непрерывности и неистощительности лесопользования, при этом вырубались лучшие еловые древостои вблизи транспортных магистралей.¹⁶ Это привело к «резкому сокращению доступных запасов спелой еловой древесины в сырьевых базах». В результате некоторые целлюлозно-бумажные предприятия, потребляющие еловую древесину, были вы-

нуждены работать на привозном сырье.¹⁷ Как указывали В. Малкин и М. Ожегов в 1959 г., «грустно смотреть на лысеющие отроги Уральского хребта. Грустно потому, что еще совсем недавно они были покрыты замечательным хвойным лесом. <...> Сегодня в Свердловской области накопилось уже свыше 600 тысяч гектаров необлесившихся вырубок».¹⁸ Из-за того, что леса вокруг некоторых лесозаготовительных предприятий, расположенных в европейско-уральской зоне, заметно истощились, срок деятельности ряда леспромпхозов резко сократился, а часть из них пришлось передислоцировать. В среднем в 1970–1980-е гг. их срок работы составлял всего 10 лет, а в некоторых леспромпхозах только 3,5 года.¹⁹ На фоне таких настроений и оценок запасов древесины в восточных районах страны следовало создать новые условия для неистощительного лесопользования и устойчивой лесной инфраструктуры. Некоторые писали о том, что лесных запасов в Западной и Восточной Сибири должно было хватить на несколько десятилетий вперед, и за это время было возможно создать центры для устойчивого развития отрасли на востоке страны.²⁰

Новая технологическая колонизация Сибири и последующий поворот к нефте- и газодобыче, а также продолжавшееся строительство БАМа стали для многих лесозаготовителей сигналом об открывающихся возможностях разрешения технологического аспекта «древесного кризиса». Лесозаготовки в труднодоступных районах требовали огромных капиталовложений, однако возможность присоединиться к другим проектам в контексте комплексного использования лесных ресурсов виделась многим важной задачей для разрешения кризиса лесозаготовок. Так, лесозаготовки осуществлялись в местах железнодорожного строительства, и многие работники отрасли поддерживали эти проекты.²¹ В освоение новых территорий вовлекали многие отраслевые научно-исследовательские и проектные институты, в том числе Институт леса и древесины им. В. Н. Сукачева Сибирского отделения

¹³ См.: Lamer M. Op. cit. P. 292.

¹⁴ См.: Лесное хозяйство СССР за 50 лет. М., 1967. В этих целях в Государственном комитете СССР по лесу было создано специальное учреждение — Всесоюзный научно-исследовательский центр «Лесные ресурсы СССР», где собиралась обширная информация о лесах страны.

¹⁵ См. подробнее: Kochetkova E. Op. cit.

¹⁶ См.: Сычевский Г. Лесную отрасль новых районов — на современную основу // Лесная промышленность. 1971. № 9. С. 14.

¹⁷ См.: Абатуров Ю. Д. Указ. соч. С. 32.

¹⁸ Малкин В., Ожегов М. Такова наша технология // Мастер леса. 1959. № 11. С. 14.

¹⁹ См.: Абатуров Ю. Д. Указ. соч. С. 37.

²⁰ См.: Крылов Г. В., Холькин Ю. И. Вопросы химической переработки лиственной древесины в Сибири // Лесная промышленность. 1964. № 10. С. 20.

²¹ См.: Якунин А. Г. Освоение зоны БАМа — важная хозяйственная задача // Лесная промышленность. 1982. № 4. С. 4.

АН СССР, Союзгипролесхоз, Гипролестранс (комитет по лесной и деревообрабатывающей промышленности), Гипробум (институт по планированию предприятий бумажной промышленности) и др. Также значимым для освоения новых территорий было развитие дорожного строительства, поскольку железные и автомобильные дороги были одним из современных способов вывоза леса. Другим способом транспортировки заготовленной древесины были реки, также в избытке доступные в новых районах.²²

К 1970-м гг., однако, вера в возможность открытия новой страницы сменилась разочарованием, которое прежде всего связывалось с медлительностью и трудностями в продвижении на восток. Как писали некоторые специалисты, несмотря на принятые решения, продвижение в лесоизбыточные районы востока страны происходило крайне низкими темпами. Причины такой медлительности они видели в стоимости строительства: так, по их подсчетам, строительство новых предприятий было существенно более дорогим, чем реконструкция уже существующих.²³ В целом в профессиональной литературе частыми были жалобы на то, что в новых районах недостаточно использовались мощности, а леса были низкопродуктивными в промышленном отношении. Как правило, в таких работах указывались типичные общие проблемы «старых» и «новых» лесов уже в конце 1950-х гг.: естественное старение лесов, высокая заболоченность, длительные разрывы в некоторых типах леса таежной зоны между рубкой и возобновлением, потери от пожаров, насекомых и грибных заболеваний.²⁴ Одним из серьезных пунктов критики было, по мнению некоторых специалистов, отсутствие рациональных расчетов в вопросах переработки заготовленной древесины. Так, как указывали специалисты Института по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности Сибири и Дальнего Востока в конце 1960-х гг., «объемы переработанного сырья по каждому предприятию до последнего времени устанавливались

практически волевым порядком, без должного научного обоснования».²⁵

Некоторые специалисты подчеркивали, что важно было не просто строить новые деревоперерабатывающие предприятия, но сфокусироваться на лесозаготовке, поскольку, как говорил академик А. С. Исаев, задача размещения новых производств в удаленных районах была «не под силу нашей экономике».²⁶ Это было признанием приоритета колонизационной практики, обусловленным нехваткой огромного количества природных ресурсов, которого требовало освоение новых районов. В то же время эти тревожные взгляды сосуществовали с официальной позицией, согласно которой Сибирь, как и Дальний Восток, представляла собой «будущее отрасли».²⁷ Это подкреплялось строительством лесопромышленных комплексов, таких как Усть-Илимский ЛПК, и лесодобычей в рамках развития Братского промышленного комплекса. ЛПК были частью территориально-промышленных комплексов, основанных на принципе комплексного, то есть безотходного и территориально компактного использования ресурсов. Помимо этого, в рассматриваемый период были построены Байкальский, Селенгинский, Красноярский, Братский и Усть-Илимский целлюлозно-бумажные комбинаты. В целом до конца советской эпохи 70 % производства пиломатериалов, 3/4 производства целлюлозы и около 90 % бумажной продукции производилось в европейской части страны и, в меньшей степени, в Сибири.²⁸ В целом, как отмечалось в Государственном комитете по науке и технике в 1984 г., в это время механизация и использование лесозаготовительной техники существенно отставали от темпов лесозаготовок.²⁹

К концу советской эпохи, несмотря на низкую промышленную продуктивность, вырубку стали заметными не только в традиционно и длительно эксплуатировавшемся Северо-Западном регионе, но и в новых освоенных районах в Сибири. Масштаб вырубок

²² См.: Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI в.). Петрозаводск, 2008. С. 95. На лесосплаве было занято колоссальное количество людей — в среднем в рассматриваемый период около 160 тыс. человек, а в весенний период — до 240–250 тыс.

²³ См.: Чилимов А., Цехмистренко А. Интенсифицировать лесохозяйственное производство // Лесная промышленность. 1971. № 2. С. 16.

²⁴ См.: Букштынов А. Д. Лесные ресурсы СССР и мира. М., 1959. С. 14, 15.

²⁵ Заместителю председателя НТС Минлесбумпрома СССР М. П. Сердюкову, 8 декабря 1967 г. // РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2022. Л. 24.

²⁶ Общее собрание АН СССР. Выступление академика А. С. Исаева. URL: <http://www.bioecology.ru/tags/predsedatel-goskomiteta-sssr-po-lesu-akademik-a-s-isaev/> (дата обращения: 11.07.2021).

²⁷ Тимофеев Н. В. Освоение лесных богатств. М., 1979. С. 5.

²⁸ См.: Nilsson S., Shvidenko A. Op. cit. P. 28.

²⁹ См.: Протокол межведомственных совещаний в ГКНТ о развитии лесопромышленного комплекса, 1984 г. // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 13. Д. 1583. Л. 177.

существенно превышал масштаб лесоустроительных мероприятий и, наряду с другими проблемами, в отдельных местах приводил к проблемам уровня экологической катастрофы. При этом в источниках подчеркивалось, что создание инфраструктур, необходимых для продвижения в труднодоступные районы, было крайне дорого и требовало больших человеческих ресурсов.³⁰ Помимо вырубок, опережавших лесоустройство, проблемы создавали лесные пожары, уничтожавшие огромные лесные пространства. Так, «с 1950 по 1956 г. на территории лесов Западной Сибири (без Тюменской области) только в лесах госфонда пожары охватили площадь в несколько сот тысяч гектаров».³¹ Причиной частых и масштабных пожаров был высокий процент захламленности лесов, являвшейся также традиционной проблемой и в других регионах.³² Из-за сложных климатических условий, низкой квалификации рабочих, неправильной транспортировки и нехватки оборудования большое количество древесины, в основном неликвидной, оставалось в лесах.³³ Также проблема уничтожения лесов пожарами оставалась актуальной на протяжении всего советского периода и в дальнейшем. Так, как писал сотрудник Гослесхоза в 1986 г., «лесные пожары ежегодно наносят стране ущерб в сотни миллиардов рублей: гибнут сотни тысяч гектаров леса, огромные потери испытывает

охотничье хозяйство, загрязняются атмосфера и водоемы. Острота проблемы пока не снижается, а по ряду районов в связи с освоением их территории, возрастает».³⁴ Несмотря на хорошо развитую аэрофотосъемку и продвижение в восточные регионы страны, а также приведение почти всех лесов в известность, даже к концу советской эпохи почти 40 % лесов не были охвачены мониторингом.³⁵

Таким образом, несмотря на активное промышленное строительство в Сибири, некоторые специалисты характеризовали опыт «лесной колонизации» разочарованием, поскольку их ожидания второй половины 1940–1950-х гг. не оправдались. Образ сибирских лесов как территории бесконечного богатства во многом был причиной того, что многие специалисты поддерживали продвижение на восток. Леса Сибири должны были решить традиционные для европейской части проблемы перерубов и стать площадкой для более эффективной и продуктивной лесной промышленности. К концу советской эпохи, однако, произошло переосмысление этих представлений: многие специалисты отмечали, что виды и особенности восточных лесов, а также перенос практик лесозаготовок в новые районы почти без изменений не позволили выполнить поставленные задачи. Это показывает неоднозначность процесса «лесной колонизации» в призме представлений специалистов.

Elena A. Kochetkova

PhD in Social History, HSE University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: ekochetkova@hse.ru

NOTIONS OF SIBERIA'S INDUSTRIAL FORESTS AMONG SPECIALISTS IN THE SOVIET UNION, LATE 1940s–1991

This article examines the notions of Siberia's industrial forests among Soviet specialists in the context of colonization of Eastern regions of the USSR from the late 1940s to the late 1980s. It pays a particular attention to how specialists perceived forests of Eastern virgin lands and what were their expectations about industrial forest exploitation and wood harvesting. The analysis is based upon professional publications about the tension between so called “old” (mainly North-West and the Urals) and “new” (the Siberian region) forests. The author raises the question of the meaning that Soviet specialists placed on the newly colonized forests within the industrial development. The article demonstrates that foresters replicated the state rhetoric about “virgin” lands seeing the new technologies of colonization as a possibility for solving the problem of resource supply in the industry which became visible in the period under study. The development of forest resources and timber industry construction with

³⁰ См.: Материалы к заседанию Научно-технического совета по вопросу «Исходные данные для проектирования лесопромышленных комплексов» от 7 февраля 1968 г. // РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2022. Л. 8.

³¹ Таланцев Н. К. Пути улучшения охраны лесов Западной Сибири от пожаров // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 1959. № 2. С. 65.

³² См.: Kochetkova E. Op. cit.

³³ См.: Lamer M. Op. cit. P. 295.

³⁴ Николаенко В. Т. Защитное лесоразведение и охрана окружающей среды. М., 1986. Вып. 2. С. 81.

³⁵ См.: Nilsson S., Shvidenko A. Op. cit. С. 9.

the help of the latest technologies have been among the most important tasks set by specialists since the late 1940s. Many specialists hoped to start a new page in forest exploitation via the rational and complex, as they called it, approach to wood harvesting and processing. This was to minimize the risks and losses associated with forest exploitation in old industrial areas. However, the lack of funding and infrastructural impediments including difficult access to new forest reserves complicated the colonization drive and was perceived by specialists as a transfer of old problems (problems typical for the 'old' forests) to 'new' regions. In the course of colonization during the period between the late 1940s and 1980s professional enthusiasm of earlier decades changed to disappointment about the practice of forest colonization in the Soviet Eastern lands.

Keywords: *forest, wood harvesting, Siberia, colonization, modernization, development*

REFERENCES

- Abaturov Yu. D. *Lesnyye resursy SSSR: sostoyaniye i okhrana. Obzor na osnove otchetov i dissertatsiy iz fondov VNTITs, a takzhe publikatsiy za 1980–1985 gg.* [Forest resources of the USSR: state and protection. Review based on reports and dissertations from the VNTIC collections, as well as publications of 1980–1985]. Moscow: VNTITsentr Publ., 1985. (in Russ.).
- Barr B. Regional Variation in Soviet Pulp and Paper Production. *Annals of the Association of American Geographers*, 1971, vol. 61, no. 1, pp. 45–64. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1971.tb00764.x (in English).
- Barr B. The Forest Sector of the Soviet Far East: A Review and Summary. *Soviet Geography*, 1989, vol. 30, no. 4, pp. 283–302. DOI: 10.1080/00385417.1989.10640778 (in English).
- Barr B., Braden K. *The Disappearing Russian Forest: A Dilemma in Soviet Resource Management*. Totowa, N. J.: Rowman and Littlefield, 1988. (in English).
- Bonhomme B. *Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929*. Boulder, CO: East European Monographs, 2005. (in English).
- Brain S. *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2011. (in English).
- Bukshtynov A. D. *Lesnyye resursy SSSR i mira* [Forest resources of the USSR and the world]. Moscow: Izdvo MSKh SSSR Publ., 1959. (in Russ.).
- Chilimov A., Tsekhmistrenko A. [Intensify forestry production]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1971, no. 2, p. 16. (in Russ.).
- Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. (in English).
- Eronen J. Soviet Pulp and Paper Industry: Factors Explaining Its Areal Expansion. *Silva Fennica*, 1982, vol. 16, no. 3, pp. 267–285. (in English).
- Jensen R., Shabad T., Wright A. *Soviet Natural Resources in the World Economy*. Chicago: University of Chicago Press, 1983. (in English).
- Kochetkova E. Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the mid-1950s to the 1960s. *Environment and History*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 323–347. DOI: 10.3197/096734018X15137949591972 (in English).
- Krylov G. V., Kholkin Yu. I. [Issues of chemical processing of deciduous wood in Siberia]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1964, no. 10, pp. 18–20. (in Russ.).
- Kukoverov M. A. [Timber industry of the region: yesterday, today, tomorrow]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes in the region: facts, trends, forecast], 2002, no. 3 (18), pp. 29–37. (in Russ.).
- Lamer M. Growth, Output and Input of Soviet Timber. *Weltwirtschaftliches Archiv*, 1957, Bd. 78, pp. 291–319. (in English).
- Lesnoye khozyaystvo SSSR za 50 let* [Forestry of the USSR for 50 years]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1967. (in Russ.).
- Lesopromyshlennyy kompleks: sostoyaniye, problemy, perspektivy* [Timber industry complex: state, problems, prospects]. Moscow: MGUL Publ., 2000. (in Russ.).
- Lesoustroystvo* [Forest management]. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 2003. (in Russ.).

- Malkin V., Ozhegov M. [This is our technology]. *Master lesa* [Master of the forest], 1959, no. 11, p. 14. (in Russ.).
- Moran D. Lesniki and Leskhozy: Life and Work in Russia's Northern Forests. *Environment and History*, 2004, vol. 10, no. 1, pp. 83–105. DOI: 10.3197/096734004772444423 (in English).
- Nikolaenko V. T. *Zashchitnoye lesorazvedeniye i okhrana okruzhayushchey sredy* [Protective afforestation and environmental protection]. Moscow: TsBNTI Gosleskhoza SSSR Publ., 1986, iss. 2. (in Russ.).
- Nilsson S., Shvidenko A. The Russian Forest Sector: A Position Paper for the World Commission on Forests and Sustainable Development. Available at: https://www.researchgate.net/publication/255620176_Is_Sustainable_Development_of_the_Russian_Forest_Sector_Possible (accessed: 30.06.2021). (in English).
- Petrov T. K. *Les i yego znacheniye dlya narodnogo khozyaystva SSSR* [Forest and its significance for the national economy of the USSR]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1964. (in Russ.).
- Pryde P. Conservation in the Soviet Union. London: Cambridge University Press, 1972. (in English).
- Pushmin P. P. *Razvitiye lesozagotovitel'noy i derevoobrabatvayushchey otrasley promyshlennosti v Vostochnoy Sibiri v 1946–1985 gg.: Avtoref. kand. diss.* [The development of logging and timber industries in Eastern Siberia in 1946–1985: Abst. Diss. Cand.]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2004. (in Russ.).
- Savchuk N. V. *Sotsial'no-ekologicheskiye problemy khozyaystvennogo osvoyeniya Angaro-Eniseyskogo regiona: 1950-ye – 1991 gg.: Doct. Diss.* [Socio-ecological problems of economic development of the Angara-Yenisei region: 1950s – 1991: Diss. Doct.]. Angarsk: Angarskaya gosudarstvennaya tekhnicheskaya akademiya, 2007. (in Russ.).
- Shegelman I. R. *Lesnyye transformatsii (XV–XXI v.)* [Forest transformations (15th–21st century)]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. (in Russ.).
- Shegelman I. R., Kulagin O. I. [About the contribution of timber industry to the USSR economy during the period of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Politematicheskiiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2012, no. 78 (04). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2012/04/pdf/43.pdf> (accessed: 30.06.2021). (in Russ.).
- Sudiev N. G. [Forest resources — complex use]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1973, no. 5, pp. 2, 3, 6. (in Russ.).
- Sychevsky G. [Timber industry of new areas — on a modern basis]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1971, no. 9, p. 14. (in Russ.).
- Talantsev N. K. [Ways to improve the protection of forests in Western Siberia from fires]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Lesnoy zhurnal* [Russian Forestry Journal], 1959, no. 2, p. 65. (in Russ.).
- Tatarinov V. P. *Lesnoy kompleks: sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Forest complex: state and development prospects]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1989. (in Russ.).
- Timofeev N. V. [Forest industry in the anniversary year]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1970, no. 4, pp. 1–5. (in Russ.).
- Timofeev N. V. *Osvoyeniye lesnykh bogatstv* [Development of forest resources]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1979. (in Russ.).
- Timoshenko A. I. *Gosudarstvennaya politika formirovaniya i zakrepleniya naslediya v rayonakh novogo promyshlennogo osvoyeniya Sibiri v 1950–1980-ye gg.: plany i real'nost'* [State policy for the formation and consolidation of heritage in the areas of new industrial development of Siberia in the 1950s–1980s: plans and reality]. Novosibirsk: Sibirskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2009. (in Russ.).
- Yakunin A. G. [The development of the BAM zone — an important economic task]. *Lesnaya promyshlennost'* [Forest industry], 1982, no. 4, pp. 3–4. (in Russ.).
- Zapadnaya Sibir': Prirodnyye usloviya i yestestvennyye resursy SSSR* [Western Siberia: Natural conditions and natural resources of the USSR]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963. (in Russ.).

Для цитирования: Кочеткова Е. А. Представления о промышленных лесах Сибири среди специалистов в СССР в конце 1940-х — 1991 гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 173–180. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-173-180.

For citation: Kochetkova E. A. Notions of Siberia's Industrial Forests among specialists in the Soviet Union, late 1940s–1991 // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 173–180. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-173-180.

В. М. Рынков

**ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ (ЛЕТО 1918 — ОСЕНЬ 1922 г.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-181-189

УДК 94(47+57)“1918/1922”

ББК 63.3(235.55+253+255)61

В статье исследованы правовые механизмы регулирования предпринимательства на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке при антибольшевистских правительствах. Автор рассмотрел политический и экономический контекст событий Гражданской войны на востоке России. Курс власти на восстановление прав собственников и относительной свободы предпринимательства, наличие сети торгово-промышленных организаций, присутствие большого числа юристов в составе высших и центральных органов управления антибольшевистских правительств стали важнейшими предпосылками для усиления роли правовых регуляторов предпринимательской деятельности. На востоке России были разработаны юридические основания для продолжения работы торгово-промышленных учреждений, утративших связь со своими законными владельцами или головными учреждениями. Государственная власть расширяла и продлевала полномочия, подменяя доверителя, создавая временного субъекта, наделенного правами вступать от имени собственника в сделки, в том числе и принимать финансовые обязательства. Требования органов власти о полной уплате собственниками долгов (в том числе и за период, когда при советской власти они не распоряжались своими предприятиями) воспринимались как несправедливость и препятствие к возрождению промышленности, равно как и стремление не субсидировать восстановление производственной деятельности, а кредитовать на коммерческих условиях. Но Гражданская война вынуждала власть ограничить права собственников и их представителей по свободному распоряжению своим имуществом. Принципиально важно, что такие ограничения носили обратимый характер и могли быть сняты по минованию чрезвычайных обстоятельств. В статье также приведены случаи, когда антибольшевистские правительства проводили национализацию имущества частных и кооперативных предприятий, проанализированы мотивы таких решений.

Ключевые слова: восток России, антибольшевистские правительства, торгово-промышленные организации, гражданское право, доверенности, кредиты, национализация

Оказавшись в состоянии многолетней гражданской войны, Россия переживала глубокий экономический и социальный кризис. Он отчасти имел объективный характер: длительное отвлечение производительных сил на военные нужды не могло не вызвать спад производства, сбой в системе обмена, сокращение трудовых ресурсов. Но субъективный фактор, к которому следует прежде всего отнести затеянную большевиками «перетряску» имущественных отношений, без сомнения, сыграл существенную роль. К важнейшим институциональным условиям функционирования экономики следует отнести правопорядок. Его разрушение, сознательно проводившееся большевистскими лидерами, негативно сказалось на динамике производительных сил.

Гражданская война в самом начале привела к выводу из-под контроля советской власти обширных территорий, оказавшихся под управлением самостоятельных правительств. На востоке России, ставшем крупнейшим очагом антибольшевистского сопротивления, с июня 1918 по октябрь 1922 г. существовало более полутора десятков антибольшевистских правительств общероссийского, регионального и национально-автономного статуса. Они различались продолжительностью своей деятельности, масштабами подконтрольной территории, организационной структурой и идейными основаниями. Наиболее значимыми стали Комитет членов учредительного собрания (Самара, июнь–октябрь 1918 г.), Временное Сибирское правительство (Омск, июнь–ноябрь 1918 г.), Временное Всероссийское правительство (Уфа–Омск, сентябрь–ноябрь 1918 г.), Российское правительство адмирала А. В. Колчака (Омск–Иркутск, ноябрь 1918 — январь 1920 г.). В 1920 г. некоторое время существовал режим атамана Г. М. Семенова. Дольше всего

противники советской власти удерживали Приморье, где среди сменявших друг друга правительств наиболее важным в контексте исследовательской тематики статьи являлось Временное Приамурское правительство (Владивосток, июнь 1921 — июнь 1922 г.).

С теми или иными особенностями и оговорками все органы власти воспринимали частную инициативу как важнейший стимул экономической активности, нацеливались на восстановление права собственности на средства производства, считая это условием возрождения промышленности и торговли. Вместе с тем в обществе и правительственном лагере понималась недопустимость обострения социальных отношений. Основным инструментом нормализации институциональной среды экономики должно было стать право.

Для этого существовали и необходимые предпосылки. Несмотря на антибуржуазную направленность действий советской власти, на востоке России сохранялись некоторые предпринимательские организации — биржевые общества, региональные советы съездов. Правда, они находились в как бы застывшем состоянии: не будучи ликвидированы, распущены, они не проявляли и видимой легальной активности. Падение советской власти вывело их из своеобразного летаргического сна. Вновь собрались существовавшие в недавнем прошлом биржевые комитеты, военно-промышленные комитеты, советы съездов горнопромышленников. Обнаружилось стремление образовать новые предпринимательские объединения с учетом создавшейся политической географии. Прошли торгово-промышленные съезды Поволжья и Урала, Сибири. В Уфе собрался всероссийский съезд торговли и промышленности, принявший решение о воссоздании Всероссийского совета съездов торговли и промышленности. Такой совет был наконец образован в ноябре 1918 г. в Омске, и на протяжении почти года он представлял интересы предпринимательского сообщества перед правительством, разговаривал с ним на одном политическом и правовом языке.¹

¹ См.: Дмитриев Н. И. О возрождении торгово-промышленных организаций на востоке России в 1918–1919 гг. // Деловая Россия: история и современность: тезисы II Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1996. С. 93–95; Шацилло М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 — начало 1920 гг.). М., 2008. С. 47–153; Рукосуев Е. Ю. Екатеринбургское бюро совета съездов горнопромышленников Урала в 1917–1919 гг. // Вестн. Перм. ун-та. История. 2014. Вып. 4 (27). С. 87–89.

Обсуждавшаяся до революции идея организации торгово-промышленных палат, узаконенная, но не реализованная Временным правительством незадолго до своей ликвидации, получила на востоке России второе дыхание. В Самаре летом 1918 г. палату организовали местные предприниматели по собственной инициативе. Всероссийский совет съездов поддержал предложение о создании временных торгово-промышленных палат до их формирования на законных основаниях после объединения страны и подал соответствующий законопроект, утвержденный 28 марта 1919 г. Российским правительством. Сеть временных торгово-промышленных палат стала появляться на Урале и в Сибири летом 1919 г., но они просуществовали недолго, а большинство даже не приступило к работе в связи со стремительным отступлением армии Российского правительства. Зато в Чите торгово-промышленная палата представляла интересы предпринимателей перед властью атамана Семёнова, а в Приморье торгово-промышленная палата просуществовала до мая 1923 г., пережив все антибольшевистские правительства. Таким образом, в диалоге с предпринимателями у власти всегда был партнер, способный консолидированно и внятно артикулировать свои интересы. Особняком стоит Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата. Созданная в январе 1919 г. в Екатеринбурге, она так и не раскрыла своего потенциала органа поддержания и развития двухсторонних коммерческих связей, проработав на Урале до эвакуации в июле 1919 г., в ходе которой ее следы потерялись.²

Гражданская война основательно перемешала и разделила предпринимательское сообщество, разрушив былые связи. Основная часть российской «бизнес-элиты», традиционно проживавшая в столицах, бежала на окраины, туда, где давление большевиков на собственников было наименьшим. Большинство оказалось на юге, но были и те, кто устремился на восток, особенно если к этому их подталкивало перемещение фронтов. Значительная часть акционеров и многие владельцы крупных фирм оказались оторваны от своих предприятий и не имели возможности ни собрать законный состав правления, ни связаться

² См.: Дмитриев Н. И. Русско-Чехословацкая торгово-промышленная палата в годы Гражданской войны на Урале (1918–1919 гг.) // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 55–62.

с управляющими для передачи необходимых распоряжений. Участники экономических отношений, не склонные решать существующие проблемы кавалерийским нахрапом, понимали целесообразность поиска законных оснований для нормальной хозяйственной деятельности.

Вторым важным фактором стала приверженность самой власти правовым механизмам управления экономикой. В составе правительства — Временного Сибирского, а затем и Российского — юристом был даже премьер — П. В. Вологодский. Целая плеяда юристов, в том числе и цивилистов, занимала посты управляющих министерствами, товарищей министров. В управлении делами имела крепкая юрисконсультская часть. Экономические вопросы разбирались с участием хорошо подготовленных специалистов. Функционировали адвокатура и нотариат, суды общей юрисдикции разбирали гражданские иски, в том числе и споры между субъектами предпринимательской деятельности. Судебные органы и правительство регистрировали уставы новых предприятий и следили за тем, чтобы действующие не выходили за пределы своих законных полномочий.³

Не нужно преувеличивать значение правовых методов решения хозяйственных вопросов. Конечно, в условиях Гражданской войны на востоке России случалось всякое. Были реквизиции и ничем не прикрытый грабеж имущественного имущества со стороны военных. Действия властей на местах порой оказывались далеки от правомерных. Но правительственные органы стремились дать имущественным отношениям правовые основания, будучи готовыми к поиску пусть непростых решений, но возведенных в законное русло.

Не приходится удивляться, что возрождение торговли и промышленности на востоке России прочно связывалось в том числе и с созданием соответствующих правовых условий. Однако ряд проблем оказался неожиданным для власти, и для их разрешения потребовалась тонкая настройка гражданского законодательства.

Различные аспекты экономической жизни восточных регионов России в годы Гражданской войны регулярно становились предметом внимания историков.⁴ Но вопрос об особенно-

стях правового регулирования предпринимательской деятельности затрагивался только единожды и очень фрагментарно, а комплекс соответствующих законодательных актов частично рассмотрен в монографии автора статьи, но не был подвергнут специальному анализу во всей совокупности.⁵

При советской власти центральные и местные органы управления активно вмешивались в дела предприятий не только частных, но и принадлежавших кооперативным союзам, городским и земским органам, общественным организациям. Лишь меньшинство подверглось официальной национализации, большинство просто передавалось в управление коллективам рабочих и служащих без формальной перемены собственника, что фактически отстраняло владельцев от влияния на принятие финансовых и хозяйственных решений. Одной из декларированных властями задач на востоке России в области отношений собственности стало возвращение предприятий бывшим владельцам. Она решалась далеко не только в интересах крупных частных собственников.

Перед властью встали вопросы одновременно практического и теоретического характера. Некоторые из них и в последующие десятилетия будут долго волновать политиков и правоведов. Могут ли правительственные органы ограничивать права собственников во имя сохранения социальной стабильности, в частности, искусственно сдерживать закрытие разорившихся предприятий? На кого в этом случае следует возложить издержки по сохранению рабочих мест? Как следует распределить возникшие в результате политической дестабилизации убытки между собственниками, институтами управления и непосредственными участниками волнений? В данном случае ситуация осложнялась тем, что антибольшевистские правительства не считали себя правопреемниками советской власти и не собирались нести за нее ответственность, а сформированные

1918–1920. Cambridge, 1996; Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1920 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения боевых действий на Урале). Материалы регион. науч. семинара. Челябинск, 1999. С. 131–151; Калягин А. В., Парамонов В. Е. Социально-экономическая политика Комуча (торгово-промышленный аспект) // Вестн. СамГУ. История. 1998. № 1. С. 66–73.

⁵ См.: Рынков В. М. Правовое регулирование как инструмент политической адаптации населения востока России к вызовам Гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2015. С. 154–156, 164, 165; Он же. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. Новосибирск, 2008. С. 114–131.

³ См.: Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 219, 268–269, 288–291.

⁴ См.: Kolz A. W. F. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War. 1918–1920 // The Journal of Modern History. 1976. Vol. 48, № 3. P. 488–489; Smele J. D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak

рабочими и служащими органы коллегиального управления в конце 1917 — первой половине 1918 г. опирались на санкции де факто правомочной советской власти и не считали свои действия правонарушениями.

При возвращении предприятий в частную собственность возникали серьезные проблемы юридического и социально-экономического плана. Временное Сибирское правительство не допускало даже мысли, что оно станет возмещать убытки владельцам разоренных при советской власти предприятий. В свою очередь, если в отсутствие владельцев правительство вынуждено было взять предприятия под временный контроль, выдать кредиты на поддержание их работоспособности, то понесенные казной расходы подлежали возмещению собственниками. Имелись в виду как кредиты, выданные советской властью рабочим коллективам, так и траты уже новых органов власти на управление частными предприятиями, владельцы которых отсутствовали либо не спешили вступать в управление своей собственностью.⁶

Как правило, в отсутствие владельцев на месте оставались доверенные лица. Но срок большинства выданных доверенностей на оперативное управление уже истек или завершился 31 декабря 1918 г., а сами доверенности часто не допускали принятия финансовых обязательств без согласования с собственниками. Восточным регионам к началу 1919 г. грозил почти полный деловой паралич, оставлявший на рынке только местные фирмы. Министерство торговли и промышленности предложило два пути решения будущей проблемы: либо продлить срок доверенностей, либо учредить специальные временные администрации.⁷ В дальнейшем оба варианта реализовывались в соответствующих случаях.

28 ноября 1918 г. Совет министров продлил срок существующих доверенностей и предоставил управляющим право на получение кредитов и решение вопросов о форме погашения долгов перед казной.⁸ Впоследствии Совет министров возвращался к этому вопросу дважды, 27 июня и 21 декабря 1919 г., и продлевал доверенности на 1920 г.⁹ А 10 февраля 1920 г. уже

в Восточном Забайкалье помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по гражданской части издал постановление о том, что доверенности на управление предприятиями и имуществом продляются до 1 января 1921 г. Причем уполномоченные на управление лица даже не должны были делать по этому поводу специальные ходатайства.¹⁰ Ключевую роль в принятии такого решения сыграло обращение забайкальских торгово-промышленников.¹¹ Последний раз к такой мере прибегало Временное Приамурское правительство, несколько усложнив условия. 14 февраля 1922 г. оно разрешило продлить доверенности на управление торговыми и промышленными предприятиями, кредитными учреждениями и недвижимым имуществом до 1 января 1923 г. Для этого следовало подать заявление в Приморский окружной суд и предоставить справку Приморской окружной торгово-промышленной палаты о том, что у заявителей действительно отсутствует связь с законным владельцем.¹² Таким образом был обеспечен правовой путь сохранения прав доверенных лиц на управление частными предприятиями и даже расширение полномочий доверенных лиц для принятия важнейших финансовых решений. Конечно, это вызывало полемику в прессе. Долги частных предприятий перед государством росли, а на собственников возлагалась материальная ответственность за те управленческие решения, которые они не принимали.

Для крупных компаний, управлявшихся коллегиально и имевших множество региональных подразделений, единственным способом легального продолжения деятельности являлась организация временных управлений из руководителей и членов правлений, пребывавших на востоке России. Такие органы возникали самочинно, явочным порядком. Но решение вопроса об их легализации целиком зависело от воли правительства.

Действительно, возможность в законном порядке — на основании правильно оформленной доверенности — образовать подразделение с правами самостоятельной деятельности на вос-

⁶ См.: «Реальная» политика Временного Сибирского правительства // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альм. 2001. № 9. С. 38.

⁷ См.: Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 9 нояб.

⁸ См.: Правительственный вестник (Омск). 1918. 25 дек.

⁹ См.: Правительственный вестник. 1919. 25 июня; ГАРФ.

Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 29; Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 26.

¹⁰ См.: Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 20 февр.

¹¹ ГАЗК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

¹² См.: Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1922. 21 февр.; ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 2. Л. 113–116; РГИА ДВ. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 26. Л. 93.

токе России выдавалась немногим. Таким уникальным примером стало спешное создание конторы (районного правления) Центросоюза для Поволжья, Урала и Сибири. Летом 1918 г. она располагалась в Уфе, с осени 1918 г. — в Омске и, наконец, после ноября 1919 г. — во Владивостоке. Она была наделена правами самостоятельно распоряжаться всеми активами и имуществом Центросоюза на востоке России.

Временное Сибирское правительство озабочилось легализацией автономной работы находящихся в Сибири отделений кооперативного Московского народного банка. Затем уже Российское правительство вознамерилось выдать ссуду частным банкам для оживления торговой деятельности. 6 декабря 1918 г. Совет министров утвердил Временные дирекции для управления отделениями столичных банков. 14 марта легальный статус обрели Временные дирекции Русского торгово-промышленного, Русского для внешней торговли и Петроградского международного коммерческого банков.¹³ 4 марта 1919 г. были утверждены временные правления частных железнодорожных обществ, правления которых находились в Советской России. Причем в них должны были входить представители министерств путей сообщения, финансов и государственного контроля, а принятые постановления подлежали утверждению указанными министерствами. Срок действия таких правлений был определен до тех пор, пока законные составы правлений не смогут вступить в свои права.¹⁴ Такая «этактизация» частных железнодорожных обществ оказалась неизбежной: в условиях отрыва от своих головных предприятий они работали на нужды государства и практически целиком им финансировались. 3 июня 1919 г. было утверждено Временное правление Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества.¹⁵ Необходимость этого шага диктовалась тем, что для бесперебойной работы предприятия, от которого зависело снабжение топливом Транссибирской магистрали, требовались инвестиции. Получить их рассчитывали путем распространения очередной серии акций. Для такого шага требовался полномочный орган,

а законное правление осталось в Петрограде. Легализация временного правления стала необходимой юридической формальностью.

Все решения о законодательном утверждении новых органов управления крупными компаниями касались судьбы транспортных и промышленных предприятий, с которыми казна вступала в сложные финансовые отношения, либо кредитных учреждений — потенциальных кредитодателей для частного бизнеса и получателей казенных ссуд. Для крупных торговых фирм, филиалы которых действовали на востоке России, правительство не утвердило ни одного подобного документа. Это вполне закономерно: филиалы столичных торговых предприятий могли легко основать новую компанию и нередко это делали.

Отступление Белой армии за Урал породило новые проблемы. Теперь уже уральские и сибирские предприятия, действовавшие ранее в восточных регионах России вполне законно, в условиях эвакуации оказались раздроблены. Встал вопрос о том, кто должен представлять интересы прежних компаний и вправе распоряжаться их собственностью. Семеновский режим рассчитывал оживить забайкальскую промышленность с помощью эвакуированных с Урала заводов. Для этого следовало признать правомочными находившихся в Забайкалье их представителей. С этой целью помощник главнокомандующего Всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по гражданской части утвердил Положение об учреждении Временного правления Верх-Исетских заводов.¹⁶ Полномочия Временного правления действовали до восстановления связи с законным правлением или возникновения возможности переизбрать его на основании устава. Этот шаг позволил группе эвакуированных служащих взять имущество округа в свое полное распоряжение и возобновить выпуск военной продукции. Петровский завод намеревались передать в аренду Лысьвенскому округу.¹⁷ Очевидна была готовность семеновских администраторов и юристов и дальше заниматься утверждением прав и полномочий крупных владельцев средств производства из числа прибывших в Восточное Забайкалье беженцев. Но, по-видимому, больше не нашлось желающих инвестировать свои средства и трудовые усилия

¹³ См.: Правительственный вестник. 1919. 21 сент., 2, 25 окт.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства, издаваемого при Правительствующем сенате. Омск, 1919. № 10. Ст. 161, 162, 163.

¹⁴ См.: Правительственный вестник. 1919. 27 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства. 1919. № 11. Ст. 164.

¹⁵ См.: Правительственный вестник. 1919. 20 июня.

¹⁶ См.: Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 12 марта (документ не датирован).

¹⁷ ГАЗК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 116. Л. 2, 5–50б., 21–210б.; Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10.

в индустрию края, находившегося в условиях крайней политической нестабильности.

Если торговые предприятия с относительно быстрым оборотом и гибкими возможностями реорганизации не очень нуждались в деньгах для обычных операций, то для заготовок по заказам правительственных органов даже они требовали кредитования. Восстановить же нормальную работу большинства крупных промышленных и транспортных предприятий без государственных кредитов оказалось практически невозможно. Поэтому вполне понятно стремление законодателей узаконить правительственные субсидии предприятиям торговли, промышленности и транспорта, правомочные владельцы которых отсутствовали, путем расширения прав доверенных лиц. Мера, сомнительная с гражданско-правовой точки зрения и оправданная исключительно соображениями общественного интереса — удержать уровень производства, обеспечить нужды армии и населения.

Но, очевидно, что кредиты не были безграничными. Приоритеты власти заключались в финансировании производств и услуг, жизненно необходимых для нормального функционирования государственного и военного аппарата. Торгово-промышленники, если и не ожидали прибыли, то уж во всяком случае рассчитывали на нормальное субсидирование, в том числе и работ по восстановлению предприятий. К их глубокому разочарованию, государство выделяло средства на условиях банковского кредита. Конечно, в инфляционной экономике ставку в 6–8 % нельзя признать высокой для пользователей. Но и кредит не предоставлял получателям коммерческих выгод. Он даже не всегда покрывал убытки от нерентабельной работы, а набегавшие проценты оказывались финансово обременительными. Неоднократно поднимался вопрос об их списании и выдаче беспроцентных кредитов, но такой вариант категорически отвергался правительством. Если в сфере торговли в конце 1918 — начале 1919 г. наблюдался деловой бум, связанный с созданием новых торговых домов и компаний, готовых нести риски выхода на новые рынки, посредническая деятельность на которых сулила хорошие барыши, то владельцы промышленных и транспортных предприятий, которые находились на востоке России, вели дела вынужденно, нередко подумывали о том, чтобы избавиться от средств производства, приносившего одни беспокойства и убытки.

Государственная власть старалась блокировать попытки промышленников избавиться от нерентабельной собственности и усилить контроль за работой промышленности и транспорта. Осенью 1918 г. в Омске обсуждался законопроект, ограничивавший сделки по купле-продаже горных и промышленных предприятий. Предполагали давать разрешение на продажу только при отсутствии невыполненных государственных заказов и долгов, в том числе и за советский период. Тогда идею не решились оформить законодательно.¹⁸ Позже был избран путь постепенного расширения государственной опеки над частными предприятиями, оправдываемый активным участием казны в их хозяйственной деятельности. Частные железнодорожные предприятия, как уже упоминалось, после 4 марта 1919 г. фактически управлялись и финансировались казной. 23 мая 1919 г. Российское правительство предоставило главноуполномоченному по уральской промышленности право временно закрывать частные предприятия, принудительно расширять действовавшие или открывать новые производства. 9 сентября 1919 г. оно окончательно передало контроль над промышленностью и торговлей, чья работа могла быть связана с обслуживанием армии, министру продовольствия и снабжения, включая право принудительной замены администрации на частных предприятиях представителями министерства, право секвестировать предприятия, не выполнявшие директивы министра.¹⁹

Важно, что принятые решения, существенно ограничивая собственников, сохраняли обратимость ситуации. После окончания Гражданской войны тем же законодательным путем можно было восстановить право распоряжения частных лиц и акционеров в полном объеме. При этом практически исключались регрессивные иски по взысканию с казны прямых убытков или упущенной выгоды при возможном возвращении собственнических прав в полном объеме законным владельцам. Впрочем, случаев применения самых грозных из упомянутых мер весны–осени 1919 г. ни документы, ни пресса не приводили. Скорее, власть преуспевала в мобилизации кустарей на изготовление предметов по требованию интендантства и в организации кампаний по изъятию имущества у обывателей (повозки, белье и т. п.).

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 70об.–71.

¹⁹ См.: Правительственный вестник. 1919. 7 окт.

Тем не менее не обошлось и без особых случаев, когда, руководствуясь государственными интересами, по крайней мере, как их понимала власть в контексте борьбы с большевизмом, законодатели шли на самую настоящую национализацию.

Наиболее известен случай с каменноугольными копиями Черемховского бассейна.²⁰ Они снабжали углем железные дороги Восточной Сибири. Но производительность копей катастрофически упала еще при советской власти, главным образом в связи с захватом предприятия анархистски настроенными рабочими. После антибольшевистского переворота копи так и не вернули их владельцам. Лишь установление временного управления комиссара Министерства торговли и промышленности позволило восстановить нормальный уровень угледобычи.²¹ 30 января 1919 г. Российское правительство объявило Черемховский каменноугольный бассейн закрытым для свободного горного промысла,²² а 1 мая 1919 г. выкупило копи в казну за 59 млн 116 тыс. руб.²³ Размер компенсации владельцам был далек от рыночной стоимости, сам выкуп происходил вопреки желанию владельцев. Спор углепромышленников и Министерства торговли и промышленности о пределах государственных прав и способах справедливой оценки был продолжительным и безрезультатным.

К национализации прибегло и Временное Приамурское правительство в заключительный период Гражданской войны. Обстоятельства, которые привели к этому, требуют небольшого экскурса в историю экономики региона. В 1920 г. на Дальнем Востоке наряду с местными кооперативными союзами действовали фирмы, основанные кооператорами — беженцами из Сибири, а также представительства советских кооперативных организаций, наиболее крупные и финансово обеспеченные. Именно советские кооперативные союзы занялись вывозом со складов Владивостокского порта ценных грузов в Советскую Россию.²⁴

Чтобы предотвратить деятельность в угоду своему военно-политическому противнику, Временное Приамурское правительство 28 июня 1921 г. установило государственное управление делами представительств двух крупнейших советских кооперативных фирм: Центросоюза и Продпути,²⁵ а 12 ноября 1921 г. все остатки товаров Центросоюза передали ведомству торговли и промышленности для реализации и погашения долга кооперации казне.²⁶ 11 января 1922 г. после проверки деятельности Центросоюза и Продпути правительство объявило о передаче всей их собственности государству на том основании, что они изначально были кооперативными, но потом оказались национализированы декретами советской власти и получили в управление государственное имущество. Временное Приамурское правительство предупредило, что не считает себя правопреемником национализированных союзов и не будет признавать имущественные претензии контрагентов по их долгам.

В дальнейшем Временное Приамурское правительство сформулировало правовые претензии к еще одной кооперативной организации. 23 декабря 1921 г. оно признало неправомочной деятельность правления Союза Сибирских маслодельных артелей на территории «Приморского государственного образования», а также предложило проверить правомочность передачи имущества этого союза Сибирской сельскохозяйственной корпорации Лимитед и до проверки назначить в местную контору этого союза правительственного инспектора.²⁷ Так Временное Приамурское правительство лишило связанные с советской властью кооперативные организации возможности продолжать свою деятельность на подконтрольной ему территории, создав правовые основания для огосударствления кооперативной собственности.

Органы государственной власти восточной контрреволюции стремились оставаться в поле действовавшего гражданского законодательства. Новые обстоятельства, разделившие некогда единую Россию на враждующие лагеря, заставили их детально заниматься вопросами правопреемственности. Благие намерения

²⁰ Подробнее см.: Рынков В. М. Колчаковская национализация: Черемховские копи во второй половине 1918–1919 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 87–108.

²¹ См.: Сибирская жизнь. 1918. 12 окт.; Свободный край (Иркутск). 1918. 6 авг.

²² См.: Правительственный вестник. Омск, 1919. 1 апр.; Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства. 1919. № 1. Ст. 5.

²³ См.: Правительственный вестник. 1919. 1 авг.

²⁴ См.: Ципкин Ю. В. Белое движение на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. Хабаровск, 1996. С. 63.

²⁵ Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1921. 11, 21 июля.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 1. Л. 350б.

²⁷ См.: Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 31 дек.; 1922. 31 янв.

быстро восстановить права собственников и тем самым запустить восстановительные процессы в экономике разбитые о реальность, наполненную тупиковыми ситуациями — и в фактическом, и в юридическом смысле, — связанными с отсутствием законных владельцев. Правовая адаптация шла в первую очередь по пути вмешательства в институт представительства. Государственная власть расширяла и продлевала полномочия, подменяя доверителя, иницируя создание предпринимателями временных субъектов, наделенных правами вступать от имени собственников в сделки, в том числе и принимать финансовые обязательства. Но при этом форма собственности оставалась неприкосновенной, что сохраняло возможность ревитализации прежних, доре-

волюционных свобод предпринимательской деятельности. Чем ближе к завершению шла Гражданская война, тем сильнее проявлялось стремление высших органов власти манипулировать юридическими формальностями для решения своих насущных задач, экономических и политических, для аккумуляции не только казенной, но и частной собственности в управлении правительственных органов. Право свободного распоряжения имуществом подверглось ограничению, а отдельные предприятия даже огосударствлению. Мотивами для принятия таких необратимых решений стали неспособность собственников эффективно управлять общественно значимыми предприятиями и работа других предприятий в интересах волевого противника.

Vadim M. Rynkov

Doctor of Historical Sciences, director, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: vadsvet@list.ru

LEGAL REGULATORS OF COMMERCIAL AND INDUSTRIAL ACTIVITY
IN THE EAST OF RUSSIA (SUMMER 1918 — AUTUMN 1922)

The article deals with the legal mechanisms of business regulation in the Urals, Siberia and the Far East under anti-Bolshevik governments. The author considers the political and economic context of the Civil War events in the east of Russia. The governments' policy of restoring the rights of owners and the relative freedom of entrepreneurship, the presence of a network of commercial and industrial organizations, and the presence of a large number of lawyers in the supreme and central governing bodies of the anti-Bolshevik governments became the most important prerequisites for strengthening the role of legal regulators of business activity. In the east of Russia, legal grounds were developed for the continuation of the work of commercial and industrial institutions that had lost contact with their legal owners or parent institutions. The government expended and prolonged powers, replacing the principal and creating a temporary entity with the rights to enter into transactions on behalf of the owner, including the acceptance of financial obligations. The demands of the authorities for the full payment of debts by the owners, including the period when they did not manage their enterprises under the Soviet regime, were perceived as an injustice and an obstacle to the revival of industry, as well as the desire not to subsidize the restoration of production activities, but to credit on commercial terms. But the Civil War forced the authorities to restrict the rights of owners and their representatives to freely dispose of their property. It is crucially important that such restrictions were reversible, and could be lifted after emergency circumstances. The article also presents cases when anti-Bolshevik governments carried out the nationalization of the property of private and cooperative enterprises, and analyzes the reasons for such decisions.

Keywords: *East of Russia, anti-Bolshevik governments, commercial and industrial organizations, civil law, powers of attorney, loans, nationalization*

REFERENCES

Dmitriev N. I. [Economics according to Kolchak: search for development paths]. *Ural v sobytiyakh 1917–1920 gg.: aktual'nyye problemy izucheniya (k 80-letiyu prekrashcheniya boyevykh deystviy na Urale). Materialy region. nauch. seminara* [The Urals in the events of 1917–1920: actual problems of study (on the 80th anniversary of the cessation of hostilities in the Urals). Materials of the regional sci. seminar]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. un-t Publ., 1999, pp. 131–151. (in Russ.).

- Dmitriev N. I. [On the revival of commercial and industrial organizations in the east of Russia in 1918–1919]. *Delovaya Rossiya: istoriya i sovremennost': tezisy II Vseros. zaochnoy nauch. konf.* [Business Russia: history and modernity: abstracts of the 2nd All-Russian extramural sci. conf.]. Saint Petersburg: Nestor Publ., 1996, pp. 93–95. (in Russ.).
- Dmitriev N. I. [The Russian-Czechoslovak Chamber of Commerce and Industry in the Urals during the Russian Civil War (1918–1919)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 50–66. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-1-50-66 (in Russ.).
- Kalyagin A. V., Paramonov V. E. [Social and economic policy of the All-Russian constituent Assembly at Samara]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Samara State University. History], 1998, no. 1, pp. 66–73. (in Russ.).
- Kolz A. W. F. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918–1920. *The Journal of Modern History*, 1976, vol. 48, no. 3, pp. 483–491. (in English).
- [“Real” policy of the Provisional Siberian Government]. *Belaya armiya. Beloye delo: istoricheskiy nauchno-populyarnyy al'manakh* [White Army. White Affair: historical popular science almanac], 2001, no. 9, pp. 29–41. (in Russ.).
- Rukosuev E. Yu. [The Yekaterinburg Bureau of the Council of Congresses of the Ural miners in 1917–1919]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2014, iss. 4 (27), pp. 84–91. (in Russ.).
- Rynkov V. M. [Kolchak’s nationalization: Cheremkhov mines in the second half of 1918–1919]. *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: problemy istorii. Mezhuuz. sbornik nauch. trudov* [Civil War in the east of Russia: problems of history: Interuniversity collection of sci. papers]. Novosibirsk: NGU Publ., 2001, pp. 87–108. (in Russ.).
- Rynkov V. M. [Legal regulation as a tool for political adaptation of the population of the east of Russia to the challenges of the Civil War]. *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka: sbornik nauchnykh statey* [Political adaptation of the population of Siberia in the first third of the 20th century: a collection of scientific articles]. Novosibirsk: Parallel’ Publ., 2015, pp. 145–182. (in Russ.).
- Rynkov V. M. *Sotsial’naya politika antibol’shevistskikh rezhimov na vostokey Rossii* [Social policy of anti-Bolshevik regimes in the East of Russia]. Novosibirsk: Sibprint Publ., 2008. (in Russ.).
- Shatsillo M. K. *Rossiyskaya burzhuaziya v period Grazhdanskoy voyny i pervyye gody emigratsii (1917 — nachalo 1920 gg.)* [The Russian bourgeoisie during the Civil War and the first years of emigration (1917 — early 1920)]. Moscow: Nauka Publ., 2008. (in Russ.).
- Smele J. D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. (in English).
- Tsipkin Yu. N. *Beloye dvizheniye na Dal’nem Vostoke (1920–1922 gg.)* [White movement in the Far East (1920–1922)]. Khabarovsk: KhGPU Publ., 1996. (in Russ.).
- Zvyagin S. P. *Pravookhranitel’naya politika A. V. Kolchaka* [Law enforcement policy of A. V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2001. (in Russ.).

Для цитирования: Рынков В. М. Правовые регуляторы торгово-промышленной деятельности на востоке России (лето 1918 — осень 1922 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 181–189. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-181-189.

For citation: Rynkov V. M. Legal regulators of commercial and industrial activity in the East of Russia (summer 1918 — autumn 1922) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 181–189. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-181-189.

С. В. Воробьев

НАДЕЖДИНСКОЕ ДЕЛО 1928–1929 гг.: КОНФРОНТАЦИЯ МЕЖДУ ТАГИЛЬСКИМ ОКРУЖКОМ ПАРТИИ И УРАЛЬСКИМ ОБКОМОМ ВКП(Б)

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-190-199

УДК 94(470.5)“1928/1929”

ББК 63.3(235.55)614

В статье на примере Надеждинского дела рассмотрена политическая повседневность районной и окружной партийно-советской номенклатуры, в рамках которой она выполняла управленческие функции на вверенной ей территории, взаимодействовала с вышестоящими инстанциями, отстаивала местные групповые интересы. Появление Надеждинского дела было вызвано активностью корреспондента газеты «Уральский рабочий» Н. Харитонов: по результатам командировки в Надеждинск он предоставил в редакцию два письма и докладную записку, в которых описал ситуацию в Надеждинской партийной организации. Анализируются результаты проверки материалов Харитонova окружной комиссией, московской комиссией и областной контрольной комиссией. Показано, что Надеждинское дело развивалось на фоне непростых, напряженных взаимоотношений между Тагильским окружкомом и Уралобкомом ВКП(б), что в значительной степени сказалось на выводах по нему окружной комиссии. Комиссия отвергла основные обвинения корреспондента, обвинила его в клевете, политическом шантаже и связях с троцкистами. Результаты ее работы были поддержаны Тагильским окружкомом, вставшим на защиту своего руководителя И. Ф. Масленникова и обвинившим обком партии в интригах в отношении окружной партийной организации. С выводами окружной комиссии не согласились как областное руководство, так и московские проверяющие, признав их ангажированными и предвзятыми. В ходе самостоятельного изучения вопроса они столкнулись с фактами противодействия их работе со стороны окружного руководства, установили, что окружная комиссия использовала недостойные методы проверки. Следствием конфликтной ситуации вокруг расследования стало снятие с должностей районных и окружных руководителей, причастных к Надеждинскому делу, главным образом в связи с их недостойным поведением в ходе расследования.

Ключевые слова: *Надеждинское дело, Надеждинский райком, Тагильский окружком, Уралобком ВКП(б), Н. Харитонов, Н. М. Шверник, В. Х. Петров, Симанов*

Конфликты в среде региональной партийно-советской номенклатуры в период нэпа становятся имманентным элементом ее повседневной политической практики, определяющим взаимоотношения между различными структурами власти на региональном уровне. А. Гетти отмечает, что «в те годы подобные разногласия, “сколки” и “трения” среди местных партийных руководителей вошли в привычку».¹

Причины конфликтов были разными. С одной стороны, они носили личный характер, обусловленный амбициями и карьеризмом акторов конфликтов, что сопровождалось попытками устранения конкурентов или нежелательных оппонентов во власти, а с другой — были связаны с разногласиями, возникшими между руководящими работниками

в ходе осуществления повседневной управленческой деятельности.

Эти внутриноменклатурные конфликты негативно влияли на состояние советской системы управления, нарушали ее нормальное функционирование, сказывались на качестве принимаемых решений. Рассматриваемое в статье Надеждинское дело, начало которому дало выступление журналиста областной газеты Н. Харитонova, в итоге привело к эскалации конфликта между Тагильским окружкомом и Уралобкомом ВКП(б).

В ноябре 1928 г. корреспондент газеты «Уральский рабочий» Николай Харитонов, которого характеризовали как «молодого, талантливое, преданного партии журналиста»,² был направлен в Надеждинск в командировку, где он провел около месяца, познакомившись с жизнью района и местной партийной организации. Свои впечатления от пребывания в Надеждинске он изложил в двух письмах,

¹ Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирующая традиция. М., 2016. С. 158.

² Киш Г. Расследуйте Надеждинское дело! Удар по самокритике. «Мы ему дадим по морде» // Комсомольская правда. 1928. 28 дек. С. 2.

адресованных члену редколлегии газеты И. М. Юреню и ответственному редактору газеты Д. Г. Тумаркину. Вернувшись в Свердловск, он подал на имя ответственного редактора большую докладную записку о ситуации в Надеждинском районе.

Как указывал Н. Харитонов, в районе вольготно чувствовали себя троцкисты, которые проводили политические акции, разбрасывая листовки на Надеждинском заводе. В рассматриваемый период Л. Д. Троцкий и его сторонники из «объединенной оппозиции» потерпели окончательное поражение, и в январе 1928 г. Троцкий, исключенный из партии, был отправлен в ссылку в Алма-Ату, но, несмотря на это, у него оставалось много сторонников по всей стране.³ События в районе показали, что райком партии во главе с Симановым был не способен бороться с троцкистами, так как «умения ориентироваться во всех политических моментах у Надеждинского райкома... нет».⁴ Окружное партийное руководство пыталось замаять факт выступления троцкистов, не дать информации о нем выйти за пределы округа, дойти до областного руководства, опасаясь негативных для себя последствий.

В Надеждинском районе, отмечал Харитонов, никак не реагировали и на правую опасность, в то время как в партийной организации имелись «ярко выраженные течения и уклоны от генеральной линии...».⁵ По мнению корреспондента, в этом в значительной мере были виноваты Тагильский окружком партии и лично его руководитель И. Ф. Масленников, не уделявшие внимания борьбе с «правым уклоном» и подходившие к этому вопросу формально.⁶ Корреспондент не зря акцентировал внимание на этой проблеме, так как она остро стояла в политической повестке дня. В это время после победы над левыми в стране по инициативе И. В. Сталина разворачивалась кампания по борьбе с «правым уклоном» в партии. Н. И. Бухарин и его сторонники были обвинены Сталиным в том, что являлись фактически вождями новой оппозиции в партии.⁷ В кампанию по борьбе с «правым уклоном» по инициативе центра начинали активно включаться региональные партийные организа-

ции.⁸ В итоге возобладала «генеральная линия партии» и появилась горькая шутка: «Почему наша партия такая бескрылая?» — «Потому что Сталин оторвал ей оба крыла — и правое, и левое».⁹

В докладной записке Харитонов указывал на неудовлетворительную работу профсоюзов. Местные профсоюзы не пользовались у рабочих авторитетом, так как плохо отстаивали их права. Рабочие говорили «о безжизненности и бездейственности профсоюзов».¹⁰ Профсоюзные работники придерживались линии соглашения с хозяйственным руководством, которые решали многие вопросы через голову заводских профсоюзных организаций.¹¹ Это не находило одобрения у рабочих, которые заявляли: «Профсоюзники спелись с местной администрацией, надо их гнать».¹²

Неприемлемой была и ситуация с самокритикой в районе: речь шла «о жесточайшем ее зажиме, о затирании самокритики».¹³ Местные партийные, профсоюзные и хозяйственные руководители не поощряли самокритику. Их общую позицию выразил член Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) П. Е. Антонов, работавший на Надеждинском заводе помощником зав. литейным цехом: «Самокритика ничего кроме вреда организации не принесет, доведет завод до полного развала».¹⁴ Поэтому рабочие боялись открыто выступать с критикой недостатков, говоря: «Прежде чем начать критиковать надо запастись хлебом на 2 месяца, а потом уже выступать».¹⁵ Рабочие корреспонденты, выступавшие с критикой и говорившие о необходимости самокритики, подвергались гонениям. Их в массовом порядке увольняли за критику, допускали рукоприкладство в их отношении, снимали их стенгазеты.¹⁶

Нелицеприятно корреспондент высказался о надеждинских хозяйственных руководителях, констатируя, что «разложение коммунистов-хозяйственников доходит до низшей ступени». В их среде процветали «протекционизм, родство, пьянки», грубое обращение с рабочими и специалистами, злоупотребления.

⁸ См.: Авторханов А. Технология власти. М., 2019. С. 125.

⁹ Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов). М., 2014. С. 103.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 43.

¹² Там же. Л. 47.

¹³ Там же. Л. 32.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 76.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 35.

¹⁶ Там же. Л. 35–36, 48.

³ См.: Роговин В. З. Власть и оппозиция. М., 1993. С. 26.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 52.

⁷ См.: Подлинная история РСДРП — РКПб — ВКПб. Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций / Измозик В. [и др.]. СПб., 2010. С. 432.

Так, по данным Харитоновой, директор завода Маврин и его помощник Реутов вольно распоряжались заводским имуществом. Серебряные предметы, оставшиеся от старого управляющего, они «расценили чрезвычайно дешево (например, серебряные ложки по 40 коп.)» и забрали себе.¹⁷ Слабый райком партии оказался не в состоянии им противостоять. В личной беседе с Харитоновым секретарь райкома Симанов признался, что «в условиях Надеждинска, где развита семейственность и где почти все друг другу родня, работать ему тяжело».¹⁸ Справедливости ради следует отметить, что Симанову действительно приходилось работать в непростых условиях. Перед его назначением на должность секретаря райкома «за год сменилось три секретаря, два из них сняты за пьянку и кажется за нечистоту на руку, касса взаимопомощи растащена, имущество райкома так же растащено».¹⁹ Всю работу по райкому ему приходилось фактически вести в одиночку, так как, «работая зав. орготделом, рабочий т. Ляпушев оказался слаб, зав. АПО [агитационно-пропагандистский отдел] не вышел работать или специально... подводил».²⁰ Общий вывод журналиста состоял в том, что Надеждинской организации были необходимы серьезные перемены, в том числе требовалось «более твердое, умелое партийное руководство».²¹

Получив материалы Харитоновой, ответственный редактор «Уральского рабочего» Давид Григорьевич Тумаркин, являвшийся также членом бюро Уральского обкома ВКП(б), решил передать документы своего корреспондента в обком партии, сочтя их важными с политической точки зрения.²² Ознакомившись с письмами, ответственный секретарь Уралобкома ВКП(б) Н. М. Шверник вызвал руководителя Тагильского окружкома партии И. Ф. Масленникова и дал поручение разобраться в этом вопросе, сказав, что он может ознакомиться с письмами в информационном отделе обкома.²³

Здесь следует отметить, что между Тагильским окружкомом и обкомом партии уже длительное время были напряженные отношения, инициатором которых выступали тагильцы, считавшие, что обком ведет против них не-

честную игру, плетет интриги. В частности, назначение обкомом Миллера зав. орготделом окружкома было воспринято тагильцами как недружественный шаг, они считали, что «обком послал заворга, дав ему поручение организовать оппозицию против ОК».²⁴ Поэтому Масленников весьма болезненно отреагировал на факт появления писем и их содержание и распорядился срочно создать окружную комиссию по расследованию дела. Впоследствии Шверник упрекнул окружного руководителя в излишней инициативности: «Что касается расследования, то мы на счет расследования и комиссии не договаривались».²⁵ Окружная комиссия в составе председателя Тагильского окрисполкома и члена бюро окружкома ВКП(б) В. Х. Петрова, члена президиума окружной контрольной комиссии А. Н. Вавуленко и члена Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) П. Е. Антонова²⁶ начала свою проверку в декабре 1928 г.

Свои результаты расследования окружная комиссия представила на совместном заседании бюро Тагильского окружкома партии и президиума окружной контрольной комиссии, состоявшемся 20 декабря 1928 г., на котором присутствовали секретарь Уралобкома ВКП(б) Н. М. Шверник и некоторые представители областного руководства. Отметив, что в деятельности Надеждинской организации выявлены некоторые недостатки, комиссия отвергла основные обвинения Харитоновой, как беспочвенные. Выступившие на заседании окружные ответственные работники высказали свое негативное отношение к материалам Харитоновой, встали на защиту своего руководителя Масленникова и предположили, что выступление корреспондента было инспирировано обкомом партии, что здесь чувствуется рука областных властей. Масленников в своем выступлении отверг обвинения Харитоновой в том, что он не борется с правым уклоном, уличил корреспондента в клевете и получении информации от местных троцкистов. В постановляющей части заседание согласилось с выводами комиссии и призвало обком партии привлечь Харитонову к партийной ответственности за клевету.²⁷

В связи с тем что представители обкома партии получили результаты обследования

¹⁷ Там же. Л. 48.

¹⁸ Там же. Л. 44.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 84.

²⁰ Там же. Л. 56.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 45.

²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 78.

²³ Там же. Л. 55.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1444. Л. 52.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 55.

²⁶ Там же. Д. 24. Л. 41.

²⁷ Там же. Д. 24. Л. 37-40.

комиссии «только за два часа до начала заседания бюро окружкома», они «имели возможность с этим материалом ознакомиться в течение часа, не больше». Естественно, у Шверника и его коллег не было времени «для правильного определения ошибок или правоты той или иной стороны».²⁸ Поэтому Шверник не стал обострять ситуацию и торопиться с выводами. Он сообщил тагильскому руководству, что результаты работы окружной комиссии учтены, но окончательное решение будет принято после обсуждения вопроса на заседании бюро обкома партии: «...можете принимать какое угодно решение — это дело ваше, если ездили и обследовали; но мы будем разбирать этот вопрос в обкоме, ...мы этот вопрос поставим на бюро обкома независимо от той записки, которая была и расследуем это дело».²⁹

Областные власти надеялись урегулировать проблему на местном уровне, но по сообщению зав. организационным отделом Тагильского окружкома Лузина, выступавшем на объединенном заседании бюро 20 декабря 1928 г. информация о скандале вокруг записки Харитонова попала Москву и «стала известна уже в АПО ЦК».³⁰ 28 декабря 1928 г. в газете «Комсомольская правда» вышла критическая статья о работе окружной комиссии в Надеждинске.

Таким образом, конфликт оказался в центре внимания московского руководства. В итоге в область для выяснения ситуации на месте в конце декабря 1928 г. — начале января 1929 г. была направлена представительная комиссия в составе зав. АПО ЦК ВКП(б) А. И. Криницкого и двух ответственных инструкторов ЦК ВКП(б) — Н. А. Филатова и М. А. Герцмана. Назначение Криницкого руководителем московской комиссии, по-видимому, было неслучайным. Как мы помним, в материалах Харитонова много внимания было уделено борьбе с «правым уклоном» в Тагильской организации, а Криницкий, как руководитель идеологического отдела, играл важную роль в разоблачении школы Бухарина. В этот период он говорил: «Мы боролись и будем бороться против антиленинской идеологии и теории Бухарина. <...> Сейчас слишком серьезное время, чтобы мы могли равнодушно смотреть на ревизию ленинизма представителями правого оппортунизма в партии».³¹

В это же время 2 января 1929 г. Уралобком ВКП(б) принял решение направить в Надеждинск для обследования партийной организации представителя областной контрольной комиссии А. Т. Попкова.³² Таким образом, в Надеждинске почти одновременно работали две комиссии и представитель обкома.

Совместное заседание Уралобкома ВКП(б) и областной контрольной комиссии, на котором присутствовало и окружное руководство, состоялось 11 января 1929 г. На этом заседании свои выводы огласили член московской комиссии Н. А. Филатов и представитель областной контрольной комиссии А. Т. Попков. Их выводы оказались прямо противоположными выводам окружной комиссии. Областные и московские проверяющие подвергли серьезной критике методы работы и выводы комиссии окружкома. Они отметили, что она изначально была ангажированной, в ее выводах доминировали обвинительная риторика и стремление скрыть имевшиеся недостатки. По действиям членов комиссии было понятно, что «беспристрастности у комиссии не будет».³³

Филатов не согласился с выводами окружной комиссии относительно оценки Харитонова и его документов. Основываясь на результатах собственного расследования, он заявил: «Я считаю, в материале Харитонова очень много правды. О процентах судить чрезвычайно трудно, потому что тут нужен какой-то бухгалтерский подход. Политически этот документ отражает очень много действительности».³⁴ Филатов встал на защиту Харитонова и отверг политические обвинения в троцкизме в его адрес: «Троцкизма там нет. По-моему, ...если подойти к этому документу беспристрастно, как к документу, с полным желанием разобраться в материалах, то не найдешь там никаких уклонов, троцкизма и шантажа и сам Харитонов не троцкист». Большинство фактов, указанных Харитоновым в письмах и записке, нашли подтверждение в ходе проверки. В отношении наиболее серьезных обвинений — гнойника и «правого уклона» — московская комиссия пришла к выводу: «В общем и целом организация здорова и никакого гнойника нет».³⁵ С ней солидаризовался и Шверник, судя по всему, не желавший раздувать психоз правой опасности в области. Он подтвердил, что

²⁸ Там же. Д. 19-а. Л. 91.

²⁹ Там же. Л. 115.

³⁰ Там же. Д. 19-а. Л. 390б.

³¹ Цит. по: Авторханов А. Г. Указ. соч. С. 113, 114.

³² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 33. Л. 3.

³³ Там же. Л. 20.

³⁴ Там же. Л. 18.

³⁵ Там же. Л. 16.

организация здорова и обвинения Масленникова в правом уклоне беспочвенны.³⁶ Проверяющие установили, что развала профсоюзной работы нет, но «недовольство профсоюзами есть».³⁷ В отношении заявления Харитоновова о множественных случаях притеснения рабкоров Филатов констатировал: «Массового гонения рабкоров, конечно, нет, избиений тоже нет, по крайней мере не установлено».³⁸

Жесточайшего зажима критики в Надеждинске также обнаружено не было, однако, как установил Филатов, «критику там не любят... Если “жесточайшего зажима” там нет, то зажим там вообще имеется и критику не любят и кличку уклониста там несомненно приклеивают».³⁹ Проверяющий Герцман подтвердил это, рассказав о личной беседе с членом ЦКК ВКП(б) Антоновым, который негативно отзывался о самокритике. Герцман выразил удивление, как такое может говорить член ЦКК, в то время «когда ЦК выбрасывает лозунг “всю работу, все строительство под огонь самокритики”».⁴⁰ Действительно, в это время центральное руководство уделяло серьезное внимание развитию самокритики в партийной среде. И. В. Сталин, выступая на XV съезде партии, объяснял коммунистам важность самокритики: «Если мы... будем закрывать глаза на наши недочеты, будем разрешать вопросы семейным порядком, замалчивая взаимно свои ошибки и загоняя болячки вовнутрь нашего партийного организма, — то кто же будет исправлять эти ошибки, эти недочеты? <...> Разве не ясно, что, отказываясь от честной и прямой самокритики, отказываясь от честного и открытого исправления своих ошибок, мы закрываем себе дорогу для продвижения вперед, для улучшения нашего дела, для новых успехов нашего дела?»⁴¹

Характеризуя Харитоновова, Филатов отметил: «Я должен заявить, что тов. Харитонов вообще трагический человек. Он, видимо, таков уж по своей натуре. Слишком впечатлительный человек».⁴² Расследование показало, что члены окружной комиссии старались всячески скомпрометировать Харитоновова. На собиравшихся ими заседаниях рабочих и партийного актива района информация предоставлялась

таким образом, что вызывала негативную реакцию собравшихся. Выступая перед рабочими, Петров, иронизируя, говорил: «Плохо наше дело, гастролеры, господа тут ездят».⁴³ Харитоновова насмешливо называли «человек в очках». Выступая на партийном собрании, секретарь одной из партийных ячеек заявил, что это Харитонов устроил провокацию на заводе и «сам принес троцкистские листовки с собой».⁴⁴

Но члены окружной комиссии использовали не только иронию, но и угрозы. О методах работы Петрова в качестве руководителя комиссии хорошо написала «Комсомольская правда». Возглавив комиссию, Петров послал в редакцию «Уральского рабочего» телеграмму угрожающего содержания: «Пришлите представителя в комиссию, иначе вашего корреспондента ожидает большая неприятность». Не успокоившись, председатель окрисполкома позволил себе непартийную выходку, заявив на надеждинском партактиве: «Если Харитонов еще раз сюда явится, мы ему дадим по морде». Таким образом, писала газета, Петров подготовил общественное мнение к «оргвыводу» о том, что Харитонов надо «гнать из партии».⁴⁵

Об этом же говорил на заседании в обкоме партии и ответственный инструктор ЦК ВКП(б) Филатов. Своими действиями, своеобразной подачей фактов комиссия фактически манипулировала мнением рабочих и партийцев, вводила их в заблуждение и провоцировала на негатив в отношении корреспондента. В результате рабочие заявляли: «Дайте его сюда, мы его в изложницу, в печь посадим, мы ему дадим по шее».⁴⁶ Цель таких действий членов комиссии заключалась в желании показать всеобщее недовольство партийной и беспартийной общественности выводами Харитоновова, продемонстрировать, что это не только позиция районного и окружного партийного руководства, но и «глас народа».

Харитонову за «клевету» на Надеждинскую организацию угрожали исключением из партии. Секретарь райкома ВКП(б) Симанов утверждал, что «в письме Харитоновова 99 % лжи и клеветы», поэтому он «чуть-чуть держит в кармане партийный билет». Руководитель окружной комиссии Петров информировал участников партактива о том, что «он будет добиваться, чтобы у Харитоновова был

³⁶ Там же. Л. 111.

³⁷ Там же. Л. 8.

³⁸ Там же. Л. 15.

³⁹ Там же. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Л. 76.

⁴¹ Сталин И. С. Политический отчет ЦК // XV съезд Всесоюз. ком. партии (б): стеногр. отчет. М.; Л., 1928. С. 70, 71.

⁴² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 137.

⁴³ Там же. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Л. 21.

⁴⁵ Киш Г. Указ. соч. С. 2.

⁴⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 20.

отобран партбилет».⁴⁷ Чтобы дезавуировать материалы Харитонов, против его основного информатора рабкора Ларькова оперативно возбудили партийное дело. На бюро райкома партии поставили вопрос об исключении его из партии. Несмотря на то что даже секретарь райкома Симанов голосовал против исключения, настаивая на дальнейшем расследовании, под давлением Петрова оно было проведено. Присутствовавший на этом заседании член московской комиссии Герцман отмечал, что «следствие велось очень форсированно под руководством Антонова, которого Ларьков обвинял в пьянстве».⁴⁸

Таким образом, сами члены окружной комиссии не являлись идеальными коммунистами. Представитель областной контрольной комиссии А. Т. Попков указал на их непартийное поведение в ходе расследования. Так, во время заседания надеждинского партактива, на котором присутствовали Филатов и Герцман, были приняты две резолюции. Во-первых, по настоянию Петрова было указано, что он не обещал набить морду Харитонову. Вторая резолюция касалась одобрения решения окружной комиссии. Эта резолюция была активом отвергнута. Однако Петров пошел на подлог результатов голосования и отправил руководителю окружного Масленникову телеграмму, в которой указал, «что актив в количестве 250 чел. утвердил выводы комиссии». Позднее, оправдываясь перед Попковым, он говорил, что не имел никакой политической цели и отправлял телеграмму Масленникову без всякой задней мысли, будучи уверен, что «Симанов эти два пункта голосовал и... что эти два пункта приняты».⁴⁹

Члены окружной комиссии подверглись критике и в личном плане. Шверник охарактеризовал поведение Петрова на заседании бюро Тагильского окружного бюро как истерику: «Он такую истерику закатил на бюро окружного бюро партии, которая никуда не годится для руководителя».⁵⁰ Член бюро окружного Шапурин воспринял выступление Петрова на бюро окружного бюро как «выступление земского “хозяина” города или округа. Тов. Петров раскричался так, что легко было представить, что бы он сделал, если бы он был не на бюро окружного бюро, а где-нибудь в другом месте».⁵¹

Другой член комиссии — П. Е. Антонов — оказался преданным поклонником Бахуса и не видел в этом ничего зазорного. На заседании в обкоме партии он чистосердечно заявил: «Пил, пью и буду пить. <...> Я каждый день выпиваю, а разве тут есть какой вред, я этим подзаряжаюсь».⁵² Попкова возмутила подобная откровенная позиция Антонова в отношении выпивки, которая, по его мнению, полностью противоречила партийной этике и была недостойна коммуниста. Он задался вопросом, как это влияет на партийную обстановку: «Можно ли так воспитывать партийную организацию члену ЦКК?»⁵³ К Вавуленко у обкома партии имелись претензии по его действиям еще при расследовании Кушвинского дела.

Непартийное поведение членов окружной комиссии проявилось также в их совместной выпивке с проверяемыми. Члены комиссии были не против пропустить с ними по маленькой. Петров несколько раз обедал у секретаря райкома Симанова. Новый год он также встречал у него вместе с Мавриным, Реутовым и их женами. Играли в карты, выпивали. Хотя, по утверждению Петрова, «кроме бутылки белого и, кажется двух литров пива» больше ничего не было.⁵⁴ Посещал Петров и председателя горсовета И. Н. Никитина, у которого ел пельмени и распивал «литр пива, и кажется графинчик водки». На «маленький графинчик» водки он вместе с Вавуленко зашел к Реутову и после удачного исключения из партии Ларькова.⁵⁵ Но, возможно, одним графинчиком дело не ограничилось, потому что, когда разыскивавший председателя горсовета спросил у его жены, «где муж, она ответила: «Ну его к черту, последний червонец совместно с окружной комиссией пропил».⁵⁶ Такие неформальные отношения комиссии с проверяемыми Попков осудил, отметив, что «личное поведение тов. Петрова и Вавуленко в Надеждинской организации было нехорошее» и дискредитировало комиссию.⁵⁷

Петров своими действиями фактически препятствовал деятельности московских проверяющих, вставлял им палки в колеса, в чем его упрекнул Филатов: «Ты, тов[арищ] Петров все-таки нам тормозил работу». Филатов

⁴⁷ Там же. Л. 21.

⁴⁸ Там же. Л. 76.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 19.

⁵⁰ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 119.

⁵¹ Там же. Л. 69.

⁵² Там же. Л. 60.

⁵³ Там же. Л. 130.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 20.

⁵⁵ Там же. Л. 20.

⁵⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 35.

⁵⁷ Там же. Л. 34–35.

обратил внимание присутствовавших на заседании, что Петров настраивал против них партийную организацию и членов бюро райкома. В результате «весь актив говорит, что организацию шельмуют и хотят разгромить». Вместо помощи со стороны руководителя окружной комиссии была попытка обвинить Филатова в троцкизме. На заседании бюро райкома Петров заявил: «Запиши, тов. Чугунов, что Филатов опирается на Ларькова, а, по нашим сведениям, он оппозиционер и запиши, что Филатов дает ему отдельные поручения».⁵⁸

Представителя областной контрольной комиссии Попкова неприятно удивил стиль поведения тагильских ответственных работников, которые могли в любое время отказаться от своих слов. Поэтому, столкнувшись с такой ситуацией, ему пришлось получаемую информацию заверять: «Весь материал приходится записывать и подписывать, потому что я почувствовал, что если сегодня я имею один разговор, то завтра может быть совершенно другой разговор — могут отказаться».⁵⁹

На заседании в обкоме была дана оценка и действиям надеждинских хозяйственников. Осуждению были подвергнуты их «антикоммунистические поступки»: случай с милиционером, избиения рабочих, охота, пьянки, присвоение заводского имущества. Должностные злоупотребления также были нередким явлением в среде хозяйственных работников, имевших доступ к материальным и финансовым ресурсам предприятий.⁶⁰

Филатов высказал недоумение, по поводу того, что пьянка Маврина с Реутовым была санкционирована райкомом партии якобы для выяснения настроений специалистов завода относительно Шахтинского дела. Получалось, что самый эффективный метод выявления настроений — это совместные пьянки («что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»). Филатов был поражен такой находчивости местного партийного руководства: «Таких директив в партии никогда не было, предлагать в качестве партийной нагрузки пьянствовать».⁶¹ В то же время Филатов выступил против снятия с должности Маврина, аргументируя это тем, что, несмотря на грубость, он пользуется

на заводе авторитетом и «его любят больше, чем Реутова. Реутова не любят, Реутов дискредитирован и специалисты его не уважают, уважают и любят Маврина, и Маврин должен на ближайшее время остаться. <...> Надо решительно настаивать, чтобы он остался».⁶²

Общий настрой и поведение тагильского руководства в Надеждинском деле вызвали много вопросов у областного руководства. Зам. зав. орготделом обкома М. Ф. Маркус отметил схожесть линии поведения, принятой тагильским руководством относительно данного вопроса с той, которой они придерживались в Кушвинском деле,⁶³ и что «каждый раз представители Тагильской организации стараются обелить себя».⁶⁴

Недоброжелательный настрой руководящего слоя тагильских работников в отношении обкома вызвал у Шверника и ряда членов бюро обкома серьезную обеспокоенность и непонимание. А. Н. Гусев, являвшийся зав. агитационно-пропагандистским отделом обкома и ближайшим сподвижником Шверника, занял по этому вопросу достаточно жесткую позицию. По его мнению, благодаря подобным методам руководства организацией со стороны окружкома приходилось после Кушвинского дела слушать Надеждинское. Он отметил проявления негативизма Тагильского окружкома к обкому партии, когда в отношении обкомовских работников раздавались слова: «Ошвинцев — бюрократ, Шах-Гильдян — бюрократ и гастролер». И виноват в этом Масленников: «Это есть результат своеобразной непартийной настороженности к обкому, которую видимо вы культивировали».⁶⁵ К такому же заключению пришел инструктор ЦК ВКП(б) Филатов: «...воспитали организацию в духе недоверия областному руководству».⁶⁶

В своем выступлении Шверник отметил, что тагильские товарищи болезненно реагируют на газетную критику и критику вообще, особенно после Кушвинского дела. Такая позиция идет от секретаря окружкома Масленникова: «В каждом случае он видит, что его как будто подсиживают». Шверник призвал тагильское руководство «изменить свое отношение

⁵⁸ Там же. Л. 140–141.

⁵⁹ Там же. Л. 129.

⁶⁰ См. подробнее: Воробьев С. В. Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е гг. // Вестн. Перм. ун-та. История. 2014. № 2 (25). С. 60–71.

⁶¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 17.

⁶² Там же. Л. 135.

⁶³ См. подробнее: Воробьев С. В. «Кушвинское дело»: повседневная жизнь районной партийной номенклатуры в конце 1920-х годов // Вестн. Москов. город. пед. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2020. № 3 (39). С. 24–40.

⁶⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 19-а. Л. 72.

⁶⁵ Там же. Л. 94–95.

⁶⁶ Там же. Л. 141.

к обкому партии и наладить с ним нормальные отношения».⁶⁷ В свою очередь, заметил он, обком имеет полное право указывать нижестоящим организациям на имеющиеся у них недостатки: «У обкома партии хватит сил и мужества сказать и дать оценку той или другой парторганизации, тому или другому работнику».⁶⁸ Он с возмущением отметил подозрения в том, что обком занимается интригами в отношении окружкома, «держит камень за пазухой» и использует нечестные приемы: «Плохо вы знаете обком партии, грош цена была бы обкому партии, если бы он так поступал».⁶⁹ Шверник заверил тагильских работников, что у обкома партии нет серьезных претензий к Масленникову как к партийному руководителю, в противном случае «бы поставили вопрос о замене».⁷⁰ В свою очередь, Масленников заявил, что он готов к снятию с должности: «Я за портфель секретаря, конечно, не держусь».⁷¹

В итоге окончательное решение областного руководства оказалось не в пользу фигурантов Надеждинского дела. Симанов был снят с должности секретаря Надеждинского райкома, а Реутов с должности помощника директора Надеждинского завода.⁷² Снятого Симанова сначала планировали назначить зам. начальника Богомолстроя,⁷³ однако затем решение было изменено, и он был направлен на работу зам. директора Алапаевского завода.⁷⁴ В отношении Масленникова и Петрова постановили «предреши́ть вопрос» об их снятии и «поставить этот вопрос на решение ЦК».⁷⁵ Касательно Петрова было получено положительное решение, и 28 января 1928 г. он был снят с должности председателя Тагильского окружкома с предоставлением месячного отпуска,⁷⁶ а затем назначен начальником Березникхимстроя.⁷⁷ Таким образом, провинившихся партийно-советских функционеров переводили на хозяйственные должности.

Дела в отношении А. Н. Вавуленко, П. Е. Антонова были переданы в Уральскую областную контрольную комиссию. Решением комиссии

за допущенные ошибки в качестве членов окружной комиссии по рассмотрению Надеждинского дела Вавуленко был объявлен выговор, а Антонову поставлено на вид, а о его поведении решено было «довести до сведения ЦКК ВКП(б)».⁷⁸

В январе 1929 г. Филатов подал в ЦК ВКП(б) докладную записку, в которой в жесткой форме описал ситуацию, сложившуюся вокруг Надеждинского дела. В ней он отметил, что окружком не учел уроков, вскрытых обкомом партии «гноиников в Тагильском округе (Кушва и др.)» и продолжает заниматься «замазыванием» недочетов в работе. В связи с этим требовалась смена руководства окружкома партии, а «нерешительность обкома привела к тяжелому положению всей окружной организации».⁷⁹

Возможно, это заключение ответственного инструктора ЦК ВКП(б) сыграло определяющую роль в дальнейшей судьбе Масленникова. В марте 1929 г. были сняты со своих должностей последние два фигуранта Надеждинского дела — Масленников и Маврин. В конце марта 1929 г. Филатов снова возвращается на Урал с готовым решением о снятии Масленникова с должности руководителя Тагильского окружкома партии. В партийную практику этого периода входит направление на места ответственных инструкторов ЦК ВКП(б) для контроля принятых центральными партийными инстанциями кадровых решений.⁸⁰ Вместо снятого Масленникова руководителем окружкома был назначен И. А. Нефедов, работавший до этого ответственным секретарем Златоустовского окружкома ВКП(б).⁸¹ Вместе с ним сняли с должности и директора Надеждинского завода Маврина.⁸²

Таким образом, в Надеждинском деле переплелись реальные и мнимые противоречия областного и окружного партийного руководства. Во многом причиной снятия с должностей фигурантов дела были не вскрывшиеся недостатки в работе Надеждинской организации, а линия поведения в конфликтной ситуации, эмоциональная реакция и отношение окружных ответственных работников к расследованию этих фактов со стороны вышестоящих партийных структур. Сложно однозначно сказать, какая мотивация лежала в основе

⁶⁷ Там же. Л. 119.

⁶⁸ Там же. Л. 114.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 57.

⁷¹ Там же. Л. 126.

⁷² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 33. Л. 32–33.

⁷³ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1081. Л. 108.

⁷⁴ Там же. Л. 159.

⁷⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 33. Л. 30, 32.

⁷⁶ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1081. Л. 29.

⁷⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 24. Д. 1732. Л. 20б.

⁷⁸ Там же. Л. 150б.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 678. Л. 15.

⁸⁰ Авторханов А. Г. Указ. соч. С. 155.

⁸¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 157. Л. 29.

⁸² Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1081. Л. 159.

такой реакции окружного руководства: влияние патрон-клиентских отношений, которые начинают активно складываться в партийно-советской среде в 1920-е гг.⁸³ (в том числе они обнаруживаются и на уральской почве),⁸⁴ или стремление отстоять «честь мундира»: желание защитить репутацию своей партийной организации, отстоять свой статус и границы своих властных компетенций.

Сформировавшаяся в годы нэпа система личных взаимоотношений привела к появлению местных сплоченных властных корпораций, способных оказывать консолидированную поддержку своему патрону в лице партийного секретаря организации, отстаивать свой статус-кво, свои позиции и интересы от посягательства извне — со стороны вышестоящих институтов власти, как областных, так и центральных. В фигуре секретаря местная партийно-советская номенклатура видела гарантию обеспечения своей автономности и самодостаточности. Как отмечал А. Гетти, в этот период «провинциальная политическая

власть являлась персональной властью»,⁸⁵ что вело к появлению элементов патримониализма и культа местного вождя, опирающихся на неформальные связи.

Надеждинское дело наглядно продемонстрировало эту способность окружных партийных и советских функционеров при наличии противоречий между областной и окружной ветвями партийной власти выступать как монолитная сила в защиту своих групповых позиций перед представителями вышестоящих уровней власти. Хотя, как показывает практика, потенциал этого сопротивления местной номенклатуры имел определенные пределы, так как вышестоящие партийные инстанции обладали несравнимо большим административным ресурсом и имели возможность в конце концов подавлять местную фронтду. В любом случае жесткая вертикаль власти в начальный период создания в партии системы личной власти Сталина еще не была сформирована окончательно и контроль со стороны вышестоящего партийного начальства не был всеобъемлющим.

Sergei V. Vorobyev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: svorob.hist@gmail.com

THE 1928–1929 NADEZHHDINSK CASE: CONFRONTATION BETWEEN THE TAGIL DISTRICT PARTY COMMITTEE AND THE URAL REGIONAL COMMITTEE OF THE VKP(b)

The article uses example of the Nadezhdinsk case to show political daily life of the local and district Party-Soviet nomenklatura, which carried out various activities, performed administrative functions, interacted with higher authorities, and defended local group interests. The emergence of the Nadezhdinsk case was provoked by N. Kharitonov, correspondent of “Ural’skiy rabochiy” newspaper. According to the results of his business trip to Nadezhdinsk, he submitted two letters and a memo to the newspaper’s editorial office, in which he described situation in the Nadezhdinsk party organization. The article analyzes the results of verification of Kharitonov’s materials by district commission, Moscow commission and regional control commission. It is demonstrated that the Nadezhdinsky case developed against the background of difficult and tense relations between the Tagil district committee and the Ural regional committee of the VKP(b). This circumstance had a significant impact on the findings of the district commission. The commission rejected the correspondent’s main charges, accused him of slander, political blackmail and links with trotskysts. The Tagil district committee supported the commission, defending its leader, I. F. Maslennikov, and accusing the regional Party committee of scheming against the district Party organization. Both the regional administration and the Moscow inspectors did not agree with the conclusions of the district commission, recognizing them as biased and prejudiced. In the course of their own inquiry, they encountered opposition to their work from the district leadership and found that the district

⁸³ См.: Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 112.

⁸⁴ См.: Шабалин В. В. «Как и полагалось, жизнью района руководит Крутлов...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.) // Разрывы и конвенции в отечественной культуре. Пермь, 2011. С. 88–104.

⁸⁵ Гетти А. Указ. соч. С. 176.

commission used unworthy methods of verification. Because of the conflict situation around this investigation, local and district administrators involved in the Nadezhdinsk case were dismissed, mainly due to their misconduct during the investigation.

Keywords: *Nadezhdinsk case, Nadezhdinsk district Committee, Tagil okrug Committee, Uralobkom of the VKP(b), N. Kharitonov, N. M. Shvernik, V. Kh. Petrov, Simanov*

REFERENCES

- Avtorkhanov A. *Tekhnologiya vlasti* [Technology of power]. Moscow: Russkiy shakhmatnyy dom Publ., 2019. (in Russ.).
- Easter G. M. *Sovetskoye gosudarstvennoye stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoy Rossii* [Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. (in Russ.).
- Getty A. *Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. (in Russ.).
- Izmozik V., Starkov B., Pavlov B., Rudnik S. *Podlinnaya istoriya RSDRP–RKPb–VKPb. Kratkiy kurs. Bez umolchaniy i fal'sifikatsiy* [The true history of the RSDRP–RKPb–VKPb. Short course. Without omissions and falsifications]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2010. (in Russ.).
- Rogovin V. Z. *Vlast' i oppozitsii* [Power and oppositions]. Moscow: Tovarishchestvo “Zhurnal “Teatr” Publ., 1993. (in Russ.).
- Shabalin V. V. [“As expected, the life of the district is led by Kruglov...” (conflicts and conventions among the party-Soviet bureaucracy of the 1920s)]. *Razryvy i konventsii v otechestvennoy kul'ture* [Breaks and conventions in domestic culture]. Perm: PGIK Publ., 2011, pp. 88–104. (in Russ.).
- Vorobyev S. V. [Temptations of the New Economic Policy: malfeasances of the Ural responsible officials and economic executives in the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2014, no. 2 (25), pp. 60–71. (in Russ.).
- Vorobyov S. V. [“Kushvinsky Delo”: everyday life of the district party nomenclature in the late 1920s]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki* [Vestnik of Moscow City University. Series “Historical Studies”], 2020, no. 3 (39), pp. 24–40. DOI: 10.25688/2076-9105.2020.39.3.03 (in Russ.).

Для цитирования: Воробьев С. В. Надеждинское дело 1928–1929 гг.: конфронтация между Тагильским окружкомом партии и Уральским обкомом ВКП(б) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 190–199. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-190-199.

For citation: Vorobyev S. V. The 1928–1929 Nadezhdinsk case: confrontation between the Tagil District Party Committee and the Ural Regional Committee of the CPSU(b) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 190–199. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-190-199.

Научное издание
Уральский исторический вестник № 1 (74), 2022

Редактор
С. В. Лёзова

Литературный редактор
Н. Н. Маркина

Переводчик
Н. А. Михалёв

Верстка
Е. М. Иванова

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Georgia
Уч.-изд. л. 25. Усл. печ. л. 24
Тираж 100 экз. Заказ № 15288
Дата выхода в свет 25.03.2022 г. Цена свободная

Оригинал-макет подготовлен в научно-редакционном отделе
Института истории и археологии УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
тел. 8 (343) 374-28-40; UI_vestnik@mail.ru

Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00